1418 ДНЕЙ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

УДАР ПО УКРАИНЕ

ВЕРМАХТ ПРОТИВ КРАСНОЙ АРМИИ

В. Рунов

Валентин РУНОВ

УДАР ПО УКРАИНЕ

Вермахт против Красной Армии

Москва
«Вече»

УДК 355/359
ББК 68.54
Р82

Рунов, В.А.

Р82 Удар по Украине. Вермахт против Красной Армии / Валентин Рунов. — М. : Вече, 2011. — 384 с. : ил. — (1418 дней Великой войны).

ISBN 978-5-9533-5443-1

В плане гитлеровского руководства войны против СССР (план «Барбаросса») проведению операций на Украине отводилось особое место. Для обороны Украины советское командование также заблаговременно предприняло беспрецедентные соответствующие меры. Но по ряду причин они не дали положительного результата летом и осенью 1941 года.

В книге на основе архивных документов, воспоминаний участников, как с советской, так и с германской стороны, исследований отечественных и зарубежных военных историков, также профессионального знания предмета, автор предпринимает попытку ответить на этот актуальный вопрос.

УДК 355/359
ББК 68.54

ISBN 978-5-9533-5443-1

ВВЕДЕНИЕ

Готовя агрессию против СССР, А. Гитлер и его ближайшее окружение хорошо понимали значение экономической составляющей плана «Барбаросса», которую, по их мнению, можно было решить только в результате быстрого овладения Украиной.

Предвоенная Украина фактически была оазисом на карте Советского Союза. Крупнейшая житница страны. Мощнейший Донецкий промышленный район. Контроль над северной акваторией Черного моря. Относительно хорошо развитая сеть железных и шоссейных дорог. Могучая транспортная артерия Днепра с Днепрогэсом — крупнейшей гидроэлектростанцией страны. Харьковский тракторный завод. И, конечно же, крупнейший политико-административный и культурно-промышленный центр Советского Союза — город Киев. По своей стратегической значимости Украина не уступала, а по ряду показателей и превосходила многие страны Западной Европы, оккупированные Германией в 1939 и 1940 годах.

Советское руководство также высоко ценило Украину, как одну из самых развитых в экономическом отношении и стратегически важных союзных республик СССР. В предвоенные годы на территории было развернуто три военных округа: Киевский Особый, Одесский и Харьковский. По составу сил и средств Киевский Особый военный округ был самым сильным из всех западных военных округов.

Территория Украины заранее готовилась к обороне в инженерном отношении. Она была оборудована двумя линиями укрепленных районов, а Киев прикрывался особым Киевским укрепленным районом. По старой границе СССР на территории Украины были сооружены Новоград-Волынский, Шепетовский, Остропольский, Летический, Изяславский, Староконстантиновский, Каменец-Подольский, Могилев-Подольский, Рыбницкий и Тираспольский укрепленные районы, которые по фронту перекрывали пространство более чем в 1000 километров. На этой линии было построено более 1600 дотов и в стадии строительства находилось еще 346 дотов. По новой границе СССР велось строительство Владимир-Волынского, Струмиловского, Рава-Русского, Перемышльского, Верхнепрутского, Нижнепрутского, Дунайского и Одесского укрепленных районов. По фронту они перекрывали пространство, превышавшее 450 километров, имели 375 построенных дотов, а еще более 800 дотов находились в стадии завершения строительства.

К 22 июня 1941 года были разработаны окружные и армейские планы прикрытия государственной границы, имелись планы мобилизации местных людских и материальных ресурсов на случай войны. На аэродромы западных военных округов заблаговременно было перебазировано более 70 % всей военной авиации РККА. Южный фланг Одесского военного округа прикрывался силами Черноморского флота.

Несмотря на столь основательную подготовку, немецким войскам удалось, достигнув внезапности, в короткие сроки нанести поражение советским войскам на территории Украины и Молдавии, преодолеть Днепр и выйти к Брянску и Ростову-на-Дону, практически захватить весь Крым. При этом были проведены крупные операции на окружение в на-

чале августа в районе Умани, в первой половине сентября в районе Киева. Столь успешной стратегической наступательной операции того времени не знала военная история.

После победного завершения Великой Отечественной войны советское руководство сделало все возможное, чтобы общими рассуждения, а то и откровенными вымыслами, «затушевать» многие события 1941 года, в том числе и те, которые произошли на Украине. Нарком обороны, главком Юго-Западного стратегического направления и командующий Юго-Западного фронта Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко воспоминаний не оставил. Командующий Юго-Западным фронтом генерал М.П. Кирпонос и начальник штаба фронта генерал В.И. Тупиков погибли в сентябре 1941 года. Первый начальник штаба фронта (до 28 июля 1941 года) генерал М.А. Пуркаев воспоминаний не оставил. Вполне понятно, что ничего не написал переживший войну в плену и расстрелянный по приговору Верховного суда СССР в 1950 году бывший командующий 12-й армией генерал П.Г. Понеделин. Отмолчался и бывший командующий 6-й армией генерал И.Н. Музыченко, который после освобождения из плена и специальной проверки органами НКВД, в 1946 был восстановлен в кадрах РККА, а после отставки в 1947 году благополучно прожил еще 24 года.

Но нельзя говорить о том, что нет воспоминаний о событиях на Украине 1941 года. К счастью, остались мемуары бывшего начальника Генерального штаба Г.К. Жукова, бывшего начальника оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта И.Х. Баграмяна, бывшего командира 8-го механизированного корпуса генерала Д.И. Рябышева, бывшего командира 9-го механизированного корпуса генерала К.К. Рокоссовского и другие. О боевых действиях 5-й армии в 1941 году

написал бывший заместитель начальника оперативного отдела этой армии А.В. Владимирский. В 1965 году под грифом «Для служебного пользования» вышел в свет капитальный труд М.Д. Грецова «На юго-западном направлении». События, происходившие в Молдавии и на юге Украины, освещает бывший начальник штаба 9-й армии М.В. Захаров.

Отражены эти события и с немецкой стороны. Большую информацию о том, что происходило на Украине в 1941 году, мы находим в военном дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера. Частично события, связанные с боями на Украине, описывает в своих мемуарах генерал Г. Гудериан, о них пишет генерал Э. фон Манштейн. После войны была издана книга бывшего начальника оперативного штаба командующего группой армий «Юг» фельдмаршала фон Рунштедта.

В постсоветский период многие российские авторы начали писать и издавать книги, посвященные событиям начала Великой Отечественной войны. Особенно «смаковались» бои и сражения, завершившиеся разгромом соединений и объединений Красной Армии. Но цельной картины о том, что происходило на южном крыле советско-германского фронта, в частности на территории Украины, эти книги не дают.

***

За тему, связанную с событиями 1941 года, которые произошли на территории Молдавии и Украины, я взялся не случайно и разработал ее не сразу. Я родился на территории этой республики, в небольшом городе Умани, в местах ожесточенных боев лета 1941 года. В годы детства мы с мальчишками играли в поросших травой окопах, нередко используя в своих играх немного поржавевшие, но настоящие немецкие и совет-

ские винтовки и автоматы. В годы пионерской и комсомольской юности мне доводилось ухаживать за могилами павших советских бойцов, многие из которых были безвестными.

Мой отец с 1939 года служил в Киевском Особом военном округе и встретил войну под Тернополем. Затем он вместе со своим взводом связи отступал на Киев, оборонял этот город, чудом вырвался из окружения. Затем он участвовал в боях на Харьковском направлении, был контужен и ранен, а в 1943 и 1944 годах освобождал Украину. В 1961 году к другим его наградам прибавилась и медаль «За оборону Киева».

После окончания средней школы я поступил в Киевское общевойсковое командное училище. На тактические занятия мы выезжали за Святошино, в места, где накануне войны был построен Киевский укрепленный район. Мы видели многие сохранившиеся долговременные оборонительные сооружения, поражались их мощности и не понимали, как такие «крепости» советские войска могли уступить противнику практически без боя.

Став офицером, я несколько лет служил на Западной Украине, многократно бывал в районе Львова, Тернополя, Новоград-Волынского, Ровно, Хмельницкого, Винницы, Могилев-Подольского, Одессы... Я видел сооружения укрепленных районов, находившиеся как на новой, так и на старой границе СССР. Некоторые из них использовались в интересах войск и в послевоенное время.

После окончания Военной академии имени М.В. Фрунзе в 1985 году я стал профессиональным военным историком. К знаниям оперативно-тактического характера прибавились навыки работы с архивами и другими источниками, практический опыт организации и проведения военно-исторического исследования, формулирования обобщенных выводов.

Как преподаватель академии, я был обязан разрабатывать учебные материалы по конкретным операциям и боям Великой Отечественной войны. В поисках нужной информации я месяцами просиживал в Центральном архиве Министерства обороны, расположенном в подмосковном городе Подольске, изучал другие источники, встречался с участниками событий.

В конце 80-х годов среди советских военных историков начали более активно обсуждаться вопросы, связанные с неудачами советских войск в начале Великой Отечественной войны. Тогда руководством академии перед кафедрой была поставлена задача описать операции 5-й и 6-й армий Юго-Западного фронта летом 1941 года. Руководя стажировками слушателей в Киевском общевойсковом командном училище в 1990 и 1991 годах, я непосредственно на территории Украины занимался этими вопросами.

К этому времени на волне «гласности» на прилавках многих книжных магазинов появились первые книги перебежавшего на Запад бывшего офицера Виктора Резуна, который от «скромности» взял себе псевдоним «Суворов». Появление этих книг антисоветской и антироссийской направленности сильно взволновало общественность и вызвало негодование высшего военного руководства страны. Было написано много опровергающих статей, проведено ряд конференций, в которых мне также довелось принимать участие.

Но все это было несравнимо с теми острыми дискуссиями, которые возникали в преподавательских и в курилках между рядовыми преподавателями академии. В этих спорах уже не действовали патриотические лозунги, а в расчет брались только научные аргументы. И надо признать, что в результате таких споров многие вопросы получили совершенно новое развитие.

В начале 90-х годов перед Историко-архивным управлением Генерального штаба была поставлена задача еще раз изучить и проанализировать причины неудач первых оборонительных операций советских войск в начале Великой Отечественной войны. К выполнению этой работы также были активно подключены кафедры истории военного искусства ряда военных академий, в том числе и Военной академии имени М.В. Фрунзе. Мы впервые получили широкий доступ к архивам, по некоторым вопросам были проведены конференции.

К 60-летию Победы фондом «Память народная» мне было поручено создать творческий коллектив историков и разработать книгу «Кавалеры ордена Победы». В состав этого коллектива вошли такие видные военные историки, как Р.М. Португальский, П.Д. Алексеев, Ю.Н. Гордеев, В.В. Карпов, А.В. Кириллов. В процессе работы над этой книгой я, как автор и руководитель авторского коллектива, впервые был вынужден изучить и проанализировать военную деятельность И.В. Сталина, С.К. Тимошенко, Г.К. Жукова, А.М. Василевского, И.С. Конева, К.К. Рокоссовского в начале Великой Отечественной войны. Эта книга вышла в конце весны 1995 года и вызвала немало дискуссий в кругах отечественных военных историков.

Возникшие таким образом вопросы мы с Р.М. Португальским постарались урегулировать в следующей книге «Творцы великой Победы», которая была издана в 1996 году. Затем в соавторстве с М.В. Винниченко на ряд вопросов начала Великой Отечественной войны я постарался ответить в книге «Линия Сталина» в бою», также в своих книгах «Первая кровь», «1941. Победный парад Гитлера: правда об уманском побоище», в дискуссионных сборниках очерков «1941.

Первый удар Сталина», «1941. Альтернативная реальность», «Гитлер-победитель: мог ли фюрер выиграть войну против СССР?».

Сегодня, спустя почти 70 лет, события лета и осени 1941 года по-прежнему продолжают волновать читателей. Как известно, спрос порождает предложение: в свет выходят все новые и новые книги по данной тематике. Далеко не все они разработаны профессиональными историками и опираются на архивный материал. На телевизионных и киноэкранах постоянно появляются новые фильмы, в которых в коммерческих целях откровенно искажаются исторические факты и переставляются нравственные акценты...

Я не буду тратить время на научный критический анализ некоторых книг и фильмов. Хочется верить, что пройдет совсем немного лет, и наши мудрые потомки сами отделят правду от вымыслов и откровенной лжи. В этой книге я только хочу осветить те факты, которые имели место в юго-западной части Советского Союза в 1941 году.

Сегодня эта территория в основном принадлежит независимой Украине, но тогда она была только частью единой великой страны, с единым народом и историей. И защищали Украину все граждане СССР, несмотря на их национальность, религию, культуру. Выполнив до конца свой воинский долг, многие защитники навечно легли в украинскую землю, став частью этой земли. Только с таких позиций можно рассматривать события 1941 года и помнить живых и павших героев тех тяжелых времен.

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА...

В отношении первой половины 1941 года в исторической литературе написано очень много. Советские писатели изображали этот период, как продолжение мирного созидательного труда советского народа под чутким руководством Коммунистической партии в условиях начала фашистской Германией Второй мировой войны. Постсоветские писатели практически начали забывать о действиях фашистской Германии в этот период и начали всячески раздувать информацию об агрессивной сущности СССР, который, оккупировав ряд территорий стран Восточной Европы, сам готовился напасть на Германию и Румынию.

Определение вероятного противника — одна из важнейших задач дипломатии и разведки, которыми они постоянно занимаются с самого момента их основания. Советский Союз в 30-е годы также изучал вероятного противника и готовился к большой войне как на Востоке, так и на Западе. Это нормальное явление для любого государства, которое заботится о своей безопасности и желает сохранить целостность территории и существующий в нем общественный строй.

На Востоке традиционным противником Советского Союза рассматривалась Япония, с войсками которой уже прои-

зошли вооруженные конфликты на озере Хасан в 1938 году и на реке Халхин-Гол в 1939 году. Но японское правительство считало, что страна еще в экономическом отношении не готова к мировой войне. 132 апреля 1941 года в Москве был подписан советско-японский пакт о нейтралитете. Этим пактом Советский Союз стремился обезопасить свои восточные границы при нарастании угрозы агрессии с запада, а Япония желала застраховать себя от конфликта с СССР, когда она вступит в войну против Англии и США.

Вторым традиционным очагом напряженности был Запад. Здесь Советский Союз конфликтовал сразу с несколькими странами. На юго-западе это была Румыния, отношения с которой были испорчены в результате оккупации этой страной Бессарабии в 1918 году. Далее следовала Венгрия, которая после захвата Чехословакии Германией в результате Мюнхенского сговора получила Закарпатье и Северную Буковину. На севере в 1939—1940 годах Советский Союз вступил в войну с Финляндией, к которой имел территориальные претензии. Но главное — в 1939 и 1940 годах в результате «освободительных» походов советских войск в Западную Белоруссию, Западную Украину и присоединения к СССР прибалтийских стран Советский Союз получил новую совместную границу с Германией, Венгрией и Румынией и оказался лицом к лицу со странами, являвшимися его потенциальными противниками. К тому же за спиной Германии к тому времени стоял еще один ее союзник — Италия.

Поэтому советские военные специалисты считали, что «с учетом указанных выше вероятных противников, против Советского Союза на Западе может быть развернуто: Германией — 173 пехотные дивизии, 10 000 танков, 13 000 самолетов; Финляндией — 15 пехотных дивизий, 400 самолетов:

Румынией — 30 пехотных дивизий, 250 танков, 1100 самолетов; Венгрией — 15 пехотных дивизий, 300 танков, 500 самолетов. Всего — 253 пехотные дивизии, 10 550 танков, 15 100 самолетов».

Для противодействия этим силам советское руководство приняло решение о развертывании мощной группировки войск в европейской части страны и обязало Генеральный штаб РККА заблаговременно разработать план их применения. В результате этого 18 сентября 1940 года и появился на свет документ под названием «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и Востоке на 1940 и 1941 гг.». По своему характеру данный документ носил ярко выраженный наступательный характер. Им предлагалось главные силы Красной Армии на Западе развернуть «или к югу от Брест-Литовска, с тем, чтобы мощным ударом в направлении Люблин и Краков и далее на Бреславу (Братислав) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовского с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней». Этот документ был составлен под руководством начальника Генерального штаба РККА генерала армии К.А. Мерецкова.

Но это были только «Соображения», которые еще не обрели форму конкретных директивных указаний, подлежащих немедленному исполнению. В завершающей части этого документа указывалось, что окончательное решение о развертывании группировки сил и средств на театре военных действий будет зависеть от той политической обстановки, которая сложится там непосредственно к началу войны.

После того как в начале 1941 года начальником Генерального штаба был назначен генерал армии Г.К. Жуков и туда стали массово поступать сведения о подготовке Германией нападения на СССР, «Соображения» уточняются, прежде всего, в отношении повышения значимости Украины. В новом варианте документа уже говорится о том, что «Германия, вероятнее всего, развернет свои главные силы на юго-востоке — от Седлеца до Венгрии, с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину». Далее говорится, что этот **главный** (выделено. — *Авт.*) «удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом на севере — из Восточной Пруссии на Двинск и Ригу или концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи». Данный документ подписывают нарком обороны С.К. Тимошенко, начальник Генерального штаба Г.К. Жуков и его разработчик генерал-майор А.М. Василевский, и он становится основой для всего оперативно-стратегического планирования использования сил и средств РККА, находящихся в Европейской части СССР[1].

В соответствии с «Соображениями» территорию Украины и Молдавии в случае начала войны с Германией и ее западными союзниками должны были прикрывать войска Киевского Особого военного округа и часть сил Одесского военного округа.

Киевский Особый военный округ в конце 30-х и начале 40-х годов у советского руководства был на особом счету. Именно поэтому в 1940 году С.К. Тимошенко провел здесь показательные маневры. Вскоре после этого на базе войск Киевского Особого военного округа и части сил Одесского военного округа создается Южный фронт для освобождения районов Северной Буковины и Бессарабии, находившихся

в пределах Румынии. К.К. Жуков назначается командующим этим фронтом. Нарком обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко лично контролировал действия войск Южного фронта и о результатах постоянно докладывал И.В. Сталину. Затем была знаменитая военно-стратегическая игра (декабрь 1940 года), в которой Г.К. Жуков еще раз подтвердил свои незаурядные бойцовские качества, после чего 13 января 1941 года был назначен на должность начальника Генерального штаба.

Безусловно, это назначение было не случайным. И.В. Сталину для осуществления его грандиозных планов во главе Генерального штаба нужен был решительный, предельно жесткий и в то же время очень исполнительный, даже послушный, человек. В то же время наркома обороны С.К. Тимошенко на посту начальника Генерального штаба не устраивал грамотный и вдумчивый К.А. Мерецков, который по ряду принципиальных вопросов имел собственное мнение, не всегда совпадавшее с мнением руководства. Поэтому кадровый вопрос на столь высоком уровне был решен быстро и кардинально. Сам Г.К. Жуков об этом вспоминает следующее:

«На следующий день после разбора оперативно-стратегической игры я снова был вызван к И.В. Сталину.

Поздоровавшись, И.В. Сталин сказал:

— Политбюро решило освободить Мерецкова от должности начальника Генерального штаба и на его место назначить вас.

Я ждал всего, но только не такого решения и, не зная что ответить, молчал. Потом сказал:

— Я никогда не работал в штабах. Всегда был в строю. Начальником Генерального штаба быть не могу.

— Политбюро решило назначить вас, — сказал Сталин, делая ударение на слове "решило".

Понимая, что всякие возражения бесполезны, я поблагодарил за доверие и сказал:

— Ну, а если не получится из меня хороший начальник Генерального штаба, буду проситься обратно в строй.

— Ну, вот и договорились! Завтра будет постановление ЦК, — сказал И.В. Сталин».

14 января вышли в свет два важных документа под грифом «Строго секретно». Первым было Постановление № 92 Совета Народных Комиссаров СССР «О назначении Начальником Генерального штаба и заместителем наркома обороны генерала армии Жукова Георгия Константиновича». Вторым — Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О начальнике Генштаба и командующих военными округами». В нем, в частности, говорилось, что для улучшения подготовки войск округов и армий утвердить начальником Генерального штаба и заместителем наркома обороны — генерала армии Жукова Георгия Константиновича, а заместителем наркома обороны по боевой подготовке — генерала армии Мерецкова Кирилла Афанасьевича.

Сразу хочу напомнить читателю, что именно Генеральный штаб РККА всегда был высшим органом стратегического управления войсками как в мирное, так и в военное время. В его стенах разрабатывались основные программы строительства вооруженных сил страны, их отмобилизования в случае войны, составлялись планы стратегических операций. Это было ядро, вокруг которого вращались все практические проблемы обеспечения обороноспособности страны, и поэтому понятно, что Генеральный штаб всегда комплектовался лучшими кадрами офицеров и генералов, имеющих

необходимое образование, опыт работы в крупных штабах объединений и имеющих необходимый военный кругозор и склонность к штабной работе на самом высоком уровне.

Особые требования к Генеральному штабу и его руководителю предъявлялись в случае возникновения угрозы войны. В передвоенные годы Генеральный штаб РККА должен был осуществлять стратегическое и оперативное планирование применения Вооруженных Сил СССР в войне и крупных операциях, заблаговременно готовил театры вероятных военных действий, совершенствовал организационную структуру войск, занимался мобилизационными вопросами, вопросами материально-технического обеспечения РККА. Он должен был руководить оперативной подготовкой высшего командного состава, оперативной подготовкой высших войсковых штабов и разработкой теории военного искусства. Кроме того, он должен был обосновывать и направлять промышленности заказы на производство техники и вооружения для РККА и решать еще много других вопросов. Безусловно, выполнением каждого конкретного блока задач занимались конкретные управления, но задачей начальника Генерального штаба было оперативное управление их работой. Для этого требовались большие знания и опыт управленческой работы на самом высшем уровне руководства вооруженными силами всей страны. Г.К. Жуков, по его собственному признанию, навыками такой работы не обладал, а склонности к штабной работе не имел вообще.

После перевода С.К. Тимошенко и Г.К. Жукова в Москву внимание руководства страны к Киевскому Особому военному округу не снизилось, а даже наоборот — еще больше возросло. Этому всячески способствовали и нарком обороны и начальник Генерального штаба, которые по-прежнему

считали этот округ «своим» и делали все возможное для его развития.

Новым командующим войсками Киевского Особого военного округа после перевода Г.К. Жукова стал генерал-полковник Михаил Петрович Кирпонос, которому в начале 1941 года только исполнилось 39 лет. Он был рядовым во время Первой мировой войны, а в 1918 году добровольно вступил в Красную Армию. Участвовал в Гражданской войне в должности командира батальона, помощника и командира стрелкового полка. В 1927 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. В начале 30-х годов он получил определенный опыт в командовании стрелковой дивизией. Но затем в течение пяти лет, с 1934 по 1939 год, занимал административную должность начальника Казанского пехотного училища. Только в конце 1939 года, с началом советско-финляндской войны, Михаил Петрович назначается командиром 70-й стрелковой дивизии. И хотя он в этой должности особого военного искусства не проявил, тем не менее после победы над Финляндией дивизия была награждена орденом Ленина, а ее командир был удостоен звания Героя Советского Союза. После этого карьера М.П. Кирпоноса развивается с головокружительной быстротой. В апреле 1940 года он назначается командиром стрелкового корпуса в Белорусском военном округе, через два месяца становится командующим войсками Ленинградского военного округа с присвоением звания генерал-лейтенант. А в феврале 1941 года переводится на должность командующего войсками Киевского Особого военного округа с присвоением звания генерал-полковник.

Расширенных воспоминаний современников о деловых качествах и полководческой деятельности М.П. Кирпоноса не сохранилось. Точнее сказать, они и не были написаны.

В личности этого человека видится обычный очень исполнительный советский военачальник того смутного времени, который добросовестно выполнял указания высшего руководства и не проявлял собственной инициативы. Да и темпы прохождения по карьерной лестнице не способствовали формированию руководителя высокого ранга. Практически за год подняться от командира дивизии до командующего войсками самого крупного военного округа, всего два месяца прокомандовав корпусом, не командуя ни дня армией... Это ли не показатель кадровой политики, проводившейся в Красной Армии в начале 40-х годов?

Столь же стремительным было и прохождение службы начальником штаба Киевского Особого военного округа генерал-лейтенантом Максимом Алексеевичем Пуркаевым. На военную службу он был призван в 1915 году, окончил школу прапорщиков, но повоевать во время Первой мировой войны не успел. Зато в 1918 году добровольно вступил в Красную Армию. Во время Гражданской войны командовал ротой, батальоном, был помощником командира полка.

В 1923 году М.А. Пуркаев прошел обучение на курсах «Выстрел», в 1936 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. За последующие два года, в период массовых репрессий в Красной Армии, он прошел должности командира полка, помощника начальника и начальника штаба дивизии, начальника отдела и заместителя начальника штаба военного округа. В 1938 году Пуркаев был назначен на должность командира стрелковой дивизии, но сказалась тяга к штабной работе, и спустя год он переводится начальником штаба Белорусского военного округа. Но и в этой должности поработать довелось очень недолго. В том же 1939 году Пуркаев направляется военным атташе в Германию.

Не будет лишним напомнить, что именно в это время подписывается известный «Пакт Молотова—Риббентропа» — договор о взаимодействии между Германией и Советским Союзом по оккупации территории Польши. Затем происходят «освободительные» походы Красной Армии в западные районы Белоруссии и Украины, развертывается война между СССР и Финляндией, события которой внимательно отслеживаются немецкой стороной. Советская сторона проводит откровенно агрессивную политику в отношении прибалтийских государств, Бессарабии и Северной Буковины. Нужно понимать, что все акции советского руководства отдаются громким эхом в Берлине, где уже начата работа над планом нападения на СССР. Какими были роль и место М.А. Пуркаева в этих событиях — судить трудно. Но факт заключается в том, что в июле 1940 года он отзывается из Берлина и назначается начальником штаба Киевского Особого военного округа.

О работе М.А. Пуркаева в должности начальника штаба Киевского военного округа в 1940 и 1941 годах воспоминаний современников также очень немного. Из этого можно сделать несколько выводов. Во-первых, человеку, который с уровня начальника штаба дивизии сразу поднялся до уровня начальника штаба самого крупного военного округа, нужно было достаточно много времени для того, чтобы сориентироваться в сложившейся обстановке. Во-вторых, дипломатическая работа в Берлине в условиях начавшейся Второй мировой войны научила его величайшей осторожности, приучила постоянно быть в тени для того, чтобы выжить в столь трудное время. В то же время сохранились сведения о том, что в должности начальника штаба Киевского Особого военного округа М.А. Пуркаев старался к выработке решений

подходить очень взвешенно и даже нередко по отдельным вопросам возражал командующему и даже начальнику Генерального штаба.

Начальником оперативного управления Киевского Особого военного округа с конца декабря 1940 года был полковник Иван Христофорович Баграмян (будущий Маршал Советского Союза). Участник Первой мировой войны, прапорщик, он некоторое время служил в армии дашнакской Армянской республики. В декабре 1920 года поступил на службу в Красную Армию. В 1934 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе, в 1938 году — Военную академию Генерального штаба. Службу проходил в должностях начальника штаба кавалерийской дивизии, затем — старшим преподавателем Военной академии Генерального штаба. В начале осени 1940 года он был назначен начальником оперативного отдела штаба 12-й армии, а вскоре после этого — начальником оперативного отдела Киевского Особого военного округа.

Можно сказать, что по уровню теоретической подготовки И.Х. Баграмян был одним из самых подготовленных работников штаба Киевского Особого военного округа. В то же время не следует забывать, что начальник оперативного отдела не участвует в выработке решения за округ, а только может высказать свои рекомендации по этому вопросу и оформить боевые документы по приказу командующего округом или начальника штаба.

Члена Военного совета Киевского Особого военного округа Николая Николаевича Вашугина же вообще военачальником можно было назвать с большой натяжкой. Чистый политработник. В 1937 году он окончил Высшие стрелково-тактические курсы «Выстрел», был назначен командиром стрелкового полка, но в связи с репрессиями был переведен

на должность члена Военного совета Ленинградского военного округа. Затем во время советско-финляндской войны он — член Военного совета 7-й армии, с 1940 года — член Военного совета Ленинградского военного округа, с осени 1940 года — член Военного совета Киевского Особого военного округа. Он совершенно не разбирался в вопросах военной стратегии и оперативного искусства, но пристально следил за тем, чтобы линия партии выдерживалась на всех уровнях руководства войсками, и, безусловно, информировал Москву о настроении в войсках.

Таким образом, в профессиональном отношении практически все высшее руководство Киевского Особого военного округа было слишком «сырым» для управления столь крупным объединением в боевой обстановке. Ему не хватало ни профессиональных знаний, ни практического опыта. К тому же события тревожных 1937 и 1938 годов также сделали свое «черное» дело — многие высшие военачальники, оказавшиеся на должностях в связи с репрессиями их предшественников, панически боялись проявлять любую инициативу и действовать не так, как предписывал Генеральный штаб.

Территорию Молдавии и приморские районы Украины должны были прикрывать войска Одесского военного округа. Этот округ был развернут в юго-западной части СССР 11 октября 1939 года. Его командующим был назначен генерал-лейтенант И.В. Болдин.

В июле 1940 года к Советскому Союзу была присоединена территория Бессарабии и Северной Буковины, куда были введены войска 12-й армии Киевского Особого военного округа (командующий генерал Я.Т. Черевиченко). Штаб армии разместился в Черновцах.

Вскоре после этого был получен приказ о переформировании этого объединения, а сам Я.Т. Черевиченко должен был вернуться к месту своей прежней службы в Золочев, где он командовал конно-механизированной группой. Но едва только генерал выехал из Черновцов, как на первой же станции ему вручили телеграмму из Москвы, в которой содержалось извещение о назначении его командующим Одесским военным округом с требованием немедленно прибыть в Одессу.

Яков Тимофеевич Черевиченко родился в крестьянской семье в 1894 году, в 1914 году был призван на военную службу. Участвовал в сражениях Первой мировой войны, которую закончил старшим унтер-офицером, кавалером Георгиевского креста трех степеней. В ноябре 1917 года вступил в Красную гвардию, с весны следующего года — в РККА. В годы Гражданской войны командовал взводом, эскадроном, был помощником командира и командиром кавалерийского полка. Окончил кавалерийские курсы, Высшую кавалерийскую школу, Военно-политические курсы, Военную академию имени М.В. Фрунзе. С 1927 года Я.Т. Черевиченко — помощник командира, спустя год — командир 31-й кавалерийской дивизии. С марта 1938 года командир 3-го кавалерийского корпуса, с июня 1940 года — командующий армейской кавалерийской группы в Киевском военном округе. Спустя месяц назначен командующим войсками Одесского военного округа, генерал-полковник.

По воспоминаниям современников, Яков Черевиченко был строгим и пунктуальным командиром, но по логике мышления очень недалеким человеком. Он очень любил лошадей и считал, что в случае войны с Румынией кавалерия сыграет выдающуюся роль. Штабную работу Черевиченко не знал и не любил, практически перепоручив всю бумажную «воло-

киту» начальнику штаба. В последние предвоенные месяцы он часто бывал в войсках, но не интересовался оперативными вопросами, оценивая состояние войск по качеству строевых смотров.

Начальником штаба Одесского военного округа с лета 1940 года был генерал-майор Матвей Васильевич Захаров (будущий Маршал Советского Союза). Свою военную карьеру он начал с того, что, работая слесарем на одном из петроградских заводов, в октябре 1917 года принял участие в штурме Зимнего дворца. После этого за годы Гражданской войны дошел до должности начальника штаба бригады.

После окончания Гражданской войны М.В. Захаров закончил Харьковские курсы командного состава, факультет снабжения, а затем оперативный факультет Военной академии имени М.В. Фрунзе, в 1938 году — Военную академию Генерального штаба. После этого Матвей Васильевич был назначен помощником начальника Генерального штаба. Участник боев у реки Халхин-Гол. По поручению Г.К. Жукова возглавил сводный отряд, получивший задачу выйти на пути отхода одной из группировок противника. По мнению советских историков, проявил решительность, инициативу, высокие организаторские способности. На практике это не соответствует действительности уже по той причине, что по итогам боев полковник Захаров был награжден только орденом Красной Звезды — младшим в иерархии советских военных орденов, которым, как правило, награждали солдат и младших офицеров. Затем был назначен в штаб Киевского Особого военного округа и во время «освободительного» похода советских войск в Бессарабию и Северную Буковину возглавлял штаб 12-й армии, а с осени 1940 года — штаб Одесского военного округа, генерал-майор.

Войска Одесского военного округа практически были разбиты на две группировки. Одна из них в составе 51-й армии и ряда отдельных частей дислоцировалась в Крыму. Другая располагалась на территории Молдавии и в районе Одессы. К началу 1941 года непосредственно у границы с Румынией Одесский военный округ имел 35-й стрелковый корпус (штаб — Кишинев) в составе 176-й, 95-й стрелковых дивизий, 14-й стрелковый корпус (штаб — Болград) в составе 25-й, 51-й стрелковых дивизий, 48-й стрелковый корпус (30-я, 74-я стрелковые дивизии), 2-й кавалерийский корпус (9-я, 5-я кавалерийские дивизии), 2-й механизированный корпус (15-я мотострелковая, 16-я, 11-я танковые дивизии). В составе этих соединений насчитывалось немногим более 100 тысяч личного состава, 573 танка, 602 орудия, 1021 миномет, 759 орудий противотанковой артиллерии, 83 зенитных орудия. Кроме того, вдоль Днестра находилось два укрепленных района — Рыбницкий и Тираспольский, созданные еще в 30-е годы на старой государственной границе с Румынией. За несколько дней по указанию штаба округа в соответствии с директивой Генерального штаба там были начаты работы по оборудованию предполья в глубину до 35 километров от Днестра.

В Одесском военном округе до войны армейских управлений создано не было. По плану, развертывание их должно было осуществляться только в угрожаемый период. Для решения этой задачи непосредственно у границы должна была развертываться 9-я армия, командование которой должен был принять генерал-полковник Я.Т. Черевиченко. На должность начальника штаба планировался генерал-майор М.В. Захаров, а члена Военного совета — корпусной комиссар А.Ф. Колобяков.

В последующем предполагалось в случае начала войны, на базе войск Одесского военного округа и после развертывания второй 18-й армии из состава войск Харьковского военного округа, образовать Южный фронт. А до того времени 9-я армия считалась Отдельной и должна была подчиняться непосредственно Ставке Главнокомандования.

Для усиления войск 9-й армии весной 1941 года в районе Аккерман (Белгород Днестровский) началось формирование 18-го механизированного корпуса, а в Крым незадолго до начала войны из Северо-Кавказского военного округа были передислоцированы управления 9-го стрелкового корпуса, 106-я стрелковая и 32-я кавалерийская дивизии. Непосредственно накануне войны в состав 48-го стрелкового корпуса перебрасывалась 150-я стрелковая дивизия из Одессы. В район Котовск — Балта из Днепропетровска, Кривого Рога, Запорожья и Николаева перебрасывались соединения 7-го стрелкового корпуса в составе 196-й, 147-й, 116-й и 206-й стрелковых дивизий.

Генерал-полковник Я.Т. Черевиченко был военачальником советской формации. Военную службу он начал солдатом, участвовал в Первой мировой войне, которую закончил в звании старшего унтер-офицера, кавалера Георгиевского креста трех степеней. В ноябре 1917 года вступил в Красную гвардию, с весны 1918 года — в Красной Армии. В годы Гражданской войны командовал взводом, эскадроном, был помощником командира и командиром кавалерийского полка. Окончил кавалерийские курсы, Высшую кавалерийскую школу, Военно-политические курсы, Военную академию имени М.В. Фрунзе.

С 1927 года Я.Т. Черевиченко — помощник командира, спустя год — командир 31-й кавалерийской дивизии. С марта

1938 года — командир 3-го кавалерийского корпуса, с июня 1940 года — командующий армейской кавалерийской группы в Киевском военном округе. Спустя месяц был назначен командующим войсками Одесского военного округа.

По ряду причин Я.Т. Черевиченко своих воспоминаний о начале Великой Отечественной войны не оставил. Поэтому придется ориентироваться на воспоминания бывшего начальник штаба Одесского военного округа М.В. Захарова. В своем труде «Генеральный штаб в предвоенные годы» пишет, что в конце февраля 1941 года он был вызван в Москву для доклада вопросов мобилизационного характера. Когда же он попытался уточнить, получит ли Одесский военный округ оперативные указания по плану войны, Г.К. Жуков дал понять, что разработкой этих вопросов будет заниматься штаб Киевского Особого военного округа.

Тогда же штаб Одесского военного округа получил указание Генерального штаба в период с 1 марта по 1 июля 1941 года сформировать управление 48-го стрелкового корпуса и 18-й механизированный корпус. Командиром 48-го стрелкового корпуса назначался генерал-майор Р.Я. Малиновский, который до этого был старшим преподавателем кафедры службы штабов Военной академии имени М.В. Фрунзе, а командиром вновь сформированного 18-го механизированного корпуса был назначен генерал-майор П.В. Волох.

В соответствии с планом «Барбаросса», гитлеровское руководство планировало, «используя стремительный прорыв мощных танковых соединений из района Люблин, отрезать советские войска, находящиеся в Галиции и Западной Украине, от их коммуникаций на Днепре и захватить переправы в районе Киева и южнее его». Для решения этой задачи главный удар должен был наноситься между Рава-Русская и Ко-

вель в направлении на Бердичев, Житомир и Киев, то есть на правом крыле Юго-Западного фронта.

При этом на других участках этого фронта германским командованием планировались только пассивные действия. Так, германский генерал А. Филиппи в своей книге «Припятская проблема» пишет, что по состоянию на 22 июня 1941 года «в немецком фронте зияла почти 400-километровая брешь вдоль Восточных Карпат (между 11-й армией, расположенной в Румынии, и 17-й, 6-й армиями и 1-й танковой группой, сосредоточенными в Польше). Это произошло потому, что политические причины исключали как использование венгерской государственной территории для развертывания немецких сил, так и своевременные действия венгерских соединений с целью сковывания противника. В силу этого пришлось отказаться от намерения осуществить из этой области хотя бы неглубокий прорыв на окружение южным крылом 17-й армии. Таким образом, во-первых, южный фланг 17-й армии остался открытым, во-вторых, удаленная от главных сил 11-й армии. 11-я армия оказалась на продолжительное время изолированной в оперативном отношении, и вести наступательные действия ее силами на первом этапе вообще не пришлось. Семь немецких дивизий 11-й армии были использованы для усиления обороны румынских сухопутных сил вдоль р. Прут. Таким образом, обстановка не позволяла решиться на планировавшееся сосредоточение немецких сил для осуществления наступления из Северной Молдовы. Из 20 румынских соединений лишь небольшая часть оказалась боеспособной, да и то годилась только для решения сравнительно легких задач.

В результате простого сопоставления можно сделать вывод, что общее соотношение сил и средств в полосе Киев-

ского Особого военного округа, по данным архива, было в пользу советского командования по количеству расчетных дивизий — в 1,6 раза, по личному составу — в 1,2 раза, по орудиям и минометам в 1,4 раза, по танкам — в 4 раза, по самолетам — в 2,5 раза[2].

Основным оперативным документом для войск Киевского Особого военного округа к началу войны была «Записка по плану обороны на период отмобилизования, сосредоточения и развертывания войск КОВО на 1941 год». Долгое время этот документ под грифом «Совершенно секретно» и «Особой важности» хранился в особом отделе Центрального архива Министерства обороны СССР. Впервые он увидел свет только в 1996 году, после того как его опубликовали в «Военно-историческом журнале» Ю.А. Горьков и Ю.Н. Семин. В этом документе определялись: задачи обороны; соседи и границы с ними; задачи армий (районов прикрытия) и планы их выполнения; состав и задачи резервов округа; вопросы использования ВВС, средств противовоздушной и противодесантной обороны округа; порядок построения системы полос, позиций, районов и их инженерное оборудование; вопросы организации тыла и управления. Все эти вопросы были изложены достаточно подробно, что, безусловно, доказывает рациональность этого плана и грамотность его составителей.

О том, как готовился Киевский Особый военный округ к войне, имеется немало информации. Обратимся только к воспоминаниям самых крупных военачальников того времени, которые непосредственно получали директивы и имели право отдавать директивы (приказы) подчиненным войскам. При этом следует учитывать, что командующий фронтом М.П. Кирпонос погиб в сентябре 1941 года, а бывший на-

чальник штаба Киевского Особого военного округа (Юго-Западного фронта) генерал М.А. Пуркаев своих воспоминаний не опубликовал, а на вопросы Генерального штаба относительно начала Великой Отечественной войны постарался отделаться общими фразами.

Поэтому приходится обращаться к третьему по значимости лицу в вопросах разработки оперативных документов — бывшему начальнику оперативного отдела штаба Киевского Особого военного округа (Юго-Западного фронта) полковнику (в последующем Маршал Советского Союза) И.Х. Баграмяну.

В своих воспоминаниях Иван Христофорович пишет, что впервые с Планом прикрытия государственной границы войсками этого округа познакомился в конце января 1941 года. Он же пишет и о том, как разрабатывался этот план. В книге И.Х. Баграмяна «Так начиналась война» он пишет, что где-то в феврале 1941 года «адъютант командующего майор А.Н. Гненный сообщил мне, что меня вызывает генерал Кирпонос. Я захватил карту и справку по плану прикрытия границы. Бегло просмотрев документы, командующий сказал:

— Оставьте это мне. Я разберусь, а потом выскажу свое мнение.

Два дня спустя командующий снова вызвал меня. В его кабинете были Вашугин и Пуркаев. Молча показав на стул, Кирпонос открыл папку с материалами по плану прикрытия границы.

— Я думаю, — начал он, подчеркивая каждое слово, — что с момента объявления мобилизации до начала активных действий крупных сил на границе пройдет некоторое время. В Первую мировую войну это время измерялось неделями, в современных условиях оно, безусловно, резко сократится.

Но все же несколькими днями мы будем, очевидно, располагать. Следовательно, для прикрытия государственной границы можно выделить минимум имеющихся у нас сил, чтобы остальными маневрировать, исходя из конкретно складывающейся обстановки. Вероятнее всего, от нас потребуют создать мощную ударную группировку, которая поведет решительное наступление на агрессора

Кирпонос взял из папки листок с нашими расчетами:

— И вот я спрашиваю вас: а не многовато ли войск мы сосредотачиваем на границе?

Никто не ответил. Командующий бросил листок на место.

— По-моему, слишком много. Считаю, что из состава каждого армейского района прикрытия границы надо высвободить минимум по одной стрелковой дивизии. Тогда нам будет легче быстро создать достаточно мощную ударную группировку и бросить ее на врага. Поймите: если на нас нападут, мы должны немедленно организовать ответный удар.

— Да, — задумчиво проговорил Пуркаев. — Так-то оно так: мы, конечно, должны думать об ответном ударе. Но ведь к нему надо готовиться. А если враг нападет неожиданно, сомнет жидкую цепочку наших войск прикрытия и всеми силами двинется дальше? Тогда и оборону будет трудно создать, а не то что организовать контрнаступление.

— А мы не должны допустить, чтобы враг упредил нас, — холодно парировал Кирпонос. — А для чего у нас разведка существует?

— Правильно, товарищи, — вмешался в разговор Вашугин. — Не пристало нам думать об обороне. Если враг навяжет нам войну, наша армия будет самой нападающей из всех армий. Она сумеет нанести противнику сокрушительный ответный удар, а затем добить там, откуда он пришел»[3-4].

Теперь вполне понятно, что оперативный план Киевского Особого округа, который был разработан к лету 1941 года на основании существовавших в то время взглядов об ответном сокрушающем ударе Красной Армии, носил в целом шаблонный характер. Армии прикрытия должны были занять отведенные им полосы вблизи государственной границы с опорой на укрепленные районы и не допустить прорыва противника на советскую территорию. Основной упор был сделан на стойкость войск первого эшелона армий и успешные действия армейских резервов. При этом первая фронтовая оборонительная операция уже заранее не планировалась и не готовилась, а фронтовые резервы только нацеливались на окончательный разгром вклинившихся группировок противника и перенос боевых действий на его территорию.

Таким образом, командующему Киевским Особым военным округом удавалось проводить свою идею, направленную на быстрое поражение противника в приграничных сражениях и перенос военных действий на территорию врага. На основании этой идеи и велась разработка окружного плана, который должен был лечь в основу армейских планов прикрытия государственной границы.

В то же время обстановка на советско-германской границе в это время была очень сложной. Так, генерал К.К. Рокоссовский в своей книге «Солдатский долг» писал: «В приграничном районе КОВО в то время происходили невероятные вещи. Через границу проходили граждане туда и обратно. К нам шли желающие перейти на жительство в СССР. От нас уходили не желающие оставаться в пределах Советского Союза... В этой же полосе свободно разъезжали на автомашинах переодетые в штатскую одежду немецкие офицеры, получившие разрешение нашего правительства на розыск и

эксгумацию захороненных якобы здесь немецких военнослужащих.

Нередкими были случаи пролетов немецких самолетов. Характерным был случай, произошедший во время полевой поездки. В районе Ровно произвел вынужденную посадку немецкий самолет, который был задержан располагавшимися вблизи нашими солдатами. В самолете оказалось четыре немецких офицера в кожаных пальто (без воинских знаков). Самолет был оборудован новейшей фотоаппаратурой, уничтожить которую немцам не удалось (не успели). На пленках были засняты мосты и железнодорожные узлы на киевском направлении.

Обо всем было сообщено в Москву. Каким же было наше удивление, когда мы узнали, что распоряжением, последовавшим из Наркомата обороны, самолет с этим экипажем приказано было немедленно отпустить в сопровождении (до границы) двух наших истребителей»[5].

14 июня 1941 года в штаб Киевского Особого военного округа пришла директива начальника Генерального штаба, которой предписывалось командный пункт округа к 25 июня вывести в Винницу. Правда, 18 июня этот срок был перенесен на 22 июня[6].

Утром 19 июня из Москвы в штаб Киевского Особого военного округа пришла телеграмма, в которой было предписано начать формирование управления Юго-Западного фронта, которое к 22 июня перебросить в район Тернополя. Вечером 20 июня началась отправка первых эшелонов из Киева, а в середине следующего дня в путь тронулась и первая автомобильная колонна. При этом штаб выезжал без оперативного управления, которое, после отправки необходимой документации в Москву, должно было прибыть автотранспортом в

Тернополь утром 22 июня. Таким образом, в ночь на 22 июня часть штаба Киевского Особого военного округа, покинув Киев, находилась в движении на Тернополь, где для нее уже готовились помещения и линии связи на базе одной из воинских частей.

Оценивая качество подготовки войск Киевского Особого военного округа к отражению агрессии противника, прежде всего следует отметить, что в основе замысла его командования лежала заранее нереальная идея. Командующий округом М.П. Кирпонос накануне Великой Отечественной войны упорно придерживался идеи, навязанной ему Генеральным штабом и заключающейся в быстром поражении противника в приграничных сражениях силами армий первого эшелона и перенос военных действий на территорию врага. Поэтому уже фронтовая оборонительная операция не предусматривалась и заранее не готовилась.

Причина этого заключалась также и в слабости оперативной подготовки высшего руководства Киевского Особого военного округа. Ни один из военачальников (командующий округом, начальник штаба округа, начальник оперативного отдела штаба военного округа) практического опыта разработки плана оборонительной операций на случай войны не имел. Более того, на то время в советской военной науке наработок по данной теме не было и этой проблемой серьезно не занимались. Существовало мнение, что агрессия противника будет отражена силами армий прикрытия государственной границы, а фронтовые резервы будут использоваться исключительно для последующего перехода в наступление на территорию противника.

Всего, по архивным данным, к началу войны в Киевском Особом военном округе имелось в наличии 287 тяжелых

танков, 627 средних танков, 5628 танков БТ и Т-26, 214 химических танков, 399 танков Т-37—38, 354 прочих танка. Всего 7691 танк. Кроме того, в войсках было 1154 бронемашины. Артиллерией войска округа также были укомплектованы предостаточно. В ее составе имелось: 203-мм гаубиц — 24 единицы, 152-мм гаубиц — 1019 единиц, 122-мм гаубиц — 1207 единиц, 122-мм пушек — 240 единиц, 107-мм пушек — 44 единицы, 76-мм пушек — 1292 единицы, 76-мм горных пушек — 192 единицы, 76-мм зенитных пушек — 1016 единиц, противотанковых 45-мм пушек — 2051 единица, 37-мм зенитных пушек — 266 единиц. А также войска имели 257 штук 120-мм минометов, 60 штук 107-мм минометов, 1959 штук 82-мм минометов и 3697-штук 50-мм минометов. Итого же на вооружении войск Киевского Особого военного округа было 10 824 орудия и миномета[7].

Кроме того, с началом войны оперативным планом Генерального штаба планировалось включить в состав образуемого Юго-Западного фронта еще две общевойсковые армии (19-ю и 16-ю), войска которых с 15 июня 1941 года начали прибывать в районы Фастова и Винницы. Однако к 22 июня сосредоточение этих войск и формирований армейских и корпусных управлений не было закончено.

Информацию о последних мирных днях в полосе Одесского военного округа можно найти в книге М.В. Захарова «Генеральный штаб в предвоенные годы». В ней он пишет:

«В конце июня в округе намечалась армейская полевая поездка со средствами связи, на которую привлекались все корпуса, авиация и армейский аппарат, выделяемый по мобилизации из окружного управления. 18 июня командующему войсками округа, возвратившемуся в Одессу, были доложены соображения о том, что полевую поездку со средствами свя-

зи отменить, так как обстановка требует постоянной боевой готовности войск. Проведение же этого учения вызовет необходимость сосредоточить штабы корпусов и штабы авиационных дивизий с их средствами связи в районе Тирасполя, и приведет к тому, что войска всего округа в случае военных действий могут остаться без управления. В такое тревожное время целесообразно провести рекогносцировку с решением задач-летучек на местности без средств связи… Армейское управление, выделяемое из окружного, нужно поднять по боевой тревоге согласно мобилизационному плану и отправить в Тирасполь, где предусматривалось размещение штаба армии как по игре, так и по плану прикрытия (тем более что в Тирасполе на военное время заранее был подготовлен узел связи).

С этим предложением командующий войсками (округа. — *Авт.*) вначале не согласился, ссылаясь на то, что Генеральный штаб обвинит в срыве запланированной армейской полевой поездки. В результате моих настойчивых предложений генерал Я.Т. Черевиченко позвонил в Москву и попросил разрешение на проведение учений. Народный комиссар обороны ответил, что надо согласиться с предложением начальника штаба округа…

Утром 20 июня управление 9-й армии тронулось в путь. На следующий день с разрешения командующего войсками округа я также выехал из Одессы поездом в Тирасполь и вечером прибыл в штаб армии, занимавший здание педагогического института[8].

Для срыва замыслов фашистского командования в составе Киевского Особого военного округа по штатам мирного времени были развернуты управления четырех (5-й, 6-й, 12-й и 26-й) армий, а также соединения и части окружного подчи-

нения (всего 11 стрелковых, 8 механизированных и 1 кавалерийский корпус, суммарно состоявшие из 58 дивизий, в том числе 22 стрелковых, 16 танковых, 8 механизированных, 2 кавалерийских, 10 авиационных и 8 укрепленных районов).

В соответствии с планом прикрытия государственной границы войсками Киевского Особого военного округа («КОВО — 41») для прикрытия участка советско-германской, советско-венгерской и советско-румынской границы протяженностью 940 километров все силы Киевского Особого военного округа к началу войны были разделены на первый эшелон и резерв. В первом эшелоне (эшелоне прикрытия государственной границы) находились 5, 6, 26 и 12-я армии. Резерв составляли прибывающие 19-я и 16-я армии, а также 10 корпусов окружного подчинения.

О настроениях, царивших в штабе Киевского Особого военного округа накануне войны, И.Х. Баграмян вспоминает следующее:

«В разведотдел округа стали поступать сведения одно тревожнее другого. Наш разведчик полковник Г.И. Бондарев стал чуть ли не самым частым посетителем командующего. Мы заметили, что после каждого разговора с ним М.П. Кирпонос становился все более мрачным. Оснований для тревог хватало. Бондарев ежедневно информировал оперативный отдел о сведениях, поступавших от различных источников.

В конце первой декады июня командующий созвал Военный совет, на котором начальник разведотдела доложил все, что ему было известно...

— Мы имеем проверенные сведения, — докладывал Бондарев, — что из приграничной зоны на территории оккупированной Польши немцы выселили всех мирных жителей...

Немцы заняли на территории Польши все гражданские лечебные учреждения под военные госпитали, прислали туда свой медицинский персонал. Всех поляков, занимавших на железных дорогах ответственные должности, гитлеровцы заменили своими чиновниками... На территории "генерал-губернаторства", как гитлеровцы именуют оккупированную Польшу, введено военное положение.

— Наверное, поляки им здорово стали досаждать! — заметил Вашугин.

— Возможно, товарищ корпусной комиссар. Но, по-моему, дело не только в этом. Мы только что получили новые данные: немцы повсюду начали заменять свои пограничные войска полевыми, а у самой границы в районе западнее Перемышля и Радымно они сосредотачивают огромное количество мобилизованных крестьянских подвод...

— К сожалению, мы еще не имеем разрешения хватать их за горло, — спокойно и сухо сказал Кирпонос. — Найдите способ без стрельбы помешать им вести разведку над нашей территорией. — Командующий округом оглядел присутствующих. — Ясно одно: обстановка очень тревожная... Я отдал командующим армиями приказ занять небольшими подразделениями предполье. (Передовая полоса укрепленного района. — *Авт.*) Это позволит им в случае внезапного нападения гитлеровских войск поддержать боевыми действия гарнизонов укрепленных районов и этим обеспечить подготовку и развертывание полевых войск прикрытия к отражению возможного наступления. Нам, как известно, приказано подготовить все корпуса, находящиеся в глубоком тылу округа и составляющие его второй эшелон, к выдвижению непосредственно к границе. Все, что необходимо для этого, мы сделали: корпуса ждут лишь команды, чтобы

двинуться в путь. Но о переброске их пока распоряжений нет...

Кирпонос повернулся к начальнику штаба:

— Максим Алексеевич, немедленно подготовьте представление на имя наркома по всем этим вопросам. Как только он благословит нас, мы сразу же приступим к делу. А до получения разрешения Москвы штаб должен провести всю подготовительную работу.

— Не опоздать бы, — задумчиво проговорил начальник штаба.

— Думаю, что нарком сам поторопит нас, как только обстановка станет критической, — возразил командующий...»[9]

Войска Одесского военного округа в первом эшелоне имели 9-ю армию, а в резерве в районе Одессы и восточнее нее — несколько стрелковых дивизий.

Для непосредственного прикрытия государственной границы на базе четырех армий первого эшелона Киевского Особого военного округа, подчиненных им частей пограничных войск, укрепленных районов, соединений авиации, создавалось четыре района прикрытия государственной границы. В составе объединений прикрытия было 17 стрелковых, 8 танковых, 4 моторизованных и 1 кавалерийская дивизий. В этих соединениях насчитывалось 273,7 тысячи личного состава, 3620 танков, 1197 орудий, 2998 минометов, 773 противотанковых орудия, 172 зенитных орудия. Прикрытие этих сил с воздуха должно было осуществляться 2263 боевыми самолетами.

К 22 июня 1941 года непосредственно перед армиями прикрытия противник развернул группировку в составе 25 пехотных, 5 танковых, 4 моторизованных дивизий и 9 отдельных бригад. В составе этих войск насчитывалось 584,7 тысячи

личного состава, 675 танков, 2861 орудие, 4300 минометов, 2418 орудий противотанковой артиллерии, 546 зенитных орудий. Прикрытие наземных войск с воздуха должно было осуществляться 785 боевыми самолетами.

Таким образом, войска прикрытия государственной границы в полосе Киевского Особого и Одесского военных округов превосходили противника по количеству танков в 5,3 раза, по самолетам — в 2,9 раза, но уступали по личному составу более, чем в 2 раза, по артиллерии — в 1,9 раза, по минометам — в 1,4 раза, по противотанковым орудиям и орудиям зенитной артиллерии — в 3,1 раза.

Следует отметить, что до начала военных действий разведка Киевского Особого военного округа в целом достаточно правильно вскрыла состав противостоящей группировки противника. Так, из 28 пехотных дивизий противника было определено наличие и место расположения 21 дивизий, из пяти танковых дивизий — трех, а также были вскрыты все четыре моторизованные дивизии. Однако штаб округа пользовался несколько устаревшими данными, не знал замысла германского командования и не смог определить местонахождение и состав главной ударной группировки противника.

Как видно, генерал М.П. Кирпонос не стремился проявлять собственную инициативу, послушно следуя указаниям сверху. В соответствии с этими указаниями 16 июня, ввиду угрожаемой обстановки, на границе вообще и юго-западном направлении в частности, ему было приказано подтянуть стрелковые корпуса резерва ближе к войскам эшелона прикрытия. Поэтому в глубине Киевского Особого военного округа с 18 июня началось движение пяти стрелковых корпусов из мест их постоянной дислокации

на рубеж Луцк, Тернополь. Большинство соединений и частей стрелковых корпусов округа начало войны застало на походе. Так, дивизии 31-го и 37-го стрелковых корпусов подходили к линии 60 километров восточнее Сарны — Тернополь — Галич, дивизии 36-го стрелкового корпуса находились в 50—70 километрах восточнее этой линии на рубеже Новоград-Волынский — Староконстантинов, дивизии 55-го стрелкового корпуса выходили в район Могилев-Подольского. В том же районе, через который совершали марш стрелковые корпуса, находились в стадии формирования 9-й, 19-й и 24-й механизированные корпуса, а также 14-я кавалерийская дивизия. Только подчиненные непосредственно округу механизированные корпуса второго эшелона оставались на месте.

Войска Киевского Особого военного округа, за исключением армий прикрытия и 15-го механизированного корпуса, в составе пятнадцати стрелковых, одной кавалерийской, шести танковых и трех мотострелковых дивизий к началу войны находились в районе Тернополь, Галич, Чертков, Могилев-Подольский, Винница на удалении 200—250 километров от государственной границы.

В полосе прикрытия войск Киевского Особого военного округа занимали позиции и сооружения войска восьми укрепленных районов и пограничные войска НКВД. Силы их суммарно составляли около четырех стрелковых дивизий. Следовательно, на одну стрелковую дивизию эшелона прикрытия государственной границы, с учетом этих сил и средств, в среднем приходилась полоса около 40 километров по фронту, что было в 3—5 раз больше, чем это предусматривалось по предвоенным взглядам.

ГРУППА АРМИЙ «ЮГ»

Перед фронтом Киевского Особого и 9-й армии Одесского военных округов противник развернул группу армий «Юг», перед которой в соответствии с планом «Барбаросса» стояла задача, «усилив свое левое крыло и выдвинув вперед подвижные соединения, двигаться в направлении на Киев, уничтожить русские войска в Галиции и Западной Украине еще до выхода к Днепру и как можно раньше овладеть переправами через Днепр у Киева и ниже его для последующего проведения операций по ту сторону Днепра. Операцию следовало вести так, чтобы действующие из района Люблина подвижные войска были сосредоточены для прорыва в направлении на Киев»[1].

Эта группа армий немецким командованием была сформирована в августе 1939 года для наступления против Польши. Перед началом войны против СССР с целью маскировки получила кодовое название «штаб участка Силезии». На 22 июня 1941 года группа армий «Юг» состояла из 6-й, 17-й и 11-й германских армий, 1-й танковой группы. Также было предусмотрено, что с началом войны в ее состав вольются войска Румынии — 3-я и 4-я армии. Всего в составе группы армий насчитывалось 26 пехотных, 5 танковых, 3 моторизованных, 6 горно-гренадерских дивизий, 3 дивизии сил безопасности и 14 румынских дивизий. Командующим группы армий был назначен генерал-фельдмаршал К. Рунштедт, начальником штаба — генерал Зоденштерн.

Генерал-фельдмаршал Карл Рудольф Герд фон Рунштедт родился в Ашерслебене. На военную службу он поступил в 1892 году, сдав экзамены на звание лейтенанта. В 1903 году он успешно сдал экзамены за три курса военной академии в

Берлине и был назначен командиром пехотного полка с определением по линии Генерального штаба. Во время Первой мировой войны — офицер Генерального штаба, начальник штаба армейского корпуса.

В 1920 году был зачислен в рейхсвер. Занимался изучением причин поражения Германии в Первой мировой войне. Службу проходил на ответственных должностях: начальник штаба Второго военного округа (1923—1925), начальник штаба 2-й группы армий (1926—1928), командир кавалерийской дивизии (1928—1932), командующий Третьим военным округом (1932). В момент прихода к власти А. Гитлера в 1933 году командовал 1-й группой армий, штаб которой находился в Берлине. С 1932 года — генерал от инфантерии, с 1938 года — генерал-полковник.

В ноябре 1938 года в связи с расхождением политических взглядов с нацистами Г. фон Рундштедт был отправлен в отставку, однако летом 1939 года снова восстановлен на военной службе. При вторжении в Польшу — главнокомандующий группой армий «Юг». При вторжении во Францию — главнокомандующий группой армий «А». После падения Франции произведен в генерал-фельдмаршалы. В апреле 1941 года был назначен командующим группой армий «Юг», которая готовилась для действий на южном крыле советско-германского фронта.

В рамках общей задачи группы армий «Юг» определились задачи для каждой армии и танковой группы. Так, 11-я армия не должна была допустить вклинение советских войск на румынскую территорию, «имеющую жизненно важное значение для немецкого руководства». В рамках общего наступления группы армий «Юг» ей предписывалось «сковать противостоящие войска противника, создав у них видимость

начала наступления крупных сил, и в случае успешного развития обстановки во взаимодействии с авиацией решительными действиями помешать упорядоченному отходу русских за Днепр».

Ближайшей задачей 1-й танковой группы являлся прорыв пограничных рубежей советской армии на участке между Рава-Русская и Ковель и «возможно быстрый выход через Бердичев, Житомир к Днепру у Киева и ниже его». Затем она должна была без оперативной паузы развернуть наступление вдоль Днепра в юго-восточном направлении с целью помешать советским войскам осуществить планомерный отход с Западной Украины и «решительным ударом с тыла» уничтожить противника.

17-я армия должна была прорвать оборону советских войск к северо-западу от Львова. Затем она «должна попытаться решительным продвижением вперед своего сильного левого крыла отбросить противника в юго-восточном направлении и разгромить его. В дальнейшем армия, используя быстрое продвижение танковой группы, должна как можно раньше достичь рубежа Винница, Бердичев, чтобы оттуда в зависимости от обстановки продолжать наступление на юго-восток или восток».

16-я армия во взаимодействии с соединениями 1-й танковой группы должна была прорвать оборону советских войск «в районе по обе стороны Луцка и, прикрывая северный фланг группы армий от воздействия противника со стороны Припятских болот, как можно быстрее и как можно более крупными силами следовать за танковой группой в направлении на Житомир». При этом армия должна была быть готовой к тому, чтобы по приказу старшего командования «повернуть достаточно крупными силами на юго-восток еще до выхода

к Днепру, чтобы во взаимодействии с 1-й танковой группой не допустить отхода действующего в Западной Украине противника и разгромить его»[2].

Таким образом, перед группой армий «Юг» была поставлена достаточно объемная и сложная оперативная задача. Создавая видимость наступления на широком фронте, она должна была, сосредоточив главные силы на своем левом фланге, прорвать оборону советских войск на сравнительно узком участке фронта и стремительно развивать наступление в направлении на Киев. При этом встал вопрос о прорыве Киевского укрепленного района и овладением столицей советской Украины. Выйдя к Киеву, мобильные войска и часть пехотных соединений должны были резко повернуть к югу с тем, чтобы выйти в тыл, отрезать и разгромить главные силы Юго-Западного фронта, находящиеся на Правобережной Украине. Во главу угла наступления группы армий «Юг», как и других групп армий, на первых порах ставился не разгром противника лобовыми ударами, а преодоление его обороны через промежутки и бреши и стремительное продвижение подвижных войск на максимальную глубину с целью выхода на фланги и в тыл оборонительной группировки советских войск с целью ее окружения и последующего разгрома.

Штаб 6-й армии был сформирован в октябре 1939 года на базе штаба 10-й армии. К 22 июня 1941 года армия состояла из 17-го и 44-го армейских корпусов, в состав которых входили 12 пехотных, одна легкая пехотная и одна охранная дивизии (9-я, 44-я, 56-я, 57-я, 62-я, 75-я, 111-я, 168-я, 262-я, 297-я, 298-я, 299-я пехотные, 99-я легкая пехотная и 213-я охранная дивизии). Должность командующего армией по декабрь 1941 года занимал генерал Вальтер фон Рейхенау, затем с де-

кабря 1941 года по 12 января 1942 года он был командующим группой армий «Юг».

К началу наступления на Советский Союз В. фон Рейхенау еще не исполнилось 57 лет (родился 16 августа 1884 года). Происходил он из семьи генерала. На военную службу поступил в 1903 году, в 1904 году был произведен в лейтенанты. Незадолго до начала Первой мировой войны поступил в военную академию в Берлине, а когда началась война, вернулся в свой полк. Служил адъютантом командира полка, затем — офицером Генерального штаба. Войну закончил в чине капитана, был награжден Железным крестом первой степени и орденом Дома Гогенцоллеров.

После окончания войны служил офицером Генерального штаба Шестого военного округа, в штабе Третьего военного округа в Берлине, командовал ротой и батальоном. С 1929 года — начальник штаба при инспекторе связи, с 1931 года — начальник штаба Первого военного округа (Восточная Пруссия).

Затем был личным советником министра рейхсвера, сотрудничал с нацистами, содействовал военному обучению войск СС. С приходом к власти Гитлера — начальник управления в министерстве рейхсвера. Участвовал в заговоре против Рема.

С 1935 года Рейхенау командовал Седьмым военным округом, штаб которого был расположен в Мюнхене. С февраля 1938 года — командующий 4-й армейской группой, командирами корпусов которой были такие известные военачальники, как Г. Гудериан и Г. Гот. Участвовал в операциях против Австрии и Чехословакии. Бал сторонником блицкрига и решительного использования в операциях танковых войск.

Командовал 10-й армией во время вторжения немецких войск в Польшу. На его счету — окружение и разгром по-

ляков в районе Радома. Тогда войсками 10-й армии было захвачено около 60 тысяч пленных, много вооружения и боевой техники. Затем армия Рейхенау участвовала в окружении польских войск в районе Лодзи и Познани и вышла на реку Западный Буг, где встретилась с советскими войсками. За Польскую кампанию Рейхенау был награжден Рыцарским крестом и получил чин генерал-лейтенанта.

Как ни странно, но Рейхенау высказался против начала наступления немецких войск на Бельгию и Францию. Это создало определенную напряженность в его отношениях с фюрером. Несмотря на это, генерал повел свои войска в Бельгию, а затем и против французов. 19 июня 1940 года, после капитуляции Франции, Рейхенау вместе с одиннадцатью другими генералами был произведен в чин генерал-фельдмаршала.

В декабре 1941 года Рейхенау сменил на посту командующего группой армий «Юг» впавшего в немилость Гитлера генерал-фельдмаршала Г. фон Рунштедта. Но в новой должности ему довелось работать недолго. 17 января 1942 года он, несмотря на мороз, отправился на обычную утреннюю пробежку по пересеченной местности длиной в несколько километров. Немного погодя в офицерской столовой с ним случился сердечный приступ, и он потерял сознание. Больного отправили самолетом в Лейпциг. Но по дороге самолет потерпел аварию. При приземлении Рейхенау получил черепно-мозговую травму и умер.

Современники вспоминают, что типично прусский тип офицера-интеллигента: суровые черты лица, монокль и холодное неприязненное выражение лица. Но по делам службы он был доступен в общении и популярен в войсках, занимался наукой и с удовольствием общался с людьми, не принадле-

жавшими к военной касте. Далекий от умственных шаблонов, автоматизма, он обладал независимостью мышления и ненавидел все, от чего происходил дух традиционализма. Но главным в его характере было безграничное честолюбие. Историк Вальтер Герлиц называл его самым прогрессивным мыслителем среди командующих, а также «человеком, лишенных всяких чувств, временами даже холодноватым и жестоким»[3].

Штаб 11-й армии был сформирован в октябре 1940 года. С мая 1941 года армия находилась на территории Румынии. С июня 1941 года — в составе группы армий «Юг». К 22 июня 1941 года состояла из 30-го и 54-го армейских корпусов (22-я, 50-я, 72-я, 76-я, 170-я, 198-я пехотные дивизии). Командующим армией был назначен генерал Штейнер Еуген фон Шоберт.

Штаб 17-й армии был сформирован в декабре 1940 года. В период с июля именовался штабом армейской группы «Роуф». К 22 июня 1941 года армия состояла из 4-го и 52-го армейских корпусов (9-я танковая, механизированная «Викинг», 24-я, 25-я, 257-я, 295-я пехотные, 97-я, 100-я, 101-я легкие пехотные, 1-я, 4-я горно-стрелковые, 444-я, 454-я охранные дивизии). Командующим армией был назначен генерал пехоты Карл-Генрих фон Штюльпнагель.

Кроме того, в составе группы армий «Юг» должны были действовать 3-я и 4-я армии Румынии. Это были достаточно многочисленные объединения, имевшие в своем составе, главным образом, пехотные соединения. Так, в составе 3-й румынской армии находилось пять пехотных дивизий, три горнострелковых бригады, три кавалерийские бригады и одна танковая бригада без номера. В составе 4-й армии — семь пехотных дивизий, пограничная пехотная дивизия, две крепостные бригады и одна кавалерийская бригада.

В отношении боевой характеристики румынских войск можно сослаться на мнение генерала Э. фон Манштейна. В своих воспоминаниях, в частности, он пишет:

«Что касается румынской армии, то она, несомненно, имела существенные слабости. Правда, румынский солдат, в большинстве происходящий из крестьян, сам по себе непритязателен, вынослив и смел. Однако низкий уровень общего образования только в очень ограниченном объеме не позволял подготовить из него инициативного одиночного бойца, не говоря уже о младшем командире. В тех случаях, когда предпосылки к этому имелись, как, например, у представителей немецкого меньшинства, национальные предрассудки румын являлись препятствием к продвижению по службе солдат-немцев. Устарелые порядки, как, например, наличие телесных наказаний, тоже не могли способствовать повышению боеспособности войск. Они вели к тому, что солдаты немецкой национальности всяческими путями пытались попасть в германские вооруженные силы, а так как прием их туда был запрещен, то в войска СС.

Решающим недостатком, определявшим непрочность внутреннего строения румынских войск, было отсутствие унтер-офицерского корпуса в нашем понимании этого слова. Теперь у нас, к сожалению, слишком часто забывают, скольким мы были обязаны нашему прекрасному унтер-офицерскому корпусу.

Немаловажное значение имело далее то, что значительная часть офицеров, в особенности высшего и среднего звена, не соответствовала требованиям. Прежде всего не было тесной связи между офицером и солдатом, которая у нас была само собой разумеющимся делом. Что касается заботы офицеров о солдатах, то здесь явно недоставало "прусской школы".

Боевая подготовка из-за отсутствия опыта ведения войн не соответствовала требованиям современной войны. Это вело к неоправданно высоким потерям, которые в свою очередь отрицательно сказывались на моральном состоянии войск. Управление войсками, находившееся с 1918 г. под французским влиянием, оставалось на уровне идей Первой мировой войны.

Вооружение было частично устаревшим, а частично недостаточным. Это относилось в первую очередь к противотанковым орудиям, так что нельзя было рассчитывать, что румынские части выдержат атаки советских танков. Оставим в стороне вопрос о том, не была ли здесь необходима более действенная помощь со стороны империи»[4].

Главной ударной силой группы армий «Юг» была 1-я танковая группа. Она была сформирована 16 ноября 1940 года на основе XXII моторизованного армейского корпуса, которым командовал генерал-полковник Э. фон Кляйст, а первое боевой крещение приняла в Балканской кампании в апреле 1941 года. На 22 июня 1941 года в составе 1-й танковой группы находились 3-й и 48-й танковые, 14-й моторизованный корпуса.

Генерал-полковник Эвальд фон Кляйст родился в 1881 году. В 1900 году он кадетом поступил на службу в прусский артиллерийский полк, в 1902 году получил звание лейтенанта, в 1912 году окончил Берлинскую военную академию. Участвовал в Первой мировой войне в должностях начальника оперативного отдела штаба дивизии и корпуса. После окончания войны преподавал тактику в кавалерийском училище в Ганновере. Затем вернулся в строй. С 1929 года — начальник штаба кавалерийской дивизии, с 1931 года — командир пехотного полка, с 1932 года — командир кавалерийской дивизии, генерал-лейтенант.

В сентябре 1939 года был назначен командиром 22-го моторизованного армейского корпуса, который участвовал в Польской кампании. Корпус отличился при захвате нефтедобывающего района под Львовом. 17 сентября его войска соединились с войсками генерала Г. Гудериана близ реки Буг, разрезав территорию Польши на две части.

Во Французской кампании Клейсту было поставлено исключительно важное задание — 29 февраля 1940 года он был назначен командующим всеми танковыми силами вермахта на Западе. Непосредственно ему подчинялись пять из десяти немецких танковых дивизий, еще две должны были поддерживать действия его соединений с севера. Таким образом, он стал, по сути дела, первым командующим танковым объединением, которое позже получило название танковой группы и танковой армии. Штаб 22-го корпуса получил временное название «Танковая группа Клейста». В мае 1940 года танковая группа Клейста прорвалась к Ла-Маншу и изолировала британские экспедиционные силы, бельгийскую и 1-ю французскую армии в Дюнкерском котле. За свои победы во Франции Клейст был произведен в чин генерал-полковника, награжден Рыцарским крестом, а в начале 1941 года штаб 22-го танкового корпуса стал официально именоваться штабом 1-й танковой группы.

3-й танковый корпус 1-й танковой группы был сформирован на основе 3-го армейского корпуса 21 марта 1941 года. Командиром корпуса был назначен генерал кавалерии Эберхард фон Макенсен — сын известного немецкого генерал-фельдмаршала. Он родился в 1889 году, а на военную службу поступил кадетом в 1908 году. В 1910 году был произведен в лейтенанты. Участник Первой мировой войны, капитан. После окончания войны служил в кавалерии. С 1922 года — ко-

мандир кавалерийского эскадрона. С 1934 года — начальник штаба кавалерийского корпуса. С 1937 года — командир кавалерийской бригады, генерал-майор. В последующем — начальник штаба армии, генерал-лейтенант. С января 1941 года генерал Э. фон Макенсен — командир 3-го армейского корпуса, переформированного в марте 1941 года в 3-й танковый корпус.

48-й моторизованный армейский корпус был сформирован 15 декабря 1940 года. Первоначально корпус входил в состав 6-й армии (июнь 1941 года), затем (июль — сентябрь 1941 года) — в состав 1-й танковой группы. Командиром корпуса был назначен генерал-лейтенант Вернер Кемпф. Он родился в 1886 году в в Кёнигсберге. На военную службу поступил в 1906 году. Первую мировую войну закончил штабным офицером в звании капитана. С 1934 года — начальник штаба инспекции моторизованных частей. С 1936 года — инспектор моторизованных частей. С 1937 года — командир танковой бригады, генерал-майор. С января 1939 года — командир танковой дивизии, генерал-лейтенант. За Польскую и Французскую кампании награжден Рыцарским крестом. С января 1941 года — командир 48-го моторизованного армейского корпуса, генерал танковых войск.

Основу 1-й танковой группы составляли танковые и моторизованные дивизии. К началу Второй мировой войны (сентябрь 1939 года) танковые дивизии вермахта состояли из танковой бригады (два танковых полка по два батальона каждый), стрелковой бригады (стрелковый полк двухбатальонного состава и мотоциклетный батальон), артиллерийского полка (два дивизиона), разведывательного батальона, противотанкового дивизиона, саперного батальона, батальона связи, части дивизионной поддержки.

Польская кампания показала, что танковая бригада слишком громоздкая. После кампании во Франции количество танковых полков в дивизиях было сокращено с двух до одного. Общее количество танков в дивизии было доведено до 150 единиц. Из числа этих танков почти половина приходилась на машины типа PZ-III с пушками калибра 37 мм и 50 мм. До 30 % составляли танки PZ-II, оснащенные пушками калибра 20 мм. Кроме того, на вооружении каждого танкового полка было по 20 танков PZ-IV и по 8—10 танков PZ. Bef.

9-я танковая дивизия 1-й танковой группы была сформирована 3 января 1940 года на базе 4-й легкой дивизии. В ее состав вошли 9-я мотопехотная бригада (12-й и 131-й моторизованные полки, 59-й мотоциклетный батальон), 33-й танковый батальон, 102-й моторизованный артиллерийский полк, 9-й батальон самоходной артиллерии, 9-й моторизованный разведывательный батальон, а также подразделения боевого и тылового обеспечения. Дивизия участвовала в кампании в Польше, в 1940 году воевала на Западе и отличилась под Антверпеном, Брюсселем, закончила кампанию под Парижем. Весной 1941 года 9-я танковая дивизия была переправлена в Румынию, где воевала на Балканах. Командовал дивизией с 1 августа 1940 года по 14 апреля 1942 года генерал-лейтенант доктор Альфред фон Хубики. Он родился в 1887 году, поступил на военную службу в 1905 году. Служил в австро-венгерской армии. Участник Первой мировой войны. С 1935 года — генерал-майор австрийской армии. Затем с 1938 года — в армии Германии. Командовал легкой дивизий, которая была преобразована в 9-ю танковую дивизию.

11-я танковая дивизия была сформирована 1 августа 1940 года на полигоне Нойхаммер. В ее состав вошли 11-я

моторизованная бригада (110-й и 111-й мотопехотные полки, 61-й мотоциклетный батальон), 15-й танковый полк, 119-й танковый артиллерийский полк, 61-й батальон самоходной артиллерии, 231-й танковый разведывательный батальон, подразделения боевого обеспечения. Боевое крещение дивизия получила на Балканах в апреле 1941 года, где участвовала в боях и взятии Белграда. На 22 июня в составе ее 15-го танкового полка насчитывалось 143 танка, в том числе 71 PZ-III и 44 PZ-II. Командовал дивизией с августа 1940 года по август 1941 года генерал-майор Людвиг Крувелл. Он родился в 1892 году, а военную карьеру начал юнкером в 1911 году. Участник Первой мировой войны. С 1937 года командовал 6-м танковым полком, в 1939 и начале 1940 года — начальник отдела ОКХ и начальник отдела штаба 16-й армии. С 1940 года — командир 11-й танковой дивизии, которая была в составе 1-й танковой группы.

13-я танковая дивизия была сформирована 11 октября 1940 года на основе 13-й мотопехотной дивизии. В ее состав вошли 13-я мотопехотная бригада (66-й и 93-й мотопехотные полки, 43-й мотоциклетный батальон), 4-й танковый полк, 3-й танковый артиллерийский полк, 13-й батальон самоходной артиллерии, 13-й танковый разведывательный батальон, 13-й танковый батальон связи, 4-й инженерно-саперный батальон, подразделения боевого и тылового обеспечения. В отличие от других, эта дивизия боевого опыта не имела, так как с начала Второй мировой войны находилась в Румынии. На 22 июня 1941 года в составе 4-го танкового полка дивизии насчитывалось 149 танков, в том числе 74 PZ-III и 44 PZ-II. Командиром дивизии с 14 июня по 13 сентября 1941 года был генерал-майор Вальтер Дюверт. Он родился в 1893 году, а на военную службу поступил в 1911 году. Участник Первой

мировой войны, лейтенант. В 1937 году — командир артиллерийского полка, полковник. С 1 сентября 1939 года — начальник штаба армейского корпуса, генерал-майор. 14 июня 1941 года был назначен командиром 13-й танковой дивизии.

14-я танковая дивизия была сформирована 15 августа 1940 года на базе 4-й пехотной дивизии. В ее состав вошли 14-я мотопехотная бригада (103-й и 108-й мотопехотные полки, 64-й мотоциклетный батальон), 36-й танковый полк, 4-й танковый артиллерийский полк, 40-й танковый разведывательный батальон, 4-й батальон самоходной артиллерии, танковый батальон связи, инженерно-саперный батальон, подразделения боевого и тылового обеспечения. Дивизия участвовала в боевых действиях на Балканах. В июне 1941 года была введена в состав 3-го моторизованного армейского корпуса 1-й танковой группы. В составе ее 36-го танкового полка насчитывалось 147 танков, в том числе 71 PZ-III и 45 PZ-II. Командовал дивизией с 15 марта 1941 года по 30 июня 1942 года генерал-майор Фридрих Кюн. Он родился в 1889 году, а военную службу начал в 1909 году. Участник Первой мировой войны. С 1936 года — полковник. В начале Второй мировой войны командовал танковой бригадой, генерал-майор, был награжден Рыцарским крестом.

16-я танковая дивизия была сформирована 1 ноября 1940 года на базе 16-й мотопехотной дивизии. В ее состав вошли 16-я мотопехотная бригада (64-й и 79-мотопехотные полки, 16-й мотоциклетный батальон), 2-й танковый полк, 16-й танковый артиллерийский полк, 15-й танковый разведывательный батальон, 16-й батальон самоходной артиллерии, танковый батальон связи, инженерно-саперный батальон, подразделения боевого и тылового обеспечения. В начале Второй мировой войны дивизия находилась в Румынии, а в

июне 1941 года была введена в состав 48-го моторизованного армейского корпуса 1-й танковой группы. В составе ее 2-го танкового полка насчитывалось 146 танков, в том числе 71 PZ-III и 44 PZ-II. Командовал дивизией с июня 1940 года по 14 сентября 1942 года генерал-майор Ганс-Валентин Хубе. Он родился в 1890 году, на военной службе с 1909 года. Во время Первой мировой войны служил офицером в пехоте, был тяжело ранен, потерял левую руку, но продолжал служить. С 1936 года — полковник. Командовал полком, а с июля 1940 года — 16-й танковой дивизией, генерал-майор.

В состав 1-й танковой группы также входили моторизованные дивизии СС «Адольф Гитлер» и «Викинг».

Моторизованная дивизия «Адольф Гитлер» была сформирована 17 марта 1933 года Й. Дитрихом как штабная стража СС «Берлин» в качестве части личной охраны А. Гитлера. Вскоре переименована в зондеркоманду СС «Берлин». В сентябре 1933 года несколько зондеркоманд были объединены в «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер». В 1940 году эта часть была развернута в бригаду, в 1941 году — в моторизованную дивизию. Командиром дивизии был назначен бригадефюрер СС Й. Дитрих. Он родился в Баварии в 1892 году. В 1911 году был призван в армию. Участник Первой мировой войны. В конце войны служил в танковых войсках, вице-вахмистр, награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса. В 1919 году был демобилизован и поступил в Баварскую земельную полицию. Участник «Пивного путча» 1923 года, за что был уволен из полиции. Работал продавцом, официантом. С 1928 года — член НСДАП, начальник личной охраны А. Гитлера. С 1929 года — командир 1-го штандарта СС (Мюнхен). С марта 1933 года — командир специальной команды «Берлин» для охраны имперской канцелярии, обергруппенфюрер СС. Затем — командир

моторизованной бригады СС «Адольф Гитлер». За бои на территории Франции был награжден Рыцарским крестом. С середины 1941 года — командир моторизованной дивизии СС «Адольф Гитлер», генерал войск СС.

Моторизованная дивизия «Викинг» была сформирована на базе мотопехотной дивизии СС «Германия» в январе 1941 года. Ее командиром был назначен бригадефюрер СС Феликс Штейнер. Он родился в 1896 году в Восточной Пруссии. На военную службу был призван в марте 1914 года. Участник Первой мировой войны, обер-лейтенант. Награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса. С 1920 года в рейхсвере: командир роты, адъютант пехотного полка. В декабре 1933 года вышел в отставку и поступил в Прусскую земельную полицию. В январе 1934 года вступил в НСДАП. С 1935 года — оберштурмбаннфюрер военизированного отряда СС. Затем занимался подготовкой штурмовых частей. С 1936 года — командир штандарта «Дойчланд». Участвовал в оккупации Судетской области, в Польской и Французской кампаниях. В декабре 1940 года назначен командиром формирующейся дивизии СС «Германия», которая в марте 1941 года была переименована в дивизию СС «Викинг», бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС. В 1940 году был награжден Рыцарским крестом[5].

Таким образом, против Украины и Молдавии к 22 июня 1941 года была сосредоточена мощная группировка сухопутных войск Германии, сведенная в группу армий «Юг», состоящую из нескольких общевойсковых армий и одной танковой группы. Во главе объединений и соединений стояли грамотные военачальники, имевшие хорошее военное образование и опыт командования крупными формированиями войск в 1939 и 1940 годах.

АРМИИ ПРИКРЫТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ

В соответствии со взглядами и планами советского военно-политического руководства на оборону страны в случае нападения на ее территорию агрессора основные задачи обороны должны были решать армии прикрытия государственной границы, которые в количестве 10 к началу 1941 года были развернуты на западной границе СССР. При этом две армии были развернуты в полосе Прибалтийского Особого военного округа, три армии — в полосе Западного Особого военного округа, четыре армии — в полосе Киевского Особого военного округа и одна — в полосе Одесского военного округа.

Планы прикрытия государственной границы до армий Киевского Особого военного округа были доведены в середине апреля 1941 года, и частично некоторые оборонительные мероприятия к тому времени были проведены. Но эти мероприятия проводились под видом учений, и конкретного настроя на скорую войну командующие и командиры со стороны штаба Киевского Особого военного округа не имели. Поэтому даже в ночь на 22 июня все чувствовали себя в условиях мирного времени: после проведения субботних мероприятий во многих гарнизонах и казармах личный состав отошел ко сну. Немецкие наблюдатели в своих докладах отмечали: «Русские ничего не подозревают, у них горит свет».

В то же время нужно помнить, что еще 11 июня в адрес Военных советов 5-й, 6-й, 12-й и 26-й армий Военным советом Киевского Особого военного округа была направлена директива № А1/00211. В ней, в частности, предусматривалось:

1. В целях сокращения сроков боеготовности частей прикрытия и отрядов, выделяемых для поддержки погранвойск, провести следующие мероприятия:

а) Носимый запас винтовочных патронов иметь в опечатанных ящиках. На каждый станковый иметь две набитые и уложенные в коробки 50 % боекомплекта, и на ручной пулемет 50 % снаряженных магазинов...

б) Ручные и ружейные гранаты хранить комплектами в складах части в специальных ящиках для каждого подразделения.

в) ½ боекоплекта артснарядов и мин неприкосновенного запаса для всех частей прикрытия иметь в окончательно снаряженном виде...

е) Запас горючего для всех типов машин иметь по две заправки — одна залитая в баки машин (тракторов) и одна в цистернах (бочках).

В моторизованных и танковых частях:

а) На каждую боевую машину в складах иметь ½ артснарядов неприкосновенного запаса в окончательно снаряженном виде и 50 % боекомплекта патронов, набитых в ленты и диски. В частях, где до получения настоящей директивы было окончательно снаряжено свыше 50 % боекомплекта артснарядов, дальнейшее хранение их продолжать в снаряженном виде.

Переснаряжение магазинов производить через каждые два месяца.

Укладку снарядов и снаряженных магазинов в машины производить по объявлении боевой тревоги.

в) Запас горючего для всех типов машин иметь по две заправки — одна залитая в баки машин (тракторов) и одна в цистернах (бочках).

Сроки готовности по тревоге устанавливались: для стрелковых и артиллерийских частей на конной тяге — 2 часа; для кавалерийских, мотомеханизированных частей и артиллерии на мехтяге — 3 часа. Зимой готовность частей соответственно — 3 и 4 часа. Для отрядов поддержки готовность — 45 минут.

При объявлении боевой тревоги командованием части должны были проводиться следующие мероприятия:

а) Выделяется командный и красноармейский состав в количестве, обеспечивающем охрану и возможность выполнения всех работ по переходу части на военное положение. Зенитные пулеметы и артиллерия занимают заранее подготовленные огневые позиции и подготавливаются для немедленного открытия огня по самолетам и парашютистам противника.

б) Усиливается охрана складов, парков и гаражей.

в) Возимый запас огнеприпасов, горючего и продовольствия для первого эшелона укладывается в обоз (боевые машины); носимый запас огнеприпасов выдается на руки на сборном пункте. В танковых частях магазины с патронами и снаряды вкладываются в машины.

г) Проверяется наличие полной заправки всех боевых и транспортных машин горючим и маслом.

д) Заранее заготовленные карты неприкосновенного запаса выдаются на руки командному и начальствующему составу по особому приказанию, а командирам отрядов поддержки погранвоск — немедленно.

е) Боевые противогазы выдаются всему личному составу на руки.

ж) Телефонные элементы заливаются водой по особому приказанию.

Подъем частей по тревоге и выход их на сборные пункты должен был быть доведен до автоматизма. Для этого требовалось особенно четко поставить внутренний распорядок дня части, отработать и проверить службу оповещения командного состава, а хранение имущества должно было обеспечить быструю его выдачу в подразделения.

В исполнение настоящей директивы военным советам армий было приказано немедленно отдать подчиненным соединениям и частям соответствующие распоряжения и организовать проверку их точного выполнения[1].

Казалось бы, командование Киевского Особого военного округа предусмотрело действенные меры по отражению готовящейся агрессии противника. Но страх «как бы чего не вышло» все же имел место. Поэтому когда 19 июня командующий 12-й армией обратился в штаб Киевского Особого военного округа с вопросом о том, когда можно открывать огонь по германским самолетам, вторгающимся в воздушное пространство СССР, командующий округом приказал ответить, что огонь можно открывать только в случаях:

а) если будет дано особое распоряжение Военного совета округа;

б) при объявлении всеобщей мобилизации;

в) при введении в действие плана прикрытия, если при этом не будет особого запрещения.

В завершение телеграммы командующий округом напомнил командованию 12-й армии, что «мы огонь зенитной артиллерии по немецким самолетам в мирное время не ведем». Это позволило авиации противника непосредственно накануне начала войны безнаказанно вести разведку обороны советских войск на всю ее тактическую, а в ряде случаев и на оперативную глубину.

Предварительный замысел прикрытия государственной границы штабом Киевского Особого военного округа («КОВО-41») был разработан в середине апреля 1941 года. В соответствии с этим планом для прикрытия участка советско-германской и советско-венгерской границы протяженностью 940 километров все силы Киевского Особого военного округа к началу войны были разделены на первый эшелон и резерв. В первом эшелоне (эшелоне прикрытия государственной границы) находились 5, 6, 26 и 12-я армии. Резерв составляли прибывающие 19-я и 16-я армии, а также 10 корпусов окружного подчинения. Более детального плана обороны в случае внезапного начала войны в рамках фронтовой оборонительной операции разработано не было.

Также необходимо отметить, что личной инициативы штаб Киевского Особого военного округа в последние недели перед началом Великой Отечественной войны практически не проявлял. Командующий и штаб до последних мирных дней всячески стремились предельно четко выполнять указания Москвы с тем, чтобы не обострить военно-политической обстановки на советско-германской границе. Все проводимые ими мероприятия имели двойственное значение: одной стороны, они пытались держать подчиненные войска в повышенной боевой готовности, с другой — не принимали решительных мер обороны на случай войны. При такой политике вся тяжесть первого удара врага должна была лечь на плечи 5-й, 6-й, 26-й и 12-й армий прикрытия государственной граница.

По плану «Барбаросса», главный удар на южном крыле советско-германского фронта должен был наноситься в направлении на Львов и Киев. На этом направлении немецко-фашистское командование сосредоточило группировку в со-

ставе 1-й танковой группы и 6-й полевой армии (5 танковых, 4 моторизованных и 12 пехотных дивизий). В первом эшелоне германской группировки к исходу 21 июня было развернуто одиннадцать пехотных и две танковых дивизии. В танковых дивизиях противника по штату числилось по 135 танков. Ударную группировку поддерживали основные силы 4-го воздушного флота. Всего в составе данной группировки, по подсчетам советских военных историков, насчитывалось 260 тысяч личного состава, 560 танков, почти 2 тысячи орудий и минометов, 1112 противотанковых орудий.

С советской стороны этим силам противостояли войска 5-й армии Юго-Западного фронта, которые дислоцировались в районе Ковель, Червоноград, Ровно. В командование армией в январе 1941 года вступил генерал-майор танковых войск М.И. Потапов. Членом военного совета был дивизионный комиссар М.С. Никишев, начальником штаба армии — генерал-майор Д.С. Писаревский.

Генерал-лейтенант Михаил Иванович Потапов был молодым военачальником. В Красную Армию вступил в 1920 году, в 1922 году окончил командные кавалерийские курсы, а в 1936 году — Военную академию механизации и моторизации РККА (в последующем — Военная академия бронетанковых войск имени Р.Я. Малиновского). После академии он сразу же был назначен командиром механизированного полка, затем в 1939 году — командиром танковой бригады. Тогда бронетанковые войска были в особом фаворе. Во время событий на реке Халхин-Гол Потапов становится заместителем командующего 1-й армейской группой комкора Г.К. Жукова, который проникся к молодому танкисту особым чувством симпатии. С июня 1940 года Михаил Иванович уже командир 4-го механизированного корпуса Киевского Особого во-

сиого округа, а с 17 января 1941 года — командующий 5-й армией этого военного округа.

Безусловно, опыта планирования первой армейской оборонительной операции у командующего 5-й армией не было. Несмотря на это, план прикрытия государственной границы был отработан штабом Киевского Особого военного округа и доведен до штаба армии в конце февраля 1941 года, то есть почти за четыре месяца до начала агрессии. В соответствии с этим документом весь район прикрытия был разбит на два участка, а оперативное построение войск создавалось в два эшелона.

Участок прикрытия № 1, протяженностью по фронту 84 километра, создавался на основе 15-го стрелкового корпуса (командир полковник И.И. Федюнинский) с задачей не допустить прорыва противника в направлении Холм, Ковель. Участок прикрытия № 2, протяженностью по фронту 92 километра, создавался на основе 27-го стрелкового корпуса (командир генерал-майор П.Д. Артеменко). Задачей этого участка было, опираясь на заранее подготовленные оборонительные рубежи Владимир-Волынского укрепленного района, 1-й и 2-й узлы обороны Струмиловского укрепленного района, прочно прикрыть госграницу и не допустить прорыва противника на территорию СССР в двух направлениях: Красностав, Луцк и Замостье, Тышовцы, Сокаль, Горохув.

Во втором эшелоне командующего армией находился 22-й механизированный корпус, который был сформирован из танковых бригад, которые были развернуты в танковые дивизии всего за месяц до начала войны. Тем не менее это было достаточно мощное соединение, в составе которого насчитывалось 707 танков. Правда, в корпусе был только 31 танк КВ и совсем не было танков Т-34[2].

В 1989 году «Воениздат» выпустил в свет книгу А.В. Владимирского «На Киевском направлении», составленную по опыту ведения боевых действий 5-й армией Юго-Западного фронта в июне — сентябре 1941 года. В ней автор довольно детально, на основании новых открывшихся документов, рассмотрел этот вопрос, сделал ряд грамотных, обоснованных выводов. По вопросу реализации плана прикрытия и подготовки войск армии автор пишет: «Мобилизационные планы во всех стрелковых соединениях и частях были отработаны. Они систематически проверялись вышестоящими штабами, уточнялись и исправлялись. Приписка к соединениям и частям личного состава, мехтранспорта, лошадей, обозно-вещевого имущества за счет ресурсов народного хозяйства была в основном закончена (кроме 135 стрелковой дивизии)». Но следует отметить, что А.В. Владимирский пишет о Мобилизационном плане, а не оперативном Плане прикрытия государственной границы, которые по задачам и содержанию представляют собой совершенно разные документы. Первый говорит о том, как собрать войска, второй — как их использовать для решения стоящей боевой задачи[3].

Для ответа на второй вопрос берем воспоминания бывшего начальника штаба 15-го стрелкового корпуса генерал-майора З.З. Рогозного. Корпус должен был составить основу участка обороны № 1 района прикрытия 5-й армии. Он пишет, что с планом обороны накануне войны в штабе армии были ознакомлены командир, начальник штаба корпуса, а также все командиры дивизий, которые уяснили стоящие перед ними боевые задачи. Однако документов, касающихся планов обороны, штабы корпуса и дивизий не имели, следовательно, свои планы не разрабатывали[4].

Определенный интерес в деле освещения последних дней мира и начала Великой Отечественной войны представляет собой сохранившийся в архиве отчет командира 45-й стрелковой дивизии 15-го стрелкового корпуса генерал-майора Г.И. Шерстюка, который в командование этим соединение вступил в апреле 1941 года. Дивизия должна была занимать оборону на фронте до 58 километров, создавая подучасток обороны № 1 участка прикрытия № 1. Штаб 45-й стрелковой дивизии дислоцировался в городе Ковель. Г.И. Шерстюк пишет о том, что при изучении планов боевой готовности частей 45-й стрелковой дивизии он был удивлен тем, что руководящие офицеры штаба дивизии (начальник штаба полковник Чумаков) и командиры стрелковых и артиллерийских полков с их штабами «не знали рубежа обороны госграницы», а следовательно, не отрабатывали вопросов «выдвижения, занятия оборонительных рубежей и ведения боя за удержание госграницы, как это проигрывалось в бытность моего командования 97-й стрелковой дивизии 6-й армии»[5].

Также о последних мирных днях 15-го стрелкового корпуса в архиве сохранились воспоминания бывшего начальника штаба 62-й стрелковой дивизии П.А. Новичкова, основные силы которой должны были находиться в резерве участка прикрытия № 1. Письменного документа об организации обороны государственной границы, по утверждению П.А. Новичкова, дивизия не имела. Однако он подтверждает тот факт, что в первых числах апреля командиры и начальники штабов 87-й и 45-й стрелковых дивизий были вызван в штаб 5-й армии, где получили карты масштаба 1: 100 000 и собственноручно произвели выкопировки батальонных районов с армейского плана инженерного оборудования полос обороны соединений[6].

Из отчета командира 135-й стрелковой дивизии генерал-майора Ф.Н. Смехотворова (резерв 5-й армии) также следует, что План обороны государственной границы до него и командиров частей дивизии заблаговременно доведен не был. Ему также не было известно о состоянии подготовки оборонительного рубежа, так как всеми работами по подготовке рубежа руководили штабы 5-й армии и 27-го стрелкового корпуса. На него, как на командира дивизии, возлагалась задача только своевременно отправлять рабочую силу в составе трех стрелковых батальонов, сменяя их через каждый месяц. Кроме того, было известно, что на государственной границе бессменно работали саперный батальон дивизии и дивизионный инженер. Но все эти подразделения подчинялись непосредственно корпусному инженеру и командованию дивизии никаких отчетов не представляли[7].

Таким образом, план прикрытия государственной границы штабом 5-й армии накануне войны разработан был, но на основании многих свидетельств военачальников различных рангов можно сделать вывод, что командиры и штабы подчиненных армии соединений с содержанием этого плана заблаговременно ознакомлены не были.

Южнее 5-й армии по плану штаба Киевского Особого военного округа должна была обороняться 6-я армия. Она была развернута в 1938 году из Винницкой группы войск, в сентябре того же года участвовала в освободительном походе советских войск в Западную Украину. В результате этого похода войска 6-й армии подошли к городу Львову, который к тому времени уже был занят германскими войсками. Тогда советские дипломаты вынуждены были напомнить германскому правительству о секретном договоре раздела Польши и потребовали отвода немецких войск от Львова на 50 кило-

метров восточнее. Гитлеровское руководство было вынуждено выполнить эти требования и покинуть этот город. Тогда этой армией командовал генерал Ф.И. Голиков.

После назначения С.К. Тимошенко наркомом обороны СССР летом 1940 года генерал Ф.И. Голиков был переведен в Москву и назначен на должность начальника Разведывательного управления и заместителя начальника Генерального штаба РККА. Новым командующим 6-й армией был назначен генерал-лейтенант И.Н. Музыченко, хорошо знакомый Г.К. Жукову по освободительному походу советских войск на Западную Украину, а С.К. Тимошенко — по советско-финляндской войне (начальник штаба комбриг Н.П. Иванов, член Военного совета дивизионный комиссар Н.К. Попов).

В то время генерал-лейтенанту Ивану Николаевичу Музыченко еще не было и сорока. В тревожном 1917 году был призван в русскую армию, но принять участие в Первой мировой войне не успел. В 1918 году он поступил на службу в Красную Армию. В годы Гражданской войны воевал против повстанческих отрядов С.Н. Булак-Булаховича, А.С. Антонова, в Чечне и Дагестане в должности военкома снабжения бригады, комиссар кавалерийского полка. В 1927 году Музыченко прошел обучение на Курсах усовершенствования командного состава, и больше нигде не учился. Несмотря на это, в 1932 году он был назначен командиром кавалерийского полка, в 1937 году — командиром кавалерийской дивизии. В 1940 году в должности командира 4-й стрелковой дивизии он принял участие в советско-финляндской войне. После этого в июне 1940 года Музыченко был назначен командиром 6-го стрелкового корпуса, а всего через месяц — командующим войсками самой сильной 6-й армией Киевского Особого военного округа.

Самой сильной по составу 6-я армия была не просто так. По мнению Генерального штаба РККА и штаба Киевского Особого военного округа, наиболее вероятным направлением главного удара противника могло быть направление на Львов и Тернополь, расположенное в междуречье Западного Буга и Сана. Нанесение главного удара в этом направлении объяснялось удобной конфигурацией фронта, что обеспечивало кратчайший путь выхода в наиболее экономически развитые районы и во фланг всей южной группировке советских войск. Также немаловажным было и то, что на этом направлении имелась развитая сеть железных и шоссейных дорог, а население бывшей Польши к советской власти относилось враждебно.

Поэтому для прикрытия данного направления в составе 6-й армии находились 6-й стрелковый корпус (41-я, 97-я, 159-я стрелковые дивизии), 4-й механизированный корпус (10-я, 37-я танковые и 212-я моторизованная дивизии), 3-я кавалерийская дивизия, 324-й гаубичный и 135-й пушечный артиллерийские полки РГК, 4-я дивизион ПВО и 19-й батальон ВНОС, а также управление вновь формируемого Тернопольского бригадного района ПВО (срок окончания формирования 1 июля 1941 года), Струмиловский (44-й и 149-й отдельные пулеметные батальоны, 345-й артиллерийский полк) и Рава-Русский (21-й, 36-й и 141-й отдельные пулеметные батальоны) укрепленные районы, 91-й погранотряд, 1-я и 2-я комендатуры 92-го погранотряда, а также 15-я авиационная дивизия (23-й, 28-й истребительные авиационные полки, 66-й штурмовой авиационный полк) и 20-й истребительный авиационный полк, который должен был передаваться командующему 6-й армии из состава 17-й авиационной дивизии. Достаточно сказать, что кроме другого вооружения в

составе этих сил насчитывалось 1259 единиц бронетанковой техники (101 тяжелый танк КВ, 359 средних танков Т-34, 475 легких танков Т-26 и БТ, 98 единиц специальных танков и бронемашин).

В соответствии с Планом прикрытия Киевского Особого военного округа войска 6-й армии должны были, «прочно опираясь на предполье и оборонительные сооружения 3, 1 и 5 узлов обороны Струмиловского и Рава-Русского укрепленных районов», не допустить прорыва противника на территорию СССР на участке от местечка Крыстынополь до Грабовец на фронте шириной 165 километров.

К началу войны командующим и штабом 6-й армии также был разработан План прикрытия государственной границы, который читателю предлагается в приложении этой книги. Как и в 5-й армии, район прикрытия армии разбивался на два участка, а оперативное построение объединения было в один эшелон с выделением сильного общевойскового резерва.

Участок прикрытия № 1 (иск. Крыстынополь, Угнув) должен был обороняться силами 3-й кавалерийской дивизии, 44-го и 140-го отдельных пулеметных батальонов, 345-м артиллерийским полком Струмиловского укрепленного района, а также двумя комендатурами (без 8-й заставы) 91-го пограничного отряда. Эти силы, по расчету штаба армии, должны были занять свои районы обороны на государственной границе через 6—9 часов 30 минут летом и через 7—10 часов 30 минут зимой после объявления тревоги.

Участок прикрытия № 2 (иск. Угнув, Грабовец) должен был обороняться силами 6-го стрелкового корпуса (41-я и 97-я стрелковые дивизии), 135-го гаубичного и пушечного полков РГК, 21-м, 36-м и 141-м отдельными пулеметными батальонами Рава-Русского укрепленного района, заставами

двух комендатур 91-го и двух комендатур 92-го пограничных отрядов. Войска участка прикрытия № 2 должны были занять свои районы обороны государственной границы после объявления боевой тревоги через 6—9 часов летом и через 7—10 часов зимой.

В резерве района прикрытия командующий армией планировал иметь 4-й механизированный корпус и 159-ю стрелковую дивизию.

Без преувеличений можно сказать, что План прикрытия государственной границы 6-й армией Киевского Особого военного округа представлял собой с большой тщательностью и грамотностью отработанный руководящий боевой документ с расшифровкой боевых задач до каждого полка (артиллерийского дивизиона) включительно.

И снова уместно поставить вопрос о том, как был реализован этот план на практике.

В Центральном архиве Министерства обороны хранятся воспоминания начальника штаба 6-й армии комбрига (в последующем генерал-майора) Н.П. Иванова, который был назначен начальником штаба этого объединения 26 мая 1941 года. Вполне понятно, что все время, оставшееся до начала войны, он посвятил изучению обстановки и знакомству с войсками.

Н.П. Иванов пишет, что к 22 июня 1941 года на государственной границе в полосе 6-й армии располагались только пограничные отряды и находились многочисленные строительные подразделения. Несмотря на безусловные признаки готовящейся агрессии со стороны германских войск, командующий Киевским Особым военным округом запретил приводить войска 6-й армии в боевую готовность и выдвигать части прикрытия к государственной границе. Этот запрет

продолжал действовать даже после начала противником боевых действий вплоть до середины 22 июня 1941 года.

Вечером 21 июня штаб округа предупредил командующего армией о возможности провокаций со стороны немцев и приказал ему, а также подчиненным командирам корпусов и дивизий находиться на своих командных пунктах рядом с телефонными аппаратами. Но так как командный пункт 6-й армии к тому времени еще не был оборудован, то в ночь с 21 на 22 июня все члены Военного совета армии находились в своем помещении в центре Львова. Никаких сигналов войскам армии о приведении их в боевую готовность не поступало.

Это же подтверждают и другие оставшиеся в живых командиры соединений и частей 6-й армии, которые также утверждают, что план прикрытия государственной границы, в части, касающейся соединений и частей, до них заблаговременно доведен не был.

Таким образом, план прикрытия государственной границы штабом 6-й армии накануне войны разработан был, но до командиров и штабов подчиненных армии соединений до начала войны доведен не был.

Еще южнее от 6-й армии, по замыслу штаба Киевского Особого военного округа, должны были обороняться войска 26-й армии. Эта армия была сформирована в начале 1941 года из кавалерийской группы для прикрытия 130-километрового участка государственной границы, расположенного между 6-й и 12-й армиями. При формировании был назначен временный командный состав армии (командующий полковник И.С. Вареников, член Военного совета бригадный комиссар Д.Е. Колесников, начальник штаба полковник Н.П. Ступников). Несколько позже в командование армией вступил

генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко, полковник И.С. Варенников был перемещен на должность начальника штаба армии, полковник Н.П. Ступников — на должность начальника оперативного отдела, командующим артиллерией армии был назначен полковник Н.Н. Семенов.

Генерал-лейтенант Федор Яковлевич Костенко был профессиональным военным. Призванный в русскую армию в 1915 году, он солдатом участвовал в Первой мировой войне. В 1918 году вступил в Красную Армию. В Гражданскую войну был старшиной роты, помощником командира кавалерийского эскадрона в 1-й конной армии. После войны в 1924 году окончил Ленинградские курсы среднего комсостава. Этого оказалось достаточно для того, чтобы в 1939 году Костенко был назначен командиром кавалерийского корпуса и командиром армейской кавалерийской группы. А в октябре 1940 года он стал командующим 26-й армией Киевского Особого военного округа. Это был исключительно преданный советской власти военачальник, хороший знакомый С.К. Тимошенко и Г.К. Жукова, но это не могло существенно повлиять на формирование его оперативного мышления.

План прикрытия государственной границы войсками 26-й армии Киевского Особого военного округа был доведен 2 мая 1941 года. По этому плану, войска армии и округа в отведенной полосе должны были создать район прикрытия по линии Перемышльского укрепленного района и реки Сан. Для выполнения этой задачи в распоряжении командующего 26-й армией были 8-й стрелковый корпус (99-я, 72-я горнострелковые и 173-я стрелковая дивизии), 8-й механизированный корпус (12, 34-я танковая, 7-я моторизованная дивизии), 376-й гаубичный полк РГК, 259-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, Перемышльский укрепленный

район (два пульбата и три пульроты), две пограничные комендатуры 92-го и четыре пограничные комендатуры 93-го пограничных отрядов. Кроме того, с воздуха войска должны были прикрывать два авиационных полка. Штаб армии должен был располагаться в Самборе. Бренетанковый парк 8-го механизированного корпуса был хорошо укомплектован новыми танками: КВ — 119 штук, Т-34 — 100 штук, легких танков и бронемашин — 983 штуки. Всего же в корпусе насчитывалось 1202 бронеединицы.

При этом необходимо отметить, что расположение 26-й армии было наименее благоприятным для ведения оборонительных действий по сравнению с остальными объединениями Киевского Особого военного округа. Ее войска располагались в своеобразном выступе, обращенном в западную сторону, у которого имелись сильно уязвимые фланги.

План прикрытия государственной границы частями 26-й армии был ее разработан штабом в мае 1941 года. Войска армии должны были встретить противника, опираясь на полевые оборонительные сооружения Перемышльского укрепленного района и реку Сан.

Боевой порядок армии строился в один эшелон с выделением сильного резерва (ударной группы). В первом эшелоне было решено иметь 8-й стрелковый корпус, в резерве — 8-й механизированный корпус и 173-ю стрелковую дивизию.

В отличие от двух первых армий, выдержки из этого плана, в части, их касающейся, были в специальных опечатанных пакетах доведены до штабов соединений и отдельных частей. Но вскрывать их можно было только после получения шифрограммы за подписью командующего, члена Военного совета и начальника штаба 26-й армии: «Самбор. Вскрыть пакет «0025».

В отношении устного доведения содержания армейского плана до подчиненных соединений существует несколько сведений. Одни военачальники утверждают, что об этом плане ничего не знали, другие признаются, что кое-что им было известно..

Так, командир 72-й стрелковой дивизии 8-го стрелкового корпуса 26-й армии полковник П.И. Абрамидзе уже после войны в своих воспоминаниях писал, что мобилизационного плана (МП-41) до начала войны он не знал, но после вскрытия пакета убедился, что все командно-штабные учения и другие подготовительные работы накануне войны велись в строгом соответствии с этим планом. Он также подтверждает тот факт, что 15 июня штаб дивизии получил шифровку о приведении соединения в боевую готовность. 19 июня в его распоряжение перешли пограничные подразделения, осуществлявшие охрану границы в полосе дивизии. Правда, затем, 20 июня 1941 года, пришла шифровка от Генерального штаба, которая требовала все подразделения и части дивизии, расположенные на границе, отвести на несколько километров на восток, то есть на рубеж подготовленных позиций. Также требовалось ни на какие провокации со стороны немецких частей не отвечать, пока те не нарушат государственную границу. Но при этом все дивизии должны быть приведены в боевую готовность.

В отличие от командира 72-й стрелковой дивизии бывший начальник штаба 99-й стрелковой дивизии 8-го стрелкового корпуса С.Ф. Горохов подтверждает, что План обороны государственной границы, в части, касающейся этой дивизии, был им получен в феврале—марте 1941 года в опечатанном конверте. Правда, с исполнителями этот документ заранее никак не согласовывался, а поступил в виде директивных

указаний. Однако еще до получения этого конверта, во время приезда в дивизию, командующий армией довел до командира дивизии и начальника штаба главное содержание Плана прикрытия государственной границы, сообщив полосу обороны, разграничительные линии, места командных и наблюдательных пунктов, огневых позиций артиллерии.

Южнее 26-й армии должны были занять полосу обороны войска 12-й армии. Эта армия в 1940 году формировалась на территории Западной Украины и предназначалась для действий против венгерских войск, развертывавшихся в Закарпатье. До конца весны 1941 года обязанности командующего армией исполняли генерал-лейтенант Пшенников, и только в конце мая на эту должность был назначен генерал-майор П.Г. Понеделин. Членом Военного совета армии являлся бригадный комиссар И.П. Куликов, а должность начальника штаба занимал генерал-майор Б.И. Арушунян.

К началу войны Павлу Григорьевичу Понеделину было 48 лет. В русскую армию он был призван в 1914 году, в 1916 году окончил Московскую школу прапорщиков, участвовал в Первой мировой войне в должности командира роты. В Красную Армию Понеделин был мобилизован в 1918 году. В годы Гражданской войны командовал полком и бригадой, был награжден двумя орденами Красного Знамени. В 1926 году он окончил Военную академию РККА (Военную академию имени М.В. Фрунзе). В советско-финляндскую войну командовал стрелковой дивизией. С июня 1940 года — начальник штаба Ленинградского военного округа. С марта 1941 года — командующий 12-й армией Киевского Особого военного округа. Таким образом, это был один из самых грамотных и опытных военачальников из числа командармов Киевского Особого военного округа.

Начальник штаба 12-й армии Баграт Исаакович Арушанян также имел некоторый боевой стаж в годы Гражданской войны. В 1936 году он окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. После академии командовал полком, дивизией, отличился в боях на Карельском перешейке во время советско-финляндской войны.

Планом прикрытия государственной границы 12-й армии предусматривалось на ее базе создание района прикрытия № 4 с границей справа от Проскурова до Самбора и Творильне, слева — Ямполь, Могилев-Подольский, Липканы со штабом вё Станиславе. Общая ширина фронта обороны армии достигала 500 километров. В составе войск этого района прикрытия должны были находиться 13-й (командир генерал-майор Н.К. Кириллов) и 17-й стрелковые корпуса (командир генерал-майор И.В. Галанин), а также 16-й механизированный корпус (командир комдив А.Д. Соколов), на вооружении которого было 846 танков и бронемашин, в том числе Т-34 — 75, БТ — 369 и Т-26—214.

Этот корпус начал формироваться за восемь месяцев до начала войны. Тогда 14-я танковая бригада была развернута в 15-ю танковую дивизию, командиром которой был назначен Н.В. Фекленко. Затем на базе этой дивизии и был развернут 16-й механизированный корпус, командиром которого стал комдив А.Д. Соколов. Командирами дивизий были назначены бывшие командиры полков 15-й танковой дивизии. К началу войны удалось кое-как добиться того, чтобы боевая техника была освоена экипажами. Но эти экипажи были совершенно безграмотными в вопросе совместных действий в составе подразделений и частей, а командиры соединений и частей очень слабо разбирались в вопросах организации

боевых действий танковых формирований в условиях взаимодействия разнородных сил и средств в бою.

Для выполнения поставленной задачи по решению командующего в полосе обороны 12-й армии было создано три участка прикрытия.

Участок прикрытия № 1 (полоса от Творильне до Делятина шириной 40 километров) должен был обороняться 13-м стрелковым корпусом (192-я горнострелковая и 44-я стрелковая дивизии) совместно с двумя пограничными комендатурами. Участок прикрытия № 2 (полоса от Делятина до Сарта) должен был обороняться 58-й стрелковой дивизий четырьмя пограничными комендатурами и маневренной группой 58-го пограничного отряда. Оборона участка прикрытия № 3 (полоса от Сарта до Липкан) возлагалась на 17-й стрелковый корпус (60-я и 164-я стрелковые дивизии) и два пограничных отряда. В резерве района прикрытия оставались 16-й механизированный корпус и одна 96-я горнострелковая дивизия.

В архиве сохранились воспоминания бывшего начальника штаба 17-го стрелкового корпуса генерал-майора А.И. Баранова. Он утверждает, что выход дивизий в свои полосы обороны под видом проведения лагерных сборов начался в первой половине июня 1941 года. Тогда в указанные районы от каждого полка первого эшелона было выведено по два стрелковых батальона с полковой и дивизионной артиллерией, а также все специальные подразделения. До 80 % артиллерии корпуса также вышли в свои районы. 5 июня части 16-го механизированного корпуса также были выведены в район сбора по тревоге. Однако эти районы находились на удалении от 50 до 100 километров от государственной границы.

Непосредственно по линии государственной границы к началу войны находились только подразделения, выделен-

ные туда для производства строительных работ. Войска в запасных районах располагались в палаточных лагерях, занимаясь боевой подготовкой. Подразделения, оставшиеся на зимних квартирах, также были готовы к быстрому выходу в свои запасные районы. Со всеми соединениями, частями и подразделениями корпуса поддерживалась устойчивая связь по радио и проводными средствами. В начале июня командир корпуса запретил более 30 % офицеров покидать свои части. Но в связи с наступлением выходного дня многие офицеры получили возможность выехать к своим семьям, другие направились на отдых в близлежащие населенные пункты.

Таким образом, в июне 1941 года непосредственно в армиях прикрытия государственной границы Киевского Особого военного округа было 18 стрелковых, одна кавалерийская, 8 танковых и 4 моторизованных дивизий. Численность личного состава этих войск достигала 274 тысяч человек. На их вооружении находилось 3260 танков, около 1500 орудий калибра выше 76 мм, почти 3 тысячи минометов, 770 орудий противотанковой артиллерии, 170 зенитных орудий, более 2 тысяч самолетов. Эти силы в 2 раза уступали противнику по численности личного состава, в 1,9 раза по количеству полевой артиллерии, в 1,4 раза по количеству минометов, в 3,1 раза по численности противотанковой артиллерии и зенитных орудий. Зато они превосходили вражеские войска в 5,3 раза по количеству танков и в 2,9 раза по количеству самолетов.

Также известно, что планы прикрытия государственной границы были разработаны всеми армиями Киевского Особого военного округа. По линии государственной границы были построены или находились в стадии строительства укрепленные районы. До начала войны основные силы этих

армий находились на значительном удалении от предназначенных для их войск районов обороны. В составе их резервов имелось более 3300 танков. Это была большая сила для ведения обороны.

В то же время план прикрытия государственной границы до большинства соединений и частей до начала войны доведен не был. Значительная часть оборонительных сооружений укрепленных районов находилась в стадии строительства, а взаимодействие их гарнизонов с войсками полевого прикрытия организованно не было. Отсутствовала практика использования крупных формирований танковых войск в обороне, часть танков были устаревших конструкций, а новые боевые машины экипажами освоены не были.

Огромным недостатком обороны советских войск, построенной к началу войны, была слабость системы управления, которая основывалась в основном на стационарных линиях проводной связи. Радиосвязь была развита очень плохо, а командиры соединений и частей практически не имели опыта работы с документами по скрытному управлению войсками. В результате этого вся оборонительная громадина, сосредоточенная у западной границы СССР в июне 1941 года, при умелых действиях противника по нарушению управления легко и быстро могла превратиться в неуправляемую дряблую массу, что и случилось с началом Великой Отечественной войны.

В полосе ответственности Одесского военного округа (9-я армия) положение также было не из лучших. В ночь на 8 июня штаб, корпусные части и 74-я стрелковая дивизия 48-го стрелкового корпуса начали перемещение из района Кировограда в район Бельцы. К утру 15 июня управление 48-го корпуса и его 74-я и 30-я дивизии сосредоточились в

лесах восточнее Бельцов. На занятие и оборону конкретных рубежей эти соединения заранее сориентированы не были.

14 июня 1941 года начальник Генерального штаба Г.К. Жуков разрешил Одесскому военному округу выделить армейское управление и 21 июня 1941 года вывести его в Тирасполь, то есть перенести управление 9-й армии на полевой командный пункт. Одновременно приказывалось окружное управление во главе с заместителем командующего округом генералом Н.Е. Чибисовым оставить в Одессе для руководства войсками, расположенными в Крыму.

Затем в войска округа поступил приказ народного комиссара обороны от 19 июня, которым войскам предписывалось замаскировать аэродромы, боевые и транспортные машины, парки и базы, а также рассредоточить самолеты на аэродромах.

Командиром 48-го стрелкового корпуса в марте 1941 года был назначен генерал-майор (позже — Маршал Советского Союза) Р.Я. Малиновский. К большому сожалению, этот видный военачальник своих воспоминаний о начале Великой Отечественной войны не оставил. Зато начальник штаба 48-го стрелкового корпуса А.Г. Батюня позже вспоминал, что до начала Великой Отечественной войны подчиненные соединения и части, укомплектованные по штатам военного времени, дислоцировались в городах Первомайск, Николаев и Кривой Рог, то есть на значительном удалении от государственной границы.

Только в первой половине июня 1941 года, на основании распоряжения штаба Одесского военного округа и штаба корпуса, 74-я стрелковая и 30-я горнострелковая дивизии на автотранспорте были переброшены в район Флорешти. При этом третья стрелковая дивизия и все части корпусного под-

чинения были оставлены в месте постоянной дислокации. Но на новом месте расположения корпуса в его состав была включена 176-я стрелковая дивизия. Все соединения корпуса начали развертываться до штатов военного времени. 30-я горно-стрелковая дивизия, которая по своей организационной структуре не подходила для действий на равнинной местности, комплектовалась, как обычная стрелковая дивизия[8].

Директива наркома обороны о разработке плана прикрытия государственной границы штаб Одесского военного округа получил 6 мая 1941 года. В этой директиве в общих чертах были сформулированы задачи войск округа в случае начала войны с Румынией. Но конкретных задач войскам 9-й армии и входящим в ее состав соединений поставлено не было. План прикрытия государственной границы был представлен в Генеральный штаб штабом Одесского военного округа 20 июня 1941 года. Для его утверждения в Москву выехал заместитель начальника штаба округа по оперативным вопросам полковник Л.В. Ветошников. Он приехал в Москву, когда война уже началась, а это значит, что план фактически уже потерял свою силу.

Не дожидаясь указаний свыше, утром 20 июня управление 9-й армии было поднято по тревоге и под видом командно-штабного учения к исходу дня развернуло командный пункт в заранее оборудованном на случай войны районе, установив связь с соединениями, включенными в состав армии.

Таким образом, Генеральным штабом РККА в первой половине1941 года проводилась большая работа по укреплению Красной Армии, инженерному оборудованию театра военных действий, разведке вероятного противника и планированию военных действий в случае начала войны. В то же время эта работа в основном велась на уровне Генеральный штаб, штабы военных округов и штабы армий прикрытия

государственной границы. До уровня корпусов, дивизий и полков эта работа в полном объеме не опускалась. Поэтому вполне уместно говорить о том, что Великая Отечественная война была внезапной только на тактическом уровне.

В работе советского Генерального штаба не было должной четкости. Многие мероприятия планировались и проводились спонтанно, без конкретной оценки возможной страны и условий сложившейся обстановки. Огромные усилия тратились на инженерное оборудование новой границы СССР, при том что мировой опыт говорил о низкой эффективности таких оборонительных линий в новых условиях ведения военных действий.

Очень много встает вопросов, связанных с разработкой Генеральным штабом, штабами военный округов и армий прикрытия государственной границы основных руководящих документов на случай войны. Качество этих документов можно признать хорошим, но сроки исполнения оказались слишком затянутыми, что сводило на нет всю огромную проделанную работу. В результате этого войска на уровне корпус-дивизия-полк вынуждены были вступать в войну, не имея нужных боевых документов.

Результатом всех этих факторов стало то, что многие мероприятия оборонительного характера не были спланированы или выполнены до 21 июня 1941 года, ко времени, когда до начала агрессии Германии против СССР уже оставались считаные часы.

21 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Последний день мира. Немецкие войска уже готовы к нанесению решительного удара по Советскому Союзу. Осталось только сделать последние штрихи в гигантской картине

приготовлений, прежде чем дать войскам сигнал «Вперед!», с которого, по мнению А. Гитлера и его ближайшего окружения, должен был начаться новый отсчет в мировой истории. Позже в отношении этого дня личный адъютант А. Гитлера по ВВС полковник Н. фон Белов вспоминал:

«21 июня Гитлер продиктовал Обращение к немецкому народу. В нем он изложил всю свою политику с начала войны. Он заявлял:

— Новый подъем нашего народа из нужды, нищеты и позорного унижения происходил под знаком чисто внутреннего возрождения. Это никак не затрагивало Англию особенным образом, а тем более не угрожало ей. Тем не менее, в данный момент вновь началась преисполненная ненависти политика окружения Германии. И внутри страны, и вне ее возник заговор евреев и демократов, большевиков и реакционеров с одной-единственной целью: не допустить образования нового германского народного государства, вновь ввергнуть рейх в состояние бессилия и нищеты.

— Москва, — утверждал Гитлер, — несмотря на все дружественные разговоры, систематично готовится к началу войны. Сосредоточение наших войск на Восточном фронте завершено. Задача этого фронта — уже не защита отдельных стран, а обеспечение самого существования Европы, что означает, спасение всех... Да поможет нам Господь в этой борьбе!»[1]

В этот день начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер отмечает, что условный сигнал «Дортмунд!» (приказ о начале наступления немецких войск на территорию СССР) передан. Осуществлено развертывание немецкой артиллерии для проведения артиллерийской подготовки при пересечении войсками гра-

ницы СССР. Четко спланирована организация работы Генерального штаба с началом операции по плану «Барбаросса».

При этом Генеральный штаб сухопутных войск Германии считал, что на начало операции советские войска будут иметь небольшое превосходство над немецкими по артиллерии, полуторакратное по количеству пехотных дивизий, почти двукратное по количеству танковых и моторизованных дивизий[2].

Вспоминая 21 июня 1941 года, генерал Г. Гудериан в своей книге «Воспоминания солдата» пишет:

«Я находился в передовых частях моих корпусов, проверяя их готовность к наступлению. Тщательное наблюдение за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они проводили развод караулов. Береговые укрепления вдоль Западного Буга не были заняты русскими войсками. Работы по укреплению берега едва ли хоть сколько-нибудь продвинулись вперед за последние недели. Перспективы сохранения момента внезапности были настолько велики, что возник вопрос, стоит ли при таких обстоятельствах проводить артиллерийскую подготовку в течение часа, как это предусматривалось приказом. Только из осторожности, чтобы избежать излишних потерь в результате неожиданных действий русских в момент форсирования реки, я приказал провести артиллерийскую подготовку в течение установленного времени»[3].

Всю вторую половину дня 21 июня советский посол в Германии Владимир Деканозов звонил в министерство иностранных дел, добиваясь приема у Риббентропа, с тем чтобы вручить ему протест по поводу продолжавшихся нарушений

советской границы немецкими самолетами. Ему отвечали, что министра иностранных дел нет в городе.

В 21 час 30 минут 21 июня 1941 года, за девять часов до начала немецкой агрессии против СССР, В.М. Молотов принял в своем кабинете в Кремле германского посла Шуленбурга для очередного объяснения. Позже, узнав об этой встрече, У. Черчилль назовет ее «последней глупостью».

— Имеется ряд признаков, — сказал Молотов, — что германское правительство недовольно советским правительством. Даже ходят слухи, что нависает угроза войны между Германией и Советским Союзом. Советское руководство оказалось не в состоянии понять причины недовольства Германии. Я был бы признателен, если бы господин посол разъяснил мне, что привело к нынешнему состоянию германо-советских отношений.

— Я не могу ответить на ваши вопросы, господин министр, поскольку не располагаю соответствующей информацией, — ответил Шуленбург. — Но обещаю, что немедленно свяжусь с Берлином и доложу о вашей озабоченности...

Министр иностранных дел СССР и посол Германии в СССР в тот поздний вечер расстались, не договорившись ни до чего. Но нет сомнений в том, что об этом разговоре было доложено И.В. Сталину. В совокупности с другой информаций, поступившей к тому времени из различных других источников, вечером И.В. Сталин собрал у себя ряд членов Политбюро и пригласил в Кремль наркома обороны СССР Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко и начальника Генерального штаба РККА генерала армии Г.К. Жукова. Правда, позже Г.К. Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» дело представил так, что едва ли не сам он стал инициатором этой встречи и последовавших за ней мероприятий. В частности, он пишет:

«Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик — немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня. Я тотчас же доложил наркому и И.В. Сталину то, что передал М.А. Пуркаев. И.В. Сталин сказал:

— Приезжайте с наркомом в Кремль.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И.В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет, — ответил С.К. Тимошенко. — Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И.В. Сталина вошли члены Политбюро.

— Что будем делать? — спросил И.В. Сталин.

Ответа не последовало.

— Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск пограничных в полную боевую готовность, — сказал нарком.

— Читайте! — ответил И.В. Сталин.

Я прочитал проект директивы. И.В. Сталин заметил:

— Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей.

Войска пограничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Не теряя времени, мы с Н.Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома.

Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить.

И.В. Сталин, прослушав проект директивы и сам еще раз ее прочитав, внес некоторые поправки и передал наркому для подписи»[4].

«Директива

Военным советам ЛВО, ПрибВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО

Копия: народному комиссару Военно-Морского Флота

21 июня 1941 года. 23.00

1. В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточено и замаскировано;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава.

Подготовить все мероприятия по затемнению городков и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить»[5].

С этой директивой Н.Ф. Ватутин немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы тот же час передать ее в округа по закрытым линиям военной связи. После принятия этого документа имеет значение каждая минута. Военные округа, получив документ особой важности, должны немедленно довести его до армий, те — до штабов корпусов и дивизий. Но основной момент — поступление сигнала тревоги в полки, являющиеся основными отдельными частями, призванными выполнять конкретные боевые задачи.

Итак, проконтролируем время отправки директивы в войска. Г.К. Жуков утверждает, что передача директивы в округа была закончена в 00.30 22 июня 1941 года. Это значит, что до начала войны оставалось около трех часов времени.

Примерно то же самое мы находим и в книге А.М. Василевского, который в то время занимал должность заместителя начальника оперативного управления Генерального штаба РККА.

«В июне 1941 года в Генеральный штаб от оперативных отделов западных приграничных округов и армий непрерывно шли донесения одно другого тревожнее. Сосредоточение немецких войск у наших границ закончено. Противник на ряде участков границы приступил к разборке поставленных им ранее проволочных заграждений и к разминированию полос на местности, явно готовя проходы для своих войск к нашим позициям. Крупные танковые группировки немцев выводятся в исходные районы. Ночами ясно слышен шум массы танковых двигателей.

Все работники нашего оперативного управления без каких-либо приказов сверху почти безотлучно находились в те дни на своих служебных местах.

В первом часу ночи на 22 июня нас обязали в срочном порядке передать поступившую от начальника Генерального штаба Г.К. Жукова подписанную наркомом обороны и им директиву в адрес командования Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого и Одесского военных округов.

... В 0 часов 30 минут 22 июня 1941 года директива была послана в округа»[6].

Читая воспоминания ведущих работников Генерального штаба РККА, вполне справедливо может возникнуть вопрос о том, почему же никаких конкретных мер по повышению обороноспособности страны до начала 22 июня предпринято не было. Сам Г.К. Жуков на этот вопрос не дает вразумительного ответа, хотя, как начальник Генерального штаба, он, прежде всего, должен был нести ответственность за неготовность вооруженных сил к отражению агрессии противника. Вместо этого мы читаем: «Нарком обороны, Генеральный штаб и командующие военными приграничными округами были предупреждены о личной ответственности за последствия, которые могут возникнуть из-за неосторожных действий наших войск. Нам было категорически запрещено производить какое-либо выдвижение войск на передовые рубежи по плану прикрытия без личного разрешения И.В. Сталина»[7].

Так вот кто виноват в том, что Красная Армия не встретила агрессора в построенных ею на границе укрепленных районах — И.В. Сталин!!! Как удобно сваливать вину на руководителя государства, культ которого был развенчан последующим правителем! А Наркомат обороны, Генеральный

штаб и лично Г.К. Жуков совершенно ни при чем, и даже не виноваты в том, что искусственно задержали разработку планов прикрытия государственной границы и не обеспечили доведение их до войск. И после этого набраться наглости писать о том, что было «категорически запрещено производить какое-либо выдвижение войск на передовые рубежи по плану прикрытия». Об этих рубежах в соединениях и частях ничего не знали, поэтому и выдвинуться на них они не могли.

В то же время также уместно задать вопрос о том, кто же мешал начальнику Генерального штаба хотя бы с утра 21 июня поднять подчиненные войска по тревоге и вывести их в запасные районы, приказать развернуть запасные командные пункты и проложить полевые линии связи? Подобные действия на своей территории всегда можно осуществить в рамках боевой подготовки войск и практически невозможно назвать агрессией против какого-либо государства. Но, к сожалению, ни С.К. Тимошенко, ни Г.К. Жуков не сделали ничего, чтобы хоть немного обезопасить подчиненные им войска от внезапного удара противника.

Г.К. Жуков при этом ссылается на жесткий запрет И.В. Сталина. Но берем книгу «Накануне», написанную наркомом Военно-Морского Флота адмиралом Н.Г. Кузнецовым. Он пишет, что в последние мирные дни «что ни день, приходили новости, вызывавшие все большую настороженность. Ход событий, как всегда перед развязкой, решительно ускорялся. В Главном морском штабе мы вели график, по которому ясно было видно, что немецкие суда все реже заходят в наши порты. Кривая, падавшая к нулю, наводила на мысль о плане, составленном заранее и осуществляемом с типично немецкой пунктуальностью… Как нам стало известно, немецкий военно-морской атташе фон Баумбах обратился к

своему начальству за разрешением выехать в командировку на родину. Все это нельзя было считать случайным стечением обстоятельств»[8].

Итак, в Наркомате Военно-Морского Флота и в Главном морском штабе внимательно отслеживали подготовку Германии к войне с СССР и, безусловно, докладывали о своих наблюдениях руководству страны. Безусловно, эта информация также поступала в Наркомат обороны СССР и Генеральный штаб РККА. Но об этом практически ничего не пишет Г.К. Жуков. Поэтому читаем дальше воспоминания Г.К. Кузнецова.

«В те напряженные дни ко мне зашел заместитель начальника Генерального штаба Н.Ф. Ватутин. Он сказал, что внимательно читает наши оперативные сводки и докладывает своему начальству. Ватутин обещал немедленно известить нас, если положение станет критическим.

Мы решили однако больше не ждать указаний, начали действовать сами. Балтийский флот 19 июня был переведен на оперативную готовность № 2… 18 июня из района учений в Севастополь вернулся Черноморской флот и получил приказ остаться в готовности № 2.

Субботний вечер 21 июня прошел почти так же, как и предыдущие, полный тревожных сигналов с флотов. Перед выходным мы обычно прекращали работу раньше, но в тот вечер на душе было неспокойно…

В Москве был жаркий и душный вечер. На небе собирались темные тучи, деревья на улице стояли, не шелохнув листом…

Царило затишье и в столичных учреждениях… В тот вечер было как-то особенно тихо. Телефон совсем не звонил, как будто его выключили… Рассеянно перебирал бумаги. Мысли

не могли сосредоточиться на них. Совсем незадолго перед тем мне попался на глаза обзор иностранной печати и сводки ТАСС. Самые разные газеты писали о близкой войне между русскими и немцами. Не могли же все они сговориться!

В 20.00 пришел М.А. Воронцов, только что прибывший из Берлина. В тот вечер Михаил Александрович минут пятьдесят рассказывал мне о том, что делается в Германии. Повторил: нападения нужно ждать с часу на час.

— Что же все это означает? — спросил я его в упор.

— Это война! — ответил он без колебаний.

Едва ушел Воронцов, явился адмирал Л.М. Галлер (начальник Главного штаба ВМФ. — *Авт.*)... Заговорил о напряженной обстановке, о готовности флотов. Около девяти вечера Лев Михайлович ушел из моего кабинета.

(Напомню, что это происходило в 21 час 21 июня, и никаких тревожных сигналов в Наркомат ВМФ сверху не поступало.)

Около 11 часов вечера зазвонил телефон. Я услышал голос маршала С.К. Тимошенко.

— Есть очень важные сведения. Зайдите ко мне.

Наши наркоматы были расположены по соседству... Через несколько минут мы уже поднимались на второй этаж небольшого особняка, где временно находился кабинет С.К. Тимошенко. Маршал, шагая по комнате, диктовал. Генерал армии Г.К. Жуков сидел за столом и что-то писал. Перед ним лежало несколько заполненных листов большого блокнота для радиограмм. Видно, нарком обороны и начальник Генерального штаба работали довольно долго.

Семен Константинович заметил нас, остановился. Коротко, не называя источников, сказал, что считается возможным нападение Германии на нашу страну. Жуков встал и пока-

зал нам телеграмму, которую он заготовил для пограничных округов. Помнится, она была просторной — на трех листах. В ней подробно излагалось, что следует предпринять войскам в случае нападения Германии на нашу страну»[9].

Нарком Военно-Морского Флота сделал все возможное, чтобы обезопасить свои объединения от внезапных ударов противника, и добился этого, несмотря на то, что не было приказов сверху. Сообщение об угрозе нападения до него было доведено наркомом обороны СССР только после 23 часов вечера.

Теперь сравним эти воспоминания с воспоминаниями начальника Генерального штаба РККА Г.К. Жукова. С его слов выходит, что вечер 21 июня 1941 года он с С.К. Тимошенко провели в кабинете И.В. Сталина и именно в Кремле разработали проект директивы наркома войскам, передача которой в войска была закончена в 0 часов 30 минут 22 июня. До вечера 21 июня С.К. Тимошенко и Г.К. Жуков ждали именно таких приказов, и ничего не делали для того, чтобы обезопасить подчиненные им войска.

Берем книгу сотрудника Историко-архивного и военно-мемориального центра Генерального штаба генерал-полковника Ю.А. Горькова. 21 июня в кабинет И.В. Сталина в 18.27 вошел В.М. Молотов. В 19.05 туда прибыли члены Политбюро К.Е. Ворошилов, Л.П. Берия, Н.А. Вознесенский, Г.М. Маленков, а также Н.Г. Кузнецов, С.К. Тимошенко и Г.К. Жуков. Кузнецов, Тимошенко и Г.К. Жуков покинули кабинет в 20 часов 15 минут. Но в 20 часов 50 минут туда вернулись обратно С.К. Тимошенко, Г.К. Жуков, а также был вызван С.М. Буденный. Они покинули кабинет И.В. Сталина в 22 часа 20 минут 21 июня и в тот день больше не возвращались туда[10].

На основании воспоминаний главных действующих лиц и архивных документов вырисовывается определенное несоответствие материала, изложенного в книгах Г.К. Жукова, Н.Г. Кузнецова и Ю.А. Горькова. В обычных условиях, возможно, это бы и не имело принципиального значения. Но за несколько часов до начала войны каждая неточность, потеря каждой минуты, форма и время передачи войскам сигнала «тревога» имеют большое значение, и поэтому правомерно задать ряд вопросов. К сожалению, на эти вопросы до сих пор без архивных документов ответить практически невозможно.

К сожалению, воспоминаний видных военачальников штаба Киевского Особого военного округа о том, как проходил последний мирный день в стенах этого крупного органа военного управления, оставлено не было. Поэтому придется довольствоваться воспоминаниями начальника оперативного отдела штаба округа полковника И.Х. Баграмяна. Он, в частности, пишет, что в конце первой декады июня 1941 года, в связи с обстановкой на границе и многочисленными разведывательными сведениями о подготовке Германии к войне М.П. Кирпонос созвал Военный совет. На этом Военном совете начальник разведки округа в очередной раз проинформировал офицеров и генералов о положении на границе, вплоть до того, что полевые войска Германии сменили охранявших границу пограничников, артиллерийские снаряды складируются прямо на грунт, а вблизи границы собраны тысячи мобилизованных у местного населения подвод для перевозки военного имущества.

На столь тревожный доклад командующий Киевским Особым военным округом решил ограничиться очередным сообщением в Москву и рядом незначительных мероприятий по повышению боевой готовности войск.

Думаю, что нарком сам поторопит нас, как только обстановка станет критической, — сказал он[11].

14 июня 1941 года в штаб Киевского Особого военного округа пришла директива начальника Генерального штаба, которой предписывалось командный пункт округа к 25 июня вывести в Винницу. 18 июня этот срок был перенесен на 22 июня. Но уже утром 19 июня из Москвы пришла телеграмма, в которой было предписано начать формирование управления Юго-Западного фронта, которое к 22 июня необходимо перебросить в район Тернополя. Вечером 20 июня началась отправка первых эшелонов из Киева, а в середине следующего дня в путь тронулась и первая автомобильная колонна. При этом штаб выезжал без оперативного управления, которое, после отправки необходимой документации в Москву, должно было прибыть автотранспортом в Тернополь утром 22 июня. Таким образом, в ночь на 22 июня часть штаба Киевского Особого военного округа, покинув Киев, находилась в движении на Тернополь, где для нее уже готовились помещения и линии связи на базе одной из воинских частей.

19 июня командующий 12-й армией обратился в штаб Киевского Особого военного округа с вопросом о том, когда можно открывать огонь по германским самолетам, вторгающимся в воздушное пространство СССР. Командующий округом приказал ответить, что огонь можно открывать:

а) если будет дано особое распоряжение Военного совета округа;

б) при объявлении всеобщей мобилизации;

в) при введении в действие плана прикрытия, если при этом не будет особого запрещения.

В завершение телеграммы командующий округом напомнил командованию 12-й армии, что «мы огонь зенитной

артиллерии по немецким самолетам в мирное время не ведем».

14 июня 1941 года в штаб Киевского Особого военного округа пришла директива начальника Генерального штаба, которой предписывалось командный пункт округа к 25 июня вывести в Винницу. Правда, 18 июня этот срок был перенесен на 22 июня[12].

«Утром 19 июня из Москвы пришла телеграмма, в которой было предписано начать формирование управления Юго-Западного фронта, которое к 22 июня перебросить в район Тернополя. Вечером 20 июня началась отправка первых эшелонов из Киева, а в середине следующего дня в путь тронулась и первая автомобильная колонна. При этом штаб выезжал без оперативного управления, которое, после отправки необходимой документации в Москву, должно было прибыть автотранспортом в Тернополь утром 22 июня. Таким образом, в ночь на 22 июня часть штаба Киевского Особого военного округа, покинув Киев, находилась в движении на Тернополь, где для нее уже готовились помещения и линии связи на базе одной из воинских частей.

— А как насчет войск? — спросил я у начальника штаба.

— Пока поступило распоряжение лишь относительно окружного аппарата управления... Так что все идет по плану...

Невозмутимое спокойствие командования округа, деловитость и четкость при формировании и сборах в дорогу аппарата управления подействовали на всех благотворно. Особой тревоги никто не проявлял. Кое-кто из административно-хозяйственного аппарата высказывал даже надежду, что это плановый выезд учебного порядка, что не позднее следующей субботы все возвратятся в Киев.

В субботу мы закончили отправку всех срочных документов в Москву. К подъезду штаба округа подкатило несколько автобусов и грузовых машин. Красноармейцы и командиры быстро погрузили все документы, карты, столы, стулья, пишущие машинки. Работали весело, слышались шутки, смех.

Был теплый вечер. Из тенистых парков и скверов веяло благоухающей свежестью. Киевляне возвращались с работы. Всюду царило оживление. Ни у кого и мысли не возникало, что каких-нибудь десять часов отделяют от рокового мгновения, когда внезапно прервется мирное течение жизни и прозвучит ужасное слово "война"»[13].

Для того чтобы более полно передать настроение, царившее 21 июня 1941 года в войсках западных военных округов, хочу предложить читателю воспоминания генерала И.В. Болдина, который в то время был заместителем командующего Западного Особого военного округа.

«В тот субботний вечер на сцене минского Дома офицеров шла комедия "Свадьба в Малиновке". Мы искренне смеялись. Веселил находчивый артиллерист Яшка, иронические улыбки вызывал Попандопуло. Музыка разливалась по всему залу и создавала праздничную атмосферу.

Неожиданно в нашей ложе показался начальник разведотдела штаба Западного Особого военного округа полковник С.В. Блохин. Наклонившись к командующему генералу армии Д.Г. Павлову, он что-то тихо прошептал.

— Этого не может быть, — послышалось в ответ. Начальник разведотдела удалился.

— Чепуха какая-то, — вполголоса обратился ко мне Павлов. — Разведка сообщает, что на границе очень тревожно. Немецкие войска якобы приведены в полную боевую готов-

ность и даже начали обстрел отдельных участков нашей границы.

Затем Павлов слегка коснулся моей руки и, приложив палец к губам, показал на сцену, где изображались события Гражданской войны. В те минуты они, как и само слово "война", казались далеким прошлым.

Никто из сидящих в зале, а тем более люди невоенные, даже предполагать не мог, что буквально рядом начинается поистине чудовищная война, которая повлечет за собой огромные жертвы и разрушения, тяжкие страдания и уничтожение бесценных культурных и научных богатств, созданных человеческим гением»[14].

Таким образом, к концу 21 июня 1941 года германскому командованию удалось развернуть на границе с СССР мощную группировку своих войск и подготовить первую стратегическую наступательную операцию в соответствии с общим планом «Барбаросса».

Подготовительная работа была проведена на всех уровнях управления и четко выполнена подчиненными штабами и войсками.

В то же время советское руководство словно не видело приготовлений вероятного противника. Несмотря на поступление информации из различных источников о подготовке нападения Германии на СССР, наблюдается непростительная расслабленность не только в низовых штабах, но и на самом высоком уровне военного управления. Все это, безусловно, должно было негативно отразиться на боевой практике, начало которой было положено 22 июня 1941 года.

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Личный адъютант А. Гитлера полковник Н. фон Белов вспоминал, что в последние дни перед нападением на Советский Союз «фюрер становился все более нервозным и беспокойным. Очень много говорил, ходил взад-вперед и казался чего-то срочно ожидающим. Только в ночь с 21 на 22 июня, уже после полуночи, я услышал первую его реплику насчет начинающейся кампании. Он сказал: "Это будет самая тяжелая битва для нашего солдата в этой войне"»[1].

Ночью этого дня посол Германии в Москве Фридрих фон Шуленбург, вернувшись в посольство, получил поступившую из Берлина радиограмму от Риббентропа с пометкой «совершенно секретно, государственная тайна, послу лично». В ней указывалось: «С получением этой телеграммы все материалы по шифрованию должны быть уничтожены. Рацию необходимо вывести из строя. Немедленно информируйте господина Молотова, что вам необходимо сделать ему срочное сообщение. Затем сделайте ему следующее заявление...»

Далее следовал пространный текст, объясняющий причины нападения Германии на СССР. Говорилось о том, что в то время, когда Германия неукоснительно соблюдает условия советско-германского договора, Советский Союз неоднократно нарушал их, осуществляя «подрывную деятельность, терроризм и шпионаж». Он «боролся против усилий Германии установить стабильный порядок в Европе», вступил в сговор с Англией с тем, чтобы осуществить «нападение на германские войска в Румынии и Болгарии, сосредотачивая все наличные русские силы на протяженном фронте от Бал-

тики до Черного моря и угрожая рейху». Далее в заявлении было указано:

«Донесения, полученные за последние несколько дней, исключают любые сомнения относительно агрессивного характера такого сосредоточения русских войск... Кроме того, имеются донесения из Англии о переговорах посла Криппса по более тесному политическому и военному сотрудничеству между Англией и Советским Союзом.

Резюмируя вышесказанное, правительство рейха в связи с этим заявляет, что советское правительство вопреки принятым им обязательствам:

не только продолжало, но и усилило свои попытки подорвать Германию и Европу;

проводило все более и более антигерманскую внешнюю политику;

сосредоточило все свои силы в готовности на границе с Германией.

Тем самым советское правительство разорвало свои договоры с Германией и старается напасть на нее с тыла.

В связи с этим фюрер приказал германским вооруженным силам противодействовать этой угрозе всеми имеющимися в их распоряжении средствами».

В конце радиограммы Риббентроп предупреждал посла, чтобы тот не вступал ни в какие разъяснения по поводу этого заявления.

Безусловно, это был удар для Шуленбурга, который достаточно долго проработал в Москве, много сделал для налаживания советско-германских отношений и знал, что Советский Союз в данный момент не готовился к нападению на Германию. Но с чисто немецкой пунктуальностью он выполнил указания своего шефа. Приехав в Кремль перед самым

рассветом, он встретился с В.М. Молотовым и ограничился прочтением текста заявления. В.М. Молотов, молча выслушал посла до конца и затем сказал:

— Это война. Считаете ли вы, что мы это заслужили?

Шуленбург молча развел руками... Его дипломатическая деятельность посла практически заканчивалась крахом. Государства, посредником между которыми он выступал, не договорились между собой, а война означала полный разрыв дипломатических отношений. Вернувшись в Германию, Шуленбург подал в отставку и примкнул к оппозиции. После июльского заговора 1944 года против Гитлера он был арестован и вскоре казнен гестапо.

В это время в Берлине в 2 часа ночи советскому послу в Германии В.Г. Деканозову сообщили, что И. фон Риббентроп примет его в 4 часа утра в министерстве иностранных дел. Сам Деканозов, который в декабре по приговору Верховного суда СССР был расстрелян, естественно, ничего не написал об этом времени. Зато об этой исторической встрече остались воспоминания доктора Шмидта — помощника Риббентропа. В частности, он пишет:

«Я никогда не видел Риббентропа столь возбужденным, как за пять минут до прибытия Деканозова. Он нервно ходил туда и обратно по своему кабинету, подобно загнанному в клетку зверю...

Деканозова ввели в кабинет, и он, вероятно, ни о чем не догадываясь, некстати протянул Риббентропу руку. Мы сели...

Деканозов по поручению своего правительства начал излагать конкретные вопросы, требующие разъяснения. Однако едва он заговорил, как Риббентроп с окаменевшим лицом прервал его: “Теперь это неважно...”»

После этого И. фон Риббентроп вручил послу копию меморандума, который Шулленбург примерно в это же самое время зачитал В.М. Молотову в Москве.

На смену утонченной дипломатии приходила грубая сила, и наступало время, когда должны были заговорить пушки.

Для того чтобы посмотреть на события начала Великой Отечественной войны со стороны советско-германского фронта, открываем военный дневник начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера от 22 июня 1941 года. В частности, он пишет:

«Утренние сводки сообщают, что все армии, кроме 11-й (на правом фланге группы армий "Юг" в Румынии), перешли в наступление по плану. Наступление наших войск, по-видимому, явилось для противника на всем фронте полной тактической внезапностью.

Приграничные мосты через Буг и другие реки всюду захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать…

Кинцель, Мицки:

а. Русская моторизованная псковская группа (оперативный резерв) обнаружена в 300 км южнее предполагавшегося ранее района ее сосредоточения. Она находится южнее Западной Двины! Это только выгодно для нас.

О подтверждении дислокации различных русских соединений.

Перехвачена русская радиограмма: “Штаб 3-й армии разбит. Пришлите истребители”...

Командование ВВС сообщило, что наши военно-воздушные силы уничтожили 800 самолетов противника (1-й воздушный флот — 100 самолетов, 2-й воздушный флот — 300 самолетов, 4-й воздушный флот — 400 самолетов). Нашей авиации удалось без потерь заминировать подходы к Ленинграду с моря. Немецкие потери составляют до сих пор 10 самолетов.

Командование группы армий “Юг” доложило, что наши патрули, не встретив сопротивления, переправились через Прут между Галацем и Хуши и между Хуши и Яссами. Мосты в наших руках.

Во второй половине дня поступило донесение об успешном продвижении наших войск, в особенности севернее Бреста (группа Гота) и на фронте 4-й танковой группы (Гёпнер).

Общая картина первого дня наступления представляется следующая:

Наступление германских войск застало противника врасплох. Боевые порядки противника в тактическом отношении не были приспособлены к обороне. Его войска в пограничной полосе были разбросаны на обширной территории и привязаны к районам своего расквартирования. Охрана самой границы была в общем слабой.

Тактическая внезапность привела к тому, что сопротивление противника в пограничной зоне оказалось слабым и неорганизованным, в результате чего нам всюду легко удалось захватить мосты через водные преграды и прорвать пограничную полосу укреплений на всю глубину (укрепления полевого типа).

После первоначального “столбняка”, вызванного внезапностью нападения, противник перешел к активным действиям. Без сомнения, на стороне противника имели место случаи тактического отхода, хотя и беспорядочного. Признаков же оперативного отхода нет и следа. Вполне вероятно, что возможность организации такого отхода была просто исключена. Ряд командных инстанций противника, как, например, в Белостоке (штаб 10-й армии), полностью не знал обстановки, и поэтому на ряде участков фронта почти отсутствовало руководство действиями войск со стороны высших штабов.

Но даже независимо от этого, учитывая влияние “столбняка”, едва ли можно ожидать, что русское командование уже в течение первого дня боев смогло составить себе настолько ясную картину обстановки, чтобы оказаться в состоянии принять радикальное решение.

Представляется, что русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению.

Наши наступающие дивизии всюду, где противник пытался оказать сопротивление, отбросили его и продвинулись с боем в среднем на 10—12 км! Таким образом, путь продвижения соединения открыт.

На фронте группы армий “Юг” уже в середине дня группа Клейста (1-я танковая группа. — *Авт.*) смогла начать наступление своими северным и центральным корпусами. Если она уже сегодня, что представляется вполне вероятным, успеет выйти к реке Стырь, то завтра и послезавтра ее задача будет состоять в том, чтобы расчленить и разгромить по частям моторизованную группу противника, находящуюся

восточнее реки Стырь. Это обеспечит ей (группе Клейста) в дальнейшем выход на оперативный простор.

На фронте группы армий "Центр" правый фланг танковой группы Гудериана (2-я танковая группа. — *Авт.*) (3-я и 4-я танковые дивизии) задержался при продвижении через труднопроходимый лесной массив... и в лучшем случае вечером выйдет на автостраду Брест — Минск. Северный фланг танковой группы (47-й моторизованный корпус) прорвал оборону противника и вышел на оперативный простор. Два ближайших дня покажут, удастся ли Гудериану покончить с моторизованной группой противника, находящейся в районе Минска. Если эта моторизованная группа будет разбита, то оперативный успех танковой группы Гудериана будет обеспечен.

Севернее Белостока танковая группа Гота (3-я танковая группа. — *Авт.*) добилась наиболее крупных успехов. Стремительным броском она преодолела лесисто-озерный район, вышла к реке Неман у Алитуса и Мерене. Танковая группа рассеяла части восьми дивизий противника, брошенных ей навстречу. Теперь перед фронтом танковой группы Гота действуют только разрозненные части противника. Организованное сопротивление отсутствует. На этом участке наши войска, видимо, обеспечили себе свободу действий.

На фронте группы армий "Север" танковая группа Гёпнера (4-я танковая группа. — *Авт.*), ведя успешные бои, продвинулась до реки Дубисса и овладела неразрушенными переправами. На этом направлении в ближайшие дни следует ожидать появления свежих сил противника из глубины, которые будут пытаться приостановить наше наступление.

Задачи групп армий остаются прежними. Нет никаких оснований для внесения каких-либо изменений в план

операции. Главному командованию сухопутных войск не приходится даже отдавать каких-либо дополнительных распоряжений (выделено авт.). Решение об использовании 11-й армии еще не созрело.

Хотя наши штурмовые группы уже пересекли в нескольких местах реку Прут и захватили мосты, однако признаков того, что русские намереваются очистить всю территорию между Прутом и Днестром, пока не имеется.

Словакия предлагает немедленно предоставить в наше распоряжение одну подвижную группу в составе усиленного полка, которая к вечеру 23.6 сосредоточится в Прешове. Германское командование выразило свое согласие на участие этой группы в наступлении. Группа будет передана в 17-ю армию. Далее к 25.6 будут готовы две спешно отмобилизованные дивизии, которые также будут переданы в 17-ю армию.

Венгрия выставила на своей границе прикрытие: две пехотные и три подвижные бригады (последние — во втором эшелоне), объединенные под командованием 8-го (венгерского) армейского корпуса. Никаких политических требований к Венгрии предъявлено не будет. Если военное руководство этих стран хочет участвовать в войне на нашей стороне, то оно должно заставить своих политических деятелей пойти вместе с нами по этому пути.

Командование ВВС сообщило, что на сегодняшний день уничтожено 850 самолетов противника, в том числе целые эскадрильи бомбардировщиков, которые, поднявшись в воздух без прикрытия истребителей, были атакованы нашими истребителями и уничтожены»[2].

Генерал Г. Гудериан в отношении первого дня войны оставил следующие записи:

«В роковой день 22 июня 1941 года в 2 часа 10 минут утра я поехал на командный пункт группы и поднялся на наблюдательную вышку южнее Богукалы (15 км северо-западнее Бреста). Я прибыл туда в 3 часа 10 мин., когда было темно. В 3 часа 15 минут началась наша артиллерийская подготовка. В 3 часа 40 мин. — первый налет наших пикирующих бомбардировщиков. В 4 часа 15 минут началась переправа через Буг передовых частей 17-й и 18-й танковых дивизий. В 4 часа 45 минут первые танки 18-й танковой дивизии форсировали реку. Во время форсирования были использованы машины, уже испытанные при подготовке плана "Морской лев". Тактико-технические данные этих машин позволяли им преодолевать водные рубежи глубиной до 4 метров.

В 6 часов 50 минут у Колодно я переправился на штурмовой лодке через Буг. Моя оперативная группа с двумя радиостанциями на бронемашинах, несколькими машинами повышенной проходимости и мотоциклами переправлялась до 8 часов 30 минут. Двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через р. Лесна, овладение которым имело важное значение для дальнейшего продвижения 47-го танкового корпуса, но там, кроме русского поста, я никого не встретил. При моем приближении русские стали разбегаться в разные стороны. Два моих офицера для поручений вопреки моему указанию бросились преследовать их, но, к сожалению, были при этом убиты.

В 10 часов 25 минут передовая танковая рота достигла р. Лесна и перешла мост. За ней следовал командир дивизии генерал Неринг. В течение всей первой половины дня я сопровождал 18-ю танковую дивизию; в 16 часов 30 минут я направился к мосту, дорога через который вела в Колодно, и оттуда в 18 часа 30 минут поехал на свой командный пункт.

Внезапность нападения на противника была достигнута на всем фронте танковой группы. Западнее Брест-Литовска (Бреста) 24-м танковым корпусом были захвачены все мосты через Буг, оказавшиеся в полной исправности. Северо-западнее крепости в различных местах полным ходом шла наводка мостов. Однако вскоре противник оправился от первоначальной растерянности и начал оказывать упорное сопротивление. Особенно ожесточенно оборонялся гарнизон имеющей важное значение крепости Брест, который держался несколько дней, преградив железнодорожный путь и шоссейные дороги, ведущие через Западный Буг в Мухавец.

Вечером танковая группа вела бои за Малорита, Кобрин, Брест-Литовск и Пружаны. У Пружаны 18-я танковая дивизия вступила в первые бои с танками противника»[3-4].

Другой известный немецкий танковый военачальник, генерал Г. Гот, в своих воспоминаниях записал следующее:

«22 июня в три часа с минутами четыре корпуса танковой группы при поддержке артиллерии и авиации, входившей в состав 8-го авиационного корпуса, пересекли государственную границу. Бомбардировочная авиация наносила удары по аэродромам противника, имея задачу парализовать действия его авиации.

В первый день наступление проходило полностью по плану. Стратегическое нападение, несмотря на сосредоточение больших масс войск вдоль всей советско-германской границы в ночь перед наступлением, увенчалось успехом. Для 3-й танковой группы явилось большой неожиданностью то, что все три моста через Неман, овладение которыми входило в задачу группы, были захвачены неповрежденными. Пленный русский офицер-сапер рассказал, что он имел приказ взорвать мосты в Алитусе в 13.00. 57-й танковый корпус на-

толкнулся в этой лесистой и богатой озерами местности на многочисленные обороняемые препятствия и заграждения, которые сначала сильно задерживали продвижение 12-й танковой дивизии. Однако во второй половине дня нам удалось овладеть Меркине и предотвратить разрушение моста через реку Неман. Вечером один из танковых полков уже подходил к Варене.

Обе дивизии 5-го армейского корпуса сразу же после перехода границы натолкнулись восточнее города Сейны на окопавшееся охранение противника, которое, несмотря на отсутствие артиллерийской поддержки, удерживало свои позиции до последнего. На пути дальнейшего продвижения к Неману наши войска все время встречали упорное сопротивление русских. И все же передовому отряду корпуса к вечеру удалось выйти к Неману и форсировать его на участке между Меркине и Алитусом.

Командование 39-го танкового корпуса направило оба танковых полка и часть 20-й моторизованной дивизии вдоль шоссейной дороги Сувалки — Калвария с задачей овладеть высотами южнее Калварии, имевшими важное тактическое значение. Этих сил оказалось слишком много, и такой расход не оправдывался.

Оставив эти высоты и оборонительные сооружения, которые в течение трех месяцев строил целый батальон, противник отошел на север. Уже к полудню танки ворвались в Алитус и захватили мосты неповрежденными. Подтягивание пехоты и артиллерии шло медленно, так как бои в городе продолжались еще вечером. 20-я танковая дивизия, сражавшаяся севернее Калварии, преодолела сопротивление противника и овладела Алитусом.

6-й армейский корпус встретил сильное сопротивление противника и вышел к Неману только 23 июня. Мост в Приенас был разрушен.

Южнее танковой группы действовала 161-я дивизия правого соседа, она вышла к Неману в районе Друскининкая. Северный сосед — 2-й армейский корпус — наступал на Каунас. Севернее Немана на упорно обороняемом противником участке притока Немана — Дубисы наступала 4-я танковая группа. О том, что 56-му танковому корпусу этой группы удалось еще 22 июня овладеть виадуком в Арегале, стало известно позже. О положении 2-й танковой группы пока никаких сведений не поступало.

В штабе 3-й танковой группы, располагавшемся восточнее Сувалок, на основе поступивших донесений и личной оценки положения были сделаны следующие выводы по обстановке.

Захват трех мостов через Неман стал возможен благодаря тому, что нападение явилось полной неожиданностью для противника и что последний потерял централизованное управление своими войсками. Предполагавшееся наличие частей трех дивизий противника на сувалкинском выступе подтвердилось.

Против танкового корпуса, наступавшего на северном фланге, действовал один литовский корпус, многие командиры и комиссары которого были русские. До сего времени корпус оборонялся упорно. Предполагалось, что он попытается удержать левый берег Немана. Действий танков и авиации не отмечалось. Воздушная разведка, проводившаяся при ясной погоде, никаких передвижений противника восточнее Немана не обнаружила. По данным, полученным при допросе пленного офицера-литовца, в районе Каунаса должны были

находиться крупные силы. Намерения и планы противника еще не выяснены.

Рассмотрим воспоминания еще одного известного немецкого военачальника — генерала Эриха фон Манштейна. В отношении 22 июня 1941 года он пишет:

«Сначала наши войска непосредственно на границе натолкнулись на слабое сопротивление, по-видимому, вражеского боевого охранения. Но они остановились вскоре перед укрепленным районом, который был преодолен только после того, как в полдень 8 тд прорвала вражеские позиции севернее Мемеля (Клайпеда).

Уже в этот первый день нам пришлось познакомиться с теми методами, которыми велась война с советской стороны. Один из наших разведывательных дозоров, отрезанный врагом, был потом найден нашими войсками, он был вырезан и зверски искалечен. Мой адъютант и я много ездили по районам, в которых еще могли находиться части противника, и мы решили не отдаваться живыми в руки этого противника. Позже часто случалось, что советские солдаты поднимали руки, чтобы показать, что они сдаются в плен, а после того, как наши пехотинцы подходили к ним, они вновь прибегали к оружию; или раненый симулировал смерть, а потом с тыла стрелял в наших солдат.

Общее впечатление от противника было такое, что он во фронтовой полосе не был захвачен врасплох нашим наступлением, но что советское командование не рассчитывало — или еще не рассчитывало — на него и поэтому не сумело быстро подтянуть вперед имевшиеся в его распоряжении крупные силы...

В первый день наступления корпус должен был продвинуться на 80 километров в глубину, чтобы овладеть мостом

через Дубиссу около Айроголы. Я знал рубеж Дубиссы еще с Первой мировой войны. Участок представлял собой глубокую речную долину с крутыми, недоступными для танков склонами. В Первую мировую войну наши железнодорожные войска в течение нескольких месяцев построили через эту реку образцовый деревянный мост. Если бы противнику удалось взорвать этот большой мост у Айроголы, то корпус был бы вынужден остановиться на этом рубеже. Враг выиграл бы время для организации обороны на крутом берегу на той стороне реки, которую было бы трудно прорвать. Было ясно, что в таком случае нечего было рассчитывать на внезапный захват мостов у Двинска (Даугавпилс). Переправа у Айроголы давала нам незаменимый трамплин для этого.

Какой бы напряженной ни была поставленная мною задача, 8-я танковая дивизия (командир — генерал Бранденбергер), в которой я в этот день больше всего был, выполнила ее. После прорыва пограничных позиций, преодолевая сопротивление врага глубоко в тылу, к вечеру 22 июня ее передовой отряд захватил переправу у Айроголы. 290-я дивизия следовала за ним быстрыми темпами, 3-я мотопехотная дивизия в полдень прошла через Мемель (Клайпеда) и была введена в бой за переправу южнее Айроголы.

Первый шаг удался»[5].

Теперь посмотрим, как складывался день 22 июня 1941 года для советской стороны, в частности, в полосе Киевского Особого военного округа. Г.К. Жуков пишет, что примерно в 12 часов ночи на 22 июня командующий Киевским Особым военным округом генерал-полковник М.П. Кирпонос, находившийся в своем командном пункте в Тернополе, доложил по ВЧ, что, «кроме перебежчика, о котором сообщил генерал М.А. Пуркаев, в наших частях появился еще один немецкий

солдат — 222-го пехотного полка 74-й пехотной дивизии. Он переплыл речку, явился к пограничникам и сообщил, что в 4 часа немецкие войска перейдут в наступление. М.П. Кирпоносу было приказано быстрее передавать директиву в войска о приведении их в боевую готовность»[6].

В это время еще даже не началась передача директивы № 1 западным военным округам. Так, А.М. Василевский пишет, что только «в первом часу ночи на 22 июня нас обязали в срочном порядке передать поступившую от начальника Генерального штаба Г.К. Жукова подписанную наркомом обороны и им директиву в адрес командования Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого и Одесского военных округов.

... В 0 часов 30 минут 22 июня 1941 года директива была послана в округа»[7].

От Кремля до здания Генерального штаба езды автомобилем 5—10 минут. Почему столь важный документ, как директива о приведении войск в боевую готовность, Генеральный штаб передавал в округа целых два часа, остается загадкой. По всей видимости, передавались не короткие заранее оговоренные сигналы, требовавшие немедленного вскрытия заранее заложенных пакетов и действий в соответствии с заранее отработанными планами (как это принято), а велись пространные разговоры, полные перестраховки, предупреждений и нуждавшиеся в большом времени.

Но что делал сам И.В. Сталин в это время?

Начальник института Военной истории и советник Б.Н. Ельцина генерал-полковник Д.В. Волкогонов в своем труде «Триумф и трагедия» пишет, что И.В. Сталин вообще в ту ночь оставил Кремль и уехал отдыхать на свою загородную дачу. Он, в частности, пишет:

«В 3 часа ночи Сталин устало смотрел из окна своего бронированного автомобиля на безлюдные улицы. Он еще не знал, что немецкие самолеты уже летят бомбить советские города и аэродромы, что экипажи немецких танков выводят свои машины на исходные позиции, что гитлеровские генералы все чаще смотрят на циферблаты своих часов. Их стрелки приближаются к роковой отметке. Но едва Сталин стал засыпать, разложив постель на диване в своем кабинете на даче, где он работал и отдыхал, в дверь осторожно постучали. Стук больно отозвался в сердце: Сталина никогда не будили. Должно быть, произошло самое худшее. Неужели он просчитался? Сталин вышел. Начальник охраны доложил:

— Генерал армии Жуков просит вас, товарищ Сталин, по неотложному делу к телефону! — Сталин подошел к аппарату.

— Слушаю…

Жуков коротко доложил о налетах вражеской авиации на Киев, Минск, Севастополь, Вильнюс, другие города. После доклада начальник Генерального штаба переспросил Сталина:

— Вы меня поняли, товарищ Сталин?

Сталин молчал. А из трубки вновь последовал вопрос:

— Товарищ Сталин, вы меня поняли?

Было четыре часа утра 22 июня 1941 года. Началась Великая Отечественная война».

Первые удары немецких войск, конечно же, пришлись пограничникам, охранявшим границу СССР. О подготовке гитлеровских войск к нападению на Советский Союз именно в 4 часа утра 22 июня 1941 года было известно многим начальникам пограничных отрядов. Затем начали поступать данные о том, что на сопредельной стороне слышен шум моторов,

стук повозок, виден свет фар автомобилей. Эти данные начали поступать к начальникам пограничных войск Белорусского, Украинского и Молдавского пограничных округов. В 2 часа 22 июня они были доложены начальнику Главного управления пограничных войск, находившемуся в это время на участке 87-го пограничного отряда Белорусского пограничного округа, и его заместителю в Главном управлении пограничных войск (Москва). Никто из них не отреагировал должным образом на эту информацию, не отдал приказ пограничным частям занять оборонительные сооружения. А отдать такой приказ они имели возможность, ибо запрета на занятие пограничниками оборонительных сооружений в то время не было. Не получили пограничные отряды такого распоряжения даже в после того, как Генеральный штаб отдал приказ западным военным округам о вводе в действие плана прикрытия государственной границы.

Для каждого советского человека Великая Отечественная война, в зависимости от занимаемой должности, началась по-разному. Большинство трудов советского периода говорят о внезапном и коварном нападении фашисткой Германии. Фальсификаторы истории новейшего времени утверждают, что своим наступлением А. Гитлер сорвал готовящееся наступление советских войск на территорию Германии и Румынии. И.В. Сталин и нарком обороны СССР Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко своих воспоминаний по 22 июня 1941 года не оставили. Поэтому открываем воспоминания начальника Генерального штаба РККА того времени генерала армии Г.К. Жукова.

«В 3 часа 17 минут мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф.С. Октябрьский и сообщил: “Система ВНОС флота докладывает о подходе со сторо-

ны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний".

— Ваше решение? — поинтересовался Георгий Константинович.

— Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота, — ответил адмирал.

Переговорив с С.К. Тимошенко, я ответил Ф.С. Октябрьскому:

— Действуйте и доложите своему наркому.

В 3 часа 30 минут начальник штаба Западного округа генерал В.Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Минуты через три начальник штаба Киевского округа генерал М.А. Пуркаев доложил о налете авиации на города Украины. В 3 часа 40 минут позвонил командующий Прибалтийским округом генерал Ф.И. Кузнецов, который доложил о налетах вражеской авиации на Каунас и другие города.

Нарком приказал мне звонить И.В. Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос дежурного генерала управления охраны. Прошу его позвать к телефону И.В. Сталина.

Минуты через три к телефону подошел И.В. Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И.В. Сталин молчит. Я слышу его дыхание.

— Вы меня поняли?

Опять молчание.

Наконец И.В. Сталин спросил:

— Где нарком?

— Говорит с Киевским округом по ВЧ.

— Приезжайте в Кремль с Тимошенко. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро»[8].

Здесь имеется несколько серьезных неувязок.

Первая. В конце 1937 года был создан Народный комиссариат Военно-Морского Флота, во главе которого с апреля 1939 по февраль 1946 года стоял адмирал Н.Г. Кузнецов. Командующий Черноморским флотом в первую очередь должен был запрашивать свой штаб и действовать в соответствии с его указаниями, а уж затем информировать Генеральный штаб.

Вторая. У И.В. Сталина был свой секретариат, и около него постоянно находился дежурный генерал. В их прямую задачу входило оповещение членов Политбюро о вызове в Кремль.

Итак, в ранний предрассветный час 22 июня 1941 года ночные наряды и дозоры советских пограничников, которые охраняли западный государственный рубеж Советского Союза, неожиданно отметили странное небесное явление — над территорией сопредельной Польши, захваченной гитлеровцами, далеко на ее западном крае в уже начавшем светлеть небе вдруг появились новые, невиданные доселе, звезды. Необычно яркие и разноцветные, они безостановочно плыли пестрой стаей на восток. Вскоре оттуда же, с запада, послышался рокот многих сотен авиационных моторов. Сотни германских самолетов с зажженными бортовыми огнями стремительно вторглись в воздушное пространство Советского Союза, неся свой смертоносный груз к заранее намеченным целям. И уже через несколько минут первые сброшенные вражеские бомбы начали рваться в районах пограничных застав и близлежащих военных городков. Ярко запылали кварталы приграничных городов.

По другим официальным данным, в 3 часа 30 минут 22 июня 1941 года первая волна немецких бомбардировщи-

ков в составе 30 отборных экипажей, осуществлявших перелеты группами по 3 самолета, пересекла западную границу Советского Союза. Вторгшись на советскую территорию, бомбардировщики легли на курс к намеченным целям в тот момент, когда немецкая артиллерия подала сигнал о начале наступления наземных войск. 30 бомбардировщиков первой волны в утренних сумерках нанесли удар по десяти советским аэродромам. Этим ударом фашистское командование рассчитывало посеять панику на передовых советских авиабазах.

На восходе солнца основные силы немецких ВВС в составе 500 бомбардировщиков, 270 пикирующих бомбардировщиков, 480 истребителей нанесли удар по 66 аэродромам, на которых было сосредоточено почти ¾ советской авиации.

Так с массированных авиационных ударов началась Великая Отечественная война. 22 июня и в последующие двое суток фашистская авиация непрерывно, волна за волной, с интервалом 5—25 минут, группами от 5—6 до 60 самолетов наносила удары по аэродромам. Основной удар был нанесен на глубину 150—200 километров, однако глубина действия фашистской авиации в эти дни достигала 400—500 километров от линии фронта[9].

Читаем мемуары Г.К. Жукова:

«В 4 часа 30 минут утра все вызванные члены Политбюро были в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет.

И.В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках набитую табаком трубку. Он сказал:

— Надо срочно позвонить в германское посольство.

В посольстве ответили, что граф Шуленбург просит принять его для срочного сообщения.

Принять посла было поручено В.М. Молотову.

Тем временем первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н.Ф. Ватутин передал, что сухопутные войска немцев после сильного артиллерийского огня на ряде участков северо-западного и западного направлений перешли в наступление.

Через некоторое время в кабинет быстро вошел В.М. Молотов:

— Германское правительство объявило нам войну.

И.В. Сталин опустил голову и глубоко задумался.

Наступила длительная пауза.

Я рискнул нарушить затянувшееся молчание и предложил немедленно обрушиться всеми имеющимися в приграничных округах силами на прорвавшиеся части противника и задержать их дальнейшее продвижение.

— Не задержать, а уничтожить, — уточнил С.К. Тимошенко.

— Давайте директиву, — сказал И.В. Сталин.

В 7 часов 15 минут 22 июня директива наркома обороны № 2 была передана в округа...»[10]

В который раз уместно поставить очень важный вопрос — как же началась Великая Отечественная война? Было ли нападение германских войск на СССР совершенно неожиданным? Для кого оно было неожиданным? По этому вопросу существует несколько версий.

Первая, официальная советская: нападение фашистской Германии было неожиданным и вероломным. Это значит, война началась без ее объявления, внезапность была достигнута на всех уровнях: стратегическом, оперативном, тактическом. Эта версия имеет слабые места, так как о подготовке Германии к войне против СССР советскому правительству неоднократно докладывали на базе разведывательных сведе-

ний из различных источников. Даже малоопытный политик знает, что такие сведения, если даже и не заслуживают абсолютного доверия, нуждаются в очень серьезном учете.

Вторая, на основании документов и проведенных исследований: советское правительство и высшее командование РККА знали о подготовке Германии к войне, но приняли только частные ответные меры. В результате этого не приходится говорить ни о стратегической ни даже об оперативной внезапности. Остается только внезапность тактическая. А это не что иное, как неудовлетворительная информационная и организаторская работа Генерального штаба РККА, штабов западных военных округов и армий непосредственного прикрытия государственной границы.

Третья, В. Резуна и некоторых историков (Ю.Г. Фельштинского): вся юридическая процедура объявления войны Германией была выполнена, а сама агрессия стала вынужденной мерой реакции германского правительства на действия правительства СССР. По его утверждению, «ровно в 4 утра имперский министр иностранных дел вручил заместителю народного комиссара иностранных дел, полномочному представителю СССР в Германии Владимиру Деканозову меморандум, в котором были изложены причины нападения Германии на СССР. Вручение этого меморандума и явилось актом объявления войны»[11].

Это так, но не следует забывать, что к тому времени война уже вовсю бушевала на всей советско-германской границе.

На мой взгляд, первая и вторая версии, слившись воедино, наиболее соответствуют действительности. Высшее советское руководство знало о подготовке германской агрессии, но считало, что война начнется значительно позже или ей будет предшествовать многодневный период от объявления

войны до ее начала. Нарком обороны, начальник Генерального штаба, командующие военными округами и армиями, командиры корпусов больше думали не о безопасности страны, а о сохранении собственных кресел и голов. Командиры дивизий и полков, соединения и части которых находились на удалении 30—50 км от государственной границы, в большинстве своем о возможном начале войны не знали.

Версия В. Резуна об официальном объявлении Советскому Союзу войны Германией в 4 часа утра 22 июня не имеет никакого юридического значения и расценивается как констатация уже свершившегося факта.

Постараемся составить картину обстановки в высшем руководстве СССР в первый день Великой Отечественной войны на основании нескольких источников.

В 7 часов 15 минут (если верить мемуарам Г.К. Жукова) была передана в войска директива наркома обороны № 2, требовавшая уничтожить вклинившегося противника.

К 8 часам утра 22 июня Генеральным штабом было установлено, что бомбардировкам подверглись аэродромы всех приграничных округов, а стрелковые соединения армий прикрытия государственной границы подняты по тревоге. В это время «С.К. Тимошенко позвонил И.В. Сталину и попросил разрешения приехать в Кремль, чтобы доложить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации в стране и образовании Ставки Главного командования, — пишет Г.К. Жуков. — В 9 часов мы с наркомом прибыли в Кремль. Через полчаса нас принял И.В. Сталин. Прочитав проект Указа о проведении мобилизации и частично сократив ее размеры, намеченные Генштабом, И.В. Сталин передал Указ А.Н. Поскребышеву для утверждения в Президиуме Верховного Совета».

12 часов. Выступление по радио В.М. Молотова.

13 часов. Г.К. Жуков пишет: «Приблизительно в 13 часов 22 июня мне позвонил И.В. Сталин и сказал:

— Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск. Руководство решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандования...»[12]

Мы знаем, что С.К. Тимошенко и Г.К. Жуков 22 июня 1941 года находились в кабинете И.В. Сталина с 5.45 до 8.30 и с 14.00 до 16.00. В этот контекст не совсем вписывается звонок вождя Г.К. Жукову в 13 часов. Дальше Г.К. Жуков пишет:

«К исходу 22 июня, несмотря на предпринятые энергичные меры, Генштаб так и не смог получить от штабов фронтов, армий и ВВС точных данных о наших войсках и о противнике, — пишет Г.К. Жуков. — Сведения о глубине проникновения противника на нашу территорию довольно противоречивые. Отсутствуют точные данные о потерях в авиации и наземных войсках. Известно лишь, что авиация Западного фронта понесла очень большие потери. Генштаб и нарком не могут связаться с командующими фронтами генерал-полковником Ф.И. Кузнецовым и генералом армии Д.Г. Павловым, которые, не доложив наркому, уехали куда-то в войска. Штабы этих фронтов не знают, где в данный момент находятся их командующие.

По данным авиационной разведки, бои идут в районах наших укрепленных рубежей и частично в 15—20 километрах в глубине нашей территории. Попытка штабов фронта связаться непосредственно с войсками успеха не имела, так как с большинством армий и отдельных корпусов не было ни проводной, ни радиосвязи.

Затем генерал Н.Ф. Ватутин сказал, что И.В. Сталин одобрил проект директивы № 3 наркома и приказал поставить мою подпись.

— Что за директива? — спросил я.

— Директива предусматривает переход наших войск к контрнаступательным действиям с задачей разгрома противника на главных направлениях, притом с выходом на территорию противника.

— Но мы еще точно не знаем, где и какими силами противник наносит свои удары, — возразил я. — Не лучше ли до утра разобраться в том, что происходит на фронте, а уж тогда принимать нужное решение.

— Я разделяю вашу точку зрения, но дело уже решенное.

— Хорошо, — сказал я, — ставьте мою подпись.

Эта директива поступила командующему Юго-Западным фронтом около 12 часов ночи»[13].

В 22 часа 22 июня 1941 года С.К. Тимошенко, Г.К. Жуковым и членом Главного военного совета Г.М. Маленковым был подписан приказ народного комиссара обороны Военным советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов № 3. Им сообщалось, что противник, нанося главные удары из Сувалковского выступа в течение 22 июня, «понеся большие потери, достиг небольших успехов» на ряде направлений. «На остальных участках государственной границы атаки противника отбиты с большими для него потерями». В качестве ближайшей задачи на 23—24 июня ставилось: «Концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки. Мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей

авиацией Юго-Западного фронта и других войск 5-й и 6-й армий окружить и уничтожить группировку противника, наступающего в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24 июня овладеть районом Люблин»[14].

Судя по этим выводам и решениям, создается впечатление, что советское руководство и высшее командование РККА уже в первый день Великой Отечественной войны контролировало ситуацию на фронтах и было способно принимать конкретные решения.

Смотрим «Воспоминания и размышления» Г.К. Жукова. Он пишет, что в 7 часов 15 минут в войска была передана директива № 2, которая предписывала «войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу». Но тут же предупреждала: «Впредь до особого распоряжения наземными войсками границу не переходить».

Дальше Г.К. Жуков пишет:

«Чуть позже нам стало известно, что перед рассветом 22 июня во всех западных пограничных округах была нарушена проводная связь с войсками и штабами округов и армий, которые не имели возможности быстро передавать свои распоряжения...

В штабы округов из различных источников начали поступать самые противоречивые сведения, зачастую провокационного характера.

Генеральный штаб, в свою очередь, не мог добиться от штабов округов и войск правдивых сведений, и, естественно, это не могло не поставить на какой-то момент Главное командование и Генеральный штаб в затруднительное положение...

Приблизительно в 13 часов 22 июня мне позвонил И.В. Сталин и сказал:

— Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного командования. На Западный фронт пошлем маршала Шапошникова и маршала Кулика. Шапошникова и Кулика я вызвал к себе и дал им указания. Вам надо вылететь немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущевым выехать в штаб фронта в Тернополь.

Я спросил:

— А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

И.В. Сталин ответил:

— Оставьте за себя Ватутина.

Потом несколько раздраженно добавил:

— Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся»[15].

Еще один важный свидетель — заместитель народного комиссара обороны СССР и бывший в недавнем начальник Генерального штаба К.А. Мерецков: «.. днем 22 июня я включил радио (в то время он находился в пути в Ленинград. — *Авт.*) и услышал выступление Народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова о злодейском нападении фашистской Германии на нашу страну.

Прибыв в Ленинград, я немедленно отправился в штаб округа. На месте были генерал-майор Д.Н. Никишев и корпусной комиссар Н.Н. Клементьев, вскоре назначенные соответственно в качестве начальника штаба и члена Военного совета этого округа... Командующий войсками округа М.М. Попов в момент начала войны инспектировал некоторые соединения округа...

Нельзя было терять ни минуты. Мы не знали планов врага и могли поэтому ожидать чего угодно...

К вечеру 22 июня положение в Прибалтике не улучшилось. Тем не менее, округ наряду с другими округами и фронтами получил третью директиву Наркома обороны. Сражавшимся соединениям предписывалось перейти к наступлению и разгромить агрессора...»[16]

А.М. Василевский, который в начале войны являлся заместителем начальника Оперативного управления Генерального штаба РККА, в своих мемуарах «Дело всей жизни» от описания событий первых недель после начала Великой Отечественной войны вообще «дипломатично» уходит. Это при том, что именно это управление являлось главным рабочим органом по разработке планов стратегических операций и контролю за их выполнением, при том, что начальник управления генерал Н.Ф. Ватутин в 1944 году погиб, никаких воспоминаний не оставив, а свою книгу А.М. Василевский писал уже в 70-е годы.

Теперь посмотрим, как первый день войны прошел в войсках Киевского Особого военного округа, который сразу же был переименован в Юго-Западный фронт.

В полосе Киевского Особого военного округа в 3 часа 30 минут 22 июня тысячи германских орудий и минометов открыли огонь по заставам, штабам, узлам связи и военным городкам, расположенным в приграничной зане. Одновременно вражеская авиация нанесла удары по военным аэродромам, затем подвергла бомбардировке Ровно, Львов, Житомир, Киев и многие другие города.

Первый удар врага, как и следовало ожидать, приняли пограничники. В полосе округа находилось восемь пограничных отрядов. Каждый состоял из 4—5 комендатур, имевших 3—4 пограничные заставы по 30—40 бойцов. Начальником войск Украинского пограничного округа был генерал-майор

В.А. Хоменко. Однако в связи с нарушением управления частями и подразделениями пограничных войск практически в самом начале войны речь о согласованных действиях отрядов и застав, конечно же, не велась. Каждая застава сражалась в одиночку, и только в отдельных случаях наблюдался бой пограничных отрядов.

Особенно отличился 90-й пограничный отряд под командованием майора М.С. Бычковского. От немецкого солдата, перешедшего на советскую сторону вечером 21 июня, командир отряда узнал примерное время вторжения фашистских войск и своим решением привел в боевую готовность все подчиненные ему 16 застав. Затем доложил о перебежчике командующему 5-й армией генерал-майору М.И. Потапову и поставил в известность командиров 41-й танковой и 87-й стрелковой дивизий. Правда, другими документами и свидетельствами это не было подтверждено.

В 4 часа утра 22 июня заставы 90-го пограничного отряда приняли бой в полосе 45 километров от села Корытница до Крыстынополя. Пограничники на ряде направлений успешно отразили первые атаки противника, но в 6 часов фашисты ввели в бой свежие силы и прорвали границу. 6-я застава вела бой до 24 июня.

На ковельском направлении стойкое сопротивление врагу оказали 8-я и 9-я заставы 98-го пограничного отряда (командир полковник Г.Г. Сурженко). Они дали врагу бой при его переправе через реку Западный Буг и уничтожили несколько сотен солдат и офицеров противника.

11 дней и ночей у села Скоморохи защищала границу 13-я застава лейтенанта А.В. Лопатина. Напряженный бой разгорелся за Перемышль, где сооружения укрепленного района оборонялись пограничниками и бойцами 99-й стрелковой

дивизии. Были и другие примеры героической обороны советской границы. Но это были слишком слабые силы для решения оборонной задачи в начале начавшейся большой войны. Требовалось организованное вступление в сражение основных сил армий прикрытия государственной границы, по крайней мере дивизий и корпусов первого эшелона. Но, как известно, именно командиры и штабы этих соединений к войне конкретно не были подготовлены и четко своих задач не знали. Поэтому каждый из них в первые часы действовал на свой страх и риск.

Только к 10 часам утра 22 июня штабу Киевского Особого военного округа, превратившемуся с началом войны в передовой пункт управления Юго-Западного фронта, удалось наладить связь с управлениями 12-й и 26-й армий, но что происходило в полосе 5-й и 6-й армий, никто точно не знал. Первое донесение из 5-й армии в штаб фронта по радио поступило только в 10 часов 30 минут. В нем указывалось: «Сокаль и Тартакув в огне. 124-я стрелковая дивизия к границе пробиться не смогла и заняла оборону севернее Струмиловского укрепленного района»[17].

Только около 10 часов утра на пункт управления Юго-Западным фронтом пришла директива из Москвы, извещавшая о начале войны. От командующего и штаба фронта требовалось немедленно детально разобраться в сложившейся обстановке. Но сделать это было практически невозможно. Поэтому, когда в 15 часов Юго-Западный фронт должен был послать в Москву свое первое донесение, из-за отсутствия конкретной информации из войск приграничных армий на то время штабу фронта пришлось отписываться общими фразами.

Командующие армиями прикрытия государственной границы в первый день войны также в большинстве своем оста-

лись без связи с подчиненными соединениями. Было нарушено управление во многих корпусах и дивизиях. Командиры дивизий и полков были вынуждены действовать на свой страх и риск.

Позже выяснилось, что главный удар в полосе Юго-Западного фронта противник наносил по левому флангу 5-й армии и в стык этой армии с 6-й армией. В то же время в полосе 12-й и 26-й армий в первые дни войны он действовал ограниченными силами. В связи с этим около половины сил и средств фронта в самый ответственный период сражения практически оставались в стороне от него без дела.

Еще хуже обстояло дело на тактическом уровне. Из десяти соединений первого эшелона 5-й, 6-й и 26-й армий только три (62-я, 87-я и 99-я) стрелковых дивизии сумели занять рубежи по плану прикрытия. Остальные вынуждены были перейти к обороне на путях выдвижения под воздействием противника на совершенно необорудованной местности. Между соединениями и частями существовали большие разрывы. Так, между 87-й и 124-й стрелковыми дивизиями возник разрыв в 20 км, между 124-й стрелковой и 3-й кавалерийской дивизиями — 15 км.

На действиях войск пагубно отразилась и нерешительность командующего и штаба Киевского Особого военного округа. Только около 9 часов утра командующий М.П. Кирпонос решился передать в войска приказ о вскрытии пакетов особой важности. Но, вследствие отсутствия связи, в некоторые объединения и соединения этот сигнал пришлось передавать при помощи специальных курьеров самолетами связи. Нередко, в условиях господства противника в воздухе, эти самолеты сбивались, и соответствующие команды либо поступали в войска с большим опозданием, либо не посту-

пали вовсе. Поэтому низовые командиры были вынуждены принимать ответственные боевые решения самостоятельно, на что у некоторых просто не хватало духа.

Шло время, а штаб Юго-Западного фронта все не мог собрать необходимые сведения для оценки обстановки во всей его полосе. Командующий сильно нервничал, постоянно давил на начальника штаба, а тот, в свою очередь, на начальника оперативного отдела и начальника разведки. Но те только беспомощно разводили руками. Выход был найден в том, что в 11 часов 22 июня штаб Юго-Западного фронта доложил начальнику Генерального штаба о том, что войска ведут бой с противником на занимаемых ими рубежах, не указав точного начертания этих рубежей. Получалось, что войсками этого фронта в точности выполняется первый этап Плана прикрытия государственной границы, и настала очередь переходить к реализации второй части этого плана — проведению армейских контрударов, разгрому вклинившихся группировок и переносу боевых действий на территорию противника.

Поэтому во второй половине 22 июня генерал-полковник М.П. Кирпонос, оставив в своем резерве в районе Тернополя 37-й стрелковый корпус, приказал командирам 22-го механизированного корпуса и 45-й танковой дивизии приступить к подготовке контрудара[18].

К тому времени в штаб фронта начали поступать сведения о вклинении противника в оборону советских войск в полосе 6-й армии. Это послужило основанием для отдачи распоряжения командующему 6-й армией и командиру 15-го механизированного корпуса о нанесении корпусом контрудара по прорвавшемуся противнику. В 14 часов задача корпусу была уточнена — «нанесением встречного удара восстановить положение 124-й стрелковой дивизии»[19].

Но наиболее тяжелой в первый день войны была обстановка в полосе 5-й армии и на стыке ее с 6-й армией (участок до 100 км), где противник наносил свой главный удар силами шести пехотных и одной танковой дивизий. Там он нанес поражение 87-й и 124-й стрелковым дивизиям и вклинился на советскую территорию на глубину до 30 км.

В полосе 26-й армии день 22 июня прошел в пассивных оборонительных боях по рубежу реки Сан войск 8-го стрелкового корпуса. В полосе 12-й армии на всех направлениях атаки незначительных сил противника также в тот день были отражены.

Тяжелой была и воздушная обстановка в полосе Юго-Западного фронта. Авиация противника, нанеся внезапные бомбо-штурмовые удары аэродромам, расположенным в тылу армий прикрытия, практически полностью захватила господство в воздухе. Только по официальным данным, потери авиации Юго-Западного фронта в первый день войны достигли 180 боевых машин, но, вероятно, они были значительно большими. Авиация фронта (четыре авиационные дивизии) в первый день войны практически бездействовала. 22 июня она совершила всего 100 самолето-вылетов, прикрывая район второстепенного значения (Шепетовка, Тернополь)[20].

В первый день войны нарком обороны и начальник Генерального штаба в штаб Юго-Западного фронта направили всего две директивы. Первая, полученная в 8.45 того дня, извещала о начале войны и предписывала «войсками всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожать их в районах, где они нарушили советскую границу». Вторая, полученная в конце дня, извещала о достижении советскими войсками «небольших успехов» и также предписывала начать активные наступательные действия. Обе директивы высшего

военного командования, полученные 22 июня штабом Юго-Западного фронта, свидетельствуют о том, что обстановка начавшейся войны расценивалась Ставкой ВГК настолько благоприятно, что она считала возможным начать активные наступательные действия по разгрому противника.

Штаб Юго-Западного фронта к тому времени не смог в полной мере установить управление подчиненными войсками и плохо знал сложившуюся обстановку. Но командующий фронтом предпочитал не докладывать об этом Генеральному штабу, отделываясь донесениями расплывчатого содержания. Поэтому Ставка Главного командования оценила действия врага в полосе Юго-Западного фронта «как достигшие небольших успехов» и потребовала от его командования «концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5-й и 6-й армий и не менее пяти механизированных корпусов при поддержке авиации, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский — Кристинополь, и к исходу 24 июня овладеть районом Люблин»[21].

В результате непонимания истинного положения дел между войсками, терпящими поражение вблизи границы, и штабами объединений Юго-Западного фронта, не знавшими истинного положения дел, вскоре возникли нервозные отношения, вплоть до непонимания и угроз, что также не способствовало качественному управлению операциями фронта и армий. Такая же обстановка складывалась и в полосе действий Западного фронта. Для оказания помощи командующим этих фронтов во второй половине 22 июня И.В. Сталин принял решение направить на Западный фронт С.К. Тимошенко и Г.И. Кулика, а на Юго-Западный фронт — Г.К. Жукова.

Позже в своих мемуарах Г.К. Жуков, стремясь снизить степень своей ответственности за катастрофу начального периода войны, писал: «Каждый военачальник, допустивший неправильные действия, не имеет морального права уходить от ответственности и ссылаться на вышестоящих. Войска и их командиры в любой обстановке в соответствии с уставом должны всегда быть готовыми выполнить боевую задачу. Однако накануне войны, даже в ночь на 22 июня, в некоторых случаях командиры соединений и объединений, входивших в эшелон прикрытия границы, до самого последнего момента ждали указаний свыше и не держали части в надлежащей боевой готовности, хотя по ту сторону границы уже был слышен шум моторов и лязг гусениц»[22].

Для того чтобы посмотреть на события начала Великой Отечественной войны с другой стороны советско-германского фронта, открываем военный дневник начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера от 22 июня 1941 года. В этот день, в частности, он пишет:

«Утренние сводки сообщают, что все армии, кроме 11-й (на правом фланге группы армий "Юг" в Румынии), перешли в наступление по плану. Наступление наших войск, по-видимому, явилось для противника на всем фронте полной тактической внезапностью.

Приграничные мосты через Буг и другие реки всюду захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, вне-

запно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать...

Командование ВВС сообщило, что наши военно-воздушные силы уничтожили 800 самолетов противника (1-й воздушный флот — 100 самолетов, 2-й воздушный флот — 300 самолетов, 4-й воздушный флот — 400 самолетов)...

Командование группы армий "Юг" доложило, что наши патрули, не встретив сопротивления, переправились через Прут между Галацем и Хуши и между Хуши и Яссами. Мосты в наших руках.

Общая картина первого дня наступления представляется следующая:

Наступление германских войск застало противника врасплох. Боевые порядки противника в тактическом отношении не были приспособлены к обороне. Его войска в приграничной полосе были разбросаны на обширной территории и привязаны к районам своего расквартирования. Охрана самой границы была в общем слабой.

Тактическая внезапность привела к тому, что сопротивление противника в пограничной зоне оказалось слабым и неорганизованным, в результате чего нам всюду легко удалось захватить мосты через водные преграды и прорвать приграничную полосу укреплений на всю глубину (укрепления полевого типа).

После первоначального "столбняка", вызванного внезапностью нападения, противник перешел к активным действиям. Без сомнения, на стороне противника имели место случаи тактического отхода, хотя и беспорядочного. Признаков же оперативного отхода нет и следа. Вполне вероятно, что возможность организации такого отхода была просто исключена. Ряд командных инстанций противника, как, например,

в Белостокс (штаб 10-й армии Западного фронта. — *Авт.*) полностью не знал обстановки, и поэтому на ряде участков фронта почти отсутствовало руководство действиями войск со стороны высших штабов.

Но даже независимо от этого, учитывая влияние "столбняка", едва ли можно ожидать, что русское командование уже в течение первого дня босв смогло составить себе настолько ясную картину обстановки, чтобы оказаться в состоянии принять радикальное решение. Представляется, что русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению.

Наши наступающие дивизии всюду, где противник пытался оказать сопротивлсние, отбросили его и продвинулись с боем в среднем на 10—12 км! Таким образом, путь продвижения соединения открыт»[23].

Таким образом, 22 июня 1941 года противнику удалось достичь не только тактической, но и оперативной внезапности. В результате этого сго авиация, нанеся значительное поражение авиации западных военных округов, захватила господство в воздухе. Подавляющее большинство частей и соединений армий прикрытия государственной границы не успели занять назначенные им оборонительные полосы, а пулеметные батальоны — специально построенные для них укрепленные районы.

Произошло нарушение управления войсками Юго-Западного фронта на оперативном и тактическом уровнях. В результате этого некоторые командующие армиями, многие командиры корпусов, более половины командиров дивизий и около 80 процентов командиров стрелковых полков, не зная общей обстановки и не получая никаких указаний от выше-

стоящих штабов, были предоставлены сами себе и действовали на свой страх и риск в рамках довоенного Плана прикрытия государственной границы. При этом многие из них не понимали реального положения вещей или же делали вид, что не понимают.

Замысел немецкого командования по плану «Барбаросса» в первый день операции был не только выполнен, но и на отдельных направлениях значительно перевыполнен. Немецким войскам удалось начать операцию внезапно, нанести поражение передовым частям Красной Армии, подавить советскую авиацию и вклиниться на советскую территорию, преодолев линию укрепленных районов.

При этом, ссылаясь на воспоминания начальника Генерального штаба РККА Г.К. Жукова и других военачальников, можно говорить о том, что высший орган управления Вооруженными Силами СССР в первый день Великой Отечественной войны фронтами и армиями практически не управлял. Разосланная им в штабы фронтов директива № 2 была реакцией на уже сложившуюся обстановку и никаких конкретных указаний войскам не содержала, к тому же она по причине нарушения связи в своем продвижении ниже штабов фронтов начала буксовать. Отправка руководителей высших звеньев управления РККА на фронты была не столько вызвана необходимостью оперативного руководства действиями войск, сколько являлась актом отчаяния — последней попыткой разобраться в сложившейся обстановке.

Ввиду нарушения управления войсками западных военных округов (фронтов), в том числе и Юго-Западного фронта, в первый же день войны командующие армиями прикрытия государственной границы и командиры корпусов, дивизий и полков были предоставлены сами себе и действовали на свой

страх и риск. При этом многие из них не понимали реального положения вещей и направляли усилия подчиненных войск вразрез с действиями вышестоящих инстанций и соседей. Безусловно, такие действия не могли привести к успеху.

АРМЕЙСКИЕ И ФРОНТОВОЙ КОНТРУДАРЫ

После успешного вклинения немецких войск в первый день войны на ряде направлений на советскую территорию перед германским командованием встал вопрос развития тактического успеха в оперативный. Эта задача решалась командующими групп армий, отдельных армий и танковых групп практически без вмешательства, но под самым пристальным контролем Генерального штаба сухопутных войск Германии. О том, как развивались события, можно судить по лаконичным записям в военном дневнике Ф. Гальдера. В частности, он пишет:

«23 июня. Командованию группы армий “Юг” будет указано нащупать слабое место противника и ударить по нему танковым клином. В настоящее время таким слабым местом представляется участок в районе автострады Броды — Ровно — Житомир севернее Тернополя. На юге русские атаковали в Румынии наши плацдармы на реке Прут и произвели ряд разведывательных поисков из района Черновиц против румынской кавалерии…

24 июня. Противник в пограничной полосе почти всюду оказывал сопротивление. Если он при этом не совсем представлял себе обстановку, то это явилось следствием тактической внезапности, которая привела к тому, что сопротивление противника оказалось неорганизованным, разобщенным и поэтому малоэффективным... Признаков оперативного отхода противника пока нет.

Войска группы армий “Юг”, отражая сильные контратаки противника (особенно сильные на фронте 4-го армейского корпуса севернее (северо-западнее) Львова), успешно продвигаются вперед. Противник несет большие потери. 17-я армия своим правым флангом достигла возвышенности в районе Мостиска... Противник бросает в бой резервы, подводимые из тыла. Таким образом, существует надежда, что в ближайшие дни нашим войскам в ходе дальнейшего наступления удастся полностью разбить силы противника, расположенные на Украине.

Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен. В общем, теперь стало ясно, что русские не думают об отступлении, а, напротив, бросают все, что имеют в своем распоряжении, навстречу вклинившемся германским войскам. При этом верховное командование противника, видимо, совершенно не участвует в руководстве операциями войск. Причины таких действий противника неясны. Поолное отсутствие крупных оперативных резервов совершенно лишает командование противника возможности эффективно влиять на ход боевых действий...

25 июня. На фронте группы армий “Юг”. Создается впечатление, что противник подтягивает свежие силы с запада и юга против продвигающегося с тяжелыми боями на восток 4-го армейского корпуса и против корпуса фон Бризена (52-й армейский корпус), видимо, с целью поддержки своих разбитых соединений и создание нового фронта обороны на линии Самбор, Львов, Дубно.

Подтверждается, что 45-я пехотная дивизия, по-видимому, зря понесла в районе Брест-Литовского большие потери.

Указания генералу артиллерии Бранду:

а) Выяснить эффективность наших установок “Карл” (тяжелые артсистемы) по району Бреста.

б) Расследовать действия 45-й пехотной дивизии в районе Бреста.

Обстановка на фронте к вечеру:

Сражение еще не достигло своей наивысшей точки. Оно продлится еще несколько дней. Танковая группа Клейста после упорного боя заняла Дубно. Танковое сражение западнее Луцка все еще продолжается. Наблюдается движение эшелонов противника с востока через Ковель и Ровно, а также движение войск к фронту в районе Тернополя и западнее…

26 июня. Группа армий “Юг” медленно продвигается вперед, к сожалению, неся значительные потери. У противника, действующего против армий “Юг”, отмечается твердое и энергичное руководство. Противник все время подтягивает из глубины новые свежие силы против нашего танкового клина… Южный фланг в настоящее время все еще остается чувствительным местом, ввиду того, что переброска пехотных дивизий для прикрытия этого фланга невозможна из-за отсутствия свободных сил. (Будем уповать на Бога.) Противник, как и ожидалось, значительными силами танков перешел в наступление на южном фланге 1-й танковой группы. Отмечается продвижение на отдельных участках. Бои развиваются успешно. Видимо, никакого кризиса нет. Численность авиации противника: перед группой армий “Юг” — 1200 самолетов…

Венгрия. Русская авиация совершила налеты на ряд объектов в пограничной полосе. Официальное объявление войны не предусматривается, но разрешено ответить воздушными налетами.

Румыния. Румынские войска предприняли атаку местного значения и наводят мосты через северный рукав дельты Дуная. Наша авиация совершила налет на Одессу…

27 июня. Группе армий "Юг" удалось не только отбить все атаки противника на южный фланг танковой группы Клейста, но даже продвинуться правым флангом танковой группы в юго-восточном направлении…

Русская тираспольская подвижная группа, отведенная несколько дней назад из Южной Бессарабии, перебрасывается по железной дороге на северо-запад. Очевидно, в ближайшее время она появится перед правым крылом танковой группы Клейста и будет брошена в бой в качестве последнего резерва. Тогда все силы, которые русское командование на Украине (следует отдать ему должное, оно действует хорошо и энергично) может противопоставить группе армий "Юг", будут разгромлены. Мы получаем возможность повернуть на юг, чтобы вынудить части противника, удерживающие район Львов, Станислав, вести бой с перевернутым фронтом. По времени это будет как раз к тому моменту, когда румынская ударная группа будет готова начать наступление навстречу группе армий "Юг".

На правом фланге танковой группы Клейста 16-я танковая дивизия достигла Кременца. Следовательно, она наносит удар по слабому месту противника, которое вчера обрабатывала наша авиация.

Вагнер (генерал-квартирмейстер) доложил о большом трофейном складе в Дубно: большое количество жидкого топлива и бензина, 42 210-мм мортиры, 65 пулеметов, 95 грузовых автомашин, 215 танков, 50 противотанковых пушек, 18 артиллерийских батарей.

Вечерние сводки: сопротивление противника ослабевает. Обнаружены явные признаки отхода противника перед

фронтом 17-й армии. Поэтому командующий группой армий "Юг" еще в середине дня приказал 17-й армии немедленно перейти в наступление и организовать преследование противника. Командование 17-й армии наметило для преследования основное направление на Золочев.

Венгрия: Венгерское радио заявило, что Венгрия находится в состоянии войны с Россией. Венгерскому генеральному штабу ничего об этом не известно. Два дня назад венгерское правительство направило в германское министерство иностранных дел запрос о том, требуется ли участие Венгрии в войне. Венгерское правительство до сих пор ожидает ответа министерства иностранных дел и считает, что оно не может до получения официального ответа активно выступить...

Венгерский генеральный штаб сосредоточил в районе Мармарош, Сегед подвижный корпус в составе двух моторизованных бригад и одной кавалерийской бригады и держит его в боевой готовности для использования на правом фланге венгерского Карпатского фронта.

28 июня. На фронте группы армий "Юг" создается впечатление, что противник предпринял лишь частный отход с упорными боями за каждый рубеж, а не крупный отход оперативного или стратегического масштаба...

Донесения, поступившие в середине дня: Занят Ровно.

Вечерние донесения: Перед фронтом группы армий "Юг" подтверждается отход противника. В течение двух последних дней в тылу, позади постепенно распадающегося фронта, замечено движение отдельных моторизованных колонн с юго-востока на восток. Видимо, противник пытается организовать сопротивление на неизвестной нам линии укреплений Новоград-Волынский, Проскуров, Днестр. Однако, отходя на этот рубеж медленно и с контратаки, он расходует в них

большое количество сил. Части 17-й армии находятся непосредственно перед Львовом.

29 июня. На фронте группы армий "Юг" все еще продолжаются сильные бои. На правом фланге 1-й танковой группы 8-й русский танковый корпус...

Дальнейшая задача группы армий "Юг" состоит в том, чтобы, не ведя серьезных фронтальных боев, прорвать русскую тыловую оборонительную позицию, проходящую по линии Белокоровичи, Новоград-Волынский, Могилев-Подольский, устье Днестра, а затем повернуть на юг западнее Днепра. Имеется два удобных участка для прорыва: на севере, где главный удар следует нанести в направлении Новоград-Волынский, Житомир, и на юге, в районе Староконстантинова...

Обстановка на фронте вечером: развернулось своеобразное сражение в районе южнее Дубно... На северном участке фронта группы армий "Юг" также идут упорные бои... В районе Львова противник медленно отходит на восток, ведя упорные бои. Здесь впервые наблюдается массовое разрушение противником мостов.

Обстановка на фронте вечером: наши войска планомерно продолжают наступление на намеченных направлениях к Западной Двине. Все имеющиеся переправы захвачены нашими войсками...

Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. Лишь местами сдаются в плен, в первую очередь там, где в войсках большой процент монгольских народностей (перед фронтом 6-й и 9-й армий). Бросается в глаза, что при захвате артиллерийских батарей и т.п. в плен сдаются лишь немногие. Часть русских сражается, пока их не убьют, другие бегут, сбрасывая с себя форменное

обмундирование, и пытаются выйти из окружения под видом крестьян...

Из Венгрии сообщают, что карпатский корпус сможет начать наступление 2.7.

Италия представила сведения о составе своего корпуса, предназначенного для действий в России. Численность корпуса 40 000 человек.

Словакия выставила на фронт две дивизии и одну моторизованную бригаду, которая уже участвует в боях на правом фланге 17-й армии (на Днестре у Самбора).

Испания намерена направить в Россию один легион численностью 15 000 человек...

30 июня. На фронте группы армий "Юг", несмотря на отдельные трудности местного значения, бои развиваются успешно. Наши войска шаг за шагом теснят противника.

Сегодня утром в 4.30 1-я горно-стрелковая дивизия заняла Львов.

Напряженная обстановка в районе Дубно разрядилась.

Отмечено усиление активности авиации противника перед фронтом группы армий "Юг" и перед румынским фронтом. На фронте группы армий "Юг" наша авиация добилась нескольких очень крупных успехов в боях с авиацией противника и нанесла эффективные удары по отходящим наземным войскам противника (по каждой дороге движется до трех колонн)»[1].

23 июня утром на командный пункт Юго-Западного фронта, расположенный в Тернополе, прибыл начальник Генерального штаба РККА Г.К. Жуков. К тому времени в войска из Москвы уже поступила директива № 3 за его подписью, которая предусматривала переход советских войск в контрнаступление с задачей разгрома противника на главных на-

правлениях и переноса военных действий на его территорию. При этом, по признанию самого Георгия Константиновича, из доклада Н.Ф. Ватутина он знал, что обстановка в приграничной полосе остается неясной и управление войсками нарушено. Отдавать директиву о проведении контрударов в таких условиях во всем канонам военной науки считалось неправильным. Но Г.К. Жуков, несмотря на это, разрешил Н.Ф. Ватутину отдать директиву от имени начальника Генерального штаба РККА.

Приказ о проведении контрудара за подписью Г.К. Жукова вызвал резкие возражения начальника штаба Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта М.А. Пуркаева. Он пытался доказать, что нельзя переходить к активным действиям в условиях неясной обстановки, когда противник не остановлен обороной, а у войск фронта на данном направлении недостаточно сил и средств. Командующий фронтом генерал М.П. Кирпонос уже начал соглашаться с доводами своего начальника штаба, но приезд в Тернополь начальника Генерального штаба сразу же поставил точку в этих сомнениях. М.П. Кирпонос в присутствии начальника Генерального штаба предпочитал помалкивать, а сам Г.К. Жуков не терпел никаких возражений.

Утром 23 июня, когда угроза прорыва противником тактической зоны обороны 5-й армии стала вполне очевидна, генерал-майор М.И. Потапов получил приказ командующего войсками фронта на переход всех сил его армии в наступление с задачей уничтожить владимир-волынскую группировку врага и восстановить положение по государственной границе. Задача была явно непосильная, поскольку три армейских корпуса противника, усиленные танками, развивали наступление на восток.

Не позволяло 5-й армии перейти к наступательным действиям и то обстоятельство, что ее резерв — 22-й механизированный корпус (без 41-й танковой дивизии) совершил 50-километровый марш и к исходу 23 июня приводил себя в порядок в районе Дубище, Клепачев, Секиричи с тем, чтобы выступить в район Ковеля. В это время его 41-я танковая дивизия прикрывала Ковель.

На рассвете 24 июня 19-я танковая дивизия 22-го механизированного корпуса сосредоточилась в районе севернее Войницы, а его 215-я моторизованная дивизия с приданным танковым полком — в 10—15 км севернее Владимир-Волынского. В 14 часов 19-я танковая дивизия, имевшая всего лишь 45 исправных танков Т-26 и 12 бронеавтомобилей, во взаимодействии с 135-й стрелковой дивизией атаковала противника в направлении Войницы и вынудила его к отходу. Однако к 18 часам 24 июня противник сам нанес удар по левому флангу советских дивизий, в результате которого 19-я танковая дивизия потеряла более половины танков и отошла. В бою был убит командир 22-го механизированного корпуса генерал-майор С.М. Кондрусев, ранены командир 19-й танковой дивизии и все подчиненные ему командиры полков.

215-я моторизованная дивизия смогла перейти в атаку только в 4 часа 25 июня. После 15-минутной артиллерийской подготовки она перешла в наступление к северо-востоку от Владимир-Волынского, но, получив мощный встречный удар 298-й пехотной дивизии противника, была вынуждена отходить в северном направлении, подвергаясь авиационным ударам. В результате армейский контрудар, организованный без должной разведки, учета обстановки, четкого взаимодействия между соединениями, разновременно вводившимися в

бой под ударами авиации противника, принес войскам 5-й армии больше вреда, чем пользы[2].

Так же неудачно закончился и армейский контрудар 4-го механизированного корпуса в полосе обороны 6-й армии. Советские войска несли потери, отступая на восток. Оборона на поспешно занятых, неподготовленных промежуточных рубежах отдельных частей и соединений была эпизодической. Армейские резервы были введены в бой, фронтовые резервы — неудержимо таяли. Несмотря на это, Г.К. Жуков с удивительным упрямством требовал разгромить вклинившегося противника контрударами с целью переноса боевых действий на территорию врага.

Под давлением начальника Генерального штаба, несмотря на неудачный исход первых армейских оборонительных операций, командующий войсками Юго-Западного фронта генерал-полковник М.П. Кирпонос решил нанести контрудар по противнику силами четырех механизированных корпусов в районе Броды — Дубно — Владимир-Волынский и доложил это решение Г.К. Жукову.

Выслушав решение командующего Юго-Западным фронтом, Георгий Константинович не стал возражать. «Решение было разумным, и я согласился с командованием фронта, предложив, однако, проверить обеспечение взаимодействия между корпусами и авиацией фронта», — пишет он в своих мемуарах.

Уместно задать вопрос: о каком взаимодействии могла идти речь? Положение противника точно не известно, зато в воздухе безраздельно господствует его авиация. Механизированные корпуса разбросаны на широком фронте и находятся в движении подивизионно, и когда они выйдут на рубеж контратаки, неизвестно. Комендантская служба отсутствует. Рубежи контратак

не разведаны и не обозначены на местности. Рубежи ближайших и последующих задач, время выхода на эти рубежи корпусам не указаны. Взаимосвязь между корпусами отсутствует. Не нужно быть начальником Генерального штаба, чтобы понимать, что проведение контрудара в таких условиях заранее обречено на неудачу. Несмотря на это, контрудар механизированных корпусов Юго-Западного фронта все же состоялся.

Для ликвидации угрозы глубокого прорыва обороны войск Юго-Западного фронта и уничтожения главных сил 1-й танковой группы противника в районе Дубно командующий войсками Юго-Западного фронта принял решение 25 июня силами 22-го, 9-го и 19-го механизированных корпусов нанести контрудар с севера, а силами 8-го и 15-го механизированных корпусов — с юга. Контрудар был организован поспешно, отсутствовали единое руководство участвовавшими в нем соединениями и надежная противовоздушная оборона. Механизированные корпуса вступали в сражение после изнурительных 200—400-километровых маршей, в ходе которых они несли значительные потери от ударов вражеской авиации и вследствие технических поломок материальной части.

Неудивительно, что фронтовой контрудар в районе Дубно вылился во встречные сражения пяти советских механизированных корпусов против главных сил 3-го и 48-го моторизованных, 55-го и 29-го армейских корпусов 1-й танковой группы противника, которые продолжались с 26 по 29 июня 1941 года.

Генерал К.К. Рокоссовский, который в то время командовал 9-м механизированным корпусом, позже в своей книге «Солдатский долг» писал:

«26 июня по приказу командарма Потапова (командующий 5-й армией. — *Авт.*) корпус нанес контрудар в направ-

лении Дубно. В этом же направлении начали наступать левее нас 19-й, а правее 22-й механизированные корпуса. Никому не было поручено объединить действия трех корпусов. Они вводились в бой разрозненно и с ходу, без учета состояния войск, уже двое суток дравшихся с сильным врагом, без учета их удаленности от района вероятной встречи с противником.

Время было горячее, трудности исключительные, неожиданности возникали везде. Но посмотрим распоряжение фронта, относящееся к тому периоду: "Нанести мощный контрудар во фланг прорвавшейся группе противника, уничтожить ее и восстановить положение". Согласовывалось ли оно с обстановкой на участке, о котором идет речь, не говоря уж о положении, сложившемся к 26 июня на житомирском, владимир-волынском и ровенском направлениях, где немецкие войска наносили свой главный удар? Нет, не согласовывались. У меня создалось впечатление, что командующий фронтом и его штаб в данном случае просто повторили директиву Генштаба, который конкретной обстановки мог и не знать. Мне думается, что в этом случае правильнее было бы взять на себя ответственность и поставить войскам задачу, исходя из положения, сложившегося к моменту получения директивы Генерального штаба»[3].

Прославленный впоследствии Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский, работая над книгой, безусловно, знал, что на командном пункте Юго-Западного фронта с 23 по 26 июня находился начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г.К. Жуков. Но Константин Константинович сознательно решил «не подставлять» своего коллегу и перевел «стрелки» на погибшего в сентябре 1941 года командующего Юго-Западным фронтом генерала М.П. Кирпоноса. Ход в чисто

советском духе — списывать ошибки большого начальника на действия подчиненного, который только добросовестно выполнял директивы старшего руководителя.

Читаем дальше воспоминания К.К. Рокоссовского:

«Связь с соседями то и дело прерывалась. Удалось узнать, что 22-й механизированный корпус сам был атакован большими вражескими силами, понес большие потери и отброшен на северо-восток от Луцка. В самом начале боя был убит генерал Кондрусев, в командование вступил начальник штаба В.С. Тамручи. Сосед слева — 19-й корпус — при попытке начать наступление также был атакован противником из района Дубно, отброшен к Ровно, где и вел оборонительный бой...

Был опять получен приказ о контрударе. Однако противник настолько превосходил нас, что я взял на себя ответственность не наносить контрудар, а встретить врага в обороне...».

Таким образом, контрудар трех механизированных корпусов, которые должны были действовать с севера в полосе Юго-Западного фронта, завершился неудачно. Но встает другой вопрос: откуда в то время командир 9-го механизированного корпуса мог знать о проблемах, возникших у соседей справа и слева? На каком основании он мог самовольно принять решение не участвовать во фронтовом контрударе? О неудачах соседей он узнал из архивов только после войны. В военное время за невыполнение приказа старшего начальника строптивого командира могли отстранить от должности, отдать под суд и даже расстрелять. Но К.К. Рокоссовский не только избежал столь печальной участи, но и сделал в последующем блестящую карьеру, и только с этих позиций взял на себя право критиковать решение командующего

Юго-Западным фронтом, принятое им в июне 1941 года. Как известно, задним числом мы все умные...

Итак, неудачные бои 22-го, 9-го и 19-го механизированных корпусов с частями 14-й, 13-й и 11-й танковых дивизий противника 26—28 июня закончились отходом советских войск к западу от Ровно. При этом враг также понес существенные потери.

С юга из районов Броды, Топоров наносили контрудар 8-й и 15-й механизированные корпуса. Наибольшего успеха добился 8-й механизированный корпус под командованием генерал-лейтенанта Д.И.Рябышева (34, 12-я танковые, 7-я моторизованная дивизии). Корпус приступил к выполнению боевой задачи в крайне неблагоприятных условиях: четверо суток он совершал марши согласно противоречивым приказам; совершив из района Дрогобыч почти 300-километровый марш в район Самбор, затем в район западнее Львова, а потом в район Броды под ударами противника с воздуха, корпус сильно растянулся. На исходный рубеж для нанесения контрудара 8-й мехкорпус вышел, имея лишь 40—50 процентов боевых машин и артиллерии. Много его техники осталось на дорогах, ожидая ремонта.

В ожесточенных боях 27—28 июня 8-й механизированный корпус нанес поражение 16-й танковой дивизии, части сил 111-й и 75-й пехотных дивизий противника и продвинулся до 40 км. Только в районах Смолярня и Птичье им было уничтожено свыше 50 танков, 20 бронеавтомобилей, 2 войсковых штаба, до полка мотопехоты противника и захвачено 4 танка и множество орудий. Однако в последующем соединения корпуса были изолированы от соседей, окружены врагом и были вынуждены прорываться из окружения на восток.

Бои 15-го механизированного корпуса 27—28 июня были безуспешными[4].

27 июня. Войска Юго-Западного фронта отходят под ударами противника на киевском направлении и практически бездействуют на южном крыле фронта. Но прибывший утром этого дня в Москву Г.К. Жуков в докладе И.В. Сталину и С.К. Тимошенко всячески выгораживает командующего Юго-Западным фронтом, докладывая об упорной обороне его войск на неподготовленных рубежах. Он доказывает необходимость отхода на новые рубежи с целью выравнивания фронта и использования условий местности.

В результате доклада Г.К. Жукова в Генеральном штабе принимается два важных решения. Первое — начать с наступлением темноты отвод армий Юго-Западного фронта на рубеж рек Стоход, Стырь, городов Кременец, Золочов, Стрий, Долина, Вышкув и перенести пункт управления фронта из Тернополя в Новоград-Волынский, а воздушный пункт управления — в Проскуров. Второе — о передаче 12-й армии из состава Юго-Западного фронта в состав вновь сформированного Южного фронта.

Правда, это не позволило стабилизировать фронт обороны советских войск. Наступление противника продолжалось. Желая его остановить или замедлить, 27 июня 1941 года командующий отдает войскам очередной приказ об организации обороны частью сил на рубеже Староконстантинов, Базалия, Вишневец для воспрещения прорыва противника в тыл главной группировке войск Юго-Западного фронта.

Г.К. Жукову не дает покоя санкционированный им контрудар войск Юго-Западного фронта. Он постоянно напоминает о нем командующему, но М.П. Кирпонос докладывает, что контрудар все еще не готов: к тому времени наступающий противник не был остановлен, оставалось неизвестным о составе и местонахождении его резервов.

Для того, чтобы остановить танки противника, в течение ночи на 28 июня командованием Юго-Западного фронта было решено создать заслон силами 24-го механизированного корпуса, а также трех противотанковых бригад.

Из Генерального штаба в этот день направляются в войска несколько документов за подписями первого заместителя начальника Генерального штаба РККА генерал-лейтенанта Н.Ф. Ватутина и заместителя начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта В.Д. Соколовского. Все они посвящены вопросам передачи в состав войск фронтов новых формирований, материальному обеспечению войск, а также вопросам дополнительного призыва в ряды РККА отдельных категорий специалистов. Н.Ф. Ватутин также требует от командующего Харьковским военным округом направить дополнительные силы на киевское направление.

28 июня в 4 часа утра командующий Юго-Западным фронтом подписал очередной приказ о проведении контрудара силами 5-й армии, 36-го, 37-го и 5-го кавалерийского корпусов с целью уничтожить «мотомехгруппы» противника, действующие на сокальско-дубно-острогожском направлении. 6-й и 26-й армиям ставилась задача обороняться на занимаемых рубежах[5].

Мотивом для этих намерений были неточные сведения о начале успешных действий 8-го механизированного корпуса в районе Дубно и успехах других механизированных корпусов в треугольнике Луцк, Дубно, Ровно. Тогда командующему казалось, что штаб Юго-Западного фронта наконец-то смог организовать управление подчиненными войсками и взять под свой контроль складывающуюся обстановку.

Но на деле все было далеко не так. Противник продолжал теснить советские войска, вводя в сражение все новые и

новые силы. Его авиация господствовала в воздухе. В тылу советских войск орудовали вражеские разведывательно-диверсионные группы. С рядом армий и корпусов по-прежнему не было связи. Да и на самом командном пункте фронта преобладало пессимистическое настроение. Основные отделы ввиду отсутствия достоверной информации из войск не могли качественно разрабатывать необходимые боевые документы. Поэтому начальники этих отделов были вынуждены загружать подчиненных офицеров второстепенной работой, в результате которой разрабатывалось множество никому не нужных документов.

Обстановку нагнетал и тот факт, что именно в этот день (28 июня) покончил жизнь самоубийством член Военного совета Юго-Западного фронта корпусной комиссар Н.Н. Вашугин. Причина этой трагедии так до конца и осталась неизвестной, но сам факт отрицательно повлиял на складывающуюся обстановку. Была информация о том, что проинструктированный Г.К. Жуковым Н.Н. Вашугин, прибыв в войска, потребовал немедленного начала контратаки, не дожидаясь подхода остальных соединений, что и стало причиной его срыва.

В этот день в штаб Юго-Западного фронта поступила телеграмма за подписью Г.К. Жукова. В этой телеграмме содержалось разрешение на выход из окружения 87-й стрелковой дивизии из района Устилуга в район Ковеля, оставив на месте и закопав всю тяжелую технику и вооружение, оставив при себе только легкое стрелковое оружие[6].

29 июня. На исходе дня штаб Юго-Западного фронта был вынужден констатировать, что 5-я армия, понеся большие потери, отошла за реку Стырь и заняла оборону по ее западный берег силами всех соединений. 6-я армия отошла на

рубеж Каменка-Струмилова, Жолкев, Грудек-Ягельоньский, а противник в течение 28 июня усиленно обстреливал артиллерийским огнем и бомбил Львов. 8-й механизированный корпус своими дивизиями ведет бой в районе Дубно, Суходол. 15-й механизированный корпус ведет бой на фронте Станиславчик, Лопатынь, Полонична. 5-й кавалерийский корпус обороняется в районе Кременец. 26-я армия занимает рубеж Грудек-Ягельоньский — Урож.

К тому времени уже было ясно, что фронтовой контрудар силами четырех механизированных корпусов ожидаемого успеха не принес. 8-й механизированный корпус, растянувшись почти на 70 километров, был прижат превосходящими силами противника к непроходимой для танков реке Иква и уничтожен. Вырваться удалось только двум тысячам пеших бойцов с десятью орудиями и пятью танками.

В этот день Н.Ф. Ватутин передал штабу Киевского Особого военного округа требование о наведении должного порядка в тыловых частях и подразделениях. Было установлено, что некоторые дороги, ведущие от фронта в тыл, «забиты неуправляемыми тыловыми подразделениями и машинами, загруженными красноармейцами и командирами, стремящимися уйти с фронта в тыл. В тыловых частях отсутствовали дисциплина и организованность. Г.К. Жуков через своего заместителя требовал срочно навести жесткий порядок в тылу Юго-Западного фронта и доложить о принятых мерах[7].

30 июня. В Москве в этот день принимается решение об образовании Государственного Комитета Обороны (ГКО) во главе с И.В. Сталиным. За несколько часов до этого И.В. Сталину становится известно о падении Минска. После этого у него состоялся резкий разговор в Генеральном штабе с Тимошенко и Жуковым. Сказались, вероятно, и бессонные ночи,

в результате чего проявились симптомы болезни: хрипота, насморк, распухший нос, пожелтевшие глаза. Глава правительства стал вял, раздражителен, внешне безволен. Сперва он уехал из Кремля на Кунцевскую дачу, затем перебрался на Дальнюю дачу к дорогой сердцу Светлане.

Эту ночь по-разному описывают в литературе.

Анастас Иванович Микоян, заместитель председателя Совнаркома, нарком внешней торговли, член политбюро ЦК ВКП(б), рассказывал, что Молотов, Маленков, Ворошилов, Берия, Вознесенский и он пришли к выводу о необходимости создания Государственного Комитета Обороны, в руках которого следовало бы сосредоточить всю власть в стране, и решили поехать к Сталину. Он был на даче... «Застали его сидящим в кресле. Он смотрит на нас и спрашивает: "Зачем пришли?" Вид у него какой-то странный, не менее странным был и заданный им вопрос. Ведь по сути дела он сам должен был нас созвать.

Молотов от нашего имени сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы быстрее решать все вопросы, чтобы как можно скорее поставить страну на ноги. Во главе такого органа должен быть Сталин. Он посмотрел удивленно, никаких возражений не высказал».

Николай Николаевич Воронов, в то время начальник Главного управления ПВО страны, заместитель наркома обороны, повествуя о последних днях июня 1941 года, отмечает, что «Сталин был в подавленном состоянии, нервный и неуравновешенный... По моему мнению, он неправильно представлял масштабы начавшейся войны, те силы и средства, которые действительно смогли бы остановить наступающего противника на широчайшем фронте от моря до моря... В то время в Ставку поступало много донесений с фронтов с явно

завышенными данными о потерях противника. Может быть, это и вводило Сталина в заблуждение».

Никита Сергеевич Хрущев, в то время первый секретарь ЦК КП(б) Украины, член Политбюро ЦК, писал: «Я часто вспоминаю рассказ Берии о поведении Сталина с начала войны. Сначала он не хотел в это поверить и цеплялся за надежду, что это провокация, приказывал даже не открывать огня, надеялся на чудо, пытался спрятаться за собственные иллюзии. Затем ему стали докладывать о победоносном продвижении гитлеровских войск. Тут-то открыто проявилось то, что он скрывал от всех, — его панический страх перед Гитлером. Сталин выглядел старым, пришибленным, растерянным. Членам Политбюро, собравшимся вечером 30 июня у него в кабинете, он сказал: "Все, чего добился Ленин и что он нам оставил, мы безвозвратно потеряли. Все погибло". И, ничего не добавив, вышел из кабинета, уехал к себе на дачу.

Берия рассказывал, что все остались в растерянности. Но потом решили наметить некоторые практические мероприятия. Ведь шла война, надо было действовать. Обсудив дела, они решили сами поехать к Сталину. Сталин принял их, и они начали убеждать его, что еще не все потеряно, что у нас большая страна, мы можем собраться с силами и дать отпор врагу, убеждали его вернуться к руководству и возглавить оборону страны. Сталин согласился, вернулся в Кремль и опять приступил к работе».

Судя по воспоминаниям современников, в ряде случаев, несколько приукрашенных в оценке событий, психологический шок у Сталина действительно был. Скорее всего, наступило состояние человека, для которого шел процесс падения с олимпа того величия и непогрешимости, созданного как самим Сталиным, так и его окружением.

Первыми шагами, которые свидетельствовали о том, что Сталин пытался взять в руки не только себя, но и контроль над обстановкой, стало оформление создания Государственного Комитета Обороны, замены командующих войсками Западного (первоначально генералом А.И. Еременко, затем маршалом С.К. Тимошенко) и Северо-Западного фронтов (генералом П.П. Собенниковым). Тогда же начальником штаба на Западный фронт был направлен генерал Г.К. Маландин, на Северо-Западный — генерал Н.Ф. Ватутин. Членом Военного совета Западного фронта назначается начальник Главного управления политической пропаганды РККА, заместитель наркома обороны, нарком государственного контроля, член ЦК и Оргбюро ЦК ВКП(б) Лев Захарович Мехлис.

В этот день в полосе войск Юго-Западного фронта также обстановка складывалась не в пользу советских войск. 5-я армия отходила, 6-я армия 30 июня оставила Львов. Оставление этого ключевого пункта вынудило советское командование начать отвод на восток войск 26-й армии.

Таким образом, приграничные сражения войск Юго-Западного фронта закончились 30 июня 1941 года в целом неудачно. Были проиграны первые оборонительные операции 5-й и 6-й армий и между ними вбит мощный танковый клин 1-й танковой группы Клейста. Попытки ликвидировать танковый прорыв врага фронтовым контрударом в районе Луцк, Дубно, Ровно завершилась неудачно. Потери советских танков были огромными, причем большая часть их была небоевыми.

Казалось бы, настало время строго спросить с начальника Генерального штаба и командующего Юго-Западным фронтом за бессмысленную потерю тысяч танков и многих десятков тысяч людей. Но это сделано не было. Позже остав-

шиеся в живых военачальники всячески оправдывали свои действия в районе Дубно в июне 1941 года.

Так, бывший начальник оперативного управления Юго-Западного фронта, а в последующем Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян в книге «Так начиналась война» пишет: «Рано утром 8-й механизированный корпус генерала Рябышева атаковал врага силами 12-й и 34-й танковых дивизий под командованием генерала Т.А. Мишанина и полковника И.В. Васильева... Перевес в силах был на стороне противника, но он не выдержал удара советских танков, попятился. Генерала Д.И. Рябышева, его заместителя по политчасти бригадного комиссара Н.К. Попеля и командиров обоих дивизий видели в этот день в самом пекле боя. Возглавляемые ими войска 10 километров гнали фашистов, с ходу овладели местечком Лешнево, захватили там большие немецкие обозы. Фашистское командование бросило против советских войск крупные силы авиации и все резервы, оказавшиеся под рукой. Наши танки подошли к самому Берестечко, но дальше продвинуться не смогли.

Удар 8-го мехкорпуса оказался, к сожалению, изолированным. Сосед слева (15-й механизированный корпус. — *Авт.*) не смог поддержать его...

Лишь к ночи стали известны результаты атак 9-го и 19-го мехкорпусов, наступавших с северо-востока. Получив приказ как можно быстрее нанести удар в общем направлении на Дубно, генералы Рокоссовский и Фекленко не стали ждать сосредоточения всех своих сил и двинули танковые дивизии в атаку...»[8]

Командир 8-го механизированного корпуса генерал Д.И. Рябышев (932 танка, в том числе 70 КВ и 100 Т-34, 141 орудие, 30 тысяч человек личного состава) об этом кон-

трударе в своих воспоминаниях пишет: «25 июня, к 15 часам передовые отряды корпуса достигли города Броды, а к исходу дня сосредоточились в указанном районе и главные силы корпуса. Здесь мы подвели итоги нашего четырехсуточного напряженного 500-километрового марша по дорогам войны. Итоги были нерадостными: большое количество танков старых конструкций вышли из строя и не смогли достичь района сосредоточения. Танки Т-35, например, все были оставлены на маршрутах движения...

В Бродах противника не оказалось, но и наших войск там не было. Из штаба фронта мы не получили никаких сведений о противнике. Не было также информации о соседях слева и справа. Мы не знали, с кем будем взаимодействовать и какие авиачасти должны поддерживать боевые действия соединений корпуса...»[9-10]

Из этих воспоминаний видно, в каком состоянии находился 8-й механизированный корпус, прибыв в исходный район для проведения контрудара, и как определялись ему боевые задачи. Любому мало-мальски грамотному в военном отношении человеку ясно, что начинать контрудар в такой обстановке невозможно. Но генерал Д.И. Рябышев почему-то упускает такой важный факт, что в то время в корпус лично прибыл начальник Генерального штаба РККА Г.К. Жуков, который был обязан не только ввести командира корпуса в обстановку, но и утвердить его решение.

Частично причину неудачного проведения контрудара 8-м механизированным корпусом выявил и описал в своих воспоминаниях начальник политотдела этого соединения бригадный комиссар Н.К. Попель. Он пишет, что пока генерал Д.И. Рябышев соображал, как лучше выполнить приказ о проведении контрудара на Дубно, в корпус прибыл член Во-

енного совета Юго-Западного фронта корпусной комиссар Н.Н. Вашугин.

«Он шел, подминая начищенными сапогами кустарник, прямо на Рябышева. Когда приблизился, посмотрел снизу вверх в морщинистое скуластое лицо командира корпуса и сдавленным от ярости голосом спросил:

— За сколько продался, Иуда?

Рябышев стоял в струнку перед членом Военного совета, опешивший, не находивший что сказать, да и все мы растерянно смотрели на невысокого, ладно скроенного корпусного комиссара.

Дмитрий Иванович заговорил первым:

— Вы бы послушали, товарищ корпусной...

— Тебя, изменника, полевой суд слушать будет. Здесь под сосной выслушаем и у сосны расстреляем (прокурор, председатель Военного трибунала, взвод бойцов — тут же готовы к работе!).

Я не выдержал и выступил вперед:

— Можете обвинять нас в чем угодно. Однако потрудитесь вначале выслушать.

— А, это ты, штатный адвокат при изменнике...

Теперь поток ругательств обрушился на меня.

Все знали, что член Военного совета не выносит, когда его перебивают. Но мне нечего было терять. Я воспользовался его же оружием, то не был сознательный прием. Гнев подсказал.

— Еще неизвестно, какими соображениями руководствуются те, кто приказом заставляет отдавать врагу с боем взятую территорию.

Корпусной комиссар остановился. Для того, чтобы смотреть мне в лицо, ему не надо поднимать голову. Мы одно-

го роста. Перед моими глазами аккуратная черная полоска усов, нервно подергивается вправо, нервно подергивается правое веко. В голосе члена Военного совета едва уловимая растерянность:

— Кто вам приказал отдавать территорию? Что вы мелете? Генерал Рябышев, докладывайте.

Дмитрий Иванович докладывает. Член Военного совета вышагивает перед ним, заложив руки за спину.

Корпусной комиссар понимает, что вышло не совсем ладно. Но не сдается. Он смотрит на часы и приказывает Дмитрию Ивановичу:

— Через двадцать минут доложите мне о своем решении...

Корпусной комиссар не дал времени ни на разведку, ни на перегруппировку дивизий. Чем же наступать?

Рябышев встает и направляется к вышагивающему в одиночестве корпусному комиссару:

— Корпус сможет закончить перегруппировку только к завтрашнему утру.

Член Военного совета от негодования говорит чуть ли не шепотом:

— Через двадцать минут решение — и вперед.

— Чем же "вперед"?

— Приказываю немедленно начать наступление. Не начнете, отстраню от должности и отдам под суд...

Приходится принимать самоубийственное решение — по частям вводить корпус в бой....

— Давно бы так. — Член Военного совета исподлобья смотрит на Дмитрия Ивановича. — Когда хотят принести пользу Родине, находят способ... Выполняйте. А командовать подвижной группой будет Попель».

Из всех источников видно, что решение на контрудар 8-м механизированным корпусом было принято в крайне неблагоприятной для него обстановке всего за двадцать минут под давлением члена Военного совета Юго-Западного фронта корпусного комиссара Н.Н. Вашугина, который через несколько дней после этого застрелился. В результате — виновный в неудаче контрудара найден. Но почему командир корпуса не доложил обстановку и свое решение командующему армией и начальнику Генерального штаба? Об этом все авторы предпочитают умалчивать.

Но поиски «стрелочника» продолжались. Берем мемуары Г.К. Жукова:

«Если бы в войсках Юго-Западного фронта были лучше организованы сухопутная и воздушная разведки, более отработано взаимодействие и управление войсками, результаты контрудара были бы еще значительнее.

В этих сражениях показали себя с самой лучшей строны 22-й механизированный корпус под командованием генерал-майора С.М. Кондрусова, 27-й стрелковый корпус 5-й армии, 8-й механизированный корпус Д.И. Рябышева.

Притом действия 8-го механизированного корпуса могли дать больший эффект, если бы комкор не разделил корпус на две группы и вдобавок не поручил командование одной из групп генералу Н.К. Попелю, не имевшему достаточной оперативно-тактической подготовки для руководства большим сражением.

Наша историческая литература как-то мимоходом касается крупнейшего приграничного танкового сражения начального периода войны с фашистской Германией, произошедшего в районе Ровно, Броды, Луцк. Следовало бы детально разобрать оперативную целесообразность применения здесь механизиро-

ванных корпусов по прорвавшейся главной группировке врага и организацию самого контрудара. Ведь в результате именно этих действий наших войск на Украине был сорван в самом начале вражеский план стремительного прорыва к Киеву. Противник понес тяжелые потери и убедился в стойкости советских воинов, готовых драться до последней капли крови»[11].

Итак, устами начальника Генерального штаба бессмысленный контрудар Юго-Западного фронта оправдан. Причины, снизившие его эффективность, найдены. Виновные в боевых неудачах, потере тысяч танков и гибели десятков тысяч людей установлены. Остается только неясной роль и вина самого Г.К. Жукова, санкционировавшего этот контрудар, лично следившего за его подготовкой.

Вывод один — фронтовой контрудар Юго-Западного фронта в районе Дубно, в ходе которого лучшие механизированные корпуса потеряли большую часть танков, не достиг своей цели. Позже его оправдывали тем, что противнику были нанесены чувствительные потери и выиграно драгоценное время для усиления обороны советских войск на киевском направлении. Но как это понять, если уже 10 июля «разбитые» танковые дивизии 1-й танковой группы Клейста вышли на подступы к Киеву?

Правда, сам Георгий Константинович предлагает ответить на эти вопросы другим людям. В своих мемуарах он пишет: «Наша историческая литература как-то мимоходом касается этого величайшего приграничного сражения начального периода войны с фашистской Германией. Следовало бы детально разобрать оперативную целесообразность применения здесь контрудара механизированных корпусов по прорвавшейся группировке врага и организацию самого контрудара»[12].

Таким образом, приграничные бои полков, дивизий и даже корпусов в первые дни войны явно не сложились. Но в распоряжении командующих армиями и командующих фронтами еще оставались сильные резервы, прежде всего, механизированные корпуса. Стоял главный вопрос — расходовать ли эти силы на контратаки и контрудары в условиях неясности обстановки или сохранить их для создания нового рубежа обороны. Советское руководство и, прежде всего, Генеральный штаб, приняли первый вариант действий.

Всего в ходе приграничных сражений советских войск в период с 22 по 26 июня, то есть в рамках первых армейских оборонительных операций, планировалось нанести 12 контрударов — фронтовых и армейских. Однако результаты их были низкими: три контрудара не были нанесены, шесть не имели успеха и только три имели ограниченный успех[13].

Сам Г.К. Жуков об этих событиях пишет следующее:

«Следует указать еще на одну ошибку, допущенную Главным командованием и Генштабом… Речь идет о контрнаступлении согласно директиве № 03 от 22.6.41 года.

Ставя задачу на контрнаступление, Ставка Главного Командования не знала реальной обстановки, сложившейся к исходу 22 июня. Не знало обстановки и командование фронтов… В сложившейся обстановке к исходу 22 июня единственно правильным могли быть контрудары мехкорпусов против клиньев бронетанковых группировок противника. Предпринятые контрудары в большинстве своем были организованы плохо, а потому не достигли цели…

…Рано утром 26 июня генерал Н.Ф. Ватутин сообщил мне на командный пункт в Тернополь:

— Дела в Прибалтике и Белоруссии сложились крайне неблагоприятно…

И.В. Сталин приказал сформировать Резервный фронт и развернуть его на линии Сущево — Невель — Витебск — Могилев — Жлобин — Гомель — Чернигов — река Десна — река Днепр...

Командование фронтов, Ставка Главного командования, Генеральный штаб в эти дни все еще не имели полных сведений о войсках противника, развернувшихся против наших фронтов. О танках, авиации и моторизованных частях Генеральный штаб получал с фронтов явно преувеличенные сведения...»[14]

В полосе 9-й армии Южного фронта в начале войны события развивались несколько по другому сценарию. Эта территория и для Советского Союза и для Румынии имела особый статус. В 1918 году королевское правительство Румынии захватило Бессарабию, заявив себя таким образом врагом советской власти, которая постоянно держала на границе с Румынией свои войска и мечтала о реванше. 11 октября 1939 года в юго-западной части СССР был развернут Одесский военный округ. В его состав вошли 151-я стрелковая дивизия и ряд учреждений, расположенные в Крыму.

26 июня 1940 года советское правительство в рамках событий начала Второй мировой войны потребовало от Бухареста вернуть Бессарабию, а также северную часть Буковины. Правящие круги Румынии не решились перечить, и 28 июня Красная Армия (12-я армия, командующий генерал Я.Т. Черевиченко) вступила в Бессарабию и Северную Буковину и заняла их территории. Штаб 12-й армии расположился в Черновцах.

Вскоре после этого был получен приказ о расформировании этого объединения, а сам Я.Т. Черевиченко должен был вернуться к месту своей прежней службы в Золочев, где он

командовал конно-механизированной группой. Но едва только генерал выехал из Черновцов, как на первой же станции ему вручили телеграмму из Москвы, к которой содержалось извещение о назначении его командующим Одесским военным округом с требованием немедленно прибыть в Одессу.

К началу 1941 года непосредственно у границы с Румынией Одесский военный округ имел 35-й стрелковый корпус (штаб — Кишинев) в составе 176-й, 95-й стрелковых дивизий, 14-й стрелковый корпус (штаб — Болград) в составе 25-й, 51-й стрелковых дивизий, 48-й стрелковый корпус (30-я, 74-я стрелковые дивизии), 2-й кавалерийский корпус (9-я, 5-я кавалерийские дивизии), 2-й механизированный корпус (15-я мотострелковая, 16-я, 11-я танковые дивизии). В составе этих соединений насчитывалось немногим более 100 тысяч личного состава, 573 танка, 602 орудия, 1021 миномет, 759 орудий противотанковой артиллерии, 83 зенитных орудия.

Против войск Одесского военного округа противник имел порядка 12 румынских и 4 немецкие пехотных дивизий, а также несколько отдельных бригад. В составе этих войск было 354,6 тысячи личного состава, 1412 орудий, 2018 минометов, 1263 противотанковых орудия, 276 зенитных орудий. Для ударов с воздуха противник располагал 504 боевыми самолетами.

В Одесском военном округе до войны армейских управлений не было, развертывание их должно было осуществляться только в угрожаемый период. Для решения этой задачи непосредственно у границы должна была развертываться 9-я армия, командование которой должен был принять генерал-полковник Я.Т. Черевиченко, должность начальника штаба — генерал-майор М.В. Захаров, а членом Военного совета

был назначен корпусной комиссар А.Ф. Колобяков. Эта армия и должна была отразить первый удар противника.

В последующем предполагалось, после развертывания 18-й армии на базе войск Харьковского военного округа, на базе управления Московского военного округа через несколько дней после начала войны образовать Южный фронт. А до того времени 9-я армия считалась Отдельной и должна была подчиняться непосредственно Ставке Главнокомандования.

Таким образом, на юге в полосе 9-й Отдельной армии советские войска имели абсолютное превосходство над противником в танках и превосходили его по численности авиации в 2,4 раза, но уступали по личному составу и минометам в 1,9 раза, по полевой артиллерии — в 2,3 раза, по противотанковой артиллерии — в 1,6 раза, по зенитной артиллерии — в 3,3 раза[15].

Кроме того, в районе Аккерман (Белгород-Днестровский) началось формирование 18-го механизированного корпуса, а в Крым незадолго до начала войны из Северо-Кавказского военного округа были передислоцированы управления 9-го стрелкового корпуса, 106-я стрелковая и 32-я кавалерийская дивизии. Непосредственно накануне войны в состав 48-го стрелкового корпуса перебрасывалась 150-я стрелковая дивизия из Одессы. В район Котовск — Балта из Днепропетровска, Кривого Рога, Запорожья и Николаева перебрасывались соединения 7-го стрелкового корпуса в составе 196-й, 147-й, 116-й и 206-й стрелковых дивизий[16].

Бывший начальник штаба Одесского военного округа М.В. Захаров в своем труде «Генеральный штаб в предвоенные годы» пишет, что в конце февраля 1941 года он был вызван в Москву для доклада вопросов мобилизационного характера. Когда же он попытался уточнить, получит ли Одес-

ский военный округ оперативные указания по плану войны, Г.К. Жуков дал понять, что разработкой этих вопросов будет заниматься штаб Киевского Особого военного округа.

Тогда же штаб Одесского военного округа получил указание Генерального штаба в период с 1 марта по 1 июля 1941 года сформировать управление 48-го стрелкового корпуса и 18-й механизированный корпус. Командиром 48-го стрелкового корпуса назначался генерал-майор Р.Я. Малиновский, который до этого был старшим преподавателем кафедры службы штабов Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Командиром вновь сформированного 18-го механизированного корпуса был назначен генерал-майор П.В. Волох.

Директива наркома обороны о разработке плана прикрытия государственной границы штаб Одесского военного округа получил 6 мая 1941 года. В этой директиве в общих чертах были сформулированы задачи войск округа.

Вдоль Днестра находилось два укрепленных района — Рыбницкий и Тираспольский, созданные еще в 30-е годы на старой государственной границе с Румынией. За несколько дней по указанию штаба округа в соответствии с директивой Генерального штаба там были начаты работы по оборудованию предполья в глубину до 35 километров от Днестра.

В ночь на 8 июня штаб, корпусные части и 74-я стрелковая дивизия 48-го стрелкового корпуса начали перемещение из района Кировограда в район Бельцы. К утру 15 июня управление 48-го корпуса и его 74-я и 30-я дивизии сосредоточились в лесах восточнее Бельцы.

План прикрытия государственной границы был представлен в Генеральный штаб штабом Одесского военного округа 20 июня 1941 года. Для его утверждения в Москву выехал заместитель начальника штаба округа по оперативным вопро-

сам полковник Л.В. Ветошников. Он приехал в Москву, когда война уже началась.

Не ожидая официального утверждения плана Генеральным штабом, штаб Одесского военного округа отдал указания командирам корпусов о разработке планов соединений.

На 20-е числа июня штабом Одесского округа была намечена армейская полевая поездка со средствами связи. В рамках этой поездки утром 20 июня управление 9-й армии начало перемещаться в Тирасполь и разместилось в здании педагогического института. Туда прибыл начальник штаба округа М.В. Захаров.

Телеграмма особой важности из Генерального штаба в штаб 9-й армии поступила во втором часу ночи 22 июня 1941 года. В 4 часа командиры 14-го и 35-го стрелковых корпусов доложили о начале боевых действий сухопутных войск.

22 июня в 9 часов в Тирасполь по железной дороге прибыли командующий войсками Одесского военного округа генерал-полковник Я.Т. Черевиченко и член Военного совета А.Ф. Колбяков. Управление армией было решено переместить в Красную Горку, примерно в 18 километрах северо-западнее Тирасполя, в сооружения Тираспольского укрепленного района[17].

14 июня 1941 года начальник Генерального штаба Г.К. Жуков разрешил Одесскому военному округу «выделить армейское управление и 21.6.41 г. вывести его в Тирасполь», то есть перенести управление 9-й армии на полевой командный пункт. Одновременно приказывалось окружное управление во главе с заместителем командующего округом генералом Н.Е. Чибисовым оставить в Одессе для руководства войсками, расположенными в Крыму.

Приказом народного комиссара обороны от 19 июня войскам предписывалось замаскировать аэродромы, боевые и транс-

портные машины, парки и базы, а также рассредоточить самолеты на аэродромах.

Командиром 48-го стрелкового корпуса в марте 1941 года был назначен генерал-майор (позже — Маршал Советского Союза) Р.Я. Малиновский. К большому сожалению, этот видный военачальник своих воспоминаний о начале Великой Отечественной войны не оставил.

Начальник штаба 48-го стрелкового корпуса А.Г. Батюня позже вспоминал, что до начала Великой Отечественной войны соединения и части 48-го стрелкового корпуса, укомплектованные по штатам военного времени, дислоцировались в городах Первомайске, Николаеве и Кривом Роге[18].

В первой половине июня на основании распоряжения штаба Одесского военного округа и штаба корпуса 74-я стрелковая и 30-я горнострелковая дивизии на автотранспорте были переброшены в район Флорешти. Третья стрелковая дивизия и все части корпусного подчинения были оставлены в месте постоянной дислокации. Но на новом месте расположения корпуса в его состав была включена 176-я стрелковая дивизия. Все соединения корпуса начали развертываться до штатов военного времени, но 30-я горнострелковая дивизия по своей организационной структуре не подходила для действий на равнинной местности, поэтому она укомплектовывалась как обычная стрелковая дивизия[19].

Утром 20 июня управление 9-й армии было поднято по тревоге и под видом командно-штабного учения к исходу дня развернуло командный пункт в заранее оборудованном на случай войны районе, установив связь с соединениями, включенными в состав армии.

Вечером 21 июня в войска округа была передана директива штаба округа, в которой командующий предупре-

ждал подчиненных о том, что в ночь на 22 июня со стороны немецко-румынских войск возможны диверсии. В этой директиве содержалось распоряжение на поддержание войск в полной боевой готовности в случае нападения противника и отражение его войск при нарушении границы. Вместе с тем категорически запрещалось переносить боевые действия на территорию Румынии. Само слово «война» тщательно обходилось, и войска ориентировались только на ликвидацию возможного приграничного инцидента.

К исходу 21 июня 1941 года 30-я стрелковая дивизия корпуса выдвинулась на линию государственной границы по восточному берегу реки Прут. Также в первом эшелоне находилась 176-я стрелковая дивизия. 74-я стрелковая дивизия была выведена во второй эшелон в район Бельцы. Штаб корпуса из Флорешти перешел на командный пункт, развернутый в районе Бельцы.

Вечером 21 июня из штаба Одесского военного округа штабом корпуса было получено распоряжение о том, что в ночь на 22 июня со стороны немецких и румынских войск возможны диверсии и вооруженные попытки нарушения государственной границы. В связи с этим обращалось внимание командира корпуса на поддержание полной боевой готовности войск. Вместе с тем войскам категорически запрещалось переносить боевые действия на территорию Румынии. Войска ориентировались только на пассивную оборону с целью ликвидации возможного приграничного инцидента. Это распоряжение штаба округа было немедленно доведено до соединений и частей 48-го стрелкового корпуса[20].

В ночь на 22 июня начальник штаба армии получил от командующего войсками округа, который в то время находился в Одессе, сообщение о том, что из Москвы ожидается телеграмма

особой важности. В начале 24-го часа 21 июня 1941 года генерал-майор М.В. Захаров, возглавлявший оперативную группу и находившийся в то время в Тирасполе, по его утверждению, отдал распоряжение поднять войска по боевой тревоге, вывести из населенных пунктов и занять свои районы прикрытия государственной границы. Командующему ВВС округа он приказал немедленно рассредоточить авиацию по полевым аэродромам. Осуществление этих мероприятий позволило до начала войны поднять по боевой тревоге непосредственно в приграничной полосе округа семь стрелковых, две кавалерийские, две танковые, моторизованную дивизию и два укрепленных района. Авиация округа также была заблаговременно приведена в боевую готовность и перебазирована на полевые аэродромы.

Примерно в 2.20 в штабе округа был принят приказ наркома обороны СССР, в котором войска предупреждались о возможности провокаций со стороны Румынии на которые они не должны были поддаваться. Этим приказом введение в действия Плана прикрытия государственной границы, выработанного ранее, практически запрещалось. Но механизм уже был запущен, и остановить его было очень трудно.

О том, как начиналась война в полосе войск 9-й армии, ее командующий Я.Т. Черевиченко воспоминаний также не оставил.

Из архивных материалов следует, что в 4 часа 22 июня румынские и немецкие части открыли артиллерийский и пулеметный огонь по пограничным пунктам на советской территории. Одновременно румынская и германская авиация произвела налеты на города Бельцы, Кишинев, Дубоссары, Аккерман, Болград, Севастополь.

Г.П. Сечкин в книге «Граница и война» пишет, что границу с Румынией, проходившую по Пруту и Дунаю, охраняли

погранвойска Молдавского округа (начальник войск генерал-майор Н.П. Никольский, заместитель по политической части бригадный комиссар А.В. Клюев).

Непосредственно по линии границы по Пруту стояли 23-й Липканский, 24-й Бельцкий, 2-й Калараппский и 25-й Кагульский пограничные отряды, на Дунае нес службу 79-й Измаильский пограничный отряд. На границе по Днестру стояло пять отдельных пограничных комендатур. Кроме того, морское побережье охраняли подразделения 26-го Одесского пограничного отряда.

На рассвете 22 июня 1941 года передовые отряды противника на плавсредствах скрытно стали переправляться на советскую территорию. Когда пограничники открыли огонь по этим отрядам, грохнула вражеская артиллерия. От артобстрела многие заставы превратились в груды развалин, была нарушена телефонная связь с отрядами. Но все попытки врага вклиниться на советскую территорию в течение 22 июня были успешно пресечены пограничниками и подоспевшими соединениями 35-го стрелкового корпуса. Остальные соединения выдвигались в свои полосы, ведя передовыми частями боевые действия с противником.

В ночь с 22 на 23 июня противнику удалось переправиться через реку Прут в районе города Кагула, а затем — еще на одном направлении. В 17 часов того же дня в полосе обороны соединений 2-го кавалерийского корпуса противнику удалось после артиллерийской подготовки прорваться на восточный берег реки Прут по железнодорожному мосту, который советские части не успели разрушить. Но налетом штурмовиков и контратакой двух эскадронов противник был отброшен к реке и был вынужден уйти на ее противоположный берег.

Высшее командование РККА понимало, что силами одной армии едва ли удастся отразить удар крупных сил противника на южном участке советско-германского фронта. Поэтому уже в 19 часов 22 июня из Москвы в Винницу специальным поездом убыла оперативная группа офицеров во главе с генералом армии И.В. Тюленевым, армейским комиссаром 1-го ранга А.И. Запорожцем и генерал-майором Г.Д. Шеиным. Для объединения действий советских войск против войск противника, действующих с территории Румынии, директивой народного комиссара обороны от 24 июня 1941 года был создан Южный фронт в составе 9-й армии (штаб — Каменец-Подольский), 18-й армий (штаб — Тирасполь) и 9-го отдельного стрелкового корпуса (штаб — Симферополь). Командующим фронтом был назначен генерал армии И.В. Тюленев, членом Военного совета — армейский комиссар 1-го ранга А.И. Запорожец, начальником штаба — генерал-майор Г.Д. Шишенин.

В течение 24 июня противник на всем фронте продолжал попытки форсировать реки Прут и Дунай, но все эти попытки, за исключением одного направления, были отражены советскими войсками. Только в районе Скулени врагу утром этого дня удалось силами до двух-трех пехотных полков с двадцатью танками и большим отрядом мотоциклистов форсировать реку Прут и закрепиться на ее восточном берегу.

В «Военно-историческом журнале» удалось найти статью крупных военных историков — преподавателей кафедры истории военного искусства Военной академии имени М.В. Фрунзе В.Н. Киселева и Н.М. Романичева, посвященную действиям войск Южного фронта в начале Великой Отечественной войны. Они, в частности, пишут, что 22 июня на южном участке советско-германского фронта противник

«ударно-поисковыми» группами, состоящими из румынских соединений, попытался захватить мосты, плацдармы и создать видимость общего наступления. Используя промежутки в обороне советских войск, вражеские подразделения сумели захватить небольшие плацдармы в нескольких местах. Однако к исходу дня советским войскам удалось ликвидировать эти плацдармы. Только в районе Скулян отбросить врага за Прут не удалось. Для его ликвидации командующий предпринял контратаку силами 30-й горнострелковой дивизии, но успеха не добился.

Одновременно с ведением обороны шло отмобилизование соединений и частей 9-й армии. Пополнение личным составом осуществлялось в основном за счет местного населения. Вместо двух-трех суток по плану комплектование заняло около недели. Задержки были вызваны в основном неорганизованностью сбора приписного состава и недостатком автотранспорта для его перевозки.

Таким образом, вечером 21 июня части 9-й армии Одесского военного округа получили директиву штаба округа, в которой предупреждали, что в ночь на 22 июня со стороны немецко-румынских войск возможны диверсии. В этой директиве содержалось распоряжение на поддержание полной боевой готовности в случае нападения противника и отражение его войск при нарушении границы. Вместе с тем категорически запрещалось переносить боевые действия на территорию Румынии. Само слово «война» тщательно обходилось, и войска ориентировались только на ликвидацию возможного приграничного инцидента. После этого по решению командующего 9-й армией в 00 часов 22 июня 1941 года соединения и части армии, прикрывавшие государственную границу, телеграфным распоряжением были приведены в боевую

готовность по тревоге и получили приказ занять районы по плану прикрытия.

Наступательная операция противника в полосе 9-й армии Одесского военного округа в первые дни войны носила пассивный характер, что позволяло советским войскам довольно успешно отражать атаки неприятельских войск. Однако масштабы и характер действий противника показали, что не только Германия, но также и Румыния участвует в агрессии против СССР, что потребовало для решения задач на южном крыле создания более мощного оперативного объединения — Южного фронта.

Решение об образовании Южного фронта было принято Политбюро ЦК ВКП(б) 21 июня 1941 года. Формирование управления поручалось штабу Московского военного округа. Командующему войсками этого округа генералу армии И.В. Тюленеву, на которого возлагалось командование Южным фронтом, об этом решении стало известно ранним утром 22 июня. 24 июня управление фронтом прибыло в Винницу, где должен был быть развернут его командный пункт на базе командного пункта, построенного еще в 1939 году. Но, как вспоминал И.В. Тюленев, о существовании командного пункта в Виннице его не поставили в известность ни в Генеральном штабе, ни в штабе Киевского Особого военного округа. Узнал он о наличии данного объекта случайно, от начальника инженерных войск фронта. Правда, средств связи здесь не оказалось, и штабу пришлось использовать местные телефонные и телеграфные линии[21].

В состав фронта с 25 июня вошли 9-я, 18-я армии, 9-й особый, 55-й, 7-й стрелковые корпуса, а также части фронтового подчинения. Военно-воздушные силы фронта состояли из пяти авиационных дивизий, которые входили в состав

армий. В распоряжении фронта оставались лишь два истребительных и один разведывательный авиационный полки. Управление 18-й армии (командующий генерал-лейтенант А.К. Смирнов) создавалось на базе штаба Харьковского военного округа с включением в ее состав 17-го стрелкового и 16-го механизированного корпусов 12-й армии Юго-Западного фронта.

Таким образом, вновь созданный Южный фронт должен был оборонять полосу шириной около 700 километров от Карпат до устья Дуная, а также участок побережья Черного моря и полуостров Крым. Для этого в распоряжении его командующего было 15 стрелковых, 3 кавалерийских, 6 танковых и 3 моторизованных дивизии. В оперативном подчинении командующего находились Дунайская военная флотилия, Одесская военно-морская база и пограничные отряды НКВД.

Войскам фронта противостояли 7 немецких и 13 румынских пехотных дивизий, 9 румынских бригад, в том числе одна танковая. Командующий группы армий «Юг», учитывая существенное превосходство советских войск в силах и средствах, 24 июня отдал приказ группировке в Румынии готовиться к операции «Мюнхен». В соответствии с планом этой операции германские и румынские войска должны были к 2 июля занять исходное положение и с утра следующего дня начать наступление с целью сковать противостоящие советские войска боем, а при возможности и углубиться на советскую территорию.

По генеральному плану операции группы армий «Юг» фельдмаршала Рундштедта, главный удар должен был наноситься в направлении на Язы и Бельцы, а второй удар — на Могилев-Подольский. В дальнейшем обе ударные группи-

ровки должны были общими усилиями наступать на Винницу для соединения с 17-й армией, наступавшей из района Львова.

О том, что представляло собой руководство войсками Юго-Западного фронта в лице его командующего М.П. Кирпоноса, мы можем прочитать в книге К.К. Рокоссовского «Солдатский долг». В частности, он пишет:

«14 июля я отправился на машине в Киев. В город я прибыл ночью и поразился безлюдности и царившей в нем тишине.

Крещатик, обычно в это время кишевший народом, оглашающийся громким говором, шумом, смехом и сияющий витринами, был пуст, молчалив и погружен в темноту…

КП фронта оказался в Броварах, на восточном берегу Днепра. Остаток ночи я провел в штабе фронта, а утром представился командующему фронтом генерал-полковнику М.П. Кирпоносу. Меня крайне удивила его резко бросающаяся в глаза растерянность. Заметив, видимо, мое удивление, он попытался напустить на себя спокойствие, но это ему не удалось. Мою сжатую информацию об обстановке на участке 5-й армии и корпуса он то рассеяно слушал, то часто перебивал, подбегая к окну с возгласами: "Что же делает ПВО?... Самолеты летают, и никто их не сбивает… Безобразие!" Тут же приказал дать распоряжение об усилении активности ПВО и вызове к нему ее начальника. Да, это была растерянность, поскольку в сложившейся на то время обстановке другому командующему фронтом, на мой взгляд, было бы не до ПВО.

Правда, он пытался решать и более важные вопросы. Так, несколько раз по телефону отдавал распоряжения штаба о передаче приказаний кому-то о решительных контрударах. Но

все это звучало неуверенно, суетливо, несобстоятельно. Приказывая бросать в бой то одну, то две дивизии, командующий даже не интересовался, могут ли названные соединения контратаковать, не объясняя конкретной цели их использования. Создавалось впечатление, что он или не знает обстановки, или не хочет ее знать.

В эти минуты я окончательно пришел к выводу, что не по плечу этому человеку столь объемные, сложные и ответственные обязанности, и горе войскам, ему вверенным...»[22]

Таким образом, в результате неудачного ведения первых оборонительных операций армиями прикрытия государственной границы и безуспешного проведения фронтового контрудара должно было стать ясно, что приграничные сражения войсками Юго-Западного фронта проиграны. В то же время в тылу фронта находилась вторая линия укрепленных районов и оставались еще некоторые войсковые резервы. За счет переброски сил из внутренних военных округов и мобилизации резервистов создавались резервы Главного командования. В этих условиях не оставалось ничего другого, как, ведя арьергардные бои, отвести главные силы на линию укрепленных районов и постараться заранее подготовленной обороной остановить там противника. Но такого решения Генеральным штабом и штабом Юго-Западного фронта принято не было.

УМАНСКАЯ БОЙНЯ

После неудачного завершения первых армейских оборонительных операций на линии государственной границы СССР и проведения фронтового контрудара войскам Юго-Западного и Южного фронтов ничего не оставалось, как на-

чать отходить в восточном направлении, надеясь зацепиться за рубежи рек или за линию укрепленных районов, расположенных на старой границе СССР. Правда, они не знали, что на то время эти укрепленные районы далеко не отвечали предъявлявшимся к ним требованиям. Так, если Коростенский, Новоград-Волынский и Летичевский укрепленные районы имели в мирное время кадры артиллеристов и пулеметчиков для занятия дотов, то Остропольский, Шепетовский, Изяславский, Староконстантиновский и Проскуровский укрепленные районы не имели ни войск, ни подготовленных инженерных сооружений, и поэтому не могли быть эффективно использованы отходившими на них войсками.

Особо важная роль в планах командования фронтом отводилась Остропольскому укрепленному району, который должен был связать фланги Новоград-Волынского и Летического укрепленных районов. Он неоднократно упоминался в оперативных документах, но надлежащей для того силы не имел. Такое же положение оказалось и на стыке Летичевского и Могилев-Подольского укрепленных районов в районе села Мурованые Куриловцы, которые должны были обеспечить оперативную связь между Юго-Западным и Южным фронтами.

В результате такого состояния большинства укрепленных районов отход войск на их линию, в сущности, ничем не отличался от отхода на обычный рубеж. Так, 5-я армия, на левом фланге которой противник наносил свой главный удар, по-прежнему почему-то держала имевшиеся у нее резервы (15-й стрелковый корпус) на правом фланге, не вводя их в действие на наиболее угрожаемом направлении. Это привело к тому, что противник 10 июля сравнительно легко занял Житомир и начал развивать свое наступление на Киев. В связи с

этим полоса армии растянулась на 300 километров, а фронт ее повернулся с запада на юг.

На 200-километровом фронте 6-й армии к 1 июля действовало восемь соединений, которые когда-то представляли собой три стрелковых, четыре механизированных и один кавалерийский корпус. Несмотря на то что к тому времени корпусные формирования уже свое тактическое значение потеряли, их управления по-прежнему продолжали руководить подчиненными войсками и отдавать им указания, которые нередко перечили армейским. Кроме того, в полосе армии находилось множество частей корпусного подчинения, которые вообще не получали никаких указаний и нередко действовали на свой страх и риск. В результате этого в полосе перенасыщенной войсками 6-й армии возникло хаотическое движение сил и средств, которое не поддавалось никакой организации и только порождало беспорядок и панику.

После 1 июля 6-я армия находилась в состоянии непрерывного отхода и арьергардных боев в крайне неблагоприятных условиях разорванного фронта. Ее 36-й стрелковый корпус и 14-я кавалерийская дивизия, охваченные противником справа и слева, отходили на рубеж Изяслав, Ямполь. 37-й стрелковый корпус, охваченный справа из района Подкамень, Броды и слева из района Буск, отходил на рубеж Збарж, Тернополь. 6-й стрелковый корпус также отходил на Тернополь. Остатки 4-го механизированного корпуса и 3-я кавалерийская дивизия оборонялись в районе Золочева. Остатки 15-го механизированного корпуса использовались в качестве армейского резерва для латания внезапно возникавших дыр. На дорогах Львов, Тернополь сгрудилось большое количество техники, войск, тыловых колонн и беженцев.

Пункт управления Юго-Западного фронта 30 июня из Тернополя переместился в Проскуров, в неподготовленные для этого помещения, и попытался наладить связь с армиями по имевшимся стационарным линиям связи. Но, как оказалось, эти линии были во многих местах повреждены немецкой авиацией и диверсантами, в результате чего система управления работала очень неустойчиво.

2 июля противник, продолжая наступление на киевском направлении, продвинулся значительно далее на восток и овладел Шепетовкой. Часть сил его ударной группировки была перенацелена для нанесения удара по правому флангу 6-й армии. В результате этого правый фланг армии начал постепенно заворачиваться на юг, образуя разрыв между соседней 5-й армией, которая в это же время была вынуждена заворачивать свой левый фланг на север.

4 июля штаб Юго-Западного фронта, пытаясь разобраться в обстановке, наконец-то решил определить направление главного удара противника на левом крыле советско-германского фронта. После долгих обсуждений командующий и начальник штаба пришли к выводу, что фашистское командование в полосе Юго-Западного фронта наносит два равноценных удара: один в направлении Ровно — Житомир, второй — Тернополь — Проскуров. Первый удар приходился на стыке 5-й и 6-й армий, второй — в полосе 6-й армии. Таким образом, в очередной раз подтверждалось, что судьба обороны фронта зависит от исхода операции 6-й армии, как это и предполагалось ранее.

С целью воспрещения дальнейшего продвижения противника на житомирском направлении командующий фронтом приказал командующему 5-й армией сосредоточить основные усилия на ее левом фланге, но при этом упорно обо-

ронять Коростенский укрепленный район. 6-й армии было приказано не допустить прорыва противника в направлении Житомир и, прочно обеспечивая стык с 26-й армией, отойти на рубеж Катериновка, Коростки, имея главную группировку резерва за центром своего расположения.

Со 2 по 6 июля войска Юго-Западного фронта продолжали отход, с трудом сдерживая наступление противника. Разрыв между Новоград-Волынским и Шепетовкой все более увеличивался. Командование фронтом для закрытия этой бреши направило туда три дивизии 49-го и 7-го стрелковых корпусов. Но эти соединения, зачастую вступавшие в бой сразу после выгрузки из эшелонов, без изучения противника и общей обстановки в полосе своих войск, без надлежащей огневой подготовки и знания местности быстро превращались в разрозненные группы, которые не могли выполнить поставленной боевой задачи. Так в горниле расхлябанности и неорганизованности бесцельно гибли последние резервы Юго-Западного фронта.

В это время войска 6-й армии с рубежа Четырбоки (20 километров южнее Шепетовки), Черный Остров отходили в направлении на Острополький укрепленный район. 8-й стрелковый и 24-й механизированные корпуса 26-й армии пытались организовать оборону Проскурова с тем, чтобы выровнять фронт с отходившей южнее 12-й армией. Эта же армия, не испытывая особого нажима со стороны венгров и усиливавших их немецких частей, также по приказу командования фронтом отходила на восток. В ее полосе зачем-то поспешно эвакуировался Каменец-Подольский укрепленный район, оборонительные сооружения которого разрушались, взрывались орудия, все остальное вооружение и имущество поспешно вывозилось. Общие потери войск Юго-Западного

и Южного фронтов, по данным книги «Гриф секретности снят», на 6 июля составили 241,6 тысячи человек, в том числе безвозвратными 172,3 тысячи человек. Также было потеряно 4381 танк, 5806 орудий и минометов, 1218 самолетов[1].

Неразбериха в высших эшелонах военного руководства продолжалась. Даже 7 июля Ставка Главного командования еще не представляла себе в полной мере того, что происходило на стыке 5-й и 6-й армий Юго-Западного фронта. При этом она отдает войскам приказы оборонять рубежи, которые уже захвачены противником.

8—9 июля вспыхивают ожесточенные бои в районе Бердичева. Обстановка на стыке 5-й и 6-й армий еще более ухудшилась. Противник своим наступлением на участке Новоград-Волынский, Новый Мирополь оттеснил сводные подразделения обороняющихся советских войск и устремился на восток с задачей овладеть Житомиром и Бердичевом, куда отходили войска 6-й армии. К середине дня он занял этот город. Для того чтобы вернуть Бердичев, по приказу штаба Юго-Западного фронта на подступах к городу были сосредоточены остатки 15-го и 14-го механизированных корпусов 6-й армии, в строю которых оставалось всего по 20—30 танков. Туда же с трудом удалось собрать некоторые сохранившие боеспособность подразделения пехоты и артиллерии. Но атаки, проведенные этими силами, успеха не имели.

11 июля, несмотря на то, что обстановка продолжала ухудшаться, командующий Юго-Западным фронтом генерал М.П. Кирпонос по-прежнему продолжал считать, что способен нормализовать ее силами 5-й и 6-й армий. Он приказывает их командующим закрыть образовавшийся прорыв и отрезать «прорвавшиеся на Житомир и Бердичев мехсоединения противника». С этой целью он приказал 6-й армии и

16-му механизированному корпусу в 15 часов 12 июля перейти в наступление в направлении Романовка (40 километров северо-западнее Бердичева).

Реально же переход в наступление указанных войск физически был невозможен. Директива фронта штабом 6-й армии была получена только в 11 часов 12 июня, в то время, когда 16-й механизированный корпус еще полностью в Казатин не прибыл. Генерал И.Н. Музыченко недоумевал, не понимая, как можно было отдать приказ о наступлении с решительными целями тогда, когда сил для проведения контрудара было явно недостаточно, а противник еще не исчерпал свои наступательные возможности. К тому же времени для организации контрудара совершенно не было.

Пока командование Юго-Западного фронта тщетно пыталось повлиять на обстановку, противник 12 июля оказался на ближних подступах к Киеву и развил наступление в глубоком тылу войск 6-й армии, нанося удары в направлениях на Киев и Белую Церковь.

Выход противника к Киевскому укрепленному району был очень болезненно воспринят в Москве. В тот же день по решению Ставки Верховного Главного командования на южном крыле советско-германского фронта было образовано Полевое управление главкома Юго-Западного направления, которое расположилось в Полтаве и должно было взять на себя руководство операциями Юго-Западного и Южного фронтов. Во главе этого высокого органа оперативно-стратегического управления был поставлен Маршал Советского Союза С.М. Буденный. Членом Военного совета стал первый секретарь ЦК РКП(б) Украины Н.С. Хрущев, начальником штаба — генерал-майор А.П. Покровский. Перед Юго-Западным стратегическим направлением была

поставлена главная задача — обеспечить надежную оборону Киева.

Для прикрытия участка Фастов, Белая Церковь, Таращa было решено на базе управления 26-й армии создать особую ударную группу Юго-Западного фронта, в состав которой вошли остатки соединений 6-го стрелкового (41-я и 199-я стрелковые дивизии), 5-го кавалерийского корпусов, а также части 116-й, 227-й и 196-й стрелковых дивизий. При этом соединения 26-й армии первого состав были распределены между 6-й и 12-й армиями, полосы которых оказались рядом. Но в связи с тем, что противник усилил наступление на южном крыле Юго-Западного фронта, там начал образовываться разрыв между его 12-й армией и 18-й армией Южного фронта.

К 15 июля войска Юго-Западного фронта не смогли ликвидировать глубокий прорыв врага на киевском направлении. 5-я армия оказалась оттесненной к северо-востоку. 6-я армия, ведя тяжелые оборонительные бои, отходила в южном направлении, постепенно смешиваясь с войсками 12-й армии. Восточнее нее по рубежу Днепра оборонялась 26-я армия второго состава, южнее вели бои соединения 18-й армии Южного фронта. Главком и командующие Юго-Западным фронтом, зациклившись на обороне Киева, мало обращали внимание на положение остальных войск, предоставив их командованию действовать самостоятельно.

Это не осталось без внимания немецкого командования, которое, детально изучив обстановку, решило не продолжать наступление на Киев и приступить к реализации своего плана по охвату и обходу главных сил Юго-Западного фронта в районе западне Днепра. Для этого было решено, заслонившись со стороны Белой Церкви силами двух моторизованных

и двух танковых дивизий, тремя танковыми и двумя моторизованными дивизиями нанести удар в тыл 6-й и 12-й армий в общем направлении на Умань. С юго-запада в этом же направлении начать наступление дивизий на смежных флангах 17-й и 11-й германских армий.

16 июля противнику удалось прорвать Летичевский укрепленный район на всем фронте 12-й армии от Летичева до Бара. Войска 12-й армии начали поспешно отходить в северо-восточном направлении. С утра 17 июля началось форсирование Днестра частями 11-й немецкой армии.

В это же время на правом фланге 6-й армии 1-я танковая группа противника начала выдвижение с рубежа Бердичев, Белая Церковь в южном направлении, осуществляя с востока охват фланга 6-й армии. Попытки остановить это наступление контратаками результатов не дали.

18 июня по поручению Ставки начальник Генерального штаба передал директиву главкому Юго-Западного направления об отводе войск 6-й, 12-й армий Юго-Западного фронта и 18-й армии Южного фронта на новый рубеж обороны к утру 21 июля. Таким образом, темп отхода определялся 30—40 километров в сутки, что для пехоты, действующей в пеших боевых порядках, означал не что иное, как безоглядное бегство.

Советские войска оставили город Винницу. Попытки замедлить продвижение немецких войск вводом в сражение 18-го механизированного корпуса успехом не увенчались. Этот корпус, который был вынужден совершать марш на большое расстояние по размытых дождями дорогах, потерял слишком много времени, в результате чего вступил в бой неорганизованно.

19 июля командующий Южным фронтом отдал очередную директиву об отводе войск 18-й армии на северо-восток

для того, чтоб ликвидировать разрыв, возникший между ней и 12-й армией. Но командующий этой армии ничего не знал об этом и совместно с командующим 6-й армией принял решение о нанесении удара в восточном направлении навстречу 26-й армии. В очередной раз сказалась несогласованность действий объединений и отсутствие управления ими со стороны главкома Юго-Западного направления.

21 июля на помощь 6-й и 12-й армиям из резерва Южного фронта прибыл 2-й механизированный корпус генерал-лейтенанта Ю.Ф. Новосельского. По штату в этом корпусе числилось 358 танков (в том числе 10 КВ и 46 Т-34), а также 168 бронемашин. Но, пройдя 200 километров своим ходом, этот корпус растерял значительную часть своих танков. Несмотря на это, в полдень того же дня он с ходу вступил в бой с разведкой 1-й танковой группы противника в районе населенного пункта Христиновка, в ходе которого, не добившись успеха, лишился значительной части своих танков.

Общая обстановка в полосах 6-й и 12-й армий неуклонно продолжала ухудшаться. Под ударами противника с севера и юга соединения обеих армий отходили к Умани, постепенно теряя сопротивляемость и перемешиваясь. К тому времени в тылах армий скопилось много раненых, разного вооружения и имущества, которые нуждались в едином руководстве. Видя это, командующий 12-й армией генерал П.Г. Понеделин послал в штаб Юго-Западного фронта телеграмму следующего содержания: «Обстановка потрясающая. 6-я и 12-я армии требуют настоятельного объединения действий обеих армий».

22—23 июля части 11-й и 16-й танковых дивизий 1-й танковой группы противника вышли на ближние подступы к Умани с севера. С запада и юга к этому городу подошли части 49-го горного егерского корпуса.

К исходу 24 июля, израсходовав последние резервы, войска 6-й и 12-й армий, охваченные с трех сторон войсками 1-й танковой группы и 17-й полевой армии противника, с трудом держались на рубеже Монастырище, Лукашевка, Животов, Медовка, Ильинцы, Лысая Гора, имея слабый боевой контакт на левом фланге с 18-м механизированным корпусом и 18-й армией, на правом — со 2-м механизированным корпусом. Войска армий вели бои на неподготовленных и не оборудованных заранее рубежах, зачастую только используя складки местности и случайные строения. Авиационного прикрытия с воздуха практически не было. Так, в полосе 12-й армии в период с 14 по 24 июля советская авиация не совершила ни одного самолето-вылета.

Вновь перед Ставкой Верховного Главного командования остро встал вопрос о положении дел на левом крыле Юго-Западного фронта в связи с ухудшением обстановки в районе действий 6-й и 12-й армий. Командующий Юго-Западным фронтом, обеспокоенный этим обстоятельством и увеличением отрыва этих войск от главных сил фронта, 24 июля возбудил ходатайство перед главкомом Юго-Западного стратегического направления о передаче их в состав Южного фронта. Маршал С.М. Буденный поддержал это ходатайство, а Ставка его одобрила.

В результате этого во время, самое трудное для остатков войск 6-й и 12-й армий, на уровне Юго-Западного, Южного фронтов и Ставки начались мероприятия, связанные с передачей управления этими объединениями с одного командного пункта на другой, что на деле означало временную потерю управления, а главное — уклонение от ответственности за судьбы гибнущих войск командования обоих фронтов и даже Ставки Верховного Главного командования. Вместо жестко-

го управления, действенной и неотложной помощи войска получали шифровки размытого содержания, которые нередко перечили друг другу. Видимо, и в Москве и на местах в то время забыли древнюю народную мудрость о том, что на переправе лошадей менять не следует, и что при больной голове ногам всегда горе!!!

Таким образом, 25 июля 1941 года по приказу Ставки ВГК войска 6-й и 12-й армий слились в единую группу генерала П.Г. Понеделина, начальником штаба которой был назначен начальник штаба 12-й армии генерал-майор Б.И. Арушанян. Группа войск генерала Понеделина официально была передана из состава Юго-Западного фронта вновь образованному Южному фронту. При этом было указано, что Ставка санкционирует решение об отводе группы П.Г. Понеделина на рубеж Тальное, Христиновка, а 26-й армии Юго-Западного фронта было приказано «развить наступление на Жашков, Тальное с целью установления непосредственной связи между смежными флангами обоих фронтов».

Но это мало повлияло на негативное развитие событий в районе Умани. 26 июля Юго-Западный фронт еще продолжал свои попытки силами 26-й армии оказать помощь группе генерала П.Г. Понеделина. Но с утра следующего дня положение в полосе этой армии резко ухудшилось. Растянутые на широком фронте, ослабленные дивизии 6-го стрелкового корпуса не выдержали ударов противника и вечером 26 июля начали отходить. Ответные контратаки, проведенные ими 27 июля, успеха не имели, армия неудержимо откатывалась на восток.

Южный фронт к тому времени также никак не мог повлиять на судьбу войск группы Понеделина ввиду отсутствия связи с ними. В оперативной сводке штаба этого фронта за

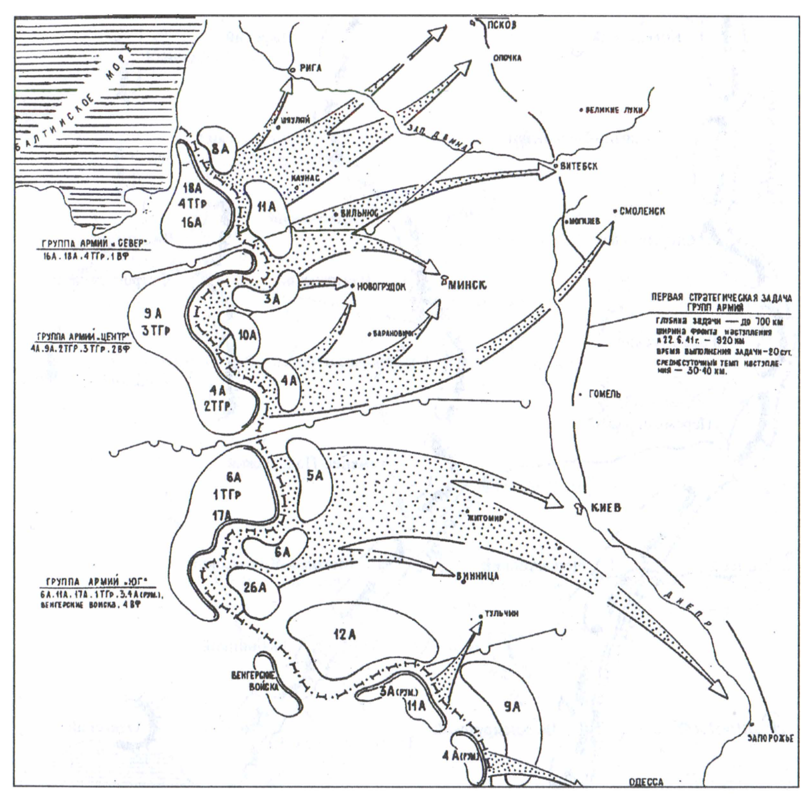
27 июня было сказано: «Установить точное положение частей 5-й и 12-й армий невозможно за отсутствием связи и незнанием обстановки штабами 6-й и 12-й армий. Посланные на самолете делегаты связи не вернулись».

В то же время упорное сопротивление группы Понеделина привело к тому, что у А. Гитлера в это время начали появляться сомнения в успехе операции на окружение советских войск на юге западнее Днепра. Фюрер считает, что завершение этой операции потребует слишком много времени, и предлагает, блокировав остатки группы Понеделина, немедленно начать выдвижение подвижных соединений на восточный берег Днепра.

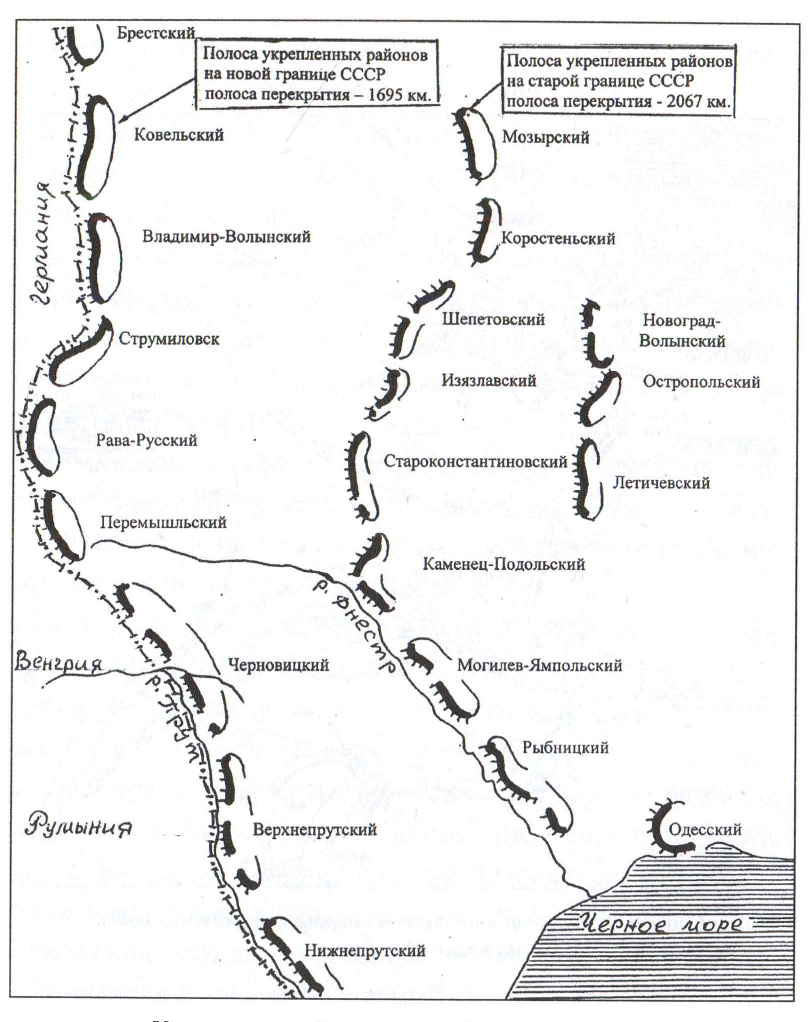
Это же подтверждают и донесения командира 49-го горного егерского корпуса, который наступает на Умань с запада. Он пишет: «Противник продолжает отступать на Умань, оказывая жестокое сопротивление».

28 июля в штабы главкома Юго-Западного направления, Юг-Западного и Южного фронтов поступила директива из Ставки. В ней говорилось: «Главкому Юго-Западного направления Ставка приказывает сосредоточить в районе Черкассы, Кировоград, Кременчуг сильную группу резервов за счет вновь формируемых дивизий (не менее четырех) и отходящих частей 6-й и 12-й армий Южного фронта и подготовить согласованный контрудар в стык фронтов в общем направлении Черкассы, Винница».

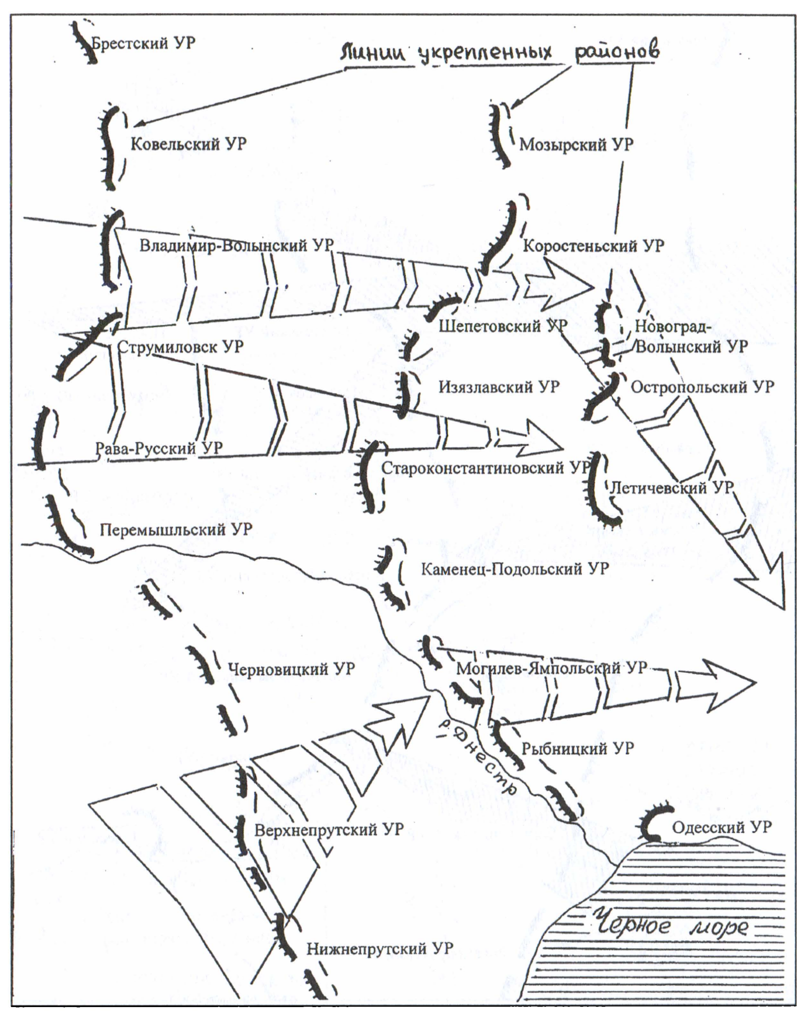
Но командование группы армий «Юг» все же смогло убедить фюрера и командование сухопутных войск в необходимости завершения операции в районе Умани. В результате этого 28 июля был издан приказ об отмене наступления 1-й танковой группы на юго-восток с требованием ускорить наступление на юг, на Умань. Новые наступательные задачи

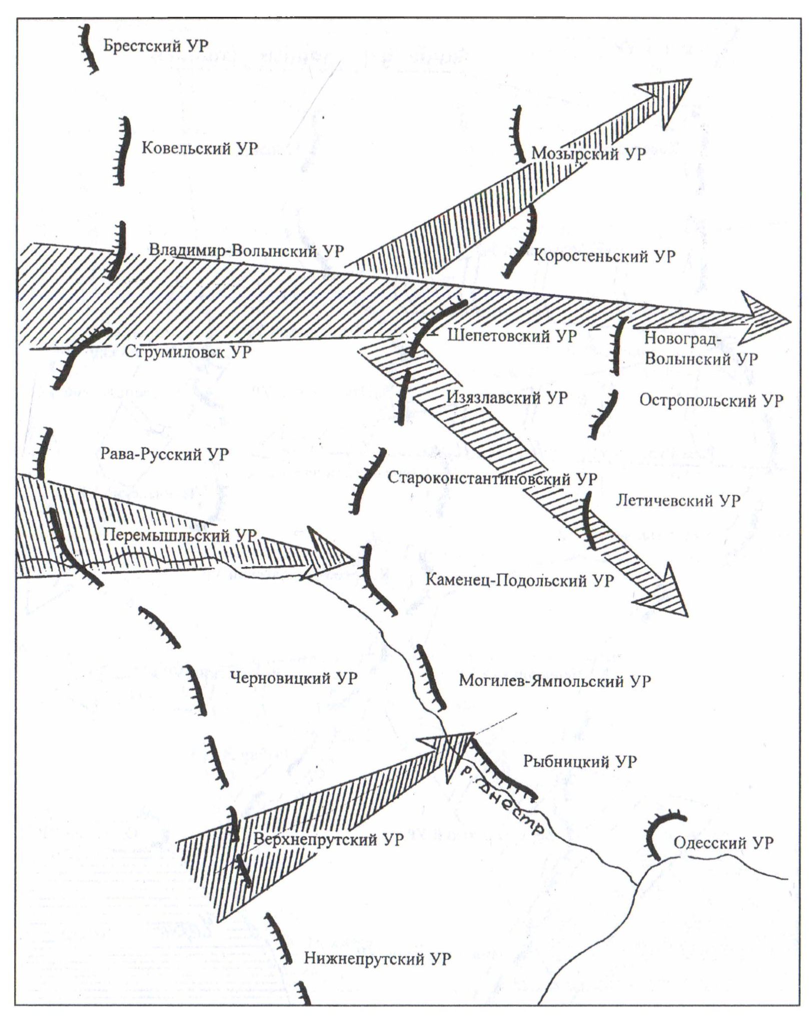
Замысел первой стратегической операции германских войск по плану «Барбаросса»

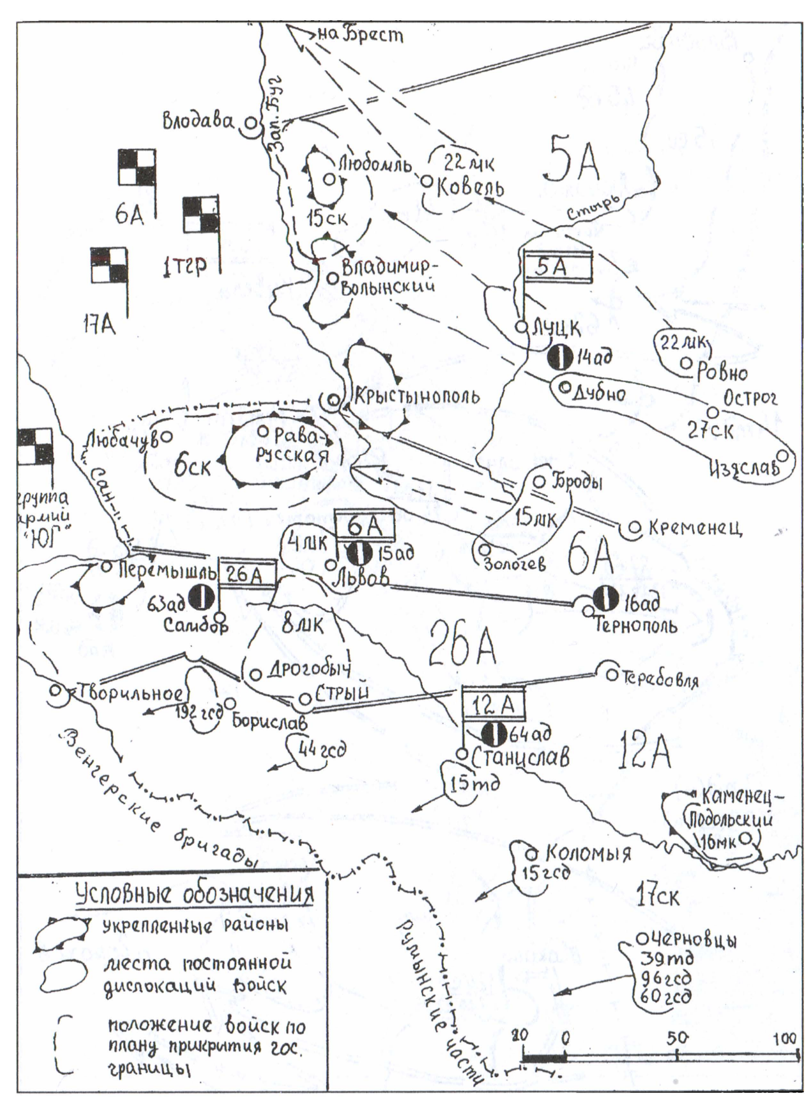
Укрепленные районы в полосе Киевского Особого военного округа на июнь 1941 года

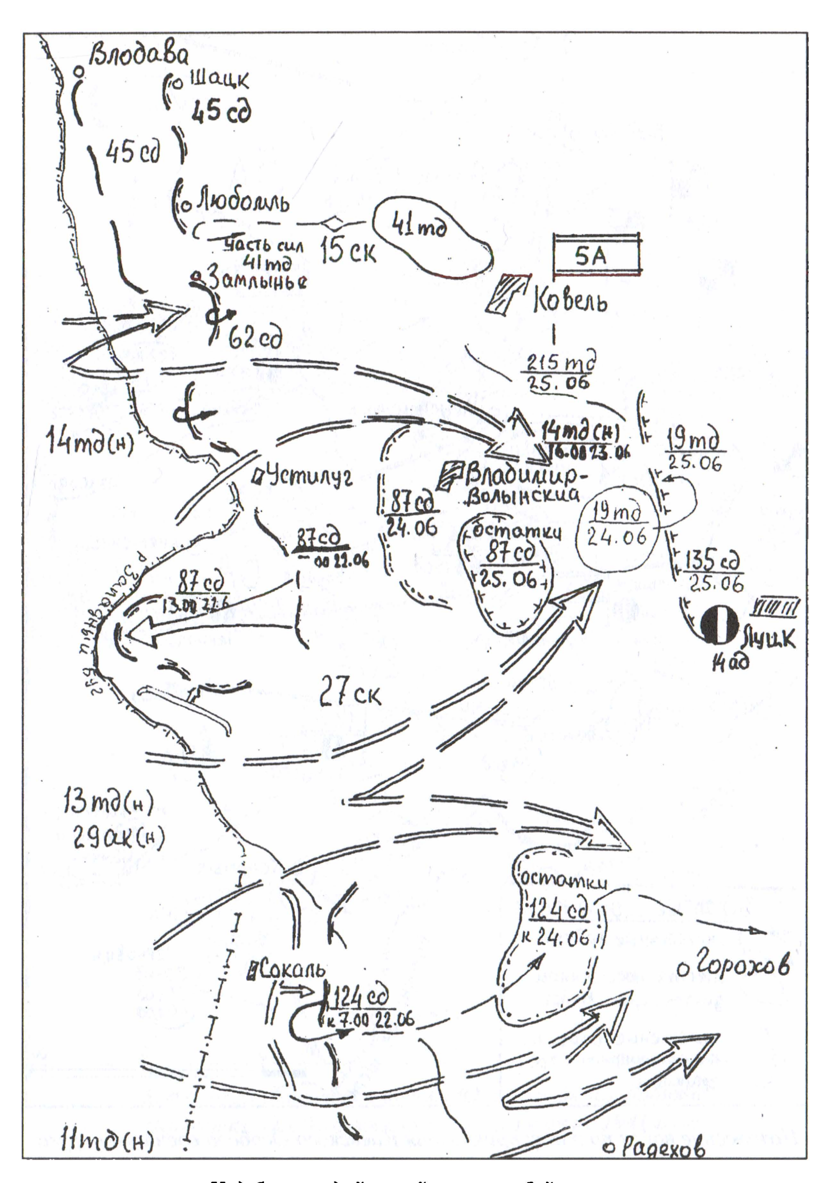
Замысел германского командования на проведение первой наступательной операции в полосе Киевского Особого военного округа по плану «Барбаросса»

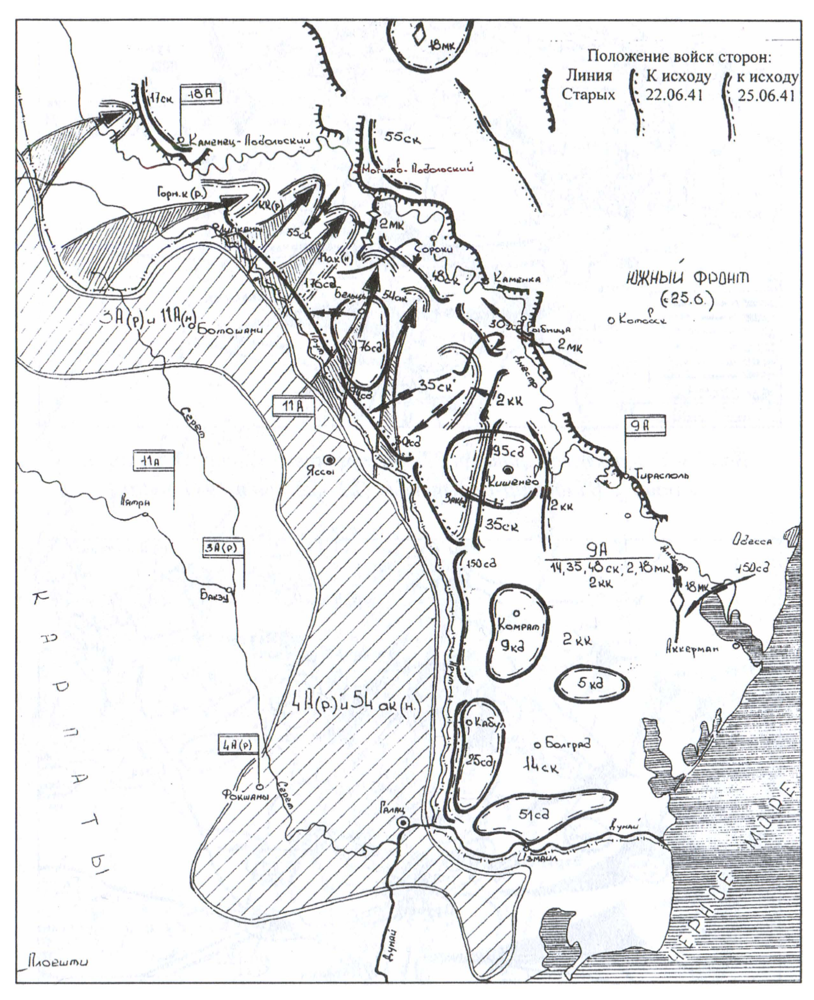
Ход боевых действий в полосе Юго-Западного фронта (Киевского Особого военного округа) в июне 1941 года

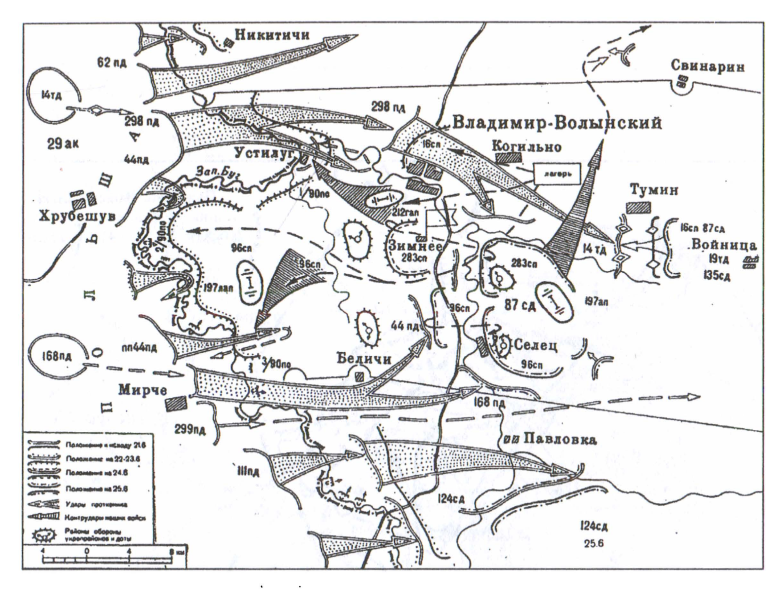
Положение войск по плану прикрытия Киевского Особого военного округа на июнь 1941 года

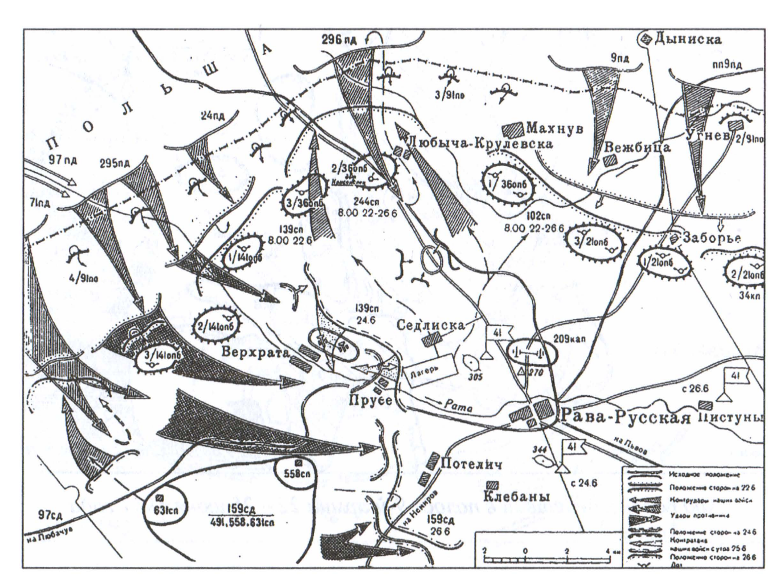
Ход боевых действий в полосе 5-й армии Юго-Западного фронта 22—25 июня 1941 года

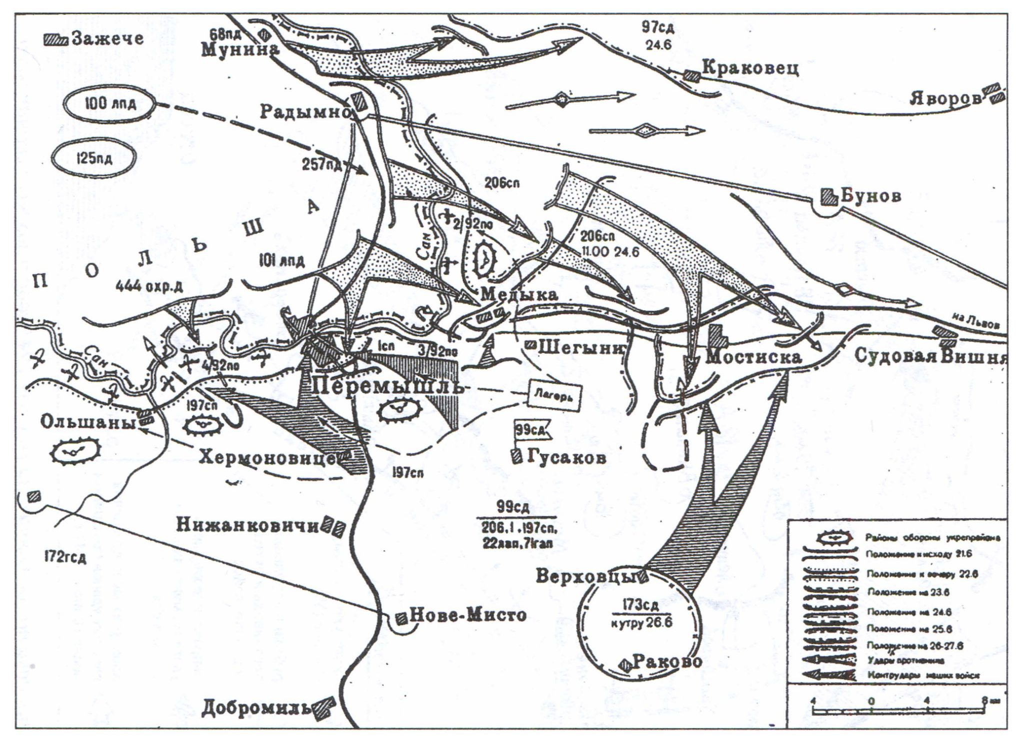
Ход боевых действий в полосе 9-й армии 22—25 июня 1941 года

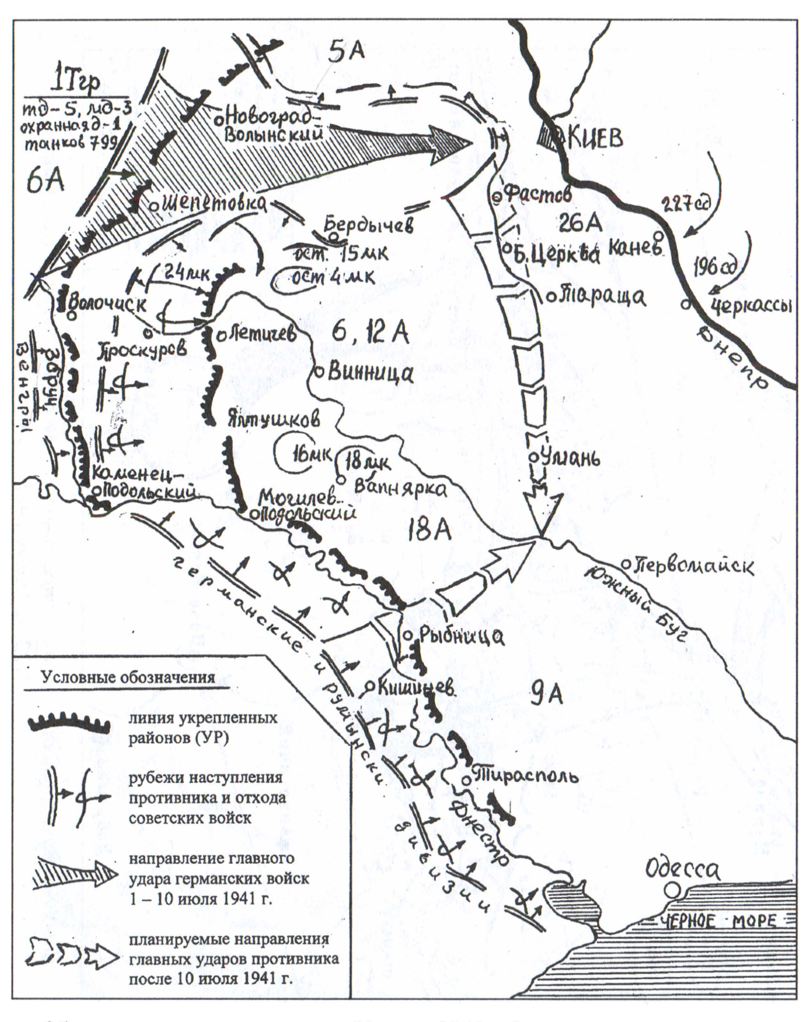
Бой 78-й стрелковой дивизии 27-го стрелкового корпуса 5-й армии в районе Владимир-Волынского (22—25 июня 1941 года)

Бой 41-й стрелковой дивизии 6-го стрелкового корпуса 6-й армии под Рава-Русской (22—27 июня 1941 года)

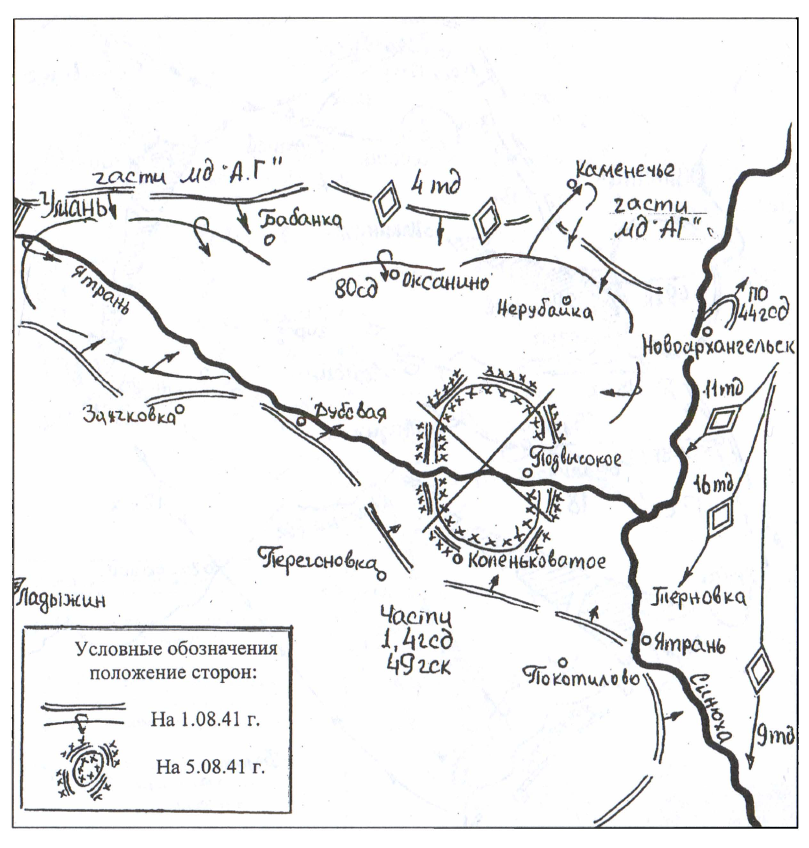
Бой 99-й стрелковой дивизии 8-го стрелкового корпуса 26-й армии за Перемышль
(22—27 июня 1941 года)

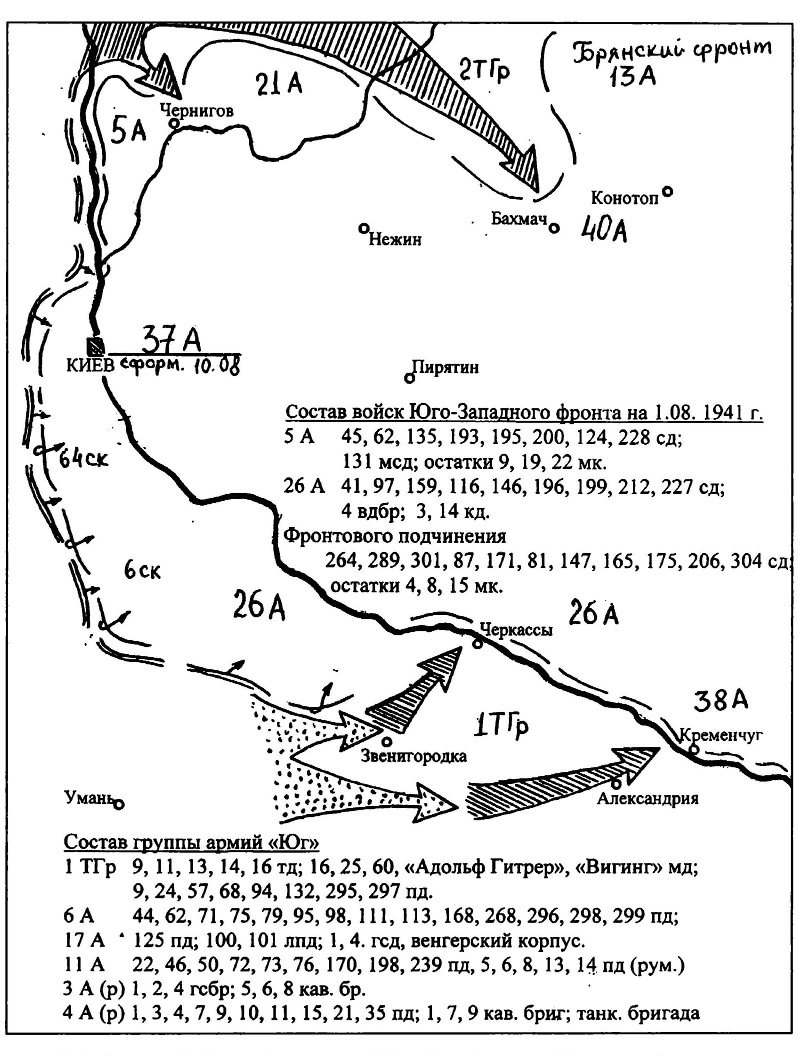
Обстановка по состоянию на 10 июля 1941 года и замысел германского командования по окружению войск в районе Умани

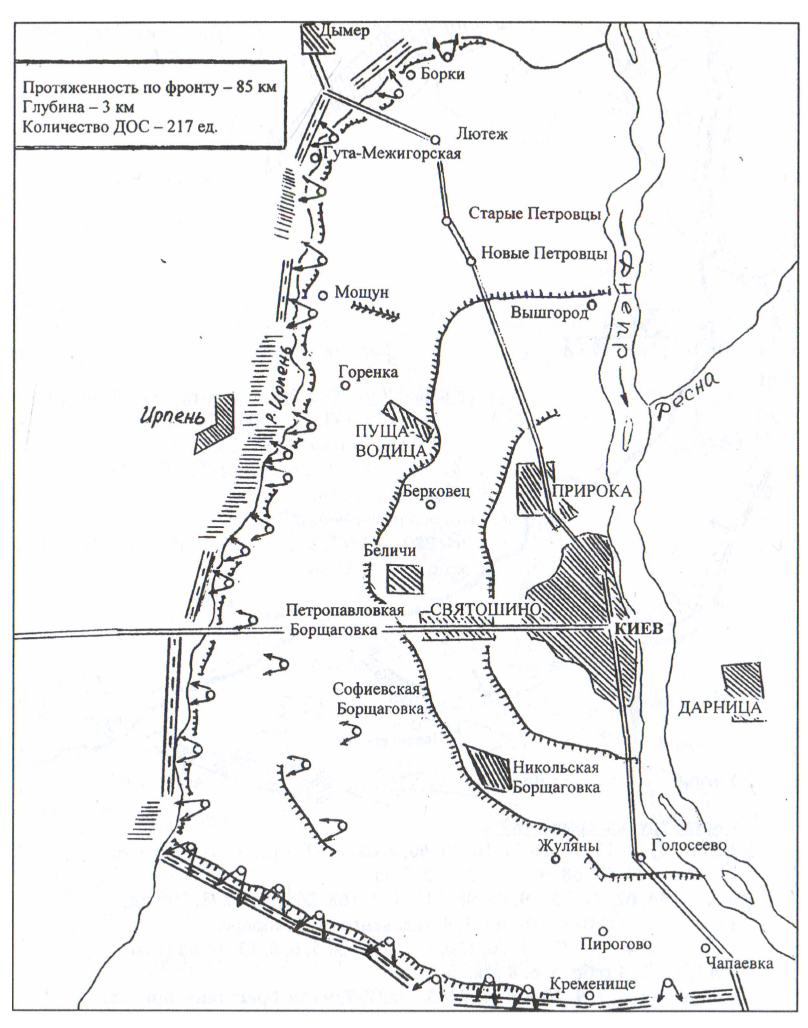
Положение войск сторон западнее Умани на 20 июля 1941 года

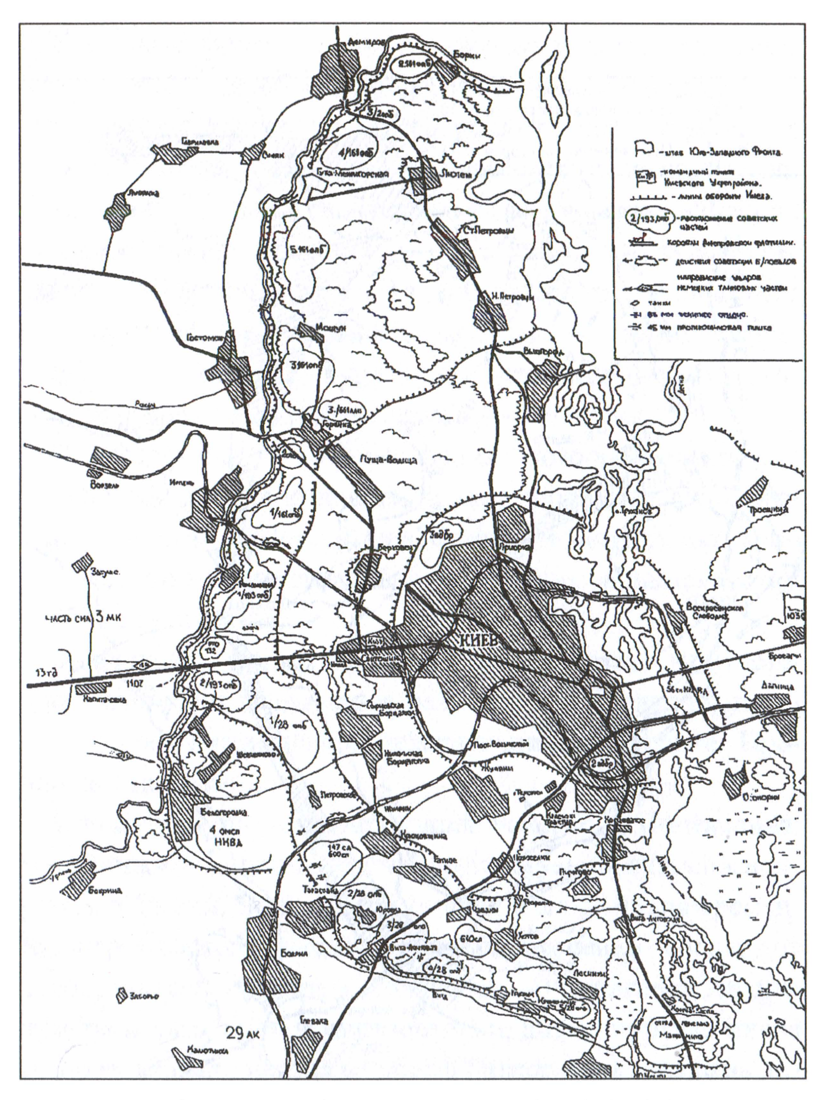
Ход боевых действий в районе Умань, Новоархангельск, Подвысокое
1—5 августа 1941 года

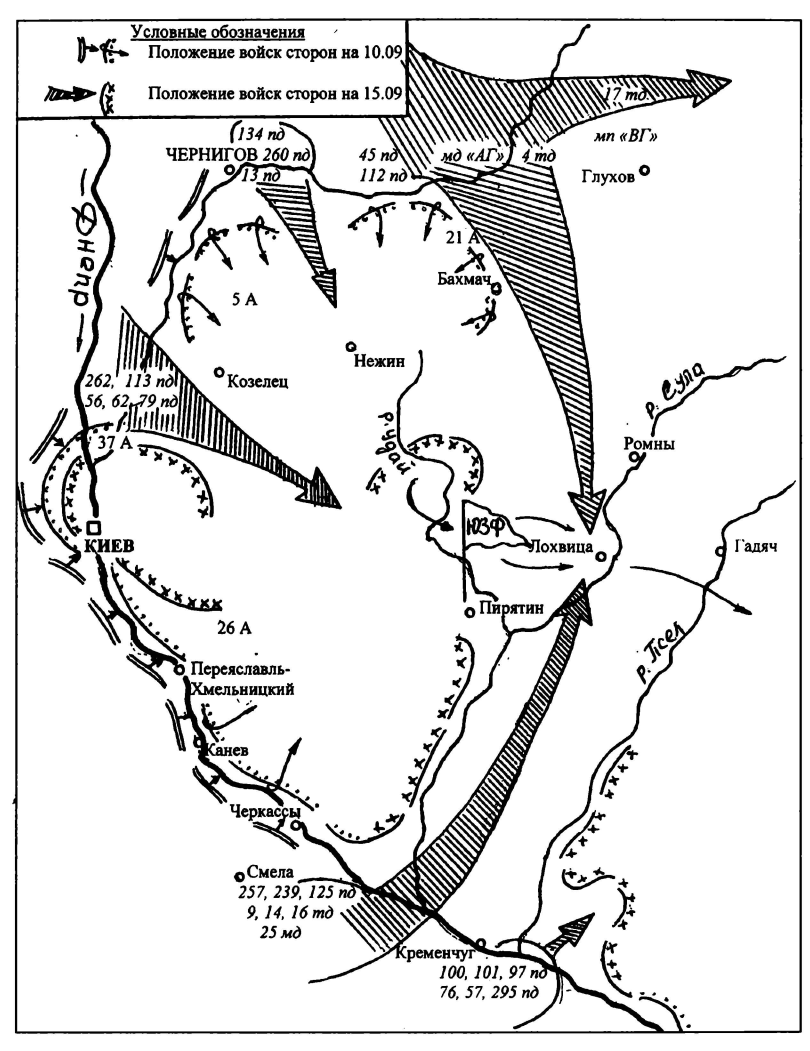
Ход боевых действий в полосе Юго-Западного и Южного фронтов
25—30 августа 1941 года

Киевский укрепленный район

Оборона Киева (11 июля — 19 сентября 1941 года)

Ход боевых действий под Киевом 11—15 сентября 1941 года

были поставлены и командиру 49-го горного егерского корпуса.

К 29 июня фронт отходивших войск группы Понеделина все еще имел дугообразную форму, хотя и неумолимо сжимался вокруг Умани. Фронт оборонявшегося южнее 18-го механизированного корпуса оказался совершенно разбросанным, а силы его были расчленены на три части: одна из них отошла к 18-й армии на юг, другая часть примкнула к левому флангу 12-й армии, а остатки в виде резервов подчинил себе командующий 12-й армии. Штабы 6-й и 12-й армий поменялись ролями. Штаб 12-й армии стал руководить восточным участком фронта, а штаб 6-й армии — западным.

В это время штаб Южного фронта, который совершенно не знал обстановки в районе Умани, продолжал слать распоряжения группе Понеделина, «действуя методом активной обороны, ни в коем случае без разрешения занимаемых позиций не оставлять».

30 июля Ф. Гальдер в своем дневнике отмечает: «Постепенно начинают сказываться результаты длительного перемалывания русских войск, действующих на Украине. Противник отходит».

К исходу 31 июля фронт группы войск Г.А. Понеделина, охваченных противником почти со всех сторон, оказался прижатым к Умани. Войска этой группы вели бой одновременно на трех расходящихся направлениях: к северо-востоку от Новоархангельска против главных сил 1-й танковой группы (три танковых и две моторизованных дивизии, в том числе моторизованная дивизия «Адольф Гитлер»); на западе на линии Краснополка, Степановка — против четырех пехотных дивизий; на юго-западе на линии Степановка — Перегоновка — против главных сил 17-й армии.

В этот день на уманском аэродроме приземлился последний самолет У-2 с офицером связи Южного фронта. Он доставил очередной приказ командующего фронтом о переходе группы Понеделина в решительное наступление. Командующий группой долго смотрел на эту бумагу, затем молча положил ее в планшет.

— Скажите генералу Тюленеву, что его приказание я принял к сведению, — сказал Понеделин, счищая густую грязь, налипшую на сапоги. — Нужно только уяснить направление нанесения главного удара и вопросы взаимодействия с остальными армиями Южного фронта. И доложите, что через несколько дней наступать уже будет некому...

Как видно из этих задач, штабу Южного фронта все еще не было известно истинное положение дел под Уманью, где остатки соединений 6-й и 12-й армий подвергались непрерывным атакам противника. Сам город горел. Участник этих событий И.А. Хизенко в своей книге-дневнике «Ожившие страницы» пишет: «Поздно вечером проезжаем мимо Умани. Горят дома, подожженные бомбардировщиками. Пылает вокзал. В воздухе гарь и копоть. На станции множество вагонов. На входных путях эшелон с боеприпасами. Вагоны охвачены пламенем. Рвутся снаряды. Пытаемся вытащить хоть несколько ящиков. Безуспешно»[1].

Ф. Гальдер в своем военном дневнике в этот день делает следующую запись: «В результате успешных действий наших войск создается мешок в районе западнее и севернее Первомайска. 1-я танковая группа вклинилась в район сосредоточения соединений 12-й армии противника, которые последний начал отводить с фронта. В ходе наступления 1-я танковая группа, по-видимому, раздавила своим левым флангом еще одну дивизию противника»[2].

Г.А. Понеделин и его штаб делали все возможное, чтобы вырваться из окружения, но, не зная общей обстановки, они зачастую действовали неудачно и не использовали последние свои шансы. Так, участник тех событий Ганс Штеец в книге «Горные егеря под Уманью» пишет: «Русское командование создало опасное положение на южном крыле горнострелкового корпуса. Но создавшееся положение русским командованием не было обнаружено и разумно использовано. Как выяснилось впоследствии, в ночь на 30 и до 31 июля около 50 тысяч русских находилось менее, чем в километре севернее в тылу 1-й горнострелковой дивизии. Только отдельные слабые опорные пункты отделяли нас от противника. Военное счастье было благосклонно — противник в это время ничего серьезного не предпринимал... Умань подготовлена к окружению. Но русские еще не считают положение потерянным. 31 июля они удерживали Умань в своих руках»[3].

1 августа ночью группа войск генерала П.Г. Понеделинна и ее штаб оставляют Умань и начинают отходить в восточном направлении. На рассвете П.Г. Понеделин докладывает командующему Южным фронтом, что окружение остатков войск 6-й и 12-й армий завершено полностью. Он радирует: «Налицо прямая угроза распада общего боевого порядка 6-й и 12-й армий на два изолированных очага... Резервов нет... Боеприпасов нет. Горючее на исходе». Но командующий Южным фронтом генерал И.В. Тюленев словно не слышит это и радирует в ответ: «Прочно удерживать занимаемые рубежи...» Но окруженные и до предела изнуренные войска уже не в силах выполнить эти приказы.

И.А. Хизенко в книге «Ожившие страницы» пишет: «Ночью продолжали отходить на юг. Привал в Оксанино. Ужасный дождь, будто весь мир слезами обрушился на

нашу землю, на каждого из нас. КП дивизии — в лесу, что северо-восточнее села Подвысокое. Части стоят плотно: мы держим круговую оборону. Днем укрываемся в лесу, ведем наблюдение за движением на дорогах. По ним часто пробегают немецкие мотоциклисты... Пленные (немцы. — *Авт.*) заявляют: "Из этих мест вам не выйти. Наше командование приняло все меры для полного уничтожения окруженных советских войск"»[4].

Ф. Гальдер в этот день в своем дневнике отмечает, что 17-я армия и 1-я танковая группа успешно ведут бои на окружение войск противника в районе Умани, где наблюдается беспорядочное передвижение войск противника.

В отношении 1 августа 1941 года Ганс Штеец в своей книге «Горные егеря под Уманью» пишет: «В 17 часов 44-я горнострелковая дивизия, прорвавшись через боевые порядки противника, овладела Новоархангельском (восточнее Умани. — *Авт.*). Русские делали отчаянные попытки к сохранению своей судьбы. Крупные силы противника еще находились на участке Синюхи и в большом районе, прилегающем к Умани. Но путь их отступления на восток по линии Ново-Архангельск — Тишковка — Ольшанка перекрыли стоящие там танковые и моторизованные дивизии 1-й танковой группы Клейста. Единственная возможность ускользнуть через Синюху оставалась еще возле Первомайска. Об этом противник знал»[5].

2 августа танковые дивизии 1-й танковой группы вышли в Первомайску и соединились с войсками 17-й полевой армии. Вокруг группы Понеделина образовалось двойное кольцо окружения. С севера и востока на нее наступали части трех танковых и двух моторизованных дивизий. С запада надвигались части четырех пехотных дивизий. На юге действовали

части двух горнострелковых, двух пехотных и двух легких пехотных дивизий Германии, а также венгерский, румынский корпуса и итальянская дивизия. Всего против войск группы П.Г. Понеделина в районе Первомайск, Умань, Кировоград действовали 22 дивизии противника.

В этот день в штаб Понеделина приходит радиограмма из штаба Южного фронта с приказом ликвидировать просочившегося противника. При этом разрешения самим идти на прорыв дано не было, и остатки войск 6-й и 12-й армий снова занимают круговую оборону. При этом ни в штабе Южного фронта, ни в штабе Понеделина не знали, что практически рядом, всего в 15—20 километрах южнее в районе Голованевского, в то время находился правый фланг 18-й армии, а противник на этом направлении был достаточно слабым. Это был реальный шанс для прорыва кольца окружения на юг, но войска группы Понеделина ничего не знали об этом и продолжали ориентироваться совсем в другое направление.

3 августа в полосе войск Южного фронта началась эвакуация Кировограда. Войска фронта медленно отходят на восток, уничтожая за собой мосты, разрушая железную дорогу. Судьба войск, окруженных под Уманью, уже практически не интересует ни командование Южного фронта, ни командование Юго-Западного фронта. Штабы обоих объединения озабочены одной мыслью — удержать линию Днепра.

Генерал П.Г. Понеделин в очередной раз пытается организовать прорыв уцелевших войск. По этому вопросу в селе Подвысоком собраны командиры, которые еще не потеряли управление подчиненными войсками. Собралось около десяти человек, некоторые прибыли ранеными, с кровью, выступавшей сквозь бинты. По докладам получалось, что всего в этом районе находилось около 65 тысяч человек, но точ-

ной цифры назвать никто не мог. В отношении организации прорыва также единого мнения не было. Одни предлагали прорываться на восток, другие — на юг. Одни хотели действовать большими формированиями, другие — просачиваться через боевые порядки противника мелкими группами. Одни предлагали начать прорыв в начале ночи, чтобы к утру как можно дальше продвинуться в избранном направлении, другие — с целью достижения внезапности рвать фронт противника на рассвете или даже среди белого дня. В результате дискуссии прорыв решили отложить.

И.А. Хизенко в книге «Ожившие страницы» за этот день пишет: «Командный пункт дивизии (80-й стрелковой. — *Авт.*) по-прежнему находится на опушке леса. Самолеты противника бомбят Подвысокое. Тяжелые, изнурительные бои идут на переправе через реку Синюху. Гитлеровцы пытаются расчленить подразделения, захватившие плацдарм на восточном берегу реки. Противник бросает в бой танки. Вода стала красной от крови. Самолеты с фашистской свастикой непрестанно бомбят боевые порядки советских войск. В знойном воздухе неподвижно стоят столбы черного дыма. Обстановка у нас осложняется с каждым днем. Гитлеровцы знают об этом и пытаются не только оружием, но и морально подавить нашу волю к сопротивлению. Вот самолет неприятеля сбрасывает листовки над окруженными войсками...»[6]

Участник описываемых событий с немецкой стороны Г. Штеец в книге «Горные егеря под Уманью» 3 августа пишет: «Командир корпуса приказал завершить уничтожение войск противника западнее Новоархангельска. При этом 1-й горнострелковой дивизии было приказано уничтожить советские части западнее Терновки, 4-й горнострелковой дивизии — выиграть сражение в районе Подвысокого и фор-

сировать Ятрань, 125-й пехотной дивизии — пробиваться к Ново-Архангельску. Соседние корпуса должны были создать внешний фронт окружения».

Но далее автор свидетельствует, что 3 августа горно-егерский корпус не смог выполнить поставленной задачи, хотя и несколько сузил кольцо окружения вокруг советских войск. При этом он признает, что «окруженный противник каждый день предпринимал отчаянные попытки прорыва. Все средства использовали русские для удержания оставшегося единственного выхода через Терновку. Это им частично удавалось»[7].

В ночь на 4 августа самолетами Южного фронта в последний раз в расположение группы П.Г. Понеделина было сброшено 60 тонн груза (боеприпасы и бензин). Кольцо вражеского окружения вокруг этой группы сжалось до предела, а фронт 18-й армии удалился к югу от Первомайска. Плацдарм, на котором сгрудились в этот день окруженные остатки 6-й и 12-й армий, не превышал размеров 10 на 10 километров. На пшеничном поле между Подвысоким и Копеньковатым стоят без горючего последние восемь танков Т-26 15-й танковой дивизии. Действуют только пулеметы. За танками и на пространстве между ними залегла жидкая цепь пехоты. Пулеметные очереди со стороны советских войск звучат крайне редко, чаще щелкают одиночные винтовочные выстрелы. Приказ — всем беречь патроны...

Но штаб Южного фронта в этот день докладывает в Ставку: «Группа Понеделина продолжает оставаться в прежнем положении, причем совершенно непонятна медлительность в выполнении неоднократного приказа о выводе его частей на реку Синюха... От Понеделина получена радиограмма панического содержания, что организованный выход из боя без

уничтожения своей материальной части или без немедленной помощи извне якобы невозможен. Эта оценка положения Понеделиным неверна и сплошного фронта (окружения. — *Авт.*) нет. Имеются промежутки до 10 и более километров. Топтание на месте Понеделина другим иначе объяснено быть не может, как только растерянностью, нераспорядительностью, неэнергичностью. В то же время обстановка в районе Ново-Миргород, Ново-Украинка не дает возможности Южному фронту помочь Понеделину войсками, кроме авиации, которая все время на него работает. Понеделину вновь подтверждаем приказ ночными атаками пробить себе путь»[8].

Таким образом, командующий Южным фронтом генерал Тюленев в очередной раз постарался снять с себя ответственность за судьбу группы генерала П.Г. Понеделина, окруженной под Уманью. При этом он не стеснялся в обвинении самого командарма в грехах, недопустимых для любого военачальника, и этим поклепом оправдывал свое нежелание помочь окруженным.

А между тем войска группы П.Г. Понеделина продолжали мужественно сражаться, рассчитывая на помощь извне. Уже известный нам непосредственный участник этих событий И.А. Хизенко в книге «Ожившие страницы» пишет: «Весь день — в беспрерывных атаках: атакуют немцы — обороняемся и рвемся вперед мы; атакуем мы — переходит к обороне и теснее сжимает кольцо противник. Фашисты через усилители предлагают сдаваться в плен. Дают время для размышления. Странно, откуда им известны фамилии командиров и даже имена их детей? Вот они называют фамилию штабного командира, имена его детей. Обсуждаем, высказываем разные предположения. Вспомнили. Ходила минувшей зимой по нашим квартирам в Проскурове какая-то девица с повяз-

кой Красного Креста на рукаве. Предлагала детские аптечки, записывала, кому и сколько надо...»[9]

Гонс Штеец в книге «Горные егеря под Уманью» пишет, что «сложившееся положение командование 48-го горного егерского корпусом считало окончанием битвы. Но данный вывод был преждевременным... 4 августа ни в коей мере не принесло ожидаемого окончания битвы. К вечеру положение корпуса, по сравнению с предыдущим днем, существенно не изменилось.

Фронт упорствовал. Русские сражались отчаянно. Воздушная разведка доносила о сильной концентрации противника в отступающих движениях на Подвысокое. Оттуда предпринимались и ночью, и днем атаки советских войск на юг, а также в районе юго-восточнее Рогово. Ожесточенно бросался враг на 125-ю пехотную дивизию. Вопреки всему отбил Оксанино и высоту, восточнее этого села. Но советским войскам нигде не удалось прорвать кольцо окружения...

Известия из штаба армии и от соседа слева малоутешительные. 44-й армейский корпус сообщил, что 24-я пехотная дивизия 4 августа, вследствие недостатка боеприпасов, вынуждена обороняться. Штаб армии уведомлял, что 1-я танковая группа из-за недостатка боеприпасов выступить на рубеж реки Синюхи не может. Но 9-я танковая дивизия в полдень наступлением на Терновку заперла врагу последний выход из котла[10].

В ночь на 5 августа на командном пункте 80-й стрелковой дивизии собиралось командование 6-й армии и корпуса. В 2.00 был получен приказ Военного совета армии. В нем было сказано, что войска армии находятся в полном окружении, и была поставлена задача любыми средствами пробиваться к своим. Из-за отсутствия точных данных о против-

нике и своих войсках прорываться решили одновременно несколькими группами в разных направлениях. Снарядов для огневого обеспечения прорыва уже не было. Ставшие бесполезными артиллерийские орудия были приведены в негодность. Оставалось несколько исправных тракторов, которые служили артиллерийскими тягачами. Решились на военную хитрость.

Поэт Е.А. Долматовский, также участник описываемых событий, в книге «Зеленая Брама» по поводу обеспечения этого прорыва пишет: «Ночью 5 августа артиллеристы гоняли взад-вперед по Зеленой Браме тягачи, рассчитывая, что противник примет их за танки, идущие на прорыв. А тем временем основная колонна прорыва покидала село, двигаясь по улице Богдана Хмельницкого. Отвлекающий маневр артиллеристов был просто вызовом огня на себя. Это — и, к сожалению, только это — удалось... Под обстрел себя подставили, но существенной помощи главным силам 6-й и 12-й армий не оказали...»[11]

И.А. Хизенко пишет, что в ночь на 5 августа одна из групп решила прорываться в южном направлении. Она заблаговременно сосредоточилась в садах на южной окраине села Подвысокое, и все только ждали сигнала вперед. Но фашисты своевременно обнаружили эту группу, и еще до наступления рассвета по садам был открыт ураганный огонь минометных батарей противника, который вынудил изготовившиеся для прорыва советские подразделения вернуться в село и спрятаться обратно в траншеи и другие укрытия[12].

Другая часть войск группы генерала П.Г. Понеделина решила идти на прорыв в северном направлении. В сводном отряде собралось около 500 активных штыков. Прорыв был назначен на 9 часов утра.

В отношении этой попытки прорыва К.И. Чернявский в книге «Всегда с бойцами» пишет: «Начинался рассвет, когда наши батальоны сосредоточились на исходных позициях… Раздались первые залпы орудий. Короткий огневой налет — наши воины устремились к окопам противника. Фашисты открыли сильный огонь из всех видов стрелкового оружия… Вскоре враг был выбит из Каменече и отброшен до двух километров в северо-восточном направлении.

Фашисты предприняли решительные меры, чтобы вернуть утраченные позиции. Кинули в бой свежие резервы пехоты, танков и артиллерии. Солдат не жалели, тем более не скупились на мины и снаряды. Наши подразделения вынуждены были перейти к обороне…

После боя за Каменече люди настолько устали, что отказывались от еды, где останавливались, там и засыпали. Но задание пробиться из окружения осталось невыполненным. Комдив требовал не задерживаться на достигнутом рубеже и, использовав ночь, пробиваться дальше…

В назначенное время подразделения двинулись в путь… Треск автоматов нарушил тишину ночи. Ухнули взрывы гранат. Это боевое охранение обнаружило фашистов и пошло в штыки… Казалось, вражеский заслон будет сейчас уничтожен. Но ему на помощь подошло подкрепление. Походная застава, в которой находились и мы с командиром полка, оказалась внутри вражеской обороны. Командир полка приказал пробиваться к лесу, контуры которого виднелись в юго-западном направлении.

Совсем рассвело, когда мы приблизились к берегу речки, преграждавшей путь к лесу. Над ней белым пухом стелился туман. Вдруг с противоположного берега ударил вражеский

пулемет... 99-я стрелковая дивизия не смогла пробиться к Новоархангельску...[13]

Пока 5 августа остатки 6-й и 12-й армий истекали кровью, стремясь самостоятельно вырваться из окружения, штаб Южного фронта в очередной раз докладывает в Москву о том, что отдал приказ генералу П.Г. Понеделину «новыми атаками пробить себе путь и выйти из окружения в восточном направлении». Этот приказ в Зеленую Браму доставляется самолетом санитарной авиации, который с трудом садится на узкой полоске еще советской земли, которая насквозь уже простреливается артиллерией противника. За спиной войск — река Синюха шириной до 80 метров и глубиной три метра, все переправы через которую уничтожены, а на ее противоположном берегу уже находятся немцы. Генерал П.Г. Понеделин, прочитав приказ командующего фронтом, только горько усмехнулся и попросил пилота забрать несколько мешков с почтой. Самолет был подбит на взлете, и последние письма несчастных так и не попали на Большую землю.

Значительно позже, в книге «Через три войны», вышедшей в свет 1972 году, бывший в 1941 году командующим Южным фронтом генерал И.В. Тюленев с циничным спокойствием констатировал тот факт, что «в тот день, когда писалось донесение в Ставку, 6-я и 12-я армии, измотанные кровопролитными боями, были уже полностью окружены под Уманью».

Г. Штеец в книге «Горные егеря под Уманью» пишет: «Командир корпуса имел убеждение, что захваченный в котел противник очень силен. Он быстро уплотнил порядки в ограниченном пространстве. С упорством и фанатическим самообладанием враг еще надеялся на удачу, что сможет прорвать кольцо окруженными силами. Поэтому командир корпуса

принял решение 5 августа наступать одновременно всеми силами корпуса и нанести врагу последний удар.

С 10 часов утра этого дня район Торговицы — Небеливка — лес западнее Подвысокого подвергнуть бомбардировке. К тому времени на счету 1-й горнострелковой дивизии уже было захвачено 2500 пленных, 23 орудия всех видов, 3 танка, 200 повозок, много оружия и боеприпасов. Но успех, на который надеялись и который требовал так много выдержки, храбрости и нечеловеческого по силе напряжения войск, 5 августа опять достигнут не был. Враг без перерыва преследовал, всегда и всюду стоял и разбивал. Боролся своей последней героической борьбой, несравненно твердый и фанатически решительный. Он полагал в своем безнадежном положении, подстегиваемый комиссарами, ни в коем случае не сдаваться. Он еще надеялся прорваться на юг и юго-восток.

С наступлением темноты противник возобновил попытки прорыва, но прорваться ему не удалось. Но и части 4-й горнострелковой дивизии не имели сил для преследования русских, и оставались на своих позициях... Оценка положения к вечеру 5 августа показывала, что противник теперь зажат в узком пространстве. Большой лесной массив возле Подвысокого длинной около 12 километров стал пунктом сосредоточения и укрытия остатков разбитого противника»[14].

Между тем подвижные соединения 1-й танковой группы Клейста, завершив охват войск 6-й и 12-й армий в районе Умани и продвинувшись южнее этого города, получили приказ повернуть на восток и начать движение к Днепру, нанося главный удар в районе Кременчуга. Под угрозой захвата этого района советское руководство 6 августа отдало приказ о начале эвакуации Днепропетровка, Кривого Рога и Днепро-

дзержинска. В спешке сворачивалось все южное крыло обороны Красной Армии на советско-германском фронте.

В этот день штаб Южного фронта докладывал в Ставку, с прежней циничностью только констатируя факты и всячески выгораживая свое руководство. В телеграмме указывалось: «Понеделину в ночь с 5 на 6 августа вылетели самолеты для выброски грузов. Не получили сигнал с земли, груз не выбросили. Было много костров и пожаров».

Между тем в ночь на 6 августа в группе П.Г. Понеделина был спланирован новый прорыв, который должен был начаться в 1 час ночи. Строится автоколонна, для машин сцеживают последние капли бензина. Впереди артиллерийские тягачи и трактора, за ними грузовики. Тут же два чудом уцелевшие танка и несколько броневиков. Создаются три отряда обеспечения прорыва и сильный арьергардный отряд прикрытия тыла с приказом стоять до особой команды.

В назначенное время последовала команда «Вперед!». На рассвете противник опомнился. Начала работать вражеская артиллерия, в небе появилась авиация. Был подбит танк генерала И.Н. Музыченко, а сам он ранен. Колонна, которая растянулась на десяток километров, была разбита на несколько частей. Каждая часть живет свей жизнью.

С поразительной быстротой начали расползаться слухи о пленении командармов П.Г. Понеделина и И.Н. Музыченко, командиров корпусов генералов М.Г. Снегова и Кириллова. Тут же с воздуха посыпались листовки, в которых якобы генерал П.Г. Понеделин предлагал бойцам сложить оружие и сдаться в плен. На листовке он сам был изображен в окружении немецких офицеров с бокалом шампанского в руке...

Г. Штеец в книге «Горные егеря под Уманью» пишет:

«Ночью с 5 на 6 августа сражение на фронте корпуса возле Подвысокого достигло своего высшего драматического накала. Попытки русских прорваться продолжались. Как и ожидалось, направлены они были против южного фронта корпуса...

Ранним утром, начиная с 3.45, стекаются в штаб корпуса тревожные сообщения 1-й и 4-й горнострелковых дивизий. Вскоре связь прервалась. Русские колонны проходят через полевые кабели связи. Работает только радио. До этого момента поступающие сообщения отмечают, что русские с полуночи все в наступлении на южный фронт.

Отступила расчлененная 4-я горнострелковая дивизия с рубежа возле Копеньковатой в леса восточнее. Здесь вражеское наступление имело успех. С грузовиками пехоты, впереди танки, прорвались русские под защитой ночи через разрыв между восточной и западной группировками 4-й горнострелковой дивизии. Массы врагов были разделены на группы. Все они устремились на юг, на участок течения Ятрани. Части, штабы, обозы, войска обеспечения, все обозные ездовые, телеграфисты, штабные офицеры — все стоят в ночной борьбе, отражая наступление противника.

Поступают устные доклады. Враг уже в 12 километрах позади фронта корпуса. Враг возле Семидубы. В 4.00 он движется длинными маршевыми колоннами, имея впереди танки. По сторонам — всадники-наблюдатели.

Для того, чтобы остановить врага, в бой бросаются все новые силы. В Ермиловке вступили в бой квартирмейстерские подразделения 1-й горнострелковой дивизии. Борется за свою жизнь каждый писарь, каждый человек. Убиты комендант, квартирмейстер обер-лейтенант Рисс, с ним девять унтеров и рядовой состав штаба дивизии. Второй офицер

Генерального штаба, капитан фон Эймансбергер бросился с ручной гранатой на первый разведывательный броневик русских, въехавший в село…

Командование корпуса решилось снять часть сил с других направлений и перебросить их на угрожаемый участок. Туда в спешном порядке перебрасывается 44-й танковый батальон под командованием кавалера Рыцарского креста капитана Крейзера. Во время этого сражения Крейзер погиб от вражеской пули.

Но толпы прорывающиеся врагов расслаиваются. Они устремляются в разные направления, спасаются бегством в лес… Сотни расстрелянных и подожженных машин стояли с обеих сторон дороги.

Впереди 4-й горнострелковой дивизии лежал лес возле Подвысокого 3 километра длинной и 2 километра в глубину, где сосредоточились остатки войск противника… Почти без сопротивления со стороны врага прорвались егеря на границу леса. Наши мортиры вели смертельный огонь. Волнующийся враг спасался бегством. К вечеру лесная зона была преодолена… Вечером 6 августа командир корпуса был уверен, разгром окруженного врага закончился»[15].

Берем книгу непосредственного участника описываемых событий И.А. Хизенко «Ожившие страницы». Он пишет: «6 августа. В пруду моются пожилые, бывалые воины. Надевают чистое белье. Но что это случилось с фашистами? Почему сегодня они не стреляют? Ведь их пули могут долететь до пруда. Совсем недавно гитлеровцы обстреляли там медицинских сестер, хлопотавших над ранеными. А сейчас молчат. Удивлены? Или и они преклоняются перед вековым обычаем русских воинов в решающий бой идти в свежей рубашке, побритыми?! Сомнительно.

Принимаем меры к спасению знамени. Два штабных работника покидают нас, унося завернутое бархатное полотнище. Что их ждет впереди? По приказу полкового комиссара Прейса сжигаем все документы политотдела. Костры кажутся игрушечными по сравнению с горящими хатами…

В небе появляется немецкий самолет-разведчик. Вслед за ним прилетают бомбардировщики. А пока они бомбят Подвысокое. Там в укрытиях стоят машины 15-й танковой дивизии. Гитлеровцы не стали бы тратить зря бомбы, если бы знали, что у танкистов нет снарядов, вышло горючее.

Вечером на командный пункт прорываются вражеские автоматчики. Это наверняка "сорвиголовы", добровольно взявшиеся уничтожить штаб соединения. Их наглости мы противопоставляем такую отчаянность, что фашистские молодчики действительно теряют головы. Дерутся писари и наборщики типографии, повара и телефонисты. Фашисты пытаются удрать через дамбу. Не целясь, стреляют по ним даже раненые. Не отступая от костра, где догорают деловые бумаги, палит помощник начальника четвертой части штаба дивизии Афанасий Корж. Дерутся все, кто способен держать оружие. Отступать некуда. Кольцо окружения настолько сжалось, что простреливается насквозь.

Не ждали гитлеровцы такого стойкого сопротивления. Бросая раненых, они удирают подальше от командного пункта. Преследуя их, мы выбираемся на окраину села. Глубокой ночью группы вырываются из этой вражеской петли...»[16]

7 августа. К этому времени, практически брошенные на произвол судьбы командованием Юго-Западного и Южного фронтов, лишившись многих своих командиров, остатки войск 6-й и 12-й армий в районе Умани могли рассчитывать только на собственные силы, которые уже были на исходе.

Несмотря на это, попытки прорыва из окружения продолжаются. И только во второй половине дня начальник штаба 12-й армии генерал Б.И. Арушанян посылает в штаб Южного фронта последнюю радиограмму: «Попытка выхода из окружения не удалась… Боеприпасов и горючего нет. Кольцо сжимается. Окружение огневое. Располагаю 20 000 штыков…»

О последней попытке прорыва К.И. Чернявский в книге «Всегда с бойцами» пишет: «Вечером 7 августа в 99-ю стрелковую дивизию поступил приказ начать прорыв в 22 часа… Уже совсем рассвело, когда мы достигли небольшой рощи близ села Левковка. Здесь вражеская оборона обрушилась на нас…

В тужс минуту правее от нас раздалось многоголосое “Ура!”. Как потом стало известно, там штурмовал вражеские позиции отряд полковника Романова, в который вошли бойцы разных частей 12-й армии. “Вот если бы атаку предприняли вместе, — с горечью подумалось мне, — возможно, и пробились бы”. Но что сделано, то сделано.

Как только поднялось над горизонтом солнце, взоры наши устремились к тому району, где атаковали противника другие отряды. Было видно, как бросались наши воины на врага. Но огонь гитлеровцев прижимал их к земле. В эти минуты выбрался из леса Зеленая Брама одинокий танк, и на предельной скорости устремился на вражеские точки. Он с ходу раздавил вражеский крупнокалиберный пулемет. Видно было, как пехотинцы пытались бежать за танком в атаку. Но это был последний отчаянный бросок. По танку с близких дистанций ударили пушки противника…»[17]

После неудачной попытки последнего прорыва остатки советских подразделений мелкими группами в поисках спа-

сения начали возвращаться в лесной массив Зеленая Брама. К вечеру этого дня окруженные в районе Подвысокого советские войска, еще недавно составлявшие группу генерала П.Г. Понеделина, стали полностью неуправляемыми, но и тогда своего сопротивления не прекратили. Г. Штеец в книге «Горные егеря под Уманью» пишет:

«Положение в районе действий 1-й горнострелковой дивизии для командира корпуса долгое время остается неясным. Телефонная связь нарушена. Разбитый враг снова создал серьезное положение. В 16.00 полковник Пиккер пошел в наступление на Подвысокое. Его егеря двинулись на село с востока и юго-востока и в ожесточенной уличной схватке захватили восточную окраину Подвысокого. В 18.30 северный фланг группы Ланга взял высоту 185 и мост в двух километрах от церкви в Подвысоком. Но к ночи все наши батальоны вновь перешли к обороне в готовности отразить ночной прорыв русских.

В ночь на 8 августа была предпринята еще одна попытка русских прорваться через северный фланг 1-й горнострелковой дивизии. В несколько волн штурмовали русские с криками "Ура!", подстегиваемые своими комиссарами. Около часа шла рукопашная схватка. Наши потери множились. Погибло несколько командиров рот... Горные егеря стояли на своих позициях, но не могли все-таки помешать прорваться толпам русских. Через возникшие проходы часть из них двинулась на юго-восток на Владимировку, другие пошли на юг, на Россоховатку. Правда, возле Владимировки и Россоховатки, уже в 10 километрах от места прорыва, все эти группы были настигнуты и уничтожены. Это в последний раз встал на дыбы разбитый враг. Его сопротивление было окончательно сломлено»[18].

С утра 8 августа снова полил дождь. В тот день фашисты начали выявлять и уничтожать отдельные отряды войск 6-й и 12-й армий, которые скрывались в лесу и оврагах. Именно тогда произошел последний бой сводного отряда во главе с генералом С.Я. Огурцовым на поле подсолнухов, который был отмечен многими немецкими свидетелями, но уже никак не мог повлиять на общую обстановку.

В этот день в 12 часов командир 48-го горного егерского корпуса объявил по радио о взятии Подвысокого. Перед победителями предстала ужасная картина. На улицах села и возле леса лежали сотни трупов погибших советских солдат и офицеров. По полям были разбросаны сгоревшие танки и грузовики. Г. Штеец пишет: «В Копеньковатой стоит много орудий всех видов, танки, повозки. На дороге юго-западнее Копеньковатой стоит около сорока русских грузовиков, расстрелянных, сожженных и изуродованных. Трупы экипажей лежат между обломками. У подъезда к Подвысокому встретил пленных. Колонна по плоской равнине тянулась от горизонта до горизонта. Они идут по шесть-восемь человек рядами в колонне длиной около 10 километров. На поле битвы насчитали около 18,5 тысяч погибших русских. Около 60 тысяч пленных собралось в гигантском лагере горнострелкового корпуса. Более 400 орудий всех видов, 4700 единиц средств передвижения, 3800 лошадей.

Потери горнострелкового корпуса тоже были значительные. С началом наступления от Винницы до образования котла в районе Подвысокого погибли 157 офицеров, 4861 унтер-офицер и рядового состава. 4-я горнострелковая дивизия потеряла 52 офицера и 1726 солдат, в том числе в районе Подвысокого — 47 офицеров и 1516 солдат. 1-я горнострелковая дивизия — 28 офицеров и 731 солдат, в том числе у Подвысокого 22 офицера и 514 солдат»[19].

И все же бои в районе Зеленой Брамы продолжались еще несколько дней. Одни отряды гибнут под ударами врага, другие прорываются из окружения и уходят в неизвестность, нередко навстречу своей гибели или плену. Третьи прекращают сопротивление и поднимают руки, желая спасти свою жизнь. Вырывается из окружения с небольшой группой бойцов и командиров начальник штаба группы Понеделина генерал Б.А. Арушунян. Командир 173-й стрелковой дивизии генерал-майор С.В. Верзин 9 августа, после неудавшегося прорыва во главе группы бойцов, застрелился. Покончили с собой и некоторые другие командиры.

Немцы сгоняют пленных красноармейцев сначала в кучки, затем строят в колонны, которые гонят в уманскую яму. Вдоль дороги — толпы местных жителей, которые стараются в строю пленных увидеть родных, близких или знакомых...

Гитлеровская пропаганда раструбила на весь свет известие о победе в районе Умани. По ее сводкам, там было взято в плен 103 тысячи человек, в том числе два командующих армиями, захвачено 317 танков и 858 орудий, много другого военного имущества. 28 августа посмотреть на последствия уманского побоища даже прилетели А. Гитлер и Б. Муссолини, а немецкие войска устроили специальный парад.

Разгром советских войск под Уманью в конце июля и начале августа 1941 года стал важнейшим этапом в реализации плана «Барбаросса». После завершения этой операции противник частью сил устремился к Черному морю, грозя отрезать оборонявшиеся там войска 9-й армии, а основными силами двинулся дальше на восток, к Днепру, и захватил плацдарм в районе Кременчуга. Следствием этих двух ударов стали последующие неудачи советских войск на приморском направлении и катастрофа под Киевом.

КИЕВСКИЙ КОТЕЛ

В советской литературе всегда указывалось, что германское руководство в 1941 году, вплоть до срыва наступления немецких войск на Москву, действовало в строгом соответствии с ранее намеченным планом «Барбаросса». На самом деле это не совсем так. В зависимости от складывавшейся обстановки А. Гитлер неоднократно вносил существенные изменения в этот план, не меняя его главной сущности. При этом в качестве главных его целей были две. Первая — введение противника в заблуждение относительно главных ударов. Вторая — получение наибольшего экономического эффекта от войсковых операций. В идеальном случае он стремился достичь двух этих целей одновременно.

Мы знаем, что уже в середине июля 1941 года ударная группа немецких войск, расчленив 5-ю и 6-ю армии Юго-Западного фронта, вышли к внешнему обводу Киевского укрепленного района. Командование Юго-Западного стратегического направления и Юго-Западного фронта начало предпринимать все возможные меры по усилению обороны этого укрепленного района. Но германское командование, отказавшись от его штурма, решило нанести охватывающий удар 1-й танковой группой на юг. В результате этого бои на киевском направлении более чем на месяц обрели пассивный характер, а советские войска потерпели сокрушительное поражение под Уманью, потеряв в котле остатки 6-й, 26-й (первого формирования) и 12-й армий. В августе в южном крыле советско-германского фронта образовалась гигантская брешь, через которую противник устремился к Днепру. В это время продолжалось накапливание сил Юго-Западного фронта в районе Киева.

Одновременно с действиями на Правобережной Украине немецкие войска вели успешные бои в районе Смоленска. Действуя на этом стратегическом направлении, 2-я и 3-я танковые группы противника смогли окружить три армии Западного фронта (командующий С.К. Тимошенко), после чего начали развивать наступление на Москву. Среди представителей высшего командования вермахта (В. Браухич, Ф. Гальдер, фон Бок, Гудериан и др.) утвердилось мнение, что взятие Москвы сможет положить конец войне с Советским Союзом уже в 1941 году, до наступления зимы, к которой, по их мнению, вермахт не был готов.

Но А. Гитлер и его ближайшее окружение дальнейшее развитие событий видели несколько в другом свете. Все усиливавшееся сопротивление советских войск на отдельных направлениях, ввод в сражение новых соединений и даже объединений красноречиво говорили о том, что на скоротечное окончание войны на Востоке рассчитывать не стоит. Поэтому после того, как обозначились существенные успехи наступления вермахта на московском направлении и был осуществлен разгром советских армий на Правобережной Украине, А. Гитлер 21 августа подписал директиву, в которой определил главные задачи на кампанию 1941 года. В ней, в частности, он писал:

«Предложение главного командования сухопутных войск от 18.8 о продолжении операции на Востоке расходится с моими планами. Я приказываю следующее:

Важнейшей задачей до начала зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа...

На редкость благоприятная оперативная обстановка, сложившаяся в результате выхода наших войск на линию Го-

мель, Прочеп, незамедлительно должна быть использована для проведения операции смежными флангами группы армий "Юг" и "Центр" по сходящимся направлениям. Целью этой операции должно являться не только вытеснение за Днепр 5-й русской армии частным наступлением 6-й армии, но и полное уничтожение противника прежде, чем его войска сумеют отойти на рубеж Десна, Конотоп, Сула. Тем самым войскам группы армий "Юг" будет обеспечена возможность выйти в районы восточнее среднего течения Днепра и своим левым флангом совместно с войсками, действующими в центре, развить наступление в направлении Ростов, Харьков...»[1]

Из данной директивы следует, что уже в двадцатых числах августа 1941 года, более чем за месяц до Московской битвы и начала Московской оборонительной операции, высшее руководство Германии приняло решение о переносе направления главного удара вермахта с московского направления на юг и проведении крупномасштабной операции на окружение в районе Киева.

Это решение с большим непониманием и даже «в штыки» было воспринято некоторыми генералами.

Наибольшее недовольство приказ о повороте на юг вызвал у командующего 2-й танковой армией генерала Г. Гудериана. По этому поводу в своих мемуарах «Воспоминание солдата» он пишет:

«23 августа я был вызван в штаб группы армий "Центр" на совещание, в котором принимал участие начальник Генерального штаба сухопутных войск. Он сообщил нам, что Гитлер решил наступать в первую очередь не на Ленинград и не на Москву, а на Украину и Крым. Для нас было очевидно, что начальник Генерального штаба генерал-полковник Гальдер сам глубоко потрясен тем, что его план развития наступления

на Москву потерпел крах. Мы долго совещались по вопросу о том, что можно было сделать, чтобы Гитлер все же изменил свое "окончательное решение". Мы все были глубоко уверены в том, что планируемое Гитлером наступление на Киев неизбежно приведет к зимней кампании со всеми ее трудностями, которую ОКХ хотело избежать, имея на это все основания»[2].

Сам Ф. Гальдер в «Военном дневнике» по этому поводу писал еще более категорично:

«Я считаю, что положение ОКХ стало нестерпимым из-за нападок и вмешательства фюрера. Никто другой не может нести ответственность за противоречивые приказы фюрера, кроме него самого. Да и ОКХ, которое теперь руководит победоносными действиями войск уже в четвертой военной кампании, не может допустить, чтобы его доброе имя втаптывалось в грязь. К этому добавляется неслыханное до сих пор личное обращение с главкомом. Поэтому я предложил главкому просить о его и одновременно о моей отставке. Он отклонил это предложение, так как дело до этого еще не дошло и такое решение ничего не изменит»[3].

Все это значит, что решение Гитлера частично изменить ранее принятый план военных действий крайне болезненно было воспринято высшим командованием вермахта, которое видело свои заслуги, прежде всего, в том, что в первые месяцы войны против СССР он развивался более чем успешно. Но, как известно, даже самые тщательно отработанные стратегические планы под воздействием конкретных обстоятельств требуют постоянных корректив и доработок, и военные успехи вермахта также следовало расценивать как один из важнейших факторов.

К концу августа 1941 года обстановка в полосе действий войск Юго-Западного и Южного фронтов оставалась напря-

женной. С выходом моторизованных корпусов 2-й танковой группы на р. Десна в районах Шостки и севернее Конотопа создалась угроза глубокого охвата с севера войск Юго-Западного фронта, действовавших в районе Киева и севернее от этого города.

Угрожаемой создалась обстановка и ниже по течению Днепра. В конце августа 6-я армия противника вышла к Днепру от Лоева до Канева, а 17-я армия с вошедшей в ее состав группой Шведлера — от Канева до Переволочной. В излучину р. Днепр от Переволочной до Никополя вышли 1-я танковая группа генерала Клейста, итальянский и венгерский корпуса. На нижнее течение р. Днепр выдвинулись 3-я румынская и 11-я немецкая армии. 4-я румынская армия была задействована под Одессой. К сожалению, высшее советское руководство и главное командование РККА плохо знали об этом и мало учитывали при выработке планов дальнейших действий.

Напомним, что на 1 сентября 1941 года группировка советских войск на Украине была следующая.

В составе Юго-Западного фронта действовало шесть армий. 40-я армия (командующий генерал-майор К.П. Подлас), сформированная за счет части сил 37-й и 26-й армий, развертывалась на р. Десна для организации обороны на правом фланге Юго-Западного фронта и вела оборонительные бои против 24-го моторизованного корпуса на реке Десна. 21-я армия (командующий генерал-лейтенант В.И. Кузнецов) под ударами 2-й армии противника отходила на Чернигов. Остальные армии фронта занимали оборону по левому берегу реки Днепр: 5-я (командующий генерал-майор М.И. Потапов) и 37-я (командующий генерал-майора А.А. Власов) армии — на фронте от Чернигова до Киевского укрепленного района

включительно, 26-я армия (командующий генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко) — от Киева до Золотоноши. Южнее ее до Переволочной была развернута 38-я армия (командующий генерал-майор Н.В. Фекленко).

Нижнее течение р. Днепр от Переволочной и до устья реки прикрывали армии Южного фронта. В его состав вошли вновь сформированные 6-я (командующий генерал-майор Р.Я. Малиновский) и 12-я (командующий генерал-майор И.В. Галанин), а также порядочно измотанные в предыдущих боях 18-я и 9-я армии.

В целом же, по советским данным, на киевском направлении, на фронте предстоящих активных действий (около 300 километров), к началу Киевской стратегической оборонительной операции сложилось следующее соотношение сил и средств сторон.

Соотношение сил и средств сторон к началу операции[4]

Силы и средства	Советские войска	Немецкие войска	Соотношение
Личный состав (тыс.)	280	670	1:2,3
Орудия и минометы	2650	7800	1:2,9
Танки и САУ	297	540	1:1,8
Боевые самолеты	249	750	1:3

Таким образом, германское командование в конце августа 1941 года не только перехитрило советское руководство в отношении направления главного удара своих войск, изменив его с московского на южное, но также предусмотрело проведение крупномасштабной операции на окружение и создало необходимое для этого превосходство в силах и средствах.

При этом нужно отметить, что советское командование, в целом не разгадав замысел противника, в то же время предвидело намерения врага окружить киевскую группировку войск Юго-Западного фронта. Еще 19 августа 1941 года Ставка

ВГК направила директиву Военному совету Юго-Западного фронта, в которой, в частности, указывалось: «Противник, сосредоточив превосходные силы на Украине, имеет целью овладеть Киевом... и нанести поражение нашим войскам... Создавая на Правобережной Украине плацдарм для дальнейшего наступления, противник, по-видимому, поведет его... в обход Киева с севера и юга с целью овладения Киевом и выхода в районы Чернигов, Конотоп, Пирятин, Черкассы». Но далее в этой директиве ставились войскам задачи на оборону по Днепру и даже западнее него, что практически не учитывало возможность отражения сильных фланговых ударов противника.

Непосредственная оборона Киева возлагалась на Киевский укрепленный район. Его строительство было начато и практически завершено еще в 30-е годы. В начале Великой Отечественной войны он был восстановлен и частично оборудован заново.

Киевский укрепленный район состоял из трех полос, имел подготовленную систему артиллерийского, противотанкового и пехотного огня. Его передний край проходил по восточному берегу реки Ирпень. Глубина полосы достигала 6—10 километров. На всем ее протяжении имелось 750 долговременных оборонительных сооружений, 40 километров противотанковых рвов, 30 километров проволочных заграждений и было установлено 100 тысяч противотанковых и противопехотных мин. Все дороги прикрывались металлическими ежами. Берега рек и оврагов эскарпировались. На лесных участках создавались минированные завалы.

Далее по рубеж Вышгород, Пуща Водица, Святошино, Никольская Борщаговка (в то время пригородные населенные пункты) проходила вторая полоса обороны, которая так-

же была оборудована в инженерном отношении. За ней, непосредственно по окраине города, проходила третья полоса обороны.

В июле и августе 1941 года немецкое командование практически не предпринимало никаких попыток штурма Киевского укрепленного района, хотя в советской литературе этот период представлен совсем по-другому. Так, в книге «Киевский Краснознаменный» указывается: «Как богатырская застава, принял на себя Киев удары отборных частей вражеской армии. Яростные атаки гитлеровских дивизий разбивались одна за другой, встречали решительный отпор защитников города». В этой книге даже указывается, что 7 августа «Гитлер приказал во что бы то ни стало овладеть городом и провести на Крещатике военный парад», и немецким войскам удалось продвинуться вглубь укрепленного района, выйти на северо-восточную окраину Жулян, овладеть Голосеевским лесом и несколькими пригородными населенными пунктами. Но контратаками советских войск враг был остановлен, а кое-где и потеснен обратно. В конце главы делается вывод о том, что «гитлеровские войска под Киевом были впервые остановлены на длительное время и потеряли более ста тысяч солдат и офицеров». В результате этого «все прогрессивное человечество увидело непобедимый дух советского народа и его воинов…»[5]

Безусловно, на практике это было совсем другое — оперативная пауза в наступлении германских войск с целью избежать больших и бессмысленных потерь при лобовом штурме хорошо подготовленного в инженерном отношении и занятого войсками Киевского укрепленного района. Но прошло сравнительно немного времени, и были созданы благоприятные условия не только для овладения (без штурма) Киевским укрепленным районом, но и для окружения и разгрома всех

войск Юго-Западного фронта. И немецкое командование решило не упускать эту уникальную возможность.

Киевская операция началась по плану, разработанному германским командованием. В течение первых восьми дней сентября 1941 года шла напряженная борьба с противником, захватившим плацдармы на реке Десна севернее Конотопа и на реке Днепр — южнее Лоева, севернее Кременчуга, у Днепропетровска и у Каховки.

В ходе этой борьбы на правом крыле Юго-Западного фронта малочисленная 40-я армия к исходу 8 сентября под ударами противника вынуждена была отойти на рубеж севернее железной дороги Конотоп, Киев. 21-я армия также не смогла остановить противника на реке Десна и с боями отошла в южном направлении. 5-я армия, будучи охвачена с севера войсками 2-й немецкой армии и атакованная с фронта шестью пехотными дивизиями 6-й армии противника, отошла на левый берег реки Десна от Чернигова до Остер.

На левом крыле Юго-Западного фронта войска ударной группировки 17-й немецкой армии 31 августа приступили к форсированию реки Днепр юго-восточнее Кременчуга в полосе обороны 38-й армии. Эта армия, растянутая на широком фронте и не имевшая оперативных резервов, не смогла отразить удара трех армейских корпусов противника, наступавших при поддержке крупных сил авиации. К 9 сентября противнику удалось захватить крупный плацдарм у Кременчуга, куда он немедленно стал сосредоточивать войска 1-й танковой группы и 17-й армии. В полосе Южного фронта немецко-фашистским войскам удалось форсировать Днепр у Днепропетровска и у Каховки.

Все эти события получат неоднозначную оценку среди высшего руководства Германии и вермахта. Так, в своем «Военном дневнике» Ф. Гальдер отмечает:

«4 сентября. Во время моего отсутствия (поездка в штаб группы армий "Север". — *Авт.*) вновь разгорелись страсти. Фюрер вызывал к себе Гудериана, который никак не хочет расстаться со своим замыслом наступать на юг силами 47-го моторизованного корпуса восточнее Десны. В связи с этим отдается приказ о том, чтобы вернуть войска Гудериана на западный берег реки. Напряженные отношения сложились также между Гудерианом и фон Боком (командующий группой армий "Центр" — *Авт.*). Последний требует от главкома отдать приказ об отстранении Гудериана от командования танковой группой.

На юге боевые действия развиваются удовлетворительно. Наибольших успехов достигла 17-я армия, войска которой захватили крупный плацдарм на северном берегу Днепра (в районе Кременчуга. — *Авт.*).

5 сентября. Войска расширили захваченные плацдармы. Им удалось отбросить за Днепр части противника, прорвавшиеся у Берислава. Стало очевидно, что войска 17-й армии и 1-й танковой группы не имеют перед своими плацдармами сколько-нибудь значительных сил противника».

В тот день на совещании высшего командного состава А. Гитлер потребовал «плотно охватить» войска Юго-Западного фронта с задачей их окружения и уничтожения. При этом были уточнены задачи войскам. «17-й армии (8 дивизий) наступать в направлении Полтавы, Харькова. 1-й танковой группе наступать на северо-запад. 2-й танковой группе — на юг к реке Сула. В дальнейшем они совместными усилиями нанесут удар в тыл вражеской группировки, находящейся на выступе фронта между Днепром и Десной». Данное сражение в дневнике Гальдера именуется, как «величайшая битва мировой истории».

7 сентября Ф. Гальдер вылетает в штаб группы армий «Юг» (Умань) для более детального обсуждения планов по охвату советских войск в излучине Днепра и Десны. Это совещание проходит на следующий день, после чего начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии возвращается обратно. При этом он отмечает, что на фронте группы армий «Юг» события развиваются согласно плану[6].

С утра 9 сентября противник возобновил наступление против войск правого крыла Юго-Западного фронта. С плацдармов на левом берегу р. Десна перешли в наступление 24-й моторизованный корпус (из района Конотопа в направлении на Прилуки и Ромны), 2-я армия (из района восточнее Чернигова в направлении на Прилуки) и часть сил 6-й армии (из района Остер на юго-восток и на юг).

Наиболее угрожаемое положение создалось в полосе обороны 40-й армии. Последняя к 9 сентября имела в своем составе только две стрелковые, одну танковую дивизии и несколько воздушно-десантных бригад. Несмотря на настойчивые требования Ставки Верховного Главнокомандования об усилении 40-й армии, командующий Юго-Западным фронтом не сумел произвести быструю перегруппировку сил в полосу ее действий. Поэтому 40-я армия, ведя оборонительные действия слабыми силами на фронте протяжением около 100 км, не смогла отразить наступления двух танковых и двух моторизованных дивизий врага. К вечеру 10 сентября 3-я танковая дивизия противника прорвалась в район Ромны.

Для прикрытия разрыва, образовавшегося между Брянским фронтом и 40-й армией Юго-Западного фронта от Новгород-Северского до Конотопа, по приказу Ставки Верховного Главнокомандования были срочно переброшены две кавалерийские дивизии из 21-й армии и 2-й кавалерийский

корпус из состава Южного фронта. На это же направление была выделена из резерва Ставки 1-я гвардейская мотострелковая дивизия.

В результате выхода танковых дивизий противника глубоко во фланг 21-й армии и возобновившегося наступления 2-й и левого фланга 6-й немецкой армии войска 5-й и частично 21-й армий были вынуждены в эти дни отходить в район восточнее Киева.

В ночь на 11 сентября состоялись переговоры командующего Юго-Западного фронта генерала М.П. Кирпоноса с начальником Генерального штаба маршалом Б.М. Шапошниковым. Эти переговоры представляют столь важный исторический интерес, что считаю необходимым привести их практически полностью.

У аппарата Кирпонос, Бурмистренко, Тупиков.

«Здравствуйте, товарищ Маршал!

Шапошников:

Здравствуйте, товарищи Кирпонос, Бурмистренко и товарищ Тупиков.

Вашу телеграмму о занятии противником Ромны, и поэтому, о необходимости скорейшего отхода, Ставка Главнокомандования получила. Однако из тех данных, которые имеются в Ставке о занятии Ромны противником, а именно (что) авиационной разведкой был обнаружен в 13.25 и 14.25 подход двух колонн автомашин с танками и скопление и автомашин у деревни Житное к северу от Ромны. Судя по длине колонн, здесь не больше части, примерно не более тридцати—сорока танков.

По непроверенным данным, из Сум, якобы, в 16.00 10.09 в Ромны высажен с восьми машин десант. Одна из этих машин, якобы, была уничтожена нашей авиацией. По-видимому,

часть подвижных войск противника просочилась между Бахмачем и Конотопом.

Все эти данные не дают еще оснований для принятия того коренного решения, о котором вы просите, а именно — об отходе всем фронтом на восток. Нет сомнения, что занятие Ромны может создать известное паническое настроение, но я уверен, что Военный совет фронта далек от этого и сумеет справиться с эпизодом у Ромны»[7].

Операция отхода всем фронтом — не простая вещь, а очень сложное и деликатное дело. Помимо того, что всякий отход понижает до некоторой степени боеспособность частей, в этой войне при отходе противник вклинивается между отходящими частями своими механизированными группами и заставляет пехотные части принимать бой в невыгодных условиях, а именно, когда артиллерия находится на колесах, а не в боевом положении. Мы это видим на примере отхода 5-й армии за Днепр и переправы противника у Окунинова и, наконец, на отходе всего Южного фронта за Днепр.

Ставка Верховного Главнокомандования считает, что необходимо продолжать драться на тех позициях, которые занимают части Юго-Западного фронта, так как это предусмотрено нашими уставами. Я уже вчера, 10.9 говорил с вами относительно того, что через три дня Еременко начнет операцию по закрытию прорыва к северу от Конотопа, и что 2-й конный корпус Верховным Главнокомандующим от Днепропетровска направлен на Путивль.

Таким образом, необходимо вам в течение трех дней ликвидировать передовые части противника у Ромны. Для чего, я считаю, вы сможете две дивизии с противотанковой артиллерией взять от Черкасской армии и быстро перебросить их на Лохвицу навстречу мотомехчастям противника. И, нако-

нец, самое существенное — это громить его авиацию. Я уже отдал приказание товарищу Еременко всей массой авиации резерва Верховного Главнокомандования обрушиться на 3-ю и 4-ю танковые дивизии, оперирующие в районе Бахмач, Конотоп, Ромны. Местность здесь открытая и противник легко уязвим для нашей авиации.

Таким образом, Ставка Верховного Главнокомандования считает, что сейчас ближайшей задачей Военного совета Юго-Западного фронта будет разгром противника, пытающегося выдвинуться из района Бахмач, Конотоп на юг.

У меня все.

Кирпонос:

1). Военный совет заверяет Ставку в том, что далек от панических настроений, не болел этим никогда и не болеет.

2). Создавшееся положение на участке Юго-Западного фронта, как я уже докладывал, характеризуется не только выходом сегодня противника в район Ромны, Гайворон, но и взломом обороны в районе Чернигов, Окуниново. 5-я армия ведет тяжелые бои в окружении и, как я уже докладывал Вам, товарищ Маршал, понимая всю важность, которую играет в общем деле наш Юго-Западный фронт, все время стремится к тому, чтобы не дать возможности противнику достичь здесь какого-либо успеха. Но, к сожалению, все возможности, которыми мог самостоятельно располагать Военный совет фронта, исчерпаны и оказались недостаточными в условиях сложившейся обстановки...»[8]

В тот же день утром главнокомандующий Юго-Западным стратегическим направлением Маршал Советского Союза С.М. Буденный, штаб которого располагался в Полтаве, в Ставку ВГК на имя И.В. Сталина направил следующую телеграмму:

«Военный совет Юго-Западного фронта считает, что в создавшейся обстановке необходимо разрешить общий отход фронта на тыловой рубеж.

Начальник Генерального штаба РККА товарищ Шапошников от имени Ставки Верховного Главнокомандования... указал, что Ставка... считает отвод войск ЮЗФ на восток пока преждевременным.

Со своей стороны полагаю, что к данному времени полностью обозначились замыслы противника по охвату и окружению Юго-Западного фронта с направления Новгород-Северский и Кременчуг.

Для противодействия этому замыслу необходимо создать сильную группу войск... (что на) Юго-Западном фронте сделать не в состоянии. Если Ставка Главного командования в свою очередь не имеет возможности сосредоточить в данный момент такой сильной группы, то отход Юго-Западного фронта является вполне назревшим»[9].

В этот же день состоялись экстренные переговоры Сталина и Кирпоноса в присутствии Шапошникова, Тимошенко, Бурмистренко, Тупикова.

«— Ваше предложение об отводе войск на рубеж известной вам реки мне кажется опасным, — сказал Сталин. — Если обратиться к недавнему прошлому, то вы вспомните, что при отводе войск из района Бердичева и Новоград-Волынского у вас был более серьезный рубеж — река Днепр. И несмотря на это, при отводе войск вы потеряли две армии и отвод превратился в бегство, а противник на плечах бегущих войск переправился на другой день на восточный берег Днепра. Какая гарантия, что то же самое не повторится теперь?

А теперь второе. Отвод войск в данной обстановке на восточный берег Днепра будет означать окружение наших войск.

Поэтому ваши предложения о немедленном отводе войск без того, что вы заранее подготовите отчаянные атаки на конотопскую группу противника во взаимодействии с Брянским фронтом, являются опасными и могут создать катастрофу.

Перестаньте, наконец, заниматься исканием рубежей для отступления. Нужно искать рубежи для сопротивления.

— У меня мысли об отводе войск не было до тех пор, пока мне не предложили это… — начал оправдываться Кирпонос.

— Предложение об отводе войск с Юго-Западного фронта исходит от вас и от Буденного, — перебил командующего И.В. Сталин. — Но Шапошников против отвода… О мерах организации «кулака» против Конотопской группы противника и подготовке оборонительных линии на известном вам рубеже (тыловом. — *Авт.*), информируйте нас систематически… Киева не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки»[10].

12 сентября. На посту главнокомандующего войсками Юго-Западного стратегического направления С.М. Буденного сменил С.К. Тимошенко.

В этот день с кременчугского плацдарма перешли в наступление главные силы 17-й немецкой армии (восемь пехотных дивизий) и два моторизованных корпуса 1-й танковой группы (три танковые и две моторизованные дивизии). Главный удар наносился в северном направлении. 38-я армия Юго-Западного фронта, обороняясь силами пяти стрелковых, одной кавалерийской дивизий и двух танковых бригад на фронте протяжением около 200 км, не выдержала удара численно превосходивших ее сил противника. К вечеру 12 сентября фронт ее обороны севернее Кременчуга был прорван.

В этот день в своем дневнике Ф. Гальдер отмечает: «С утра сегодняшнего дня отмечено передвижение моторизованных

групп противника с запада через Лохвицу на восток (начало отступления от Киева. — *Авт.*). На основании запроса группы армий "Юг" Гудериану приказано всеми силами, которые он может выделить, наступать от Ромны на Лохвицу».

Вечером он пишет: «На юге 1-я танковая группа начала продвижение. Ожидается, что завтра она соединится с группой Гудериана. Командование группы армий, предполагая, что противник начал отвод своих войск из излучины Десна, Днепр на восток, отдало приказ на преследование с учетом замысла на создание большого котла в районе река Сула, Ромны»[11].

13 сентября. В ночь на 13 сентября состоялись переговоры нового главкома Юго-Западного направления С.К. Тимошенко с начальником Генерального штаба РККА Б.М. Шапошниковым.

«— Ознакомился с обстановкой, переговорил с Кирпоносом и Бурмистренко, дал указания в соответствии с вчерашними указаниями Ставки, — доложил Тимошенко, затем, немного помолчав и понизив голос, сообщил: — Обстановка складывается к худшему. К исходу дня противник группой танков прорвался у Кременчуга в направлении Глобино, Семеновка и угрожает захвату Хрол. С севера, по данным Юго-Западного фронта, группа танков и мотопехоты со стороны Ромны проникла в район Лохвицы.

— Развитие действий танковых частей противника из района Кременчуга можно было ожидать, — тяжело вздохнул Шапошников. — По имеющимся данным, отсюда должна действовать танковая группа Клейста, которая будет стремиться соединиться с Роменской группой. Поэтому необходимо бомбить переправы и плацдарм на северном берегу Днепра в районе Кременчуга и восточнее»[12].

В этот день в ОКВ поступала Памятка, одобренная А. Гитлером, о стратегическом положении Германии к концу лета 1941 года и в целом к концу 1941 года. В этом документе фюрер открыто высказал мнение о том, что, вполне возможно, «кампания на Востоке не приведет в течение 1941 года к полному уничтожению советских войск, с возможностью чего уже давно считается Верховное командование». С учетом этого Гитлер определяет основные военно-политические задачи в отношении как противников, так и союзников Германии. Он напоминает, что «разгром России является ближайшей и решающей целью войны, для достижения которой следует использовать все силы, не являющиеся необходимыми на других фронтах. Поскольку эта цель не будет полностью достигнута в течение 1941 года, продолжение Восточной кампании в 1942 году должно стоять сейчас на первом месте в нашем планировании». При этом он в очередной раз отмечает, что именно «захват территории на южном крыле Восточного фронта дает большие политические и экономические дивиденды».

В оперативной обстановке Ф. Гальдер вечером того дня указывает, что «на южном участке фронта 2-я и 1-я танковые группы вышли на оперативный простор. Кольцо вокруг противника в междуречье Десны и Днепра практически замкнуто».

14 сентября. В 3 часа 25 минут начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-майор В.И. Тупиков по собственной инициативе обратился с телеграммой к начальнику Генерального штаба и начальнику штаба главкома Юго-Западного стратегического направления, в которой охарактеризовал тяжелое положение войск Юго-Западного фронта. Телеграмму он закончил словами: «Начало понятной вам катастрофы — дело пары дней».

Б.М. Шапошников, получив эту телеграмму, разразился негодованием в адрес штаба Юго-Западного фронта:

«Генерал-майор Тупиков представил в Генштаб паническое донесение, — писал он. — Обстановка, наоборот, требует сохранения исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо не поддаваться панике, а принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги. Надо заставить Кузнецова и Потапова (21-я и 5-я армии. — *Авт.*) прекратить отход. Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываться назад. Необходимо выполнять указания товарища Сталина, данные вам 11 сентября»[13].

М.П. Кирпонос на недовольство вышестоящего начальника отреагировал соответствующим образом. Он попросил разрешения перевести свой командный пункт из Прилук в Киев, где собирался «организовать боевые действия в условиях окружения, опираясь на оборону в районе Киева». Но Шапошников не одобрил эту браваду и разрешил только перенести командный пункт фронта ближе к войскам. При этом считалось, что ввиду того, что в Киеве и прилегающих к нему районах находится огромное количество боеприпасов, ГСМ и продфуража, то, следовательно, войска киевского гарнизона смогут самостоятельно успешно оказывать длительное сопротивление противнику.

Ф. Гальдер сообщает, что в тот день в междуречье Десны и Днепра наблюдается беспорядочный отход колонн противника в направлении Полтавы[14].

15 сентября. В 4 часа ночи штаб Юго-Западного фронта направил в Москву телеграмму следующего содержания: «Обстановка требует немедленного вывода войск из Киев-

ского укрепленного района со стороны Козелец. Противник стремится отрезать Киев с Востока. Резерва для парирования этого удара нет. Противник к исходу 14.9 находился в 40 км от Киева».

По поводу этой телеграммы в 17 часов 40 минут состоялись телефонные переговоры Б.М. Шапошникова и С.К. Тимошенко.

«— Кирпонос не совсем представляет себе задачу уже потому, что он просился со своим командным пунктом в Киев, — сказал Тимошенко. — Из его действий не видно решительных мероприятий, выраженных в перегруппировке с задачей удара по противнику в районе Ромны, где неприятель, в сравнении с южной группировкой, на сегодняшний день слабее.

— Я тоже считаю, что мираж окружения охватывает, прежде всего, Военный совет Юго-Западного фронта, — согласился Шапошников. — Выдвижение двух дивизий в район Пирятино я расцениваю, как занятие позиций для пассивного сопротивления, вместо того, чтобы наносить удары по роменской или хорольской группе противника»[15].

В этот день войска 1-й танковой группы немцев, развивая наступление в северном направлении, соединились в районе Лохвицы с 3-й танковой дивизией 2-й танковой группы, наступавшей с севера от Ромны. Киевская группировка войск Юго-Западного фронта в составе 5, 37, 26-й армий и части сил 21-й и 38-й армий вместе со штабом фронта оказались в оперативном окружении в обширном районе восточнее Киева.

16 сентября. В этот день С.К. Тимошенко через начальника оперативного отдела Юго-Западного фронта полковника И.Х. Баграмяна, который в то время находился в штабе Юго-Западного стратегического направления в Ахтырке,

направляет в штаб Юго-Западного фронта в Прилуки телеграмму следующего содержания: «Главными силами фронта немедленно начать отход на тыловой оборонительный рубеж по реке Псел». Баграмян на самолете привез этот документ в штаб Юго-Западного фронта. Но ввиду того, что данные указания радикально отличались от тех, которые поступали до этого из Ставки и штаба Юго-Западного направления, М.П. Кирпонос усомнился в их правдивости и начал просить Ставку о подтверждении. Ставка молчала до 18 сентября, и драгоценное время было упущено[16].

17 сентября, на исходе суток, наконец последовала директива Ставки ВГК главнокомандующему войсками Юго-Западного стратегического направления, командующим Юго-Западного фронта и 37-й армии с разрешением оставить Киев и отойти на восточный берег Днепра. При этом в ней содержалось требование «при отходе снять и эвакуировать все вооружение укрепрайона, а что по обстановке невозможно вывезти — уничтожить, все мосты через Днепр и другие военные объекты взорвать»[17].

Ф. Гальдер в своем дневнике в этот день отмечает: «Соединения противника в кольце восточнее Киева безрезультатно пытаются прорвать окружение... Воздействие противника на внешнем фронте окружения не наблюдается.

18 сентября. В районе южнее Днепра наши части успешно продвигаются на восток... По-видимому, Сталин отдал приказ стянуть к Киеву все силы, чтобы удержать город. Кажется, у противника большая неразбериха. Наблюдаются лишь разрозненные попытки прорваться в северо-восточном направлении. Русские по нескольким дорогам подводят свои войска от Харькова на Ромны. Первые атаки противника с востока у Ромны отражены»[18].

19 сентября в своем дневнике Ф. Гальдер записал: «Операция на южном крыле фронта развивается вполне успешно. Восточнее Киева создано три котла, которые блокированы нашими крупными силами… Полтава занята… С 12.00 над Киевом развевается немецкий флаг. Все мосты подорваны. В город ворвались три наши дивизии: одна — с северо-востока, две — с юга.

20 сентября. В кольце окружения начинается кризис…

21 сентября. Наши войска занимают господствующее положение на фронте окружения под Киевом; все атаки противника отражены. В северном котле взято большое количество пленных. Складывается впечатление, что Киев был планомерно эвакуирован»[19].

На этом существенные записи в дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии по поводу событий, происходящих в районе Киева, прекращаются. Его внимание обращается на другие стратегические направления: центральное, ленинградское и крымское.

***

Таким образом, в сражении под Киевом войска Юго-Западного фронта, не имея достаточных сил для того, чтобы парировать охватывающий маневр противника, оказались в окружении и потерпели сокрушительное поражение. Деблокировочные действия, организованные главкомом Юго-Западного стратегического направления для оказания помощи выходящим из окружения войскам в период с 15 по 26 сентября, существенных результатов не дали.

Это стало следствием того, что стратегическое руководство (Ставка ВГК, Генеральный штаб, штаб главкома Юго-Западного стратегического направления) не выполнили сво-

ей главной функции — предвидение развития событий на одном из важнейших участков советско-германского фронта. Также недооценивались силы и намерения противника и переоценивались силы и способности к сопротивлению войск Брянского, Юго-Западного и частично Южного фронтов.

Обстановка на стыке Юго-Западного и Брянского фронтов уже на 1 сентября 1941 года требовала со стороны Верховного Главнокомандования принятия радикальных решений. Нужно было, в первую очередь, четко определить разграничительные линии между фронтами с тем, чтобы не допустить перемешивания их войск. Но по какой-то причине это сделано не было, что стало причиной дезорганизации управления, ослабления сопротивляемости и возникновения паники на важнейшем оперативном направлении. В действиях же самих фронтов и армий выявился недостаточно высокий уровень руководства для принятия и реализации собственных решений, перегруппировки войск, маневра сил и средств на угрожаемое направление.

Важнейшая отрасль деятельности штабов — разведка ограничивалась пассивным наблюдением и недостаточно активно вела разведку противника. В результате этого ударные группировки появлялись внезапно и наносили удары по самым слабым местам в обороне советских войск. Командующие, командиры и штабы сведения о противнике получали отрывочные и с большим опозданием, что не позволяло своевременно реагировать на складывающуюся обстановку.

Не на высоком уровне оказалось командование обоих фронтов. Командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник М.П. Кирпонос практически ограничил свою деятельность точным выполнением указаний Ставки ВГК, не стремясь проявлять собственную инициативу в руковод-

стве подчиненными ему войсками. К тому же в ходе операции по техническим причинам управление войсками Юго-Западного фронта было потеряно. Войска фронта оказались рассеченными противником на несколько групп. Окруженные группировки более недели продолжали сопротивление и практически все погибли или были пленены противником. Из окружения вышло всего около 20 тысяч человек.

В ходе Киевской стратегической оборонительной операции общие людские потери советских войск составили 621 324 человека. Кроме того, было потеряно 411 танков, 18 368 орудий и минометов, 343 самолета.

Правда, советские источники дают другие цифры. Так, в книге «Киевский Краснознаменный» указано, что «это не соответствует действительности. Перед началом Киевской операции в составе войск фронта насчитывалось 677085 человек. К концу операции только в соединениях фронта, которые не попали в окружение (38-я и 40-я армии, многие фронтовые части, значительная часть тылов фронта, армий и другие) насчитывалось 150 541 человек. Если учесть, что в ходе ожесточенных боев, длившихся весь сентябрь, войска фронта понесли большие потери, а значительная часть вырвалась из кольца окружения, многие перешли к партизанским действиям, то станет ясным, что число пленных составляет менее одной трети первоначального состава войск, попавших в окружение».

Противник (6-я, 17-я полевые армии и 1-я танковая группа) в этой операции потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести 95,2 тысячи человек. Таким образом, даже при расхождении цифр советских потерь, их общее соотношение далеко не в пользу советских войск, которые вели оборонительные действия. Поэтому о какой-то «героической» обороне Киева вести речь очень сложно.

Командование Юго-Западного фронта также постигла печальная участь. 20 сентября 1941 года южнее Пирятина в районе рощи Шумейково погибла основная часть управления фронта, в том числе командующий генерал-полковник М.П. Кирпонос, член Военного совета М.А. Бурмистренко и начальник штаба генерал-майор В.И. Тупиков. Из окружения чудом вырвался начальник оперативного управления фронта — будущий Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян.

В 1941 году Киеву было присвоено звание города-героя. Этого же высокого звания посмертно был удостоен М.П. Кирпонос, а его прах был торжественно перезахоронен в столице Украины. Для всех уцелевших защитников Киева была учреждена специальная медаль. Эта медаль было торжественно вручена и непосредственно виновному в киевской катастрофе — бывшему главкому Юго-Западного стратегического направления Маршалу Советского Союза С.М. Буденному.

ОДЕССКАЯ И КАХОВСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ

17 июля 1941 года у А. Гитлера состоялось совещание, на котором, в частности, обсуждался четырехлетний план реорганизации оккупированных районов Советского Союза. На этом совещании было отмечено, что Румыния (Антонеску) стремится получить Бессарабию и Одессу. В связи с этим германское командование основные задачи по наступлению вдоль северного побережья Черного моря возложило на 4-ю армию Румынии, усилив ее двумя немецкими дивизиями.

18 июня Ф. Гальдер в своем дневнике записал: «Согласно указанию фюрера теперь следует приступить к операции

по овладению Одессой. Для выполнения этой задачи предназначается корпус Ганзена (54-й армейский корпус 11-й армии. — *Авт.*) в составе двух немецких и большого количества румынских дивизий»[1].

30 июля начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии, характеризуя обстановку на правом крыле группы армий «Юг», отмечает: «Противник отходит. Несмотря на это, ввиду малой активности румын и учитывая наличие нескольких хорошо сохранившихся дивизий в составе русского Южного фронта, следует ожидать попытки противника удержать район Одессы и прилегающее к ней побережье. Одесса может стать русским Тарбруком»[2].

Город-порт Тарбрук, расположенный на побережье Средиземного моря, также был осажден немецкими войсками, которые не смогли овладеть им. При наступлении на территорию Советского Союза немцам менее всего хотелось наткнуться на такую преграду, которой, ввиду наличия коммуникаций со стороны моря, могла стать Одесса. В то же время немецкое командование считало, что на приморское направление, вследствие заинтересованности в нем Румынии, не следует бросать немецкие войска, которые нужны были на других участках советско-германского фронта. В результате этого бои на подступах к Одессе некоторое время развивались достаточно вяло. Несмотря на это, блокада города со стороны суши с каждым днем становилась все более плотной.

К 10 августа Ф. Гальдер в своем дневнике записал: «На юге наши войска должны вскоре захватить Одессу, благодаря чему здесь высвободится часть сил. Оккупация захваченных районов должна быть возложена на румын»[3].

До 10 августа войска Отдельной Приморской армии, ведя тяжелые бои с противником, отходили к Одессе, которая го-

товилась к обороне. Наступление на Одессу вела 4-я армия Румынии в составе 11-й, 5-й, 6-й, 8-й, 4-й, 21-й пехотных дивизий, 23-й пехотной, 9-й и 7-й кавалерийских бригад, усиленных танками, артиллерией и авиацией.

Ставка Главного командования, учитывая большое оперативное значение Одессы, приказала оборонять город до последней возможности, привлекая силы Черноморского флота. В состав войск Приморской армии к этому времени входили две стрелковые, кавалерийская дивизии, полк НКВД, Одесская военно-морская база, полк морской пехоты, два укрепленных района, а также специальные части. Всего в войсках было 47 тысяч человек, 303 орудия и миномета калибром 76 мм и выше, 30 самолетов. Для усиления Приморской армии привлекалась также артиллерия береговой обороны (51 орудие) и часть сил Черноморского флота — моряки с неисправных и поврежденных кораблей, временно превращенные в пехоту.

В трудах советских историков указано, что оборона Одессы готовилась и велась в условиях значительного численного превосходства врага: по личному составу — в 6,5 раза, по артиллерии — более чем в 5 раз и полного его господства в воздухе[4].

Это вызывает определенные сомнения. Известно, что в момент вступления Румынии в войну с СССР в составе двух ее армий (3-й и 4-й) насчитывалось 325 685 человек, 1152 полевых орудий и 1450 минометов различных калибров, 201 легкий танк и 35 танкеток. В составе их военно-воздушных сил было 493 исправных самолета (226 истребителей, 87 бомбардировщиков и 180 самолетов-разведчиков)[5].

Если сделать соответствующие расчеты соотношения сил и средств на основании этих данных, то получатся совершенно другие цифры. Можно говорить о 2—3-кратном пре-

восходстве противника в живой силе, примерном равенстве сторон по артиллерии, но значительном его превосходстве в танках и авиации. Но при этом мы не учитываем возможности по авиации всего Южного фронта, силы которого мало пострадали в первые недели войны.

Тем не менее противник упорно рвался к Одессе, а советские войска всячески стремились удержать этот город. В период с 10 по 15 августа атаки противника, наступавшего на всем фронте и стремившегося овладеть Одессой с ходу, на подступах к городу были отбиты. Но начавшийся отход войск Южного фронта к Днепру означал для Черноморского флота, что теперь одна из его баз, в Одессе, оказалась под угрозой захвата ее противником. Поэтому с первых дней организации обороны Одессы, с момента создания Приморской армии, командование Черноморского флота с особым вниманием начало относиться к налаживанию тесного контакта с командованием Приморской армии.

Но командование Приморской армией и Южным фронтом плохо взаимодействовали с Черноморским флотом, в результате чего вскоре между ними начались трения. Намерение командующего Приморской армией генерал-лейтенанта Г.П. Сафронова освободить тылы армии от лишних людей — многочисленных сотрудников тыловых учреждений, складов, госпиталей и эвакуировать их морем представлялось морскому командованию (контр-адмирал Г.В. Жуков) мерой, ослабляющей силы Одесского гарнизона. Вообще морское командование настаивало на передаче ему всей полноты власти в Одессе. После отхода Южного фронта на Днепр эти требования имели основания, так как с этого момента главная цель обороны Одессы заключалась в защите ее военно-морской базы.

19 августа директивой Ставки Верховного Главнокомандования № 00106 был образован Одесский оборонительный район в составе Приморской армии и Одесской военно-морской базы с приданными ей кораблями. Наступавшие на этом направлении части 4-й румынской армии были усилены до 18 дивизий, что обеспечило ей еще большее превосходство над оборонявшими Одессу советскими войсками. К 20 августа войска Приморской армии в Западном и Южном секторах обороны Одессы были отведены на передовой и частично на дополнительный передовой рубежи, где продолжали отражать дальнейшие попытки румынских войск прорваться к городу.

С 20 августа Приморская армия вошла в подчинение командующего Черноморским флотом. Был образован Одесский оборонительный район. В тот же день противник, решив взять Одессу штурмом, начал наступление. В ожесточенных боях, длившихся в течение месяца, советские войска большим напряжением сил к 21 сентября остановили наступление противника на главной полосе в 8—15 километров от города.

К тому времени сложилась тяжелая обстановка в нижнем течении Днепра в районе Каховки. К концу августа 9-я армия Южного фронта, отойдя за Днепр, удерживала оборону в районе Каховки, где противнику удалось захватить небольшой плацдарм. Непосредственно в том районе оборонялись на широком фронте 296-я и 176-я стрелковые дивизии, в составе которых имелось 130 полевых орудий (калибра свыше 76 мм). Всего же в распоряжении командующего армией было 373 орудия и миномета, и условия местности позволяли осуществлять маневр огнем артиллерии в полосе всей армии. Но в инженерном отношении позиции войск оборудова-

лись слабо, а между дивизиями имелся плохо обеспеченный стык.

Войскам 9-й армии в районе Каховки помогала Дунайская военная флотилия. Ее мониторы «Ударный» и «Мартынов», канонерские лодки «Днепр» и «Буг», 8 бронекатеров, минный заградитель «Колхозник» и полтора батальона морской пехоты, пользуясь рукавами и притоками Днепра, постоянно наносили неожиданные удары по противнику. Бронекатера подходили вплотную к немецким переправам у Каховки и обстреливали не только эти переправы, но и прилегающие к ним берега. Для защиты от ударов бронекатеров немецкое командование было вынуждено развернуть на берегу Днепра несколько артиллерийских батарей и содержать их в постоянной боевой готовности.

Бои на каховском плацдарме начались 1 сентября. До 3 сентября противнику удалось, несмотря на ввод в бой двух полков фланговых дивизий, ведя упорные бои, расширить плацдарм до 20 километров по фронту и до 5 километров в глубину. Попытка советских войск контратаковать противника 4 сентября вводом в бой резервной 51-й стрелковой дивизии результатов не дали.

В столь сложной обстановке командующий Южным фронтом вместо того, чтобы организовать и провести фронтовую оборонительную операцию всеми имевшимися у него силами, ограничился только частными указаниями на тактическом уровне, сковывая тем самым инициативу командующих армиями. Важно подчеркнуть, что в это время штаб фронта находился от поля боя на расстоянии около 400 километров и недостаточно владел обстановкой. Что же касается усиления 9-й армии, то фронт направил в распоряжение ее командующего всего два танковых батальона и одну танковую роту.

Командующий 9-й армией генерал Я.Т. Черевиченко решил обходиться своими силами и приказал левофланговой 150-й стрелковой дивизии частью сил контратаковать во фланг вклинившегося противника. Но этот контрудар, который также начался без должной подготовки, успеха не имел.

Наконец-то командование Южным фронтом начало реагировать на обстановку, сложившуюся в районе Каховки. В распоряжение командующего 9-й армией из состава 18-й армии была передана 130-я стрелковая дивизия. Командующий армией не решился бросить эту дивизию в контратаку, и приказал только усилить ей оборону в районе Владимировки. Перевес сил временно сложился в пользу 9-й армии, и бои в районе каховского плацдарма временно затихли.

На обстановку, сложившуюся под Каховкой, обратила внимание Ставка ВГК, которая потребовала объяснений от командующего Южным фронтом. Генерал Д.И. Рябышев, естественно, «перевел стрелки» на командарма 9-й. Генерал Я.Т. Черевиченко и его начальник штаба генерал-майор П.И. Бодин были отстранены от своих должностей. Командование 9-й армией приняли генерал-майор Ф.М. Харитонов, а начальником штаба был назначен комбриг Н.П. Иванов.

Генерал Я.Т. Черевиченко был признан виновным за неудачи войск 9-й армии в районе Каховки. Но сказались дружеские связи этого человека с К.Е. Ворошиловым, С.М. Буденным, С.К. Тимошенко, его личное знакомство с И.В. Сталиным. Генерала в Москве пожурили и… назначили командующим 21-й армии, которая развертывалась в тылу Юго-Западного фронта.

Но затишье продолжалось менее двух суток. Во второй половине 9 сентября бои разгорелись с новой силой. Против шести немецких дивизий, не имевших танков, обороня-

лись семь советских дивизий, имевшие на своем вооружении около 50 танков. Но при этом, если советское командование стремилось бать одинаково сильным на всех направлениях, то германское решительно массировало силы и наносило удар на одном направлении, считавшемся главным. Именно туда были направлены самые отборные части из моторизованной дивизии «Адольф Гитлер» и сконцентрирована основная масса артиллерии.

Бои в районе Каховского плацдарма, продолжавшиеся с 1 по 11 сентября 1941 года, носили довольно ожесточенный характер и завершились неудачно для советского командования. Известно, что за период с 1 по 11 сентября 9-я армия потеряла 24,7 тысяч человек, из них около 50 % убитыми и ранеными. Остальные (около 13 тысяч!!!) пропали без вести. При этом нужно учесть, что за указанное время на усиление армия получила более 13,3 тысяч человек.

Боевые действия войск 9-й армии с воздуха прикрывались непосредственно подчиненной армии 20-й авиационной дивизией, а также силами авиации фронта (две авиационные дивизии и ночной бомбардировочный полк). Кроме того, командующий фронтом имел возможность направить в полосу 9-й армии авиацию из соседних армий. Но, как свидетельствуют документы, советская авиация ограничилась ударами по переднему краю противника и воздушными боями с его истребителями, но практически не использовалась для ударов по вражеским тылам, где происходила основная перегруппировка немецких войск. Это объяснялось тем, что информация о перегруппировках противника в штабы армии и фронта поступала нерегулярно и с большим опозданием. Воздушные удары по переправам и другим важным целям также были малоэф-

фективными ввиду отсутствия прицельного бомбометания и пикировщиков.

В результате успешного наступления противника 11 сентября в районе Новой Каменки фронт 9-й армии оказался прорванным, а части левофланговых 51-й и 74-й стрелковых дивизий отрезанными от основных сил армии. В тяжелом положении оказались и остальные соединения армии. Неся большие потери, соединения 9-й армии начали отходить в восточном направлении. К 15 сентября они отошли на новый рубеж, в результате чего оборонявшаяся в Крыму 51-я армия оказалась фактически оторванной от основной группировки войск Южного фронта.

К тому времени обстановка на южном крыле советско-германского фронта сложилась не в пользу советской стороны. Произошел разгром войск Юго-Западного фронта в районе Киева. Было проиграно сражение в районе Каховки. На приморском направлении немецкие войска, потеснив войска 9-й армии Южного фронта и глубоко охватив Одесский оборонительный район с северо-востока, вышли к Крымскому перешейку и готовились начать штурм Перекопа. На повестку дня стали оборона Донецкого промышленного района и Крыма с главной базой Черноморского флота — городом Севастополем. Ради этого советское Верховное Главнокомандование 30 сентября приняло решение об эвакуации Одессы и переброске войск Одесского оборонительного района в Крым для усиления его обороны.

Эвакуация Одессы проводилась в очень трудных условиях. Приходилось проводить все мероприятия при постоянном давлении войск противника с фронта. Немецкая и румынская авиация неустанно бомбила порт, корабли и транспорты, находящиеся на рейде. Несмотря на это, эвакуация Одессы была успешно закончена к 16 октября.

Определенный интерес представляет характеристика румынской армии, которую дал ей немецкий генерал Манштейн в своей книге «Утерянные победы». В частности, он пишет:

«Решающим недостатком, определявшим непрочность внутреннего строения румынских войск, было отсутствие унтер-офицерского корпуса в нашем понимании этого слова. Теперь у нас, к сожалению, слишком часто забывают, скольким мы были обязаны нашему прекрасному унтер-офицерскому корпусу.

Немаловажное значение имело далее то, что значительная часть офицеров, в особенности высшего и среднего звена, не соответствовала требованиям. Прежде всего не было тесной связи между офицером и солдатом, которая у нас была само собой разумеющимся делом. Что касается заботы офицеров о солдатах, то здесь явно недоставало “прусской школы”.

Боевая подготовка из-за отсутствия опыта ведения войн не соответствовала требованиям современной войны. Это вело к неоправданно высоким потерям, которые в свою очередь отрицательно сказывались на моральном состоянии войск. Управление войсками, находившееся с 1918 г. под французским влиянием, оставалось на уровне идей Первой мировой войны.

Вооружение было частично устаревшим, а частично недостаточным. Это относилось в первую очередь к противотанковым орудиям, так что нельзя было рассчитывать, что румынские части выдержат атаки советских танков. Оставим в стороне вопрос о том, не была ли здесь необходима более действенная помощь со стороны империи.

Сюда же относится еще один момент, ограничивавший возможность использования румынских войск в войне на востоке, — это большое уважение, которое питали румыны

к русским. В сложной обстановке это таило опасность паники. Этот момент следует учитывать в войне против России в отношении всех восточноевропейских народов. У болгар и сербов данное обстоятельство усугубляется еще чувством славянского родства.

И еще одно обстоятельство нельзя упускать из виду, оценивая боеспособность румынской армии. К тому моменту Румыния уже достигла своей собственной цели в войне, возвратив себе отнятую у нее незадолго до этого Бессарабию. Уже "Транснистрия" (область между Днестром и Бугом), которую Гитлер уступил или навязал Румынии, лежала вне сферы румынских притязаний. Понятно, что мысль о необходимости продвигаться дальше в глубь грозной России не вызывала у многих румын особого энтузиазма.

Несмотря на все перечисленные недостатки и ограничения, румынские войска, насколько позволяли их возможности, выполняли свой долг. Прежде всего, они с готовностью подчинялись немецкому командованию. Они не руководствовались соображениями престижа, как другие наши союзники, когда вопросы нужно было решать по-деловому. Несомненно, решающее значение в этом имело влияние маршала Антонеску, который поступал, как подобает солдату»[6].

В истории Великой Отечественной войны записано, что героической обороной Одессы советские войска и флот сковали более чем на два месяца 18 румынских дивизий и нанесли им тяжелые потери, чем оказали существенную помощь войскам Южного фронта при их отходе за реку Днепр и в последующих оборонительных боях восточнее этой реки. После овладения Одессой 4-я румынская армия вследствие понесенных тяжелых потерь полностью потеряла боеспособность и была выведена в Румынию на переформирование

и пополнение. В марте 1943 года для защитников Одессы была учреждена специальная медаль «За оборону Одессы», а в 1945 году Одессе было присвоено почетное звание «Город-герой».

УДАР НА РОСТОВ

После разгрома войск Юго-Западного фронта в районе Киева в немецком главном командовании возникли разногласия по вопросам о дальнейшем направлении главного стратегического удара. Одна часть генералов считала необходимым вести наступление в западном направлении с целью захвата Москвы, другая, в том числе и сам А. Гитлер, настойчиво рекомендовала нацелить удары на юг, на Украину, и на север, на Ленинград. По их мнению, ударом на юг Германия сможет не только разгромить находящиеся там войска противника, но и решить ряд важных экономических задач, необходимых для успешного завершения войны против СССР.

21 августа 1941 года А. Гитлером была подписана директива следующего содержания: «Главнейшей задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на Дону и лишение русских возможности получения нефти с Кавказа...»

Итак, германское командование решило нанести мощный удар в юго-восточном направлении на Ростов-на-Дону силами группы армий «Юг» (командующий генерал-фельдмаршал Г. фон Рундштедт) с целью оккупации крупнейшего в то время в Советском Союзе Донецкого промышленного района и последующего выхода к предгорьям Кавказа.

План немецкого командования по овладению Донбассом заключался в том, чтобы ударами по сходящимся направле-

ниям 1-й танковой группы (командующий генерал-полковник Э. фон Клейст) из района Днепропетровска и 11-й немецкой армии (командующий генерал пехоты Э. фон Манштейн) с румынским горным корпусом из Северной Таврии в общем направлении на Осипенко окружить и уничтожить армии Южного фронта восточнее Мелитополя. В последующем к операции должны были подключиться силы 17-й германской армии (командующий генерал пехоты К. фон Штюльпнагель), а также 6-й и 3-й румынской армий.

Для выполнения перечисленных задач противник создал сильные ударные группировки на стыке Юго-Западного и Южного фронтов в районах Краснограда и Новомосковска. В частности, в районе Новомосковска на фронте примерно в 50 км было сосредоточено 90 % личного состава и артиллерийских средств и все танки 1-й немецкой танковой группы.

Донбасс в 270-километровой полосе от Новомосковска до побережья Азовского моря в конце сентября 1941 года прикрывали войска Южного фронта (командующий генерал-лейтенант Д.И. Рябышев) в составе 12-й армии второго формирования (командующий генерал-майор И.В. Галанин), 18-й армии (командующий генерал-лейтенант А.К. Смирнов) и 9-й армии (командующий генерал-майор Ф.М. Харитонов). Всего к началу операции в составе советских войск, действующих на донбасском направлении, насчитывалось 36,8 тысячи человек личного состава, 304 танка (в том числе 13 тяжелых и 56 средних), 1033 орудия и миномета (в том числе 116 противотанковых и 128 зенитных). Группировку наземных войск с воздуха прикрывали 311 боевых самолетов, из которых только 186 находились в исправном состоянии.

По имеющимся данным, советские войска превосходили противника по численности личного состава в 1,4 раза, по

танкам — в 1,3 раза, но уступали по численности артиллерии в 2,2 раза. Кроме того, по количеству самолетов в полосе Южного фронта более чем двойное превосходство было на стороне противника.

Также надо иметь в виду, что в районе севернее Днепропетровска на подступах к Донбассу вели оборонительные бои войска 6-й армии второго формирования (командующий генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский), состоявшей из трех стрелковых, двух кавалерийских дивизий и двух отдельных танковых бригад, которые до 27 сентября 1941 года входили в состав Южного фронта. Но именно в этот день, по ходатайству С.К. Тимошенко, данная армия была передана в состав Юго-Западного фронта. Считалось, что в случае острой необходимости часть сил этой армии могла быть брошена на помощь войскам правого крыла Южного фронта. Но на самом деле передача 6-й армии в состав Юго-Западного фронта в самом начале наступления 1-й танковой группы Клейста говорит о том, что важнейшим направлением Ставка ВГК на то время считала харьковское направление.

Донбасско-ростовскую стратегическую оборонительную операцию советских войск условно можно разделить на ряд более мелких операций, которые проводились группами армий или отдельными армиями. В их числе Донбасская оборонительная операция (29.9 — 30.10 1941 г.), Ростовская оборонительная операция (5 — 16.11 1941 г.), оборона Харькова и Ростова, контрнаступление советских войск под Ростовом и другие.

В конце сентября 1941 года начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников смог убедить И.В. Сталина в том, что основной причиной неудач советских войск на южном крыле советско-германского фронта стала неэффективность управ-

ления через промежуточное звено в лице главкома стратегического направления. С 27 сентября полевое управление главкома Юго-Западного направления было преобразовано в полевое управление Юго-Западного фронта, а руководство действиями как Юго-Западного, так и Южного фронтов взяла на себя непосредственно Ставка Верховного Главнокомандования. Маршал Советского Союза С.М. Буденный был назначен командующим войсками Резервного фронта. Командующим Юго-Западным фронтом был назначен Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко.

Но эти кадровые перестановки особого эффекта не дали. Разведка обоих советских фронтов и всех армий работала плохо. В результате этого командование Южного фронта «не увидело» три-четыре дивизии противника, а командование Юго-Западного фронта и его 6-й армии просто «не обратили внимание» на сосредоточение немецких войск на донбасском направлении.

На основании неполных и ошибочных разведывательных данных, поступавших из различных источников, Генеральный штаб РККА и Ставка ВГК также неправильно оценили обстановку, сложившуюся на южном крыле советско-германского фронта. 28 и 29 сентября начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников требовал от войск 6-й армии нанесения сильного контрудара во фланг подмосковной группировки противника, несмотря на то, что в указанном районе действовали только две сильно ослабленные кавалерийские дивизии, совершенно не приспособленные для нанесения такого контрудара.

Командование Южного фронта также спланировало наступательную операцию и 27 сентября с одобрения Ставки приступило к ее реализации «с целью окружения и уничто-

жения мелитопольской группировки противника 18-й и 9-й армиями». Но нереальность этого замысла стала очевидной уже в первый день операции. Разведывательный отдел штаба Южного фронта, на основании новых данных, констатировал, что «основной удар на нашем фронте противник будет наносить... на Донбасс», где, следовательно, будут действовать главные силы врага. Но эти сведения также оказались в достаточной степени не воспринятыми Ставкой ВГК для перемены ранее принятого решения.

Наступление 1-й танковой группы противника началось 27 сентября ударом с севера на юг из района Новомосковска и Днепропетровска в общем направлении на Бердянск (Осипенко), то есть во фланг и тыл войскам Южного фронта. Правофланговые дивизии 12-й армии, не успев принять надлежащие меры прикрытия правого фланга и тыла, начали беспорядочный отход за реку Самару и далее на восток, открывая, таким образом, путь для дальнейшего наступления немцев во фланг и тыл войск этой армии.

Рано утром 28 сентября состоялись переговоры командующего Южным фронтом генерал-лейтенанта Д.И. Рябышева с начальником Генерального штаба Б.М. Шапошниковым. На вопрос Шапошников об обстановке в полосе фронта Рябышев доложил:

— На правом фланге танки противника небольшой группой вышли к Глубинихе, основной массой танков противник занял Новомосковск и Спасское, выбросив вперед группу в направлении Павлограда.

Далее командующий Южным фронтом начал подробно описывать успехи войск 18-й и 9-й армий и перечислять захваченные трофеи.

— Отлично, товарищ Рябышев, — поздравил командующего фронтом Шапошников. — Желаю в таком же духе продолжать и дальше. Ставка надеется, что на вашем правом фланге вы так же расправитесь с противником, как и на юге. Сейчас же иду говорить с Тимошенко о содействии с вами.

— За правый фланг сильно опасаюсь, — признался Рябышев. — Но надеюсь на успех. Только поздно подходят мои резервы[1].

29 сентября основные силы 1-й танковой группы противника возобновили наступление против не успевших закрепиться дивизий правого фланга 12-й армии, которые, не выдержав удара, начали отход. Создалась угроза тылу 12-й, 18-й и 9-й армий. Но и в это время внимание командующего фронтом все еще не было обращено на главную опасность. Только после этого, чтобы не допустить охвата противником своих войск, командующий Южным фронтом приказал войскам этих армий к утру 5 октября отойти на подготовленные тыловые рубежи.

18-я и 9-я армии до 3 октября оборонялись на мелитопольских позициях фронтом на запад против немецких и румынских войск, вплоть до того, когда авангарды 1-й танковой группы противника уже не вышли на параллель Запорожья. Только 4 октября начался отход главных сил этих армий на восток, но он уже запоздал. Выдвинутые для прикрытия отхода с севера две стрелковые дивизии 18-й армии (99-я и 130-я) попали под удар главных сил 1-й танковой группы немцев и погибли.

4 октября дивизии 1-й танковой группы прорвались в стыке 12-й и 18-й армий и, развивая наступление на юго-восток, 6 октября вышли на тылы 18-й и 9-й армий, а 7 октября соединились в районе Осипенко с моторизованной дивизией 11-й

армии и окружили часть сил 18-й и 9-й армий. Вырываться из окружения этим войскам пришлось с боями.

Наступление 17-й немецкой армии началось 6 октября. Ее правофланговые соединения смогли за четыре дня продвинуться на 25—30 км, но атаки ее войск в центре были отбиты войсками 6-й армии. 12-я армия Южного фронта к 10 октября организовала оборону на рубеже Павлоград, Васильковка, Гавриловка, а войска 18-й и 9-й армий отходили: первая на Сталино, вторая — в район севернее Таганрога.

Для прикрытия направления на Ростов 16 октября было закончено формирование 56-й отдельной армии из состава управления и войск Северо-Кавказского военного округа в составе двух стрелковых, двух кавалерийских дивизий и нескольких сводных отрядов. Командующим армией был назначен генерал-лейтенант Ф.Н. Ремизов, начальником штаба — полковник А.И. Бармин. Войска армии 17 октября развернулись в тылу 9-й армии.

Таким образом, к исходу 16 октября войска Юго-Западного направления в результате неудачного исхода боев на донбасском и частично на харьковском направлениях не смогли создать устойчивой обороны для противодействия наступлению противника. На харьковском направлении против семи немецких дивизий советское командование имело четыре дивизии 38-й армии, в резерве фронта войск не было.

Войска Южного фронта, имевшие в первом эшелоне десять дивизий, сдерживали наступление трех танковых, трех моторизованных и семи пехотных дивизий противника, отходя на рубеж Александровка, Тагангрог. На важнейшем ростовском направлении советские войска имели всего четыре стрелковые дивизии против трех танковых и трех моторизованных дивизий противника. В резерве командующего Юж-

ным фронтом также войск, кроме формируемых дивизий, не было.

Командующий Южным фронтом решил использовать благоприятное оперативное положение 9-й армии для нанесения контрудара. Но наступление слабых правофланговых соединений 9-й армии и Таганрогского боевого участка, проводившееся на широком фронте, развития не получило. Противник прорвался через рубеж реки Миус и 17 октября захватил Таганрог.

В это время войска Юго-Западного фронта сдерживали немецкое наступление на 600-километровом фронте. Все соединения были вытянуты в одну линию. Укомплектованность дивизий была низкой. Большая часть их не превышала силы стрелкового полка.

Чтобы не допустить прорыва фронта на юго-западном направлении, Ставка Верховного Главнокомандования приказала войскам Юго-Западного и Южного фронтов с 17 по 30 октября произвести отход на линию на новую линию обороны — рубеж Курск, Белгород, Харьков, Балаклея, Барвенково, Сталино (Донецк), река Миус. Этот рубеж в инженерном отношении из-за недостатка времени был подготовлен слабо. Но наступившая осенняя распутица затрудняла наступление противника и создавала определенные благоприятные условия для подготовки обороны советских войск. Но советское командование не смогло эффективно реализовать эти условия.

Войска 38-й армии Юго-Западного фронта не смогли оторваться от преследования противником и устремились к Харькову.

Оборона этого города решением Генерального штаба была возложена на штаб Харьковского военного округа. Начальни-

ком обороны был назначен генерал-майор Маршалков. Войска гарнизона включали 216-ю стрелковую дивизию, только что закончившую формирование 57-ю бригаду войск НКВД, полк народного ополчения, вооруженный исключительно винтовками, 2—3 саперных батальона. Кроме того, в составе этих сил имелось 14 слабоотремонтированных танков устаревших конструкций. Оборона города в инженерном отношении включала внешний обвод и систему внутренних заграждений. Внешний обвод проходил по окраинам города и имел протяженность около 72 километров. Внутри города были построены баррикады, а улицы и мосты — минированы.

Было решено оборонять город путем выдвижения войск вперед с тем, чтобы нанести максимальное поражение противнику на подступах к внешнему обводу. Но на практике эти бои практически никаких результатов не дали. Более того, выдвижение вперед привело к тому, что войска 216-й стрелковой дивизии и прочие не смогли освоиться на подготовленном рубеже внешнего обвода обороны. К тому же возникла путаница с управлением. Обороной Харькова пытались руководить два органа: штаб 38-й армии и штаб обороны города, что внесло большую путаницу и дезориентировало подчиненных командиров и штабы. В результате оборона на внешнем обводе не сложилась.

В период с 21 по 23 октября бои шли на городских улицах. В спешке советское командование отдало приказ о разрушении зданий, водопровода, электростанции и всех мостов. Этот приказ был выполнен, кроме подрыва центрального моста, который уцелел из-за повреждения шнура. 24 октября Харьков был оставлен советскими войсками.

Войска 12-й армии Южного фронта, не ощущая серьезного давления со стороны противника, к исходу 28 октября

поспешно откатились на рубеж Артемовск, Горловка. Южнее этой армии под давлением противника отступали войска 18-й и 9-й армий.

Войска Юго-Западного фронта к концу октября отошли на рубеж Тим, Изюм, Красный Лиман и здесь организовали оборону. Войска Южного фронта к этому времени правым крылом закрепились на рубеже Красный Лиман, Дебальцево, а войска левого крыла (18-я и 9-я армии) под давлением противника к исходу 4 ноября отошли на линию Дебальцево, Красный Луч, Хопры.

Таким образом, в октябре 1941 года противнику удалось захватить почти всю Левобережную Украину, выйти на подступы к Ростову и занять юго-западную часть Донбасса.

В начале ноября 1941 года Ставка ВГК, оценив всю сложность обстановки на Украине, принимает новые организационные решения. Для координации действий Юго-Западного и Южного фронтов вновь учреждается должность главнокомандующего Юго-Западным стратегическим направлением. На этот раз на эту должность, вместо С.М. Буденного, назначается также ничем себя не проявивший С.К. Тимошенко. Но на этот раз не развертывается полевое управление этого стратегического направления, функции которого возлагаются на штаб Юго-Западного фронта, в результате чего должность главкома становится больше юридической, чем практической. Командующий и штаб Юго-Западного фронта были вынуждены постоянно заниматься управлением подчиненными им войсками, и до дел войск Южного фронта касались очень мало. Кроме того, в связи с расформированием Брянского фронта Юго-Западный фронт получил еще две армии (3-ю и 13-ю), в результате чего полоса его обороны значительно увеличилась в северном направлении, создав новые проблемы управления.

Важно отметить, что события данного периода проходили под знаком рождения в Ставке ВГК плана контрнаступления войск Южного фронта под Ростовом, куда были направлены резервы и началось формирование 37-й армии.

Но противник решил упредить советское командование. 1 ноября началось наступление немецких войск 17-й полевой и 1-й танковой армий во всей полосе Южного фронта с нанесением главного удара в полосе 9-й армии. Немецкое командование, предвидя выдвижение из Ростова войск 56-й армии, решило овладеть городом обходным маневром через полосу 9-й армии. При этом противник намеревался уничтожить советские войска, находившиеся севернее Таганрога, и захватить плацдарм на южном берегу Дона между Ростовом и Цимлянской (200 км восточнее Ростова). Но чтобы избежать штурма укреплений на подступах к Ростову, командование группы армий «Юг», решило главный удар нанести в обход этого города с севера через Шахты. При этом важно подчеркнуть, что к 5 ноября противник имел в полосе против 9-й армии, по правому флангу которой он готовился нанести главный удар, четырехкратное превосходство в танках.

В данных условиях главная задача Южного фронта и прикрывавшей Ростов 56-й Отдельной армии заключалась в том, чтобы сдержать противника и прикрыть сосредоточение ударной группировки, а также не допустить захвата немецко-фашистскими войсками Ростова и плацдарма на южном берегу Дона. Но выполнить это удалось только частично. С 1 по 5 ноября войска 9-й армии под ударами неприятеля отошли на 30—40 километров, пытаясь задержать наступление противника на промежуточных рубежах, которые заблаговременно не оборудовались, а в качестве этих рубежей использовались случайные балки и овраги.

Новый этап наступления противника на юге начался утром 5 ноября. Сражение сразу же приняло ожесточенный характер. К исходу 8 ноября за четыре дня боев противнику ценою больших потерь удалось потеснить 9-ю армию на 30—35 км на восток. Однако тактический успех противника не был развит в оперативный. Также к 21 ноября наступление противника было остановлено и на ворошиловградском направлении.

Таким образом, Донбасско-Ростовская оборонительная операция, продолжавшаяся с 29 сентября по 16 ноября 1941 года, была характерна следующими показателями.

Результаты действий советских войск в ходе операции

Этапы операции	Протяженность фронта (км)	Глубина отхода (км)	Продолж. (сутки)	Среднесуточн. темп продвиж. противника (км)
1-й (29.09—4.11. 1941 г.)	400	150	37	4—7
2-й (5—16.11. 1941 г.)	670	300	12	4

В результате проведения этой операции стороны понесли значительные потери. Так, общие людские потери советских войск в период с 29 сентября по 16 ноября составили 160,6 тысячи человек, в том числе безвозвратными — 143,3 тысячи человек. При этом Южный фронт безвозвратно потерял 132 тысячи человек, а 6-я армия Юго-Западного фронта — 11,2 тысячи человек. Кроме того, в данной операции советские войска потеряли 101 танк, 3646 орудий и минометов, 240 боевых самолетов. Общие людские потери немецких войск составили 17,2 тысячи человек, в том числе 3450 убитыми, более 13 ранеными и 660 пропавшими без вести[2].

Непосредственно на ростовском направлении в период с 29 по 11 ноября стояло определенное затишье. В ежедневных

сводках штаба 56-й армии господствовали следующие фразы: «Армия продолжает совершенствовать, укреплять и развивать оборонительный рубеж... Противник перед фронтом армии активности не проявлял, изредка вел артиллерийский и минометный огонь...»

Наступившее затишье не способствовало укреплению воинской дисциплины. Солдаты и даже многие младшие командиры нередко самовольно покидали позиции и уходили в села и на хутора в поисках пищи, спиртного, женщин. Сами работы по укреплению оборонительной полосы велись вяло. Все это отмечал в докладе Военному совету армии вернувшийся после проверки одной из дивизий заместитель командующего генерал-майор Козлов.

Командующий армией генерал-лейтенант Ф.Н. Ремизов с целью усиления обороны и укрепления воинской дисциплины решил начать передислокацию войск. Был усилен правый фланг армии в районе Новочеркасска, куда выдвинулись две кавалерийские дивизии и Ростовское артиллерийское училище.

17 ноября противник возобновил наступление на Ростов. Развернулась ожесточенная борьба, длившаяся пять дней. 56-я армия, оборонявшая Ростов, оказалась не готовой к отражению сильного удара противника. Ценою больших потерь противнику удалось 21 ноября ворваться в город.

В то же время нужно отметить, что в первой половине ноября противнику не удалось осуществить прорыв на шахтинском направлении с последующим выходом в тыл Ростову. Тем не менее проникновение его сил в район Миллерово, Астахово, Аграфеновка (60 км севернее Ростова) осложнило положение на ростовском направлении. Усилив свою группировку, противник мог последующими ударами угрожать непосредственно Шахтинскому промышленному району и

важнейшей железнодорожной магистрали Воронеж — Ростов.

В 8 часов 17 ноября главные силы немецких моторизованных корпусов в составе трех танковых и двух моторизованных дивизий возобновили наступление на Ростов.

Для срыва этого наступления и разгрома 1-й танковой армии противника в 9 часов 17 ноября перешла в контрнаступление ударная группировка Южного фронта. Войска 37-й армии в первый день наступления, сбивая передовые части противника, продвинулись на 15—18 км. В последующие четыре дня войска армии, встретив ожесточенное сопротивление немецких моторизованной и части сил танковой дивизий, переходивших в контратаки, продвинулись еще на 15—20 км. Но наступление остальных сил фронта развивалось крайне медленно. Вследствие этого ударная группировка войск Южного фронта до утра 22 ноября не оказала влияния на те бои, которые вели в этот момент главные силы моторизованных корпусов врага в районе Ростова. Противнику удалось 21 и 22 ноября занять Ростов, оттеснив войска 56-й Отдельной армии к югу за р. Дон и к востоку в направлении на Новочеркасск на рубеж Грушевская, Бол. Мишкин.

О том, как это происходило, мы видим из дневника начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерала Ф. Гальдера. Он отмечает:

«20 ноября. Наши войска продолжают успешное наступление на Ростов. На северо-восточном участке фронта 1-й танковой армии (14-й механизированный корпус) проходят тяжелые бои. Существует угроза прорыва противника. Противник ведет упорные атаки также на фронте 49-го горного корпуса... Итальянский корпус снова не продвинулся вперед. Убит генерал фон Бризен (командир 52-го армейского корпуса)...

21 ноября. Наши войска овладели Ростовом. Севернее Ростова идут тяжелые бои с численно превосходящим противником, который, действуя, по-видимому, под умелым руководством, ведет наступление в плотных боевых порядках несколькими группами, по 2—3 дивизии в каждой...

22 ноября. Ростов в наших руках. Все мосты на Дону, очевидно, разрушены, за исключением одного, который переброшен из восточной части города на юг через остров. Русские войска отошли по льду... Севернее Ростова ввиду наступления превосходящих сил противника 1-я танковая армия была вынуждена перейти к обороне, и ей будет очень трудно удержать свои позиции...»[3]

В столь сложной обстановке Ставка Верховного Главнокомандования неоднократно требовала увеличения темпов наступления ударной группировки Южного фронта. Утром 22 ноября 1941 года она указала командующему Южным фронтом, что потеря Ростова не отменяет задачу войск фронта — нанесение удара по тылам танковой армии генерала Клейста, а, наоборот, усиливает необходимость занятия ими Таганрога, и предписывала потребовать от войск решительных, энергичных действий. 24 ноября была получена новая директива, которая подчеркивала, что целью действий наших войск на ростовском направлении является «разгром бронетанковой группы Клейста и овладение районом Ростов, Таганрог с выходом на фронт Ново-Павловка, Куйбышево, Матвеев Курган, р. Миус».

Но командующий Южным фронтом неправильно понял поставленную ему задачу. Он решил сначала овладеть Ростовом, а затем начать наступление на р. Миус и на Таганрог. Для осуществления этого решения он три дня потратил на перегруппировку войск, которая только ухудшила конфигурацию фронта.

Наступление ударной группировки Южного фронта и 56-й армии на Ростов началось утром 27 ноября. Ф. Гальдер в этот день вечером записал в своем дневнике: «В течение дня противник предпринял ряд атак на Ростов с севера и юга (якобы имеется приказ Сталина вернуть город к 1.12)».

Под ударами советских войск противник вынужден был начать отход из ростовского мешка. Вечером 28 ноября Ф. Гальдер отмечает: «Под давлением превосходящих сил противника, перешедших в концентрическое наступление, Клейст эвакуирует Ростов в район севернее города. Наши войска отходят примерно на 15 километров на запад...»

Войскам Южного фронта 29 ноября удалось прорвать фронт противника, и после трехдневных уличных боев центральная группа 56-й армии и новочеркасская группировка 9-й армии очистили от противника Ростов. Ф. Гальдер в этот день пишет: «Войска 1-й танковой армии, численно уступающие противнику, вынуждены были отойти под натиском крупных сил пехоты противника, наступающей с юга... к утру 29.11 лейбштандарт "Адольф Гитлер" отошел на новый оборонительный рубеж западнее Ростова. 16-я моторизованная дивизия также отходит. Севернее города противник атакует 1-ю горнопехотную дивизию...»

С 30 ноября по 2 декабря, преследуемые советскими войсками, потрепанные соединения немецких моторизованных корпусов отходили на рубеж р. Миус от Куйбышево до Покровского и далее на линию Самбек, р. Самбек, где им удалось закрепиться и с помощью подошедших подкреплений остановить наступление армий левого крыла Южного фронта.

Для того чтобы представить себе, как реагировало немецкое руководство на события, происходившие в эти дни в районе Ростова, предлагаю читателю выдержки из «Военно-

го дневника» начальника штаба сухопутных войск Германии генерала Ф. Гальдера.

«30 ноября. Большое беспокойство вызывает обстановка на фронте группы армий “Юг”... Есть причины беспокоиться за 1-ю танковую армию. Противник превосходящими силами атаковал ее новые оборонительные позиции в тот же день, как они были заняты нашими войсками, пытаясь охватить армию с флангов, и вынудил ее уже днем ввести в бой свой армейский резерв (14-ю танковую дивизию). Несмотря на это, предотвратить новое вклинение противника не удалось. Вследствие этого нашим войскам пришлось отойти еще дальше на запад.

Это вызвало большое неудовольство фюрера. Он запретил отход на рубеж Танганрог, Миус, Бахмутовка. При этом была высказана мысль о наступлении 17-й армии на Ворошиловград. Очевидно, в ОКВ не имеют никакого представления о состоянии наших войск и носятся со своими идеями в безвоздушном пространстве.

Главком был вызван к фюреру в 13.00. По-видимому, произошел более чем неприятный разговор, в течение которого говорил один фюрер. Он осыпал главкома упреками и бранью и надавал необдуманных приказов.

Главком, следуя заданию фюрера, к сожалению, отдал приказ не отходить одним скачком на вышеупомянутый рубеж. Фельдмаршал фон Рундштедт ответил, что не может выполнить этот приказ, и просил изменить приказ или освободить его от командования...

1 декабря. 4.00. От фюрера получены три телеграммы:

1. Об освобождении Рундштедта от должности командующего группой армий “Юг”.

2. О назначении Рейхенау командующим группой армий “Юг” с постановкой ему задачи — остановить отход 1-й танковой группы…

3. Третья телеграмма содержит приказ командующего армией резерва — быстрейшим образом направить по железной дороге для 13, 14 и 16-й танковых дивизий по 40 танков T-III и по 12 танков T-IV».

В тот день «уже был начат отход через промежуточную позицию на рубеж Миуса, когда был получен приказ об удержании танковой группой промежуточной позиции. Следствием этого было общее смятение…»

В 11 часов новый командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал фон Рейхенау заявил, что «считает правильным приказ об удержании промежуточной позиции обороны, несмотря на то, что Клейст доложил ему, что его войска будут разбиты на этой позиции».

После этого на уровне высшего командования вермахта начались активные переговоры по вопросу целесообразности организации обороны частями 1-й танковой армии на промежуточном рубеже. В эти переговоры были втянуты, кроме самого Ф. Гальдера, главнокомандующий сухопутными войсками В. Браухич, главнокомандующий и начальник штаба группы армий «Юг» и, наконец, сам фюрер. Далее Гальдер пишет:

«15.30. Главком был у фюрера, которому в это время позвонил по телефону фон Рейхенау. Он доложил, что позиции, занимаемые лейбштандартом “Адольф Гитлер”, прорваны моторизованными частями противника, и просил дать ему разрешение на отход сегодя ночью на позиции по Миусу. Фюрер разрешил это. Итак, мы находимся теперь там, где должны были находиться вчера. В жертву принесены время

и силы, кроме того, потерян Рунштедт. Состояние здоровья главкома из-за постоянных переживаний и волнений опять внушает тревогу»[4].

«2 декабря. Противник оказывает давление на наши части, занимающие оборону по Миусу…

Фюрер уехал в 1-ю танковую армию, не уведомив об этом ОКХ…

3 декабря. Фюрер, находясь в группе армий "Юг" заявил командующему группой армий, что ни он, ни командование танковой армии не виновны в нынешнем развитии событий. Войска сражались исключительно упорно и смело…»

В то же время необходимо отметить, что вследствие медленного наступления ударной группировки Южного фронта и неправильного решения командующего фронтом, принятого им после выхода наших войск на р. Тузлов, моторизованные корпуса противника не были окружены и уничтожены. Однако в боях под Ростовом, сначала наступательных, а затем оборонительных, они понесли большие потери как в личном составе, так и в материальной части и были отброшены от этого города.

Чтобы остановить дальнейшее наступление советских войск, командование группы армий «Юг» спешно направило под Ростов из района Харькова четыре дивизии. Таким образом, на ростовское направление были направлены все свободные силы группы армий «Юг».

Поражение 1-й немецкой танковой армии под Ростовом и сковывание войсками Южного и Юго-Западного фронтов остальных сил группы армий «Юг» в условиях, когда все резервы последней были израсходованы, создало известное равновесие сил на юго-западном направлении, и фронт здесь на длительное время стабилизировался. Вместе с тем кон-

трнаступление войск Южного фронта, сковавшее все силы группы армий «Юг», не позволило немецкому командованию усилить за счет войск этой группы московское направление, что оказало благотворное влияние на исход оборонительных сражений под Москвой в ноябре — начале декабря и на последующее успешное контрнаступление Советской армии на главном (западном) стратегическом направлении.

КАТАСТРОФА В КРЫМУ

Для обороны Крыма и главной морской базы в Севастополе 15 августа в составе Южного фронта была создана 51-я армия в составе 9-го стрелкового корпуса и 48-й кавалерийской дивизии под командованием генерал-полковника Ф.И. Кузнецова. Эта армия имела задачу не допустить вторжения противника в Крым как с севера, через Перекопский и Чонгарский перешейки, так и со стороны морских подступов.

Против Южного фронта, командующим войсками которого был генерал-лейтенант Д.И. Рябышев, членом Военного совета фронта — армейский комиссар 1-го ранга А.И. Запорожец, а начальником штаба — генерал-майор А.И. Антонов, противник перешел в наступление 9 сентября. Ему удалось прорвать фронт 9-й армии и к вечеру 12 сентября выйти к Перекопскому перешейку, а 16 сентября — к Чонгарскому мосту и Арабатской стрелке. Таким образом, противник подошел вплотную к Крымскому полуострову, но его попытка с ходу прорваться через Перекопский перешеек была отражена войсками 51-й Отдельной армии.

Войска Южного фронта, которыми с 5 октября командовал генерал-полковник Я.Т. Черевиченко, в конце сентября

по собственной инициативе пытались организовать наступление в Северной Таврии с целью выхода к крымским перешейкам и установления непосредственного сообщения с Крымом. Но Ставка ВГК указала командованию фронта, что их усилия являются несвоевременными и что в сложившейся обстановке целесообразно проводить улучшение своих оборонительных позиций. При этом войскам 51-й Отдельной армии было приказано всеми силами удерживать крымские перешейки и не допустить прорыва противника в Крым.

В то же время немецкое главное командование, считавшее, что силы Красной Армии на южном участке фронта разгромлены, поставило перед группой армий «Юг» задачу захватить Крым и лишить Черноморский флот его главной базы, а советскую авиацию, бомбившую румынскую нефтяную промышленность, — аэродромов в Крыму.

К моменту выхода противника к крымским перешейкам (середина сентября) для их обороны были развернуты три стрелковые дивизии 51-й Отдельной армии, войсками которой командовал генерал-полковник Ф.И. Кузнецов.

На южном крыле советско-германского фронта действовала 11-я немецкая армия, которой командовал генерал-полковник фон Шоберт. Но командующий в середине сентября во время одного из своих ежедневных вылетов на фронт на самолете типа «Шторх» сел на русское минное поле и погиб вместе со своим пилотом, и 16 сентября был похоронен в Николаеве. Новым командующим был назначен генерал Манштейн, который 17 сентября прибыл к месту расположения штаба 11-й армии в город и порт Николаев, находящийся у устья Буга, и принял командование. Начальником штаба был полковник Велер.

Перед 11-й армией стояла задача занять Крым. Причем эта задача немецкому командованию представлялась особен-

но срочной. С одной стороны, ожидали, что занятие Крыма и его военно-морской базы — Севастополя возымеет благоприятное воздействие на позицию Турции. С другой стороны, и это особенно важно, крупные военно-воздушные базы противника в Крыму представляли собой угрозу жизненно важному для Германии румынскому нефтяному району. И наконец, после взятия Крыма входящий в состав 11-й армии горный корпус должен был продолжать движение через Керченский пролив в направлении на Кавказ, поддерживая наступление, которое должно было развернуться со стороны Ростова.

Для непосредственного наступления на Крым были выделены соединения 54-го армейского корпуса под командованием генерала Ганзена в составе 46-й и 73-й пехотных дивизий. Кроме того, туда планировалось направить часть сил из прибывшей из Греции 50-й пехотной дивизии, которая в то время в составе 4-й румынской армии все еще находилась под Одессой, очищая побережье Черного моря от остатков советских войск.

Манштейн считал, что с учетом местности «даже упорной обороны трех дивизий было достаточно, чтобы не допустить вторжения в Крым 54-го армейского корпуса или, по крайней мере, значительно измотать его силы в боях за перешеек». Объяснял это он с позиции сложного характера местности и мощности обороны советских войск. В частности, он писал:

«Крым отделяет от материка так называемое "Гнилое море", Сиваш. Это своего рода соленое болото, по большей части непроходимое для пехоты, и, кроме того, из-за малой глубины оно представляет собой абсолютное препятствие для десантных судов. К Крыму есть только два подхода: на западе — Перекопский перешеек, на востоке — Генический

перешеек. Но этот последний настолько узок, что на нем помещается только полотно автомобильной и железной дороги, да и то прерываемое длинными мостами. Для ведения наступления этот перешеек непригоден.

Перекопский перешеек, единственно пригодный для наступления, имеет в ширину также всего 7 км. Наступление по нему могло вестись только фронтально, никаких скрытых путей подхода местность не предоставляла. Фланговый маневр был исключен, так как с обеих сторон было море. Перешеек был хорошо оборудован для обороны сооружениями полевого типа. Кроме того, на всю ширину его пересекал древний "Татарский ров", имеющий глубину до 15 м.

После прорыва через Перекопский перешеек наступающий оказывался далее на юг еще на одном перешейке — Ишуньском, где полоса наступления, зажатая между солеными озерами, сужалась до 3—4 километров.

Учитывая эти особенности местности и принимая во внимание, что противник имел превосходство в воздухе, можно было предположить, что бой за перешейки будет тяжелым и изматывающим. Даже если бы удалось осуществить прорыв у Перекопа, оставалось сомнительным, хватит ли у корпуса сил, чтобы провести второй бой у Ишуня. Но, во всяком случае, 2—3 дивизий никак не было достаточно, чтобы занять весь Крым, включая мощную крепость Севастополь».

Несмотря на столь сомнительные перспективы, 24 сентября 54-й армейский корпус противника начал наступление на Перекопский перешеек. Несмотря на сопротивление советских войск, корпусу удалось, отбивая сильные контратаки, 26 сентября взять Перекоп и преодолеть «Татарский ров». В три последующих дня труднейшего наступления корпус прорвал оборону советских войск на всю ее глубину,

взял сильно укрепленный населенный пункт Армянск и вышел на оперативный простор. Остатки дивизий 51-й армии отошли к Ишуньскому перешейку с большими потерями, по данным Манштейна, немецкими войсками было захвачено 10 000 пленных, 112 танков и 135 орудий[1].

Но в дальнейшем, в результате контрударов, нанесенных в это время войсками 9-й и 18-й армий Южного фронта, немецкие войска вынуждены были прекратить наступление на Крым.

Прорыв врагом первой линии перекопских укреплений говорил о недостаточной прочности обороны Крыма. Не имея свободных войск для усиления 51-й Отдельной армии, Ставка Верховного Главнокомандования 30 сентября решила эвакуировать Одесский оборонительный район и за счет его войск усилить оборону Крымского полуострова. До прибытия войск из Одессы, на что требовалось около трех недель, командующему 51-й Отдельной армией было приказано сосредоточить все силы для удержания Арабатской стрелки, Чонгарского перешейка, южного берега Сиваша и ишуньских позиций.

Пока осуществлялась эвакуация Одессы и переброска войск в Крым, противник, продолжая наступление в общем наступлении на Ростов, оттеснил войска Южного фронта к Таганрогу и получил возможность возобновить наступление на Крым. На этот раз для вторжения в Крым немецкое командование выделило 11-ю армию с румынским горным корпусом, всего семь немецких пехотных дивизий и две румынские бригады.

Главный удар Манштейн решил наности немецкими дивизиями через Перекопский перешеек; вспомогательный — румынским горным корпусом через Чонгарский мост. Для

этого к 18 октября на Перекопском перешейке были сосредоточены четыре пехотные дивизии 54-го армейского корпуса. Еще две дивизии 30-го армейского корпуса, направлявшиеся к Перекопу, находились на полпути между Геническом и Перекопом. Еще одна — 132-я немецкая дивизия в это время подходила к реке Южный Буг. Румынский горный корпус сосредоточивался к Геническу.

Советские войска в Крыму вместе с прибывшими четырьмя стрелковыми и одной кавалерийской дивизиями Приморской армии на 18 октября насчитывали в своем составе 12 стрелковых и четыре кавалерийские дивизии. Этих сил было вполне достаточно для организации прочной обороны крымских перешейков. А так как на Черном море господствовал наш флот, то возможность высадки морского десанта противника исключалась. Также маловероятна была и высадка воздушных десантов противника в Крыму.

Однако командующий 51-й армией не сумел правильно оценить обстановку и разбросал свои силы по всему полуострову. Три стрелковые и две кавалерийские дивизии он держал на охране побережья, две стрелковые и одну кавалерийскую дивизии — в резерве. Для обороны перешейков были развернуты: на ишуньских позициях в одном эшелоне четыре стрелковые дивизии и на Чонгарском полуострове одна стрелковая дивизия. Две дивизии Приморской армии находились на марше из Севастополя к перешейкам и могли туда прибыть не ранее 23 октября.

Противник, перейдя 18 октября в наступление на ишуньские позиции, главный удар наносил двумя дивизиями на узком участке между железной дорогой и берегом Черного моря. 20 октября ему удалось прорвать ишуньские укрепления. Вместо организации контратак во фланг прорвавшемуся

противнику командующий 51-й армией стремился закрыть образовавшийся прорыв и только 23 октября предпринял контратаку в лоб силами подошедших 25-й и 95-й стрелковых дивизий Приморской армии. Этой контратакой удалось задержать наступление немецко-фашистских войск до 25 октября. Но с потерей удобных для обороны ишуньских позиций наши войска оказались в невыгодном положении на позициях, почти не подготовленных к обороне.

Это мнение советских историков. Поэтому немалый интерес представляет мнение другой стороны, которое выражает генерал Манштейн. В частности, в книге «Утерянные победы» он пишет:

«Ближайшей нашей задачей было возобновление боев на подступах к Крыму, за Ишуньские перешейки. Могут сказать, что это самое обыкновенное наступление. Но эти десятидневные бои выделяются из ряда обычных наступлений как ярчайший пример наступательного духа и беззаветной самоотверженности немецкого солдата. В этом бою мы не располагали почти ни одной из предпосылок, которые обычно считаются необходимыми для наступления на укрепленную оборону.

Численное превосходство было на стороне оборонявшихся русских, а не на стороне наступавших немцев. Шести дивизиям 11-й армии уже очень скоро противостояли 8 советских стрелковых и 4 кавалерийские дивизии, так как 16 октября русские эвакуировали безуспешно осаждавшуюся 4-й румынской армией крепость Одессу и перебросили защищавшую ее армию по морю в Крым. И хотя наша авиация сообщила, что потоплены советские суда общим тоннажем 32 000 тонн, все же большинство транспортов из Одессы добралось до Севастополя и портов на западном берегу Крыма.

Первые из дивизий этой армии вскоре после начала нашего наступления и появились на фронте.

Немецкая артиллерия имела превосходство перед артиллерией противника и эффективно поддерживала пехоту. Но со стороны противника на северо-западном побережье Крыма и на южном берегу Сиваша действовали бронированные батареи береговой артиллерии, неуязвимые пока что для немецкой артиллерии. В то время как Советы для контратак располагали многочисленными танками, 11-я армия не имела ни одного.

Господство же в воздухе принадлежало советской авиации. Советские бомбардировщики и истребители непрерывно атаковали всякую обнаруженную цель. Не только пехота на переднем крае и батареи должны были окапываться, нужно было отрывать окопы и для каждой повозки и лошади в тыловой зоне, чтобы укрыть их от авиации противника. Дело доходило до того, что зенитные батареи не решались уже открывать огня, чтобы не быть сразу же подавленными воздушным налетом. Только когда армии был подчинен Мёльдерс с его истребительной эскадрой, ему удавалось очистить небо, по крайней мере в дневное время. Ночью и он не мог воспрепятствовать воздушным налетам противника.

25 октября казалось, что наступательный порыв войск совершенно иссяк. Командир одной из лучших дивизий уже дважды докладывал, что силы его полков на исходе…

Тем не менее 27 октября решительный успех был достигнут. 28 октября, после десяти дней ожесточенных боев, советская оборона рухнула, и 11-я армия могла начать преследование противника»[2].

Для объединения действий войск 51-й и Приморской Отдельных армий и Черноморского флота по обороне Крыма

по указанию Ставки Верховного Главнокомандования было создано командование войсками Крыма. Командующим был назначен вице-адмирал Г.И. Левченко, заместителем по сухопутным войскам — генерал-лейтенант П.И. Батов.

После поражения на ишуньских позициях дивизии Приморской армии начали отходить на юг, а четыре стрелковые дивизии 51-й армии, против которых наступали пять немецких дивизий, медленно отходили в направлении на Джанкой.

Манштейн приказал войскам 30-го армейского корпуса в составе 72-й и 22-й пехотных дивизий продвигаться на Симферополь. 54-й армейский корпус в составе 50-й, вновь прибывшей 132-й пехотных дивизий и наскоро сформированная моторизованная бригада получили задачу преследовать противника в направлении Бахчисарай — Севастополь.

Командующий войсками Крыма 29 октября решил отвести войска Приморской и 51-й армий на слабо подготовленный тыловой оборонительный рубеж, проходивший по линии Советский, Ново-Царицыно, Саки, и закрепиться на нем. Но на практике это решение осуществить не удалось, так как 31 октября подвижный отряд противника вышел к станции Альма, а вслед за ним выдвинулись и дивизии 54-го армейского корпуса.

Чтобы не допустить прорыва вражеских войск к Севастополю, гарнизон которого в это время был очень слаб, было решено войска Приморской армии отвести к Севастополю и организовать там ими оборону этого города-порта, а 51-й армией прикрыть керченское направление. В результате такого решения силы советских войск в Крыму делились на две части, и противник получал возможность громить их по частям.

Отход на Севастополь проходил в трудных условиях. Советские войска вели непрерывные бои с наседавшим на них 30-м армейским корпусом противника, который от Джанкоя был повернут на юг. 6 ноября передовые части Приморской армии вышли к Севастополю как раз в тот момент, когда гарнизон города, состоявший главным образом из морской пехоты, отражал на передовом рубеже атаки 54-го армейского корпуса, стремившегося прорваться к городу с востока по кратчайшему направлению. С подходом войск Приморской армии силы защитников Севастополя увеличились, что дало им возможность отразить наступление врага.

В то время, когда войска Приморской армии отходили к Севастополю, 51-я армия, в командование войсками которой с 30 октября вступил генерал-лейтенант П.И. Батов, отводилась для обороны Керченского полуострова. 4 ноября приказом командующего войсками Крыма на базе 51-й армии был создан Керченский оборонительный район, в состав которого вошли все соединения и части 51-й армии и Керченская военно-морская база.

Несмотря на удобную для обороны местность и достаточные силы (семь стрелковых дивизий), командование оборонительного района не сумело организовать оборону Керченского полуострова и приостановить наступление противника. 16 ноября последние части 51-й армии были эвакуированы на Таманский полуостров.

Таким образом, к середине ноября 1941 года противник овладел почти всем Крымом и блокировал с суши Севастополь. Главная база Черноморского флота оказалась под огнем немецкой полевой артиллерии и под ударами перебазировавшейся на крымские аэродромы немецкой авиации. В силу этого Черноморский флот, кроме нескольких старых кора-

блей, оставленных для огневой поддержки севастопольского гарнизона, пришлось перебазировать в малоудобные порты Кавказского побережья. Выдвижение противника к Керченскому проливу затруднило сообщение нашего флота между Азовским и Черным морями.

Немецкие войска, войдя в Крым, упорно рвались к основной базе Черноморского флота — городу Севастополю. Этот город-порт к началу войны имел систему обороны, прикрывавшую его с моря и воздуха. С суши же он оставался слабо прикрытым. Хотя рекогносцировка сухопутных оборонительных рубежей была проведена еще в феврале 1941 года, их строительство началось только 4 июля. В конце октября на подступах к Севастополю продолжалось создание четырех оборонительных рубежей — передового, главного, рубежа прикрытия эвакуации и рубежа непосредственного прикрытия Севастополя. Из-за неправильного планирования работ в наибольшей готовности оказались два последних рубежа и в наименьшей — передовой.

Крупным недостатком передового рубежа являлось то, что он был удален от города всего лишь на 15—16 км и впереди его находились командные высоты. По овладении этими высотами противник мог вести дальний артиллерийский огонь по городу, бухте и расположенным вблизи города аэродромам.

Протяженность передового рубежа достигала 43 километров, глубина его колебалась от 1,5 до 2,5 километра. На этом рубеже обороны было возведено несколько долговременных сооружений, состоявших из отдельных пулеметных и артиллерийских дотов и дзотов. Оборонительные сооружения, расположенные отдельными группами, составляли четыре опорных пункта: Чоргуньский, Черкез-Керменский, Дуванкойский и Аранчийский.

На переднем крае опорных пунктов размещались пулеметные точки. Расстояние между отдельными огневыми точками составляло 200—600 метров, в глубине — 500—800 метров. В промежутках между пулеметными огневыми точками располагались окопы стрелковых отделений.

На наиболее танкоопасных направлениях вдоль дорог и долин были установлены отдельные 45-мм и 130-мм морские пушки. Артиллерийские огневые точки эшелонировались в глубину до 3 километров. Отдельные опорные пункты имели до 10 противотанковых пушек. Перед передним краем Аранчийского и Дуванкойского опорных пунктов были устроены надолбы и на отдельных участках установлены минные поля.

Главный рубеж обороны находился от Севастополя на расстоянии 9—12 километров. Длина его достигала 30 километров, глубина колебалась от 1,5 до 3 километров. Но к 1 ноября 1941 года строительство оборонительных сооружений на главном рубеже закончено не было.

Рубеж прикрытия эвакуации командовал над впереди лежащей местностью, но из-за отсутствия естественных масок был открыт для наблюдения и ударов вражеской авиации. Глубина этого рубежа колебалась от 1 до 5 километров. Наиболее сильная система фортификационных сооружений, состоявшая из пулеметных и артиллерийских дотов и дзотов, была создана на участке Инкерман, Любимовка.

На рубеже, непосредственно прикрывавшем Севастополь, к 1 ноября было построено 17 артиллерийских дотов, 62 пулеметных дота и дзота, 91 окоп, пять командных пунктов, противотанковый ров общей длиной 31,5 километра и установлено 40 километров проволочных заграждений.

Севастопольский гарнизон до прибытия Приморской армии состоял из двух бригад (одна неполная) и двух полков морской

пехоты, местного стрелкового полка, нескольких отдельных стрелковых батальонов, запасного артиллерийского полка, нескольких отдельных батарей и частей ПВО. Общая численность гарнизона составляла 20 660 человек. На вооружении гарнизона, кроме винтовок и пулеметов, было 72 миномета. Гарнизоны дотов и дзотов имели на вооружении 100-мм пушек — 8, 76-мм — 14, 75-мм — 15, 45-мм — 25 и пулеметы.

На войска Севастопольского гарнизона легла тяжелая и ответственная задача — не пропустить врага к Севастополю и обеспечить развертывание для обороны отходившей через Ялту Приморской армии. В связи с приближением противника части Севастопольского гарнизона 3 и 4 ноября заняли передовой рубеж обороны.

4 ноября приказом командующего войсками Крыма был организован Севастопольский оборонительный район в составе Приморской армии, береговой обороны, главной морской базы Черноморского флота (Севастопольский гарнизон) и всех морских и сухопутных частей, а также частей ВВС Черноморского флота, находившихся в районе Севастополя. Командующим Севастопольским оборонительным районом был назначен командующий Приморской армией генерал-майор Петров И.Е. с непосредственным подчинением его Военному совету войск Крыма (19 ноября директивой Ставки Верховного главнокомандования № 004973 должность командующего войсками Крыма была упразднена, а командование Севастопольским оборонительным районом возложено на командующего Черноморским флотом вице-адмирала Октябрьского Ф.С. с непосредственным подчинением его Ставке Верховного Главнокомандования. Заместителем его по сухопутной обороне назначался командующий Приморской армией).

Для обеспечения боевых действий войск Севастопольского оборонительного района из состава авиации Черноморского флота была выделена 3-я особая авиационная группа в составе около 100 самолетов. Авиация Севастопольского оборонительного района базировалась на аэродромы Херсонесского мыса, а также в районах Юхарина балка и хутор Отрадный. Основные же военно-воздушные силы Черноморского флота находились на кавказских аэродромах и частично привлекались для выполнения боевых задач в районе Севастополя.

Немецко-фашистские войска стремились захватить Севастополь прежде, чем туда подойдет Приморская армия. 54-му армейскому корпусу было приказано нанести удар по кратчайшему пути, вдоль шоссе Симферополь — Севастополь, и быстро прорваться к городу.

3 ноября подразделения боевого охранения севастопольского гарнизона завязали бои с передовыми частями 54-го немецкого корпуса, выдвигавшимися со стороны Симферополя.

5 ноября подошли главные силы корпуса противника и развернулись ожесточенные бои на центральном участке передовой оборонительной полосы — главным образом на Черкез-Керменском опорном пункте. 7 ноября, в день 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, в Севастополе была получена телеграмма Верховного Главнокомандования с приказом: «Севастополя не сдавать ни в коем случае». Четыре дня защитники Севастополя, героически сражаясь, успешно отражали непрерывные атаки немецких войск, поддержанных крупными силами авиации. Несмотря на более чем трехкратное превосходство в силах, врагу не удалось продвинуться. Противник был вынужден

9 ноября прекратить наступление и сделать паузу для подтягивания новых сил и перегруппировки войск.

Таким образом, в результате стойкой обороны войск севастопольского гарнизона немецко-фашистским войскам не удалось овладеть Севастополем с ходу.

Войска Приморской армии, ведя напряженные бои с противником, стремившимся перехватить дорогу Ялта — Севастополь, к 9 ноября вышли в район Севастополя и развернулись для обороны на его подступах. Подошедшая Приморская армия в это время состояла из 25, 95, 172 и 421-й стрелковых дивизий, 2, 40 и 42-й кавалерийских дивизий, отдельного танкового батальона, 265-го корпусного артиллерийского полка и некоторых других подразделений.

После боевых действий в северной части Крыма соединения и части Приморской армии имели значительный некомплект в личном составе, вооружении и средствах тяги. Так, например, 2-я кавалерийская дивизия подошла к Севастополю в составе лишь 320 человек и без артиллерии.

421-я стрелковая, 2-я и 42-я кавалерийские дивизии ввиду малочисленности личного состава сразу же были расформиоованы.

Всего в составе армии на 10 ноября с частями боевого обеспечения и тылами насчитывалось 31 500 человек, 78 орудий (76-мм и более), 30 противотанковых 45-мм орудий, 8 37-мм зенитных орудий, 114 минометов (калибра 82 и 120 мм) и 10 танков.

К 11 ноября весь Севастопольский оборонительный район был разделен на четыре сектора. В каждом секторе из состава оборонявших его войск создавался резерв; кроме того, создавались общий и артиллерийский резервы оборонитель-

ного района. На участке железной дороги Севастополь — Балаклава действовал один бронепоезд.

В среднем в секторах, не считая орудий калибра 45 мм, 50-мм минометов и орудий в дотах, приходилось около 4 орудий и минометов на 1 километр фронта, а считая артиллерийские средства всех калибров, плотность достигала 9 орудий и минометов на 1 километр фронта обороны.

Управление артиллерией внутри секторов было централизовано. Береговая артиллерия через начальника артиллерии береговой обороны оперативно подчинялась начальнику артиллерии оборонительного района. Корабельная артиллерия находилась в непосредственном подчинении командующего флотом, но выполняла огневые задачи в интересах сухопутных войск по указанию и заявкам начальника артиллерии оборонительного района.

Управление основной массой зенитной артиллерии (9 дивизионов из 11) также было централизовано. Кроме того, вся зенитная артиллерия была подготовлена для стрельбы по наземным целям. Зенитные батареи имели свои наблюдательные пункты и держали тесную связь с начальниками артиллерии секторов, по требованию которых открывали огонь.

Немецко-фашистское командование, стремясь скорее захватить Севастополь и высвободить силы 11-й армии для операций на других направлениях, спешило возобновить наступление. Подтянув к Севастополю 30-й армейский корпус и перегруппировав силы, противник 11 ноября вновь перешел в наступление. Теперь против Севастопольского оборонительного района действовали 72-я, 50-я, 132-я и 22-я немецкие пехотные дивизии. Они имели в своем составе 13 артиллерийских дивизионов, танки и бронемашины и поддерживались авиационной группой около 100 самолетов.

Авиация противника базировалась на аэродромах в районах Евпатория, Симферополь, Джанкой. Противник превосходил войска Севастопольского оборонительного района в живой силе, в количестве артиллерийских средств и в танках.

Для нанесения удара вдоль шоссе Ялта — Севастополь противник нацелил 72-ю дивизию, усилив ее танками. Для нанесения второго удара в направлении Черкез-Кермен, долина Кара-Коба были использованы части 50-й дивизии и моторизованного отряда. Наступление поддерживалось авиацией, наносившей удары по боевым порядкам наших войск и по Севастополю. Кроме того, авиация противника действовала против наших кораблей на коммуникациях Севастопольского оборонительного района.

Против северного и северо-восточного фасов оборонительного района противник оставался относительно пассивным. Он производил оборонительные работы, на отдельных направлениях переходил в атаки небольшими подразделениями и периодически обстреливал наши части артиллерийским и минометным огнем.

Уже 9 ноября в бой с главными силами 72-й пехотной дивизии вступили части 40-й кавалерийской дивизии, находившиеся на передовых позициях в районе Варнутка. Под давлением превосходящих сил врага части 40-й кавалерийской дивизии отошли на передовой оборонительный рубеж.

13 ноября 72-я пехотная дивизия противника возобновила наступление и вклинилась в оборону 1-го сектора, но это вклинение было ликвидировано к исходу 14 ноября контратаками резервов 1-го и 2-го секторов. 15 ноября, введя в бой второй эшелон и свежую группу танков, 72-я пехотная дивизия противника оттеснила части 1-го сектора и вышла к Балаклаве и совхозу «Благодать». 16 ноября из общего резерва

оборонительного района был введен в бой 1330-й стрелковый полк, который задержал дальнейшее продвижение противника.

С утра 18 ноября противник предпринял ожесточенные атаки в направлении на Камары, и к вечеру наши части были вынуждены оставить этот пункт. 21 ноября 514-й стрелковый полк контратаковал противника и выбил его из Камары.

На этом закончились боевые действия на правом фланге Севастопольского оборонительного района, где советские части остановили наступление противника на линии Балаклава, совхоз «Благодать», Камары, удержав все указанные пункты.

Войска 2-го и 3-го секторов в период с 13 по 18 ноября отбивали атаки частей 50-й пехотной дивизии, пытавшихся прорваться на Севастополь из района Черкез-Кермен по долине Кара-Коба. За 6 дней противнику удалось продвинуться здесь на 1 —1,5 км и овладеть высотами 269,0 и 293,3. Все попытки дальнейшего наступления противника были отражены. Большую роль при этом сыграла контратака 54-го и 2-го Перекопского полков, осуществленная 14 ноября с высоты 319,6 в южном направлении во фланг и тыл частям противника. Враг понес потери и был вынужден остановиться. Возобновить здесь наступление он смог лишь 16 ноября и за три дня продвинулся всего на 300—400 м. В центре 2-го сектора врагу удалось захватить на самом переднем крае передового рубежа обороны высоту 287,4.

На других направлениях наступление противника успеха не имело. Атаки 22-й пехотной дивизии в направлении Колымтай, Эфендикой были полностью отбиты войсками 4-го сектора.

В результате стойкой обороны войск Севастопольского оборонительного района ноябрьское наступление врага было

отбито. За 10 дней напряженных боев противнику удалось на отдельных участках вклиниться на 3—4 километра в передовую оборонительную полосу 1-го сектора и на 1—2 километра в стыке 2-го и 3-го секторов обороны.

Вследствие значительных потерь 11-й армии, действовавшей под Севастополем и на Керченском полуострове, немецко-фашистское командование было вынуждено 21 ноября прекратить наступление на Севастополь до середины декабря 1941 года.

Из мемуаров Э. Манштейна:

«16 ноября преследование было завершено, и весь Крым, за исключением Севастопольского крепостного района, был в наших руках.

Стремительными действиями 42-й армейский корпус сорвал попытку противника оказать нам сопротивление на Парпачском перешейке. Корпус взял важный порт Феодосию, прежде чем противник сумел эвакуировать через него сколько-нибудь существенные силы. 15 ноября корпус взял Керчь. Только незначительным силам противника удалось перебраться через пролив на Таманский полуостров.

30-му армейскому корпусу удалось расколоть главные силы противника на две части, осуществив смелый прорыв по горной дороге к расположенной на южном берегу Алуште, после того как Симферополь был взят еще 1 ноября передовым отрядом 72-й пехотной дивизии. Противник тем самым не только был лишен возможности создать оборону на северных отрогах гор, но и все его силы, оттесненные в горы восточнее дороги Симферополь — Алушта, были обречены на уничтожение.

Хотя преследование, таким образом, не удалось завершить захватом крепости Севастополь, оно всё же привело

к почти полному уничтожению противника вне ее. Шесть дивизий 11-й армии уничтожили большую часть двух армий противника, насчитывавших 12 стрелковых и 4 кавалерийские дивизии. Спаслись через Керченский пролив и отошли в Севастополь лишь остатки войск, потерявшие все тяжелое вооружение. Если их удалось вскоре превратить в Севастополе в полноценные боеспособные войска, то это благодаря тому, что противник, имея господство на море, сумел обеспечить своевременный подвоз пополнений и техники.

Итак, первая попытка штурмом взять крепость Севастополь, начавшаяся 17 декабря, потерпела неудачу. За нами осталось преимущество более плотного окружения крепости, для которого требовалось меньше сил; мы также захватили удобные исходные позиции для последующего наступления. 30-й армейский корпус на юге также захватил важные пункты на местности, необходимые для последующего наступления. Но это было слабым утешением, если учитывать понесенные жертвы.

26 декабря противник, переправив две дивизии через Керченский залив, высадил десанты по обе стороны от города Керчи. Затем последовала высадка более мелких десантов на северном побережье полуострова.

Высадка советских войск на Керченском полуострове, предпринятая как раз в тот момент, когда решался исход боя на северном участке Севастопольского фронта, как вскоре оказалось, не была просто маневром противника, рассчитанным на отвлечение наших сил. Советские радиостанции сообщали, что речь идет о наступлении с решительной целью, с целью возвращения Крыма, проводимом по приказу и по планам Сталина. Как было объявлено по радио, борьба будет закончена только уничтожением 11-й армии в Крыму, и

то, что эти слова не были пустой угрозой, вскоре было подтверждено большой массой войск, брошенных в это наступление. В этом обстоятельстве, как и в том, что противник расходовал силы, ни с чем не считаясь, чувствовалась жестокая воля Сталина.

54-й армейский корпус 28 декабря перешел в последнее наступление под Севастополем... 46-я пехотная дивизия форсированным маршем вышла на Парпачский перешеек. Но при этом ей пришлось оставить на обледенелых дорогах большинство своих орудий. К тому же ее личный состав был совершенно изнурен тяготами этого отступления. Вслед за 46 пд противник сразу же смог начать преследование с оставшихся за ним небольших плацдармов. Керченский пролив замерз, что позволило противнику быстро подтянуть новые силы.

Если бы противник использовал выгоду создавшегося положения и быстро стал бы преследовать 46 пд от Керчи, а также ударил решительно вслед отходившим от Феодосии румынам, то создалась бы обстановка, безнадежная не только для этого вновь возникшего участка Восточного фронта 11-й армии. Решалась бы судьба всей 11-й армии.

Но противник не сумел использовать благоприятный момент. Либо командование противника не поняло своих преимуществ в этой обстановке, либо оно не решилось немедленно их использовать. Из захваченных нами оперативных карт было видно, что высадившаяся у Феодосии 44-я армия имела только одну цель — выйти к 4 января в район западнее и северо-западнее города Старый Крым имевшимися к этому времени в ее распоряжении шестью дивизиями, чтобы затем занять оборону на достигнутом рубеже. По-видимому, даже имея тройное превосходство в силах, противник не решался

на смелую глубокую операцию, которая могла бы привести к разгрому 11-й армии. Очевидно, он хотел накопить сперва еще больше сил. Но противник не достиг в действительности даже упомянутого выше рубежа западнее города Старый Крым.

Наступавшая через Керчь 51-я армия преследовала 46-ю пехотную дивизию очень нерешительно. Высадившаяся же у Феодосии 44-я армия сначала предпринимала в решающем западном и северо-западном направлении только осторожные вылазки. К нашему удивлению, она направила свои главные силы не в этом направлении, а на восток, навстречу 51-й армии. Противник явно видел перед собой только свою тактическую цель — уничтожение наших сил на Керченском полуострове — и совершенно упустил из виду оперативную цель — пересечение основной жизненной артерии 11-й армии.

Таким образом, к концу 1941 года войскам противника, высадившимся у Феодосии и подходившим со стороны Керчи, фактически был открыт путь к жизненной артерии 11-й армии, железной дороге Джанкой — Симферополь. Слабый фронт охранения, который нам удалось создать, не мог бы устоять под натиском крупных сил. 4 января стало известно, что у противника в районе Феодосии уже было 6 дивизий. До тех пор, пока не прибудут дивизии, подтягиваемые из-под Севастополя, судьба 11-й армии действительно висела на волоске. Однако противник пытался помешать снятию войск с Севастопольского фронта, перейдя теперь со своей стороны в наступление на наши новые и недостаточно укрепленные позиции.

Доказательством того, что мы хорошо обращались с пленными, было их собственное поведение во время высадки советского десанта под Феодосией. Там находился лагерь с

8000 пленных, охрана которого бежала. Однако эти 8000 человек отнюдь не бросились в объятия своим "освободителям", а, наоборот, отправились маршем без охраны в направлении на Симферополь, то есть к нам.»[3]

Таким образом, захват практически всего Крыма немецкими войсками в 1941 году следует расценивать как значительную победу немецкого оружия на южном крыле советско-германского фронта и как крупную неудачу советского командования на важнейшем стратегическом направлении. С падением Одессы и захватом Крыма Черноморский флот лишился возможности свободного маневрирования в значительной части Черного моря и практически оказался прижатым к Черноморскому побережью Кавказа, где не было удобных для него портов базирования. Со стороны Крыма немцы получили возможность воздействовать на территорию Краснодарского края и Северного Кавказа.

Правда, в 1941 году еще держались Керчь и Севастополь. Позже советские историки писали о том, что в 1941 году советские войска сковали в Крыму 11-ю немецкую армию, не позволив немецко-фашистскому командованию использовать ее ни для удара на Кавказ через Керченский пролив, ни для оказания помощи 1-й танковой армии, на которую во второй половине ноября обрушился удар наших войск под Ростовом. Это только слабое утешение на фоне всех тех неудач, которые связаны с трагедией Крыма в 1941 и начале 1942 года.

Из дневника Ф. Гальдера:

«12 мая 1942 года. Наступление на Керченском полуострове развивается успешно. Взято 29 000 пленных, 220 орудий, 170 танков.

13 мая. На Керченском полуострове скоро все решится в нашу пользу. Захвачено свыше 40 000 пленных.

15 мая. Керченскую операцию можно считать законченной. Город и порт в наших руках. Остается очистить косу севернее города»[4].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По плану «Барбаросса», наступлению немецких войск на Украине гитлеровское руководство уделяло особое внимание. Фюрер и его ближайшее окружение хорошо понимали значение захвата крупных промышленных и сельскохозяйственных районов противника в самом начале войны. Кроме того, через Украину пролегал путь к главным нефтедобывающим районам Советского Союза, расположенным на Северном Кавказе и побережье Каспийского моря. Овладение этими районами, как считали немецкие стратеги, позволит вермахту постоянно расширять масштабы и увеличивать темпы продвижения войск по территории Советского Союза и быстро лишит Красную Армию возможности сопротивляться.

По размаху, темпам и результативности операции группы армий «Юг», проведенные ею в 1941 году на Украине, до того времени не имели аналогов в мировой истории. За неполные шесть месяцев немецкие войска на Украине на фронте свыше 600 километров продвинулись на глубину до 1200 километров. Средний темп их наступления составлял примерно семь километров в сутки. (Одна из самых блестящих операций Красной Армии — Висло-Одерская — была проведена в 1945 году. Тогда советские войск на фронте около 500 километров продвинулись на 500 километров со средним темпом до 35 километров в сутки.)

В ходе этого наступления войскам группы армий «Юг» удалось преодолеть две полосы укрепленных районов и за-

хватить мощный Киевский укрепленный район. Практически были полностью разгромлены армии Юго-Западного фронта первого (довоенного) формирования и нанесено серьезное поражение армиям Южного фронта. По данным труда «Россия в войнах XX века: статистическое исследование), в течение 1941 года войска этих фронтов безвозвратно (убитыми, пропавшими без вести) потеряли 956 тысяч человек, ранеными — почти 200 тысяч человек. Полностью или частично было разгромлено 10 механизированных корпусов (потеряно более 4,5 тысяч танков), уничтожено более 80 % материальной части 12 авиационных дивизий.

Нужно признать, что, несмотря на отдельные очаги упорной обороны, общая сопротивляемость войск Красной Армии в 1941 году была низкой. По некоторым данным, войска группы армий «Юг» во время боев на советско-румынской границе и вблизи нее захватили в плен около 150 тысяч красноармейцев и командиров, 1970 танков и 2190 орудий и минометов. Затем в начале августа в окружении в районе Умани ее войсками было захвачено еще 103 тысячи пленных, более 300 танков и 800 орудий и минометов. В сентябре войска группы армий «Юг» во взаимодействии с войсками группы армий «Центр» в районе Киева пленили 667 тысяч советских солдат и офицеров, захватили 884 танка и 3178 орудий. После этого 1-я танковая группа генерала фон Клейста нанесла удар по тылам советских войск, сосредоточенных в районе Днепропетровска, и, взаимодействуя с 11-й армией, захватила на Перекопском перешейке более 100 тысяч пленных, 212 танков и 672 орудия и миномета.

Таким образом, к началу ноября 1941 года войска группы армий «Юг» захватили всю Украину и Крым. В качестве трофеев на Украине немцам досталось более миллиона со-

ветских пленных солдат и офицеров, свыше 3350 танков, почти 6800 орудий и минометов, множество складов с боеприпасами, горючим, продовольствием и другим военным имуществом. Безусловно, все захваченные военные трофеи были использованы для усиления боевых возможностей немецких войск.

Не нужно забывать, что в те годы Украина была одной из главных житниц Советского Союза, центром производства другой сельскохозяйственной продукции. Командование группы армий «Юг» сделало все возможное для того, чтобы урожай 1941 года попал в немецкие закрома. Ради этого были сохранены колхозы и многие другие сельскохозяйственные предприятия, во главе которых были поставлены немецкие управляющие.

Второй составляющей частью расчетов германского руководства было максимальное сохранение и использование промышленных предприятий бывшей Советской Украины на благо экономики Германии. Сразу же после прихода немецких войск в городах началась перепись квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров, началось налаживание работы отдельных цехов, мелких промышленных предприятий и ремонтных мастерских. Широко был развернут частный кустарный сектор, начали работать рынки. Промышленная продукция, производившаяся на Украине, также постоянным потоком начала поступать в Германию и использоваться на нужды вермахта.

Нельзя не сказать и о том, что значительная часть населения Украины с большим терпением, если не равнодушно и с большой покорностью, отнеслась к смене власти. По приказу немецких властей и старост селяне выходили на полевые работы и на работы, связанные с ремонтом дорог,

строительством военных объектов, сохранившиеся рабочие кадры выходили на работу на свои предприятия. Начался религиозный подъем: были открыты сотни церквей, и многие церковнослужители откровенно сотрудничали с новой властью. Повсеместно из местных жителей формировалась полиция. Ради скорейшей нормализации обстановки на оккупированной Украине немецкое руководство даже пошло на то, что отдало приказ беспрепятственно выпускать из лагерей военнопленных украинской национальности. Многие из этих людей пополнили ряды работников промышленности, сельского хозяйства и кустарного сектора производства, и даже поступили в полицию. В 1941 году практически все население Украины считало, что немцы туда пришли надолго, если не навсегда, и всеми силами старалось приспособиться к выживаемости в новых условиях.

В ноябре соединениями группы армий «Юг» было начато наступление на Ростов-на-Дону, который считался ключом к Северному Кавказу. Но взять этот город немецкие войска не смогли. Под напором советских войск 28 ноября их соединения начали отступление от Ростова, и 1 декабря командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Г. фон Рунштедт получил до того времени беспрецедентный с начала войны приказ А. Гитлера «держаться любой ценой».

Но обстановка впервые складывалась не в пользу агрессора. Г. фон Рунштедт, несмотря на свое аристократическое воспитание и немецкую пунктуальность, не стал терпеть подобных приказов и ответил фюреру, что это чистое безумие. Он настаивал на праве отвода войск от Ростова с тем, чтобы отразить контрнаступление советских войск обороной. В своей телеграмме строптивый генерал-фельдмаршал даже указал, что если Гитлер не отменит этот приказ, то ему придется ис-

кать другого исполнителя. В ту же ночь Г. фон Рунштедт был отстранен от командования. На посту командующего группой армий «Юг» его заменил генерал-фельдмаршал В. фон Рейхенау.

В ходе боев на Украине в 1941 году произошли и существенные перемены в командовании советскими войсками. Лишился своего высокого поста и нарком обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко, которому было приказано сменить другого Маршала Советского Союза, С.М. Буденного, на посту главкома Юго-Западным стратегическим направлением. От должности начальника Генерального штаба был отстранен генерал армии Г.К. Жуков, и по просьбе И.В. Сталина этот высший орган управления Красной Армией вновь возглавил Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников. После гибели командующего Юго-Западного фронта генерал-полковника М.П. Кирпоноса на эту должность был назначен Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. После ранения от должности командующего Южным фронтом был отстранен генерал армии И.В. Тюленев, которого в этом качестве сменил генерал-лейтенант Д.И. Рябышев. Большие перемены произошли среди командующих армиями, командиров корпусов, дивизий...

Не только 1941 год стал годом тяжелых поражений Красной Армии на Украине. Весной 1942 года советские войска, используя результаты контрнаступления под Москвой, пытались перейти в масштабное контрнаступление и на южном крыле советско-германского фронта. Тогда по инициативе командующего С.К. Тимошенко и члена Военного совета Н.С. Хрущева войска Юго-Западного фронта начали наступление на Харьков и даже ненадолго овладели этим городом. Но этот временный успех обернулся очередной большой

катастрофой: погибло и было взято в плен более 200 тысяч человек, а в стратегическом фронте обороны Красной Армии образовалась большая брешь, через которую немецкие войска устремились к Сталинграду и вышли к предгорьям Кавказа. Освобождение восточной части Украины от врага началось с лета 1943 года после Курской битвы, а завершилось осенью 1944 года.

Таким образом, более трех лет территория Украины оставалась активной ареной Великой Отечественной войны, на которой шли бои или безраздельно хозяйничал противник. Война ее жестоко «перепахала» четыре раза: отступавшие советские войска уничтожали все самое ценное, наступавший противник огнем артиллерии, ударами авиации и гусеницами танков прокладывал себе путь; отступавшие немецкие войска уничтожали все самое ценное, наступавшие советские войска огнем артиллерии, ударами авиации и гусеницами танков прокладывали себе путь. В результате после освобождения Украины ее народу достались сожженные города и села, разрушенные дороги, взорванные мосты, изуродованные воронками и окопами поля и кладбища, кладбища, кладбища...

Семьдесят лет прошло с того огненного 1941 года, который черной страницей вшит в книгу памяти всего советского народа. Сегодня такого народа уже официально не существует. Есть граждане Российской Федерации, граждане независимых Украины, Молдовы, Белоруссии... Правители каждого такого государственного образования стремятся под себя переписать историю и уже в «новом свете» отразить в ней некоторые события. В результате этого на Украине начали поднимать голову недобитые бендеровцы, часть молдаван начали называть себя румынами, а на улицах России

появились молодчики под знаком свастики. Любые передел, переписывание, смена идеологии непременно порождают трещины в истории, через которые на поверхность пробивается грязь. И поверьте, через эту грязь нельзя пройти, не выпачкавшись в ней, и в ней будут все больше пачкаться наши дети и внуки.

Наша задача — поставить мощную плотину на пути этой грязи, и такой плотиной может стать только историческая правда без ее сладких приукрашиваний и излишнего очернительства. Правда, основанная на документах и фактах, при ее правильной пропаганде непременно превратится в прочную память народную, в которой сегодня все мы так сильно нуждаемся.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Из директивы Верховного командования вермахта № 21 от 18 декабря 1940 года

План «Барбаросса»

Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как буде закончена война против Англии (Вариант «Барбаросса»).

...Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций.

Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.1941 г.

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны.

Подготовительные мероприятия высших командных инстанций должны проводиться исходя из следующих основных положений.

Общий замысел.

Основные силы русских сухопутных войск, находящихся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

...Эффективные действия русских военно-воздушных сил должны быть предотвращены нашими мощными ударами уже в самом начале операции.

Проведение операций.

А) Сухопутные силы. (В соответствии с оперативным замыслом, доложенном мне.)

Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий.

Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее нее и разбить силы противника в Белоруссии. Таким образом будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север с тем, чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующего в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы — важного центра коммуникаций и военной промышленности.

Только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих обеих задач одновременно.

Важнейшей задачей 21-й армии в течение Восточной кампании остается оборона Норвегии.

Имеющиеся сверх этого силы (горный корпус) следует использовать на Севере прежде всего для обороны области Петсамо и ее рудных шахт, а также трассы Северного Ледовитого океана. Затем эти силы должны совместно с финскими войсками продвинуться к Мурманской железной дороге, чтобы нарушить снабжение Мурманской области по сухопутным коммуникациям.

Будет ли такая операция осуществлена силами немецких войск (две-три дивизии) из района Рованиеми и южнее его, зависит от готовности Швеции предоставить свои железные дороги в наше распоряжение для переброски войск.

Основным силам финской армии будет поставлена задача в соответствии с продвижением немецкого северного фронта наступлением западнее или по обеим сторонам Ладожского озера сковать как можно больше русских войск, а также овладеть полуостровом Ханко.

Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру.

С этой целью главный удар наносится из района Люблина в общем направлении на Киев. Одновременно находящиеся в Румынии войска форсируют р. Прут в нижнем течении и осуществляют глубокий охват противника. На долю румынской армии выпадает задача сковать русские силы, находящиеся внутри образуемых клещей...

Адольф Гитлер.

Приложение 2

Из директивы по стратегическому развертыванию ОКХ от 31.1.1941 г. по плану «Барбаросса»

...Операцию нужно вести таким образом, чтобы уничтожить находящуюся в Западной России массу русских войск путем быстрейшего продвижения вперед ударных танковых групп и помешать отходу боеспособных войск в просторы русской территории.

Замысел:

...Южнее Припятских болот (группа армий «Юг» генерал-фельдмаршала фон Рунштедта) надлежит использовать быстрый прорыв мощных танковых сил из района Люблина в направлении на Киев...

Приложение 3

Из доклада начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии Гитлеру и руководству страны по плану «Барбаросса» 3 февраля 1941 года

У западной границы русские имеют примерно 100 пехотных дивизий, 25 кавалерийских дивизий, примерно 30 механизированных дивизий.

Собственные силы примерно равные, но по данным генерала Кестринга, немецкие войска качественно значительно превосходят противника.

Подробности о силе, структуре русских дивизий: важно только то, что и в пехотных дивизиях относительно много танков, но плохих, наскоро собранная техника.

В отношении механизированных дивизий у нас превосходство в танках, стрелках, артиллерии. Количественное превосходство у русских, качественное — у нас.

Артиллерией русские вооружены нормально, но техника неполноценная. Командование артиллерией неудовлетворительное. Намерения русского командования нераспознаваемы. На границе крупные силы, возможности отступления ограничены, поскольку Прибалтика и Украина жизненно важны для русских с точки зрения продовольственного снабжения. Работы по созданию укреплений ведутся полным ходом, особенно на северном и южном флангах...

Приложение 4

Из записи совещания у начальника Отдела обороны страны Штаба Верховного главнокомандования вермахта от 1 мая 1941 года

Фюрер решил: начало «Барбаросса» — 22 июня.

С 23 мая — введение в действие плана максимальных перевозок войск...»

Приложение 5

Из дневника начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера от 7 мая 1941 года

3. Положение с шоссейными и железным дорогами для «Барбаросса» удовлетворительное.

4. Сосредоточение по плану «Барбаросса»: 17 тысяч поездов. После выброски войск начнется перевозка резервов. Тогда, начиная с 24.6, ежедневно будут отправляться еще 106 поездов со снабжением.

5. Прикрытие с воздуха железнодорожных перевозок по плану «Барбаросса»: 15 батарей с 20-мм орудиями на железнодорожных платформах (по 16 орудий в батарее). Группа

армий «Юг» (8-й воздушный округ) — три батареи; группа армий «Центр» (2-й воздушный округ) — семь батарей; группа армий «Север» — (1-й воздушный флот) — пять батарей.

Приложение 6

Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками

В настоящее время Германия имеет развернутыми около 230 пехотных, 13 танковых, 12 моторизованных и 1 кавалерийскую дивизий, а всего около 120 дивизий.

Из них на границах Советского Союза, по состоянию на 15.5.41 г. сосредоточено до 94 пехотных, 13 танковых, 12 моторизованных и 1 кавалерийская дивизий, а всего 120 дивизий.

Предполагается, в условиях политической обстановки сегодняшнего дня, Германия, в случае нападения на СССР, сможет выставить против нас до 144 пехотных, 20 танковых, 18 моторизованных, 2 кавалерийские и 5 воздушно-десантных дивизий, а всего 189 дивизий.

Остальные 95 дивизий будут находиться в центре страны, на западных границах, в Норвегии, в Африке, в Греции и Италии.

Вероятнее всего, главные силы немецкой армии в составе 76 пехотных, 10 танковых, 10 моторизованных, 5 воздушно-десантных, а всего до 100 дивизий будут развернуты к югу от Демблин для нанесения удара в направлении — Ковель, Ровно, Киев.

Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться ударом на Севере и Восточной Пруссии на Вильно и Ригу, а также ко-

роткими, концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи.

На Юге — возможно ожидать одновременного с германской армией перехода в наступление в общем направлении на Жмеринку — румынской армии, поддержанной германскими дивизиями.

Не исключена также возможность вспомогательного удара немцев из-за реки Сан в направлении на Львов.

Вероятные союзники Германии могут выставить против СССР: Финляндия до 20 пехотных дивизий, Венгрия — 15 пехотных дивизий, Румыния — до 25 пехотных дивизий.

Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар.

II. Чтобы предотвратить это и разгромить немецкую армию, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

Ближайшей стратегической целью действий войск Красной Армии поставить разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее Демблин и выход к 30 дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц, для чего:

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее южных союзников.

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин с целью сковыва-

ния варшавской группировки и содействия Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки противника.

в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и быть в готовности к нанесению удара против Румынии при первой же возможности.

Исходя из указанного замысла стратегического развертывания, предусматривается следующая группировка вооруженных сил СССР.

1. Сухопутные силы Красной Армии — 198 стрелковых, 61 танковая, 31 моторизованных, 13 кавалерийских дивизий (всего 303 дивизии) и 74 артполка РГК распределяются следующим образом:

а) главные силы в составе 164 стрелковых, 40 танковых, 20 моторизованных и 7 кавалерийских дивизий (всего 249 дивизий) и 53 артполка РГК иметь на Западе, из них: в составе Северного, Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов — 137 стрелковых, 40 танковых, 20 моторизованных, 7 кавалерийских дивизий (всего 204 дивизии) и 53 артполка РГК; в составе резерва ГК за Юго-Западным и Западным фронтами — 27 стрелковых, 12 танковых, 6 моторизованных дивизий (всего 45 дивизий).

...Детальная группировка сил показана на прилагаемой карте.

2. Военно-Воздушные Силы Красной Армии в составе имеющихся и боеспособных на сегодняшний день 97 истребительных, 75 бомбардировочных, 11 штурмовых, 22 дальних бомбардировочных и 6 тактических бомбардировочных полков (всего 218 авиаполков) распределяются следующим образом:

а) главные силы в составе 68 иап, 64 бап, 5 шап, 25 дбп и 5 тбп (всего 165 авиаполков) разместить на Западе, из них:

— в составе Северного, Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов — 63 иап, 64 бап, 5 шап, 11 дбп и 1 тбп — всего 144 авиаполка;

— в составе резерва ГК за Юго-Западным и Западным фронтами — 3 иап, 14 дбп и 4 тбп, всего 21 авиаполк.

Состав и задачи развертываемых на Западе фронтов

Северный фронт (ЛВО) — 3 армии в составе — 15 стрелковых, 4 танковых и 2 моторизованных дивизий, всего 21 дивизия, 18 полков авиации и Северного ВСФ с основными задачами — обороны г. Ленинграда, порта Мурманск, Кировской ж/д и совместно с Балтийским ВМФ обеспечить за нами полное господство в воздухе Финского залива. С этой же целью предусматривается передача Северному фронту из ПрибВО — обороны северного и северо-западного побережья Эстонской ССР.

Граница фронта слева — Осташков, Остров, Выру, Вильянди, залив Матсалу, остров Эзель и Даго исключительно.

Штаб фронта — Парголово.

Северо-Западный фронт (Прибво) — три армии в составе 17 стрелковых дивизий (из них 6 национальных), 4 танковых, 2 моторизованных дивизии, всего 23 дивизии и 13 авиаполков, с задачами: упорной обороной прочно прикрыть Рижское и Виленское направления, не допустить вторжения противника из Восточной Пруссии; обороной западного побережья и островов Эзель и Даго не допустить высадки морских десантов противника.

Границы фронта слева — Полоцк, Ошмяны, Друскеники, Марирабова, Летцен.

Штаб фронта — Понивеж.

Западный фронт (Зап ОВО) — четыре армии в составе 31 стрелковой, 8 танковых, 4 моторизованных и 2 кавалерийских дивизий, а всего 45 дивизий и 21 полка авиации. Задачи: упорной обороной на фронте Друскеники, Остроленка прочно прикрыть лидское и белостокское направления.

С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление ударом левого крыла фронта в общем направлении на Седлец, Радом способствовать Юго-Западному фронту разить Люблинско-Радомскую группировку противника и обеспечить эту операцию со стороны Варшавы и Восточной Пруссии.

Границы фронта слева — р. Припять, Пинск, Влодава, Демблин, Радом.

Штаб фронта — Барановичи.

Юго-Западный фронт — восемь армий в составе 74 стрелковых, 18 танковых, 9 моторизованных и 5 кавалерийских дивизий, а всего 106 дивизий и 91 полк авиации, с ближайшими задачами:

а) концентрическим ударом со стороны Сенява, Перемышль, Лютовиска разбить силы противника на краковском направлении в районе Люблин;

б) одновременно ударом с фронта Сенява, Перемышль, Лютовиска разбить силы противника на краковском направлении и овладеть районом Краков, Катовице, имея в виду в дальнейшем наступать из этого района в северном или северо-западном направлении для разгрома крупных сил северного крыла фронта противника и овладения территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.

в) прочно оборонять госграницу с Венгрией и Румынией и быть готовым к нанесению удара против Румынии.

Для того, чтобы обеспечить выполнение изложенного выше замысла, необходимо заблаговременно провести следующие мероприятия, без которых невозможно нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле:

1. Провести скрытое отмобилизование войск под видом учебных сборов запаса;

2. Под видом выхода в лагеря произвести скрытное сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного Командования;

3. Скрытно сосредоточить авиацию на полевые аэродромы из отдаленных округов и теперь же начать развертывать авиационный тыл;

4. Постепенно под видом учебных сборов и тыловых учений развертывать тыл и госпитальную базу.

V. Группировка резервов ГК.

В резерве ГК иметь пять армий и сосредоточить их...

VI. Прикрытие сосредоточения и развертывания.

Для того, чтобы обеспечить себя от возможного внезапного удара противника, прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление, необходимо:

1. Организовать прочную оборону и прикрытия госграницы, используя для этого все войска приграничных округов и почти всю авиацию, назначенную для развертывания на Западе.

2. Разработать детальный план ПВО страны и привести в полную готовность средства ПВО.

По этим вопросам мной сделаны распоряжения и разработка планов обороны госграницы и ПВО полностью заканчивается к 1.6.41 г.

Состав и группировка войск прикрытия — согласно прилагаемой карты.

VIII. Развертывание войск и их боевые действия имеющимися запасами обеспечиваются:

....

Приложения:

1. Схема развертывания на карте 1: 1.000 000 в 1 экз.

2. Сх. развертывания на прикрытие на 3-х картах.

3. Сх. соотношения сил в 1 экз.

4. Три карты базирования ВВС на западе.

НКО обороны (подписи нет) Тимошенко

Начальник Генерального штаба (подпись имеется)

Жуков.

(Архив Генерального штаба, вх. 3120.)

Приложение 7

Выдержки из записки наркома обороны СССР в Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 июня 1940 г.

В целях обеспечения скорейшей подготовки Прибалтийского ТВД считаю необходимым немедленно приступить на территории занятых республик к осуществлению следующих мероприятий:

Границу с Восточной Пруссией и Прибалтийское побережье немедленно занять нашими погранвойсками для предотвращения шпионской и диверсионной деятельности со стороны западного соседа.

В каждую из занятых республик ввести по одному (в первую очередь) полку войск НКВД для охраны внутреннего порядка.

....

7. На территории Прибалтийских республик образовать Прибалтийский военный округ со штабом в Риге. Командующим войсками округа назначить командующего Среднеазиатским военным округом т. Апанасенко. Штаб округа сформировать из штаба 8-й армии.

8. На территории округа приступить к работам по подготовке ее как театра военных действий (строительство укреплений, подшивка железных дорог, дорожное и автодорожное строительство, склады, создание запасов и пр.).

План подготовки ТВД представлю дополнительно.

Народный комиссар обороны

Маршал Советского Союза С. Тимошенко.

(РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 71, л. 148.)

Приложение 8

Выдержки из соображений об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и Востоке на 1940 и 1941 гг.

18 сентября 1940 г.

Докладываю на Ваше рассмотрение соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940 и 1941 годы.

НАШИ ВЕРОЯТНЫЕ ПРОТИВНИКИ

Сложившаяся политическая обстановка в Европе создает вероятность вооруженного столкновения на наших западных границах.

На наших западных границах наиболее вероятным противником будет Германия.

Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе... против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ВЕРОЯТНЫХ ПРОТИВНИКОВ

Основным, наиболее сильным противником является Германия.

Всего, с учетом указанных выше вероятных противников, против Советского Союза на Западе может быть развернуто: Германией — 173 пехотные дивизии, 10 000 танков, 13 000 самолетов; Финляндией — 15 пехотных дивизий, 400 самолетов: Румынией — 30 пехотных дивизий, 250 танков, 1100 самолетов; Венгрией — 15 пехотных дивизий, 300 танков, 500 самолетов. Всего — 253 пехотные дивизии, 10 550 танков, 15 100 самолетов.

ВЕРОЯТНЫЕ ОПЕРАТИВНЫЕ ПЛАНЫ ПРОТИВНИКОВ

Документальными данными о вероятных планах противников, как по Западу, так и по Востоку, Генеральный штаб Красной Армии не располагает.

Наиболее вероятными планами стратегического развертывания возможных противников могут быть:

На западе.

Германия вероятнее всего развернет свои главные силы к северу от устья р. Сан, с тем, чтобы Восточной Пруссии через Литовскую ССР нанести и развить главный удар в направлении на Ригу, на Ковно и далее на Двинск — Полоцк или на Ковно — Вильно и далее на Минск.

Одновременно необходимо ожидать вспомогательных концентрических ударов со стороны Ломжи и Бреста, с последующим развитием их в направлении Барановичи, Минск.

Вполне возможен, также, одновременно с главным ударом немцев из Восточной Пруссии, их удар с фронта Холм, Грубегов, Томашев, Ярославль на Дубно, Броды с целью выхода во фланг нашей Львовской группировке и овладения Западной Украиной.

Если Финляндия выступит на стороне Германии, то не исключена поддержка ее армии германскими дивизиями для атаки Ленинграда с северо-запада.

На Юге возможно ожидать одновременного с германской армией перехода в наступление из районов Северной Румынии в общем направлении на Жмеринку румынской армии, поддержанной германскими дивизиями.

Не исключена возможность, что немцы, с целью захвата Украины, сосредоточат свои главные силы на юге в районе Седлец, Люблин для нанесения главного удара в общем направлении на Киев.

Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательными ударами на Севере из Восточной Пруссии, как указывалось выше.

...Основным, и наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно и наиболее вероятным, является первый вариант ее действий, т.е. с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от р. Сан.

ОСНОВЫ НАШЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ

Главные силы Красной Армии на Западе, в зависимости от обстановки, могут быть развернуты или к югу от Брест-Литовска, с тем, чтобы мощным ударом в направлении Люблин и Краков и далее на Бреславу (Братислав) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить

ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовского с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней.

Окончательное решение о развертывании будет зависеть от той политической обстановки, которая сложится к началу войны; в условиях же мирного времени считаю необходимым иметь разработанными оба варианта...

Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза С. Тимошенко.
Начальник Генерального штаба
Генерал армии К. Мерецков.
(Архив Генерального штаба, вх. 3166, сентябрь 1940 г.)

Приложение 9

Из доклада наркома обороны СССР С.К. Тимошенко и начальника Генерального штаба К.А. Мерецкова в ЦК ВКП(б)

Докладываю на Ваше утверждение основные выводы из Ваших указаний, данных 5 октября 1940 г. при рассмотрении планов стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на 1941 г.

...Главный театр военных действий и главный противник на Западе, поэтому здесь и должны быть сосредоточены и главные наши силы...

2. На Западе главную группировку иметь в составе Юго-западного фронта с тем, чтобы мощным ударом в направлении Люблин и Краков, а далее на Бреслау в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишив ее

важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне.

Одновременно активными действиями Северо-Западного и Западного фронтов сковать силы немцев в Восточной Пруссии.

С учетом указанных мероприятий силы Юго-Западного фронта довести до 80 стрелковых дивизий, 5 мотострелковых дивизий, 11 танковых дивизий и 140 полков авиации.

Кроме того, в резерве Главного командования иметь на Западном фронте в районе Двинск, Полоцк, Минск не менее 20 стрелковых дивизий и за Юго-Западным фронтом в районе Шепетовка, Проскуров, Бердичев — не менее 23 стрелковых дивизий.

....

8. Разработку всех планов развертывания и действий войск, как по линии Наркомата обороны, так и по линии Наркомата Военно-Морского флота, закончить к 1 мая 1941 года.

Нарком обороны СССР

Маршал Советского Союза С. Тимошенко

Начальник Генерального штаба

Красной Армии К. Мерецков.

Схема развертывания ВС СССР (приложение ГШ РККА, март 1941 г.

(ЦАМО, ф. 16, оп. 2951сс, д. 245/10, карта 2730.)

Приложение 10
«УТВЕРЖДАЮ»
Командующий войсками КОВО
генерал-лейтенант (Кирпонос)
Член Военсовета КОВО
корпусной комиссар
(Вашугин)

ПЛАН
прикрытия госграницы на участке (иск) м. КРИСТЫНОПОЛЬ, ГРАБОВЕЦ частями 6-й армии РП-2
(карта 100000)

План прикрытия переработан на основании директивы Военного Совета КОВО № А1/0017 от 18 апреля 41 г. Условное название плана «КОВО — 41».

План вводится в действие:

а) с получения телеграммы о мобилизации;

б) в случае необходимости ввести его в действие до объявления мобилизации, по получении условной шифртелеграммы за подписью Военного Совета КОВО следующего содержания: «Приступите к выполнению КВО — 41».

Начальник района прикрытия — командующий 6-й армией.

Штаб РП — 2 (Штарм 6) с началом действий ЯНУВ.

ОЦЕНКА ПРОТИВНИКА
(по данным агентуры, УПВ НКВД УССР
и войскового наблюдения)

А) НАЗЕМНЫЙ ПРОТИВНИК

В пограничной полосе против участка госграницы 2 района прикрытия немцы имеют значительные силы своих войск, дислоцировав их в следующих районах:

а). ГРУБЕШОВ, ЗАМОСТЬЕ, ТОМАШУВ Две пд, одна мд, кавполк и танковый полк.

б). САНДОМИР, КЕЛЬЦЕ, РАДОМ Две пд, одна мд, авиачасть.

в). ЯРОСЛАВ, ЖЕШУВ, ПШЕМЫСЛЬ Два пд, одна тд.

Всего шесть пд, две мд и более тд.

Во второй половине марта и в начале апреля отмечены значительные переброски германских войск в погран. полосу — общей численностью 2—3 пд.

Одновременно увеличился подвоз боеприпасов и горючего, основная масса которых завозится в район ГРУБЕШОВ, ЗАМОСТЬЕ, ТОМАШУВ.

Таким образом, основные группировки немецких войск мирного времени сосредоточены:

первая — в районе ГРУБЕШОВ, ЗАМОСТЬЕ, ТОМАШУВ;

вторая — ЯРОСЛАВ, ЖЕШУВ, ПШЕМЫСЛЬ.

Силы этих группировок могут быть выброшены в первый же день на границу на участок 2 района прикрытия.

При развертывании эти две группировки могут составить две армии с границей между ними р. САН (от САНДОМИР до СЕНЯВА) и вероятными действиями главными силами:

первой — с фронта БЕЛЗ, ЦЕШАНУВ на ЗЛОЧУВ, ЛЬВОВ;

второй — с фронта ЧРОСЛАВ, ПШЕМЫСЛЬ на ЛЬВОВ.

Б) ВОЗДУШНЫЙ ПРОТИВНИК

Точных исчерпывающих данных нет о боевом составе ВВС, дислоцируемых в приграничной полосе или вблизи нее.

По данным разведки и агентуры устанавливается следующая дислокация ВВС противника:

а) ЛЮБЛИН — авиачасть численностью до 210 самолетов и ЗАД;

б) ДЕМБЛИН — авиачасть, базирующаяся на трех аэродромах и зенитный артиллерийский полк;

в) РАДОМ — авиачасть (численность не установлена);

г) ЗАМОСТЬЕ — авиасоединение (бомбардировщики) количество самолетов не установлено;

д) БЕЛОГРАЙ — авиачасть (численность не установлена);

е) КЕЛЬЦЕ — авиачасть (численность не установлена);

ж) КРАСНО — до 50 самолетов;

з) КРАКОВ — штаб авиасоединения, эскадра самолетов, 11 и 77 зенартполки;

и) ТАРНУВ — авиачасть (численность и типы самолетов не установлено);

Идет усиленная боевая подготовка по сколачиванию экипажей, подразделений и частей для действий днем, ночью и в непогоду.

По этим недостаточным данным можно определить, что основные силы авиации находятся в районе ЛЮБЛИН, РАДОМ, ЗАМОСТЬЕ.

ИНЖЕНЕРНАЯ ПОДГОТОВКА ТЕАТРА НЕМЦАМИ

1. Укрепления.

Продолжаются усиленные оборонительные работы на границе. Наряду с отрывкой окопов полевого типа, установлено строительство УР в районах БЕЛЖЕЦ, ЛЕЖАЙСК, ЯРОСЛАВ, ПШЕМЫСЛЬ. В этих районах отмечается строительство железобетонных ДОТ, ДЗОТ, противотанковых и противопехотных заграждений, а также минирование участков.

Продолжаются работы по отрывке сплошного противотанкового рва от КРИСТИНОПОЛЬ до устья р. ВИСЛОК вдоль

границы шириной 8 м и глубиной 4 м. По дну рва и его скатам поставлены проволочные заграждения, через которые пропущен электроток. На участке ЖИЛКА, ЛИПСКО ров закончен.

Отрывка такого же рва отмечается по рубежу ЛАЩУВ, ТОМАШУВ.

Девять ДОТов установлено: у сев. окр. ЗАСТАВЕ, 1 км зап. МЫСЬЯНИН, на вост. окр ХОДОВАНЬЦЕ, у южн. окр. м. ЯРЧУВ, зап. КРУПЕЦ, южн. ПЛАЗУВ, отм. 318 (сев. ПЛАЗУВ 5 км) и на южн. окр. ЕЗЕРНЯ.

Окопные работы ведутся по рубежам:

а). ТЫШОВИЦЕ, ЛАЩУВ, ТАРНОВАТКА;

б). КОМАРОВ, ГУТНУВ, ЮЗЕФОВ;

в). ЛАБУНЕ, ЛИПСКО.

Большая активность работ наблюдается по зап. берегу р. САН, ВИСЛОК и ВИСЛОКА.

Дорожное строительство.

Существовавшие шоссе отремонтированы. Мосты усилены.

Строятся новые шоссейные дороги:

а). ГРУБЕШОВ, БЕЛЗ;

б). ЯНОВ НИСКО;

в). КРЖЕШУВ, ТАРНОГРОД, ЦЕШАНУВ.

Параллельно этому шоссе строится узкоколейная железная дорога.

Кроме этого, строятся узкоколейные железные дороги:

а) ЯНУВ, БЕЛГОРАЙ;

б) ЛАЩУВ, ВАРЕЖ.

Строительство аэродромов.

Строятся новые аэродромы в районах: ЗАМОСТЬЕ (работы отмечены на семи аэродромах в радиусе 15—20 км от ЗАМОСТЬЕ, ТАРНУВ и ЖЕШУВ.

Старые аэродромы приводятся в порядок и расширяются.

4. Строительство складов.

В районе ТОМАШУВ построено до двухсот бараков, которые заполняются боеприпасами.

Таким образом, немцами ведется интенсивное оборонное строительство, которое наиболее развито по зап. берегу р. САН. Долговременные сооружения на участке м. КРИСТИНОПОЛЬ, СЕНЯВА возводятся на направлениях оперативно-целесообразных и благоприятных для наступления крупных войсковых масс.

II. ЗАДАЧА ПРИКРЫТИЯ

Войскам второго района прикрытия поставлены задачи:

а) Прикрыть сосредоточение и развертывание войск армии;

б) Прочно опираясь на предполье и оборонительные сооружения 3, 1 и 5 УО СТРУМИЛОВСКОГО УР и РАВА-РУССКОГО УР, не допустить прорыва противника на территории СССР на участке (иск) м. КРЫСТЫНОПОЛЬ, ГРАБОВЕЦ (3434) протяжением 165 км, а прорвавшихся уничтожить.

в) Прочно удерживать направления:

1. ТОМАШУВ, РАВА-РУССКАЯ, ЖУЛЬКЕВ;

2. ДАХНУВ, м. НЕМИРУВ;

3. ПШЕВОРСК, ЯРОСЛАВ, ЯВОРУВ.

г) Не допустить прорыва авиации противника на нашу территорию.

д) Обеспечить охрану объектов и сооружений военного и государственного значения.

III. БОЕВОЙ СОСТАВ ВТОРОГО РАЙОНА ПРИКРЫТИЯ

Управление 6 армии.

Управление и корпусные части 6 ск.

41, 97, 159 сд, 3 кд.

Управление 4 мех. корпуса.

10, 37, тд и 212 мд.

324 гап РГК, 135 пап РГК, 4 дивизия ПВО, 19 батальон ВНОС.

Управление Тарнопольского бригадного района ПВО (вновь формируемого у 1.6. 41).

Струмиловский УР — 44, 149 ОПБ и 345 арт. полк.

Рава-Русский УР — 21, 36 и 141 ОПБ.

91 погранотряд, 1 и 2 комендатуры 92 погранотряда.

15 авиадивизия — 23, 28 ИАП, 66 ШАП и 20 ИАП (последний ИАП переподчиняется из состава 17 авиадивизии).

Голубиная станция № 7.

IV. СОСЕДИ И ГРАНИЦА С НИМИ

Справа части района прикрытия № 1 (5А).

Штаб РП (5А) КОВЕЛЬ.

Граница с ними (все иск.) КРЕМЕНЕЦ, м. КРИСТИНОПОЛЬ.

Слева части района прикрытия № 3. Штаб РП — САМБОР.

Граница с ними — ТАРНОПОЛЬ, БУБРКА, ГРУДЕК ЯГОЛЬНСКИЙ, БУНОВ, ст. РОДЫМНО.

Тыловая граница — (иск) КРЕМЕНЕЦ, ТАРНОПОЛЬ.

V. ОЦЕНКА РАЙОНА ДЕЙСТВИЙ ЧАСТЕЙ ПРИКРЫТИЯ

а). Общая характеристика пограничной полосы

Полоса местности, прилегающая к госгранице от КРИСТИНОПОЛЬ до СЕНЯВА, покрыта смешанными лесами. Перерывы этих лесов, идущие с севера на юг, имеются на направлениях:

ЯРЧУВ, МАХНУВ, РАВА РУСКА;

ТОМАШУВ, м. НЕМИРОВ;

ТАРНОГРАД, ЛЮБАЧУВ.

В каждом из этих направлений возможны действия крупных соединений всех родов войск.

Южнее СЕНЯВА вдоль р. САН на юг тянется открытая полоса местности шириной от 3-х до 8-ми км…

Общий вывод: По условиям местности пограничной полосы и оценки направлений, является необходимым основные усилия района прикрытия иметь на РАВА РУССКОМ направлении.

VI. ИНЖЕНЕРНАЯ ПОДГОТОВКА РАЙОНА ПРИКРЫТИЯ

По линии госграницы (иск.) м. КРИСТИНОПОЛЬ до НЕЛЕПКОВИЦЕ построено предполье, состоящее из восемнадцати батрайонов и трех отдельных РОПов.

За предпольем производится строительство Струмиловского и Рава-Русского укрепрайонов с передним краем железобетонного пояса по линии — 2 км сев. ПАХРАЧ, с.З. опушка ГРУШЕВИЦ ЛЯС, КОПАНЬ (7000), ЗАВОРЗЕ, ЖИЧКИ, выс. 260, 238, южн. окр. м. ЛЮБЫЧА КРУЛЕВСКА, ГУТЬ СТАРА, БРУСНО СТ., БРУСНО НОВЭ, РУДКА-ДОМБРОВА.

Вывод: инженерная подготовка приграничной полосы района прикрытия дает возможность прочно оборонять границу и не допустить прорыва ее противником на важнейших направлениях.

VII. ЗАМЫСЕЛ ПРИКРЫТИЯ

Район прикрытия разбивается на два участка:

Участок прикрытия № 1 (иск.) КРЫСТЫНОПОЛЬ, УРНУВ.

Начальник — командир 3 кд. Штаб участка — БУТЫНЫ (7012).

Состав сил: 3 кд, 44, 140 отдельные пулеметные батальоны и 345 арт. полк Струмиловского УР, 1 и 2 комендатуры (без 8 заставы) 91 ПО.

Занимают для обороны госграницу через 6 часов — 9 часов 30 минут летом и через 7 часов — 10 часов 30 минут зимой после объявления тревоги.

Участок прикрытия № 2 (иск.) УГНУВ, ГРАБОВЕЦ (3434)

Начальник — командир 6 ск. Штаб участка — ЯВОРУВ.

Состав сил: управление и корпусные части 6 ск, 41 и 97 сд, 135 РГК, пап 21, 36 и 141 пулеметные батальоны Рава-Русского укрепрайона, 8 застава 3 комендатуры, 3 и 4 комендатуры 91 ПО, 1 и 2 комендатуры 92 ПО.

Занимают для обороны госграницу через 6 часов — 9 часов летом и через 7 часов — 10 часов зимой после объявления боевой тревоги.

Резервы района прикрытия:

а) 15 мехкорпус сосредотачивается в районе ВОЛДУРИ, м. СОКОЛУВКА, (иск.) БРОДЫ летом через 5—18 часов, зимой — через 6—10 часов после объявления тревоги.

б) 4 мехкорпус сосредотачивается в районе КРЕХУВ, (иск.) ЯНУВ, БЖУХОВИЦЕ летом через 9 часов, зимой — через 10 часов после объявления боевой тревоги.

в) 159 сд сосредотачивается в районе м. НЕМИРУВ, ЗАВИДУВ, БОРОВЫ летом через 7 часов, зимой — через 8 часов после объявления боевой тревоги.

Части, выдвинутые на госграницу, прочно обороняют ее, опираясь на предполье и 3, 4 и 5 узлы обороны СТРУМИЛОВСКОГО УР и РАВА-РУССКОГО УР, не допуская прорыва обороны противника на нашу территорию.

Основные усилия обороны на направлениях:

м. КРИСТИНОПОЛЬ, м. МОСТЫ ВЕЛЬКЕ.

ТОМАШУВ, РАВА-РУССКАЯ.

ЦЕШАНУВ, ДАХНУВ, ЛЮБАЧУВ, м. НЕМИРУВ.

ЯРОСЛАВ, РАДЫМНО, КРАКОВЕЦ.

В случае прорыва противника на нашу территорию уничтожение его производится резервами во взаимодействии с авиацией, опираясь на передний край УР, занятый пульбатами, выполняя следующий план:

При прорыве противника в направлении БЕЛЗ, МОСТЫ ВЕЛЬКЕ или БЕЛЗ, ВУЛЬКА МАЗОВЕЦКА уничтожают его:

а) 15 мехкорпус, действуя из района своего расположения на с.з. и 4 мехкорпус, действуя на с.в. или север совместно с 3 кд и частями Струмиловского УР.

При прорыве противника на направлении ТОМАШУВ, РАВА-РУССКАЯ уничтожают его:

а) 15 мехкрпус — действуя на запад.

б) 4 мехкорпус — действуя из своего района сосредоточения на северо-запад.

в) 159 сд — действуя на с.в. или север, совместно с частями 41 сд и частями Рава-Русского УР.

В случае форсирования противником р. САН, уничтожение его производится частями 4 мк, 159 сд совместно с частями 97 сд во взаимодействии с авиацией.

VIII. РЕШЕНИЕ НА ПРИКРЫТИЕ И ЗАДАЧИ ЧАСТЯМ

Участок прикрытия № 1 (3 кд, 44, 140 отдельные пулеметные батальоны и 345 арт. полк Струмиловского УР, 1 и 2 комедатуры (без 8 заставы) 91 ПО).

Задачи частей участка:

1. Прочно удерживать госграницу на участке (иск.) КРИСТЫНОПОЛЬ, УРНОВ (протяжением 40 км), опираясь на подготовленные в мирное время 1, 2, 3, 4, 5 и 6 батрайоны, 3, 4 и 5 узлы обороны Струмиловского УР и ОП № 3 узла обороны № 1 Рава-Русского УР в районе выс. 222, ДИНЫСЫ (7000).

2. Не допустить прорыва противника на нашу территорию, уничтожая прорвавшихся.

3. Прочно обеспечить направление БЕЛЗ, КАМИОНКА СТРУМИЛОВА.

Готовность обороны летом через 9 часов 30 минут, зимой — через 10 часов 30 минут после объявления боевой тревоги.

Группировка сил участка:

158 кп с 1 и 3/345 ап.

1). Прочно удерживать участок госграницы выс. 195 (1 км южн. м. КРИСТЫНОПОЛЬ), (иск.) ВОЛЯ ГЛУХОВСКАЯ (8491), ГРУШОВЕЦ ЛЯС, опираясь на подготовленный в мирное время к обороне 1 батрайон предполья (8 км).

2). Не допустить форсирования противником р. СОЛОКИЯ и прорыва его в направлении ПАРХАЧ, фл. ГРУШУВ.

Главные усилия на паравлении м. КРИСТЫНОПОЛЬ, ПАРХАЧ.

Готовность обороны летом через 6 часов, зимой — через 7 часов после объявления тревоги.

Граница слева — фл. АДАМУВКА (7894), (иск.) ВОЛЯ ГЛУХОВСКАЯ, ЖАБЧЕ.

60 кп с 2/345 ап

1). Прочно удерживать участок госграницы ВОЛЯ ГЛУХОВСКА, ВОРОНУВ (8206), сев. окр. КЛЕВЧАНЫ, (иск.) фл. ОСМОЛИЦА, опираясь на подготовленные к обороне в мирное время 2 и 3 батрайоны предполья (16 км).

2). Не допустить форсирования противником р. СОЛОКИЯ и прорыва его в район ВАНЮВ и в направлении БЕЛЗ, ПРУСНИВ.

Готовность обороны летом через 9 часов 30 минут, зимой через 10 часов 30 минут после объявления боевой тревоги.

34 кп с 27 конад

1). Прочно удерживать участок госграницы (иск.) ВОРОНУВ, ПОДЛЕМБЦЕ, сев. опушка лесов южн. и ю.в. КАРУВ (16 км), опираясь на подготовленные к обороне 5 и 6 батрайоны предполья.

2). Не допустить форсирования противником р. СОЛОКИЯ и прорыва его в направлении КОРЧУВ, ДОМАШУВ и в районе УГНУВ.

Главные усилия в районах КАРУВ, УГНУВ и ПОДДЕМБИЦЕ.

Готовность обороны летом через 9 часов 30 минут, зимой через 10 часов 30 минут после объявления боевой тревоги.

99 кп и 44 танк. полк сосредотачиваются в районе выс. 205,0, ВЕЧОРКИ (7490), ур. ЛЯС ВОЛИЦА летом через 6 часов, зимой через 7 часов после объявления боевой тревоги, где составляют ударную группу дивизии.

Подготавливают действия для контрудара в направлениях:

1). м. КРИСТИНОПОЛЬ; 2). БЕЛЗ; 3). УГНУВ.

Зенитный дивизион прикрывает ударную группу дивизии. Готовность к открытию огня летом через 9 часов, зимой через 10 часов после объявления боевой тревоги.

Штадив — БУТЫНЫ (7012) переходит в указанный пункт летом через 6 часов, зимой через 7 часов.

Участок прикрытия № 2. (Управление и корпусные части 6 ск, 41 и 97 сд, 135 пап РГК, 21, 36 и 141 пулеметные батальоны РАВА-РУССКОГО укрепрайона, 8 застава 3 комендатуры, 3 и 4 комендатуры 91 ПО, 1 и 2 комендатуры 92 ПО.)

Задача частей участка:

1. Прочно оборонять госграницу на участке (иск.) УГНОВ, СЕНЯВА, ГРАБОВЕЦ (3434), опираясь на подготовленные в мирное время 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17 и 18 батрайоны предполья и ротные опорные пункты в районах ДЫХНУВ, МАСЛЯНКУВ, НЕЛЕПКОВИЦЕ и РАВА-РУССКИЙ (протяжением 125 км).

2. Не допустить прорыва противника на нашу территорию, уничтожая прорвавшихся.

3. Прочно удерживать направления:

а) ТОМАШУВ, РАВА-РУССКА, ЖУЛЬКЕВ;

б) ДЫХНУВ, м. НЕМИРУВ;

в) ПШЕВОРСК, ЯРОСЛАВ, ЯВОРУВ.

Группировка сил участка:

41 сд с 209 кап, 135 пап РГК, 21, 36 и 141 пулеметными батальонами РАВА-РУССКОГО УР, 8 заставой 2 комендатуры и 3 комендатурой 91 ПО — прочно оборонять госграницу на участке (иск.) УГНУВ, (иск.) НОВЭ СЕЛО (6654) (протяжением 42 км), опираясь на подготовленные в мирное время 7, 8, 9 и 10 батрайоны предполья и оборонительные сооружения 2, 3, 4 и 5 узлов обороны РАВА-РУССКОГО УР.

Не допустить прорыва противника на нашу территорию, уничтожая прорвавшихся.

Прочно обеспечить направление — ТОМАШУВ, РАВА-РУССКА, ЖУЛЬКЕВ.

Главные усилия на направлении ТОМАШУВ, РАВА-РУССКА.

Граница слева (иск) КУРНИКИ, (иск.) РАЙХАУ, ЖУКУВ.

Оборону дивизии организовать:

2/102 сп с 1/132 ап, 1 и 2 взв. полк. 45-мм батареи, 1 взв. ПА, 1 взв. полк. мин. батареи и сапротой полка — оборонять район госграницы ВУЛКА ВЕБЖИЦКА, НОВОСЮЛКИ КАРДЫНАЛЬСКОЕ, МАХНУВ (6 км), опираясь на подготовленный к обороне в мирное время 7 батрайон предполья и не допустить прорыва госграницы противником.

Главные усилия на левом фланге.

Готовность обороны летом через 9 часов, зимой через 10 часов после объявления боевой тревоги.

Граница справа КОРНЕ, МАХНУВ, ЮРУЗ.

244 сп с 249 гап, 1 бтр 117 ПТД, 1 р. 111 сапб.

1) Прочно оборонять участок госграницы выс. 263 (3 км сев. МАХНУВ), ПИЗУНЫ (7868) (20 км), опираясь на подготовленные в мирное время 8 и 9 батрайоны предполья.

Главные усилия на направлении БЕЛЖЕЦ, м. ЛЮБАЧА КРУЛЕВСКА.

2) Не допустить прорыва противником госграницы в направлении ЖУРАВЦЕ, БРЕБЕННЕ и БЕЛЖЕЦ, м. ЛЮБЫЧА КРУЛЕВСКА.

3) Для обеспечения стыка с 139 сп выдвинуть два стрелковых и один пулеметный взводы в район ЛУКАВИЦЕ, БЫВЭЛЬЦЭ.

Поддерживают 209 кап с огневых позиций в районе КАМЕРАЛЬНА, СОЛТЫСИ, ЛУЖКИ и 1/135 пап РГК с огневых позиций в районе ВЭРЭСИЦА, РУДКИ.

Готовность обороны летом через 9 часов, зимой через 10 часов после объявления боевой тревоги.

Граница слева (иск.) ЭЙНЗИНГЕН, (иск.) ГУТА СТАРА, ЛИПСКО.

139 сп с 135 пап РГК (без 1 д-на), 132 ап (без 1 д-на), 2 бтр 117 ПТД и 2 р. 116 сапб.

1). Прочно оборонять участок госграницы ДЭБИНА, ХОТЫЛУБ, ПОДЭМШЫЗНА, ЗЛОМЫ (7466) протяжением 16 км, опираясь на подготовленные РОПы предполья и опорные пункты РАВА-РУССКОГО УР.

Основные усилия на своем левом фланге.

2). Не допустить прорыва противника на нашу территорию.

Готовность обороны полка летом через 9 часов, зимой через 10 часов после объявления боевой тревоги.

102 сп (без 2 б-на, 1 и 2 взв. полк. 45-мм батареи, 1 взв. ПА, 1 взв. полк. мин. батареи и сапроты полка) с 3 бтр ПТД составляет ударную группу дивизии, сосредоточившись в лесу в районе СЕДЛИСКА, (иск.) ПРУСИЕ, выс. 286, 305.

Приготавливает действия для контрудара в направлении:

1). УГНУВ; 2). ЛЮБЫЧА КРУЛЕВСКА; 3). БЕРХАРТА, ЛУБЧА.

Разведбатальон дивизии до выдвижения 2/102 сп оборонять район ВУЛКИ ВЕЖБИЦКА, НОВОСЮЛКИ КАРДИНАЛЬ-

СКОЕ, МАХНУВ. С прибытием в этот район 2/102 сп, разведбатальон сосредотачивается в районе ударной группы дивизии и дальнейшие задачи получает от командира дивизии.

65 зенитному дивизиону выдвинуться в район СЕДЛИСКА и прикрыть с воздуха ударную группу и штаб дивизии.

Готовность к открытию огня летом через 6 часов, зимой через 7 часов 30 минут после объявления тревоги.

Штадив 41 в районе леса (1/2 км ю. в. СЕДЛИСКА).

97 сд с 324 гап РГК...

РЕЗЕРВЫ РАЙОНА ПРИКРЫТИЯ:

а) 15 мехкорпус сосредотачивается в районе БОЛДУРЫ, м. СОКУЛОВКА, (иск.) БРОДЫ летом через 5—18 часов, зимой через 16—40 часов после объявления боевой тревоги и подготавливает действия для контрудара в направлениях:

1. м. СТОЯНУВ, м. ГОРОХУВ;

2. РАДЗЕХУВ, СОКАЛЬ;

3. КОМИОНКА СТРУМИЛОВА, РАВА-РУССКАЯ.

б) 4 мехкорпус сосредотачивается в районе КРЕХУВ, (иск.) ЯНУВ, БУХОВИЦЕ летом через 9 часов, зимой через 10 часов после объявления боевой тревоги и подготавливает действия для контрудара в направлениях:

1. КАМИОНКА СТРУМИЛОВА, РАДЗЕХУВ и ЖУЛЬКЕВ, КРИСТИНОПОЛЬ;

2. КРЕХУВ, РАВА-РУССКАЯ, ЛЮБЫЧА КРУЛЕВСКА;

3. КРЕХУВ, НЕМИРУВ, РАДЫМНО и ЯНУВ, ПШЕМЫСЛЬ.

в) 159 сд сосредотачивается в районе НЕМИРУВ, ЗАВАДУВ, БОРОВЦЫ летом через 7 часов, зимой через 8 часов

после объявления боевой тревоги и подготавливает действия для контрудара в направлениях:

1. НЕМИРОВ, РАВА-РУССКАЯ, УГНУВ;

2. м. НЕМИРОВ, ГОРИНЕЦ, ЛУВЧА;

3. м. НЕМИРОВ, ЛУБАЧУВ;

4. м. НЕМИРОВ, м. КРАКОВЕЦ.

Порядок выдвижения частей в районы прикрытия согласно прилагаемого при сем плана (приложение № 1).

IX. ПОГРАНИЧНЫЕ ОТРЯДЫ

(91 погранотряд 1 и 2 комендатуры 92 погранотряда)

а) С началом враждебных действий организуют усиленную охрану госграницы и не допускают перехода и прорыва на нашу территорию отдельных вооруженных групп и отрядов с сопредельной стороны.

б) Организуют усиленное наблюдение за сопредельной стороной с задачей:

установить подход к госгранице войск противника;

какие и где оборонительные работы будут производиться противником у госграницы;

кем будут заняты оборонительные постройки, возведенные противнием у госграницы.

в) Поддерживают прочную связь с отрядами поддержки, выделенными от полевых войск, а в случае прорыва границы вооруженными группами и отрядами немедленно вызывают отряды поддержки и уничтожают прорвавшихся.

Отряды поддержки с момента их вызова входят в оперативное подчинение начальников погранотрядов до прибытия в район действий старшего общевойскового начальника.

Перечень выделенных отрядов поддержки ПО согласно приложению № 3.

г) С прибытием на госграницу частей прикрытия, продолжают охрану госграницы, усилив связь:

— штаб 91 погранотряда — со штабом 41 сд;

— комендатуры 91 и 92 погранотрядов — со штабами полков, на участках коих они будут находиться.

д) С началом боевых действий комендатуры и заставы подчиняются командирам полков, на участках коих они будут находиться.

X. УКРЕПЛЕННЫЕ РАЙОНЫ

1. Задачи частей СТРУМИЛОВСКОГО УР (без 345 ап, 35 и 42 ОПБ):

а). Занять боевые сооружения 3, 4 и 5 узлов обороны, приведя их в боевую готовность, оборонять:

1р. 140 пульбата — ОП № 1 третьего узла обороны;

2 р. 140 пульбата — ОП № 2 тоже:

3 р. 140 пульбата — ОП № 3 тоже:

(на полевых позициях)

1 р. 44 пульбата — ОП № 2 четвертого узла обороны;

2 р. 44 пульбата — ОП № 2 пятого узла оборооны;

3 р. 44 пульбата — ОП № 3 тоже:

Готовность обороны через 2 часа после объявления боевой тревоги.

б). Прочно прикрыть направление КАМИОНКА СТРУМИЛОВА и на ЖУЛЬКЕВ.

в). В случае прорыва противником предполья на одном из направлений, задача частей УР не допустить его дальнейшего прорыва и, во взаимодействии с полевыми частями, уничтожить его прорвавшиеся части.

г). Приступить немедленно к инженерным работам по усилению оборонительно рубежа. В первую очередь дополнить противотанковые и противопехотные препятствия.

д). Силами строительного участка и местного населения возвести тыловой оборонительный рубеж по линии РАДЗЕХУВ, КАМИОНКА СТРУМИЛОВА, ЖУЛЬКЕВ.

2. Задачи частей РАВА-РУССКОГО УР:

а). Занять боевые сооружения 3, 4 и 5 узлов обороны, приведя их в боевую готовность, оборонять:

2 р. 21 пульбата — ОП № 3 первого узла обороны;

1 р. 21 пульбата — ОП № 1 второго узла обороны;

3 р. 21 пульбата — ОП № 2 второго узла обороны;

1 р. 36 пульбата — ОП № 2 третьего узла обороны;

2 р. 36 пульбата — ОП № 2 третьего узла обороны;

3 р. 36 пульбата — ОП № 1 четвертого узла обороны;

1 р. 141 пульбата — ОП № 2 четвертого узла обороны;

3 р. 141 пульбата — ОП № 1 пятого узла обороны;

2 р. 141 пульбата — ОП № 2 пятого узла обороны.

Готовность обороны через 2 часа после объявления боевой тревоги.

б). Прочно удерживать полосу обороны, не допустить прорыва ее противником.

в). В случае прорыва противником предполья на одном из направлений, задача частей УР не допустить его дальнейшего прорыва и, во взаимодействии с полевыми частями, уничтожить его прорвавшиеся части.

г). Приступить немедленно к инженерным работам по усилению оборонительного рубежа. В первую очередь дополнить противотанковые и противопехотные препятствия.

д). Силами строительного участка и местного населения возвести тыловой оборонительный рубеж по линии (иск.) ЖУЛЬКЕВ, м. НЕМИРУВ, КРАКОВЕЦ.

XI. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АВИАЦИИ (карта 500.000)

Для прикрытия действий частей района прикрытия и взаимодействия с ними приданы:

Наименование	Базирование	Базирование с началом прикрытия
15 АД		
20 ИАП (переподчиняется из состава 17 АД)	ПРОСКУРОВ	КУРОВИЦЕ, АДАМЫ
23 ИАП	ЛЬВОВ	ЧЕРЛЯНЫ
28 ИАП	ЛЬВОВ	ЧЮНЮВ
66 ШАП	ХЛОПЫ	ОЛЬШАНИЦА

а). Характеристика аэродромной сети

Аэродромная сеть района прикрытия, как эксплуатируемая в настоящее время, так и подготавливаемая, характеризуется следующими данными:

Наименование и дислокация	Размеры летн. поля	Емкость	Степ. готовности
КУРОВИЦЕ (28 км в. ЛЬВОВА)	132 га 1000 × 1000	До двух ИАП	Хорошо дренажирован. Центр летного поля в хор. состоянии. Выходит из строя весной на небольшой период
АДАМЫ (28 км в. ЛЬВОВА)	132 га 1000 × 1000	Один ИАП	Спланирован, в работе не был. Состояние хорошее. Весной быстро просыхает.
ЧЮНОВ (22 км зап. ЛЬВОВ)	132 га 1100 × 1000	До двух ИАП	Находится в эксплуатации. В хорошем состоянии, весной быстро просыхает, Грунт песчаный
ЧЕРЛЯНЫ (20 км ю.з. ЛЬВОВ)	131 га 1000 × 1000	Один ИАП	Только что спланирован. Находится в низине. Большой застой воды. Весной надолго выходит из строя

....

Задача 15 АД.

а). Не допустить проникновения авиации противника на нашу территорию в полосе — справа БРОДЫ, КРЫСТЫНОПОЛЬ; слева ЛЬВОВ, ЛЮБЕНЬ ВЕЛКИ, ПШЕМЫСЛЬ.

б). Прикрывать наземные части района прикрытия и район г. ЛЬВОВ, уничтожая авиацию противника в зонах истребления.

1. Зона истребления 20 ИАП — КРЫСТЫНОПОЛЬ, ЛЮБЫЧА КРУЛЕВСКА, РАВА-РУССКАЯ, ЖУЛКЕВ, КРАСНЕ, БРОДЫ.

2. Зона истребления 28 ИАП — ЛЮБЫЧА КРУЛЕВСКА, ЛЮБАЧУВ, ЯВОРУВ, ЧУНЮВ, ЛЬВОВ, ст. БОРЩОВИЦЕ.

....

XII. ПРОТИВОВОЗДУШНАЯ ОБОРОНА

1. Служба ВНОС.

Для оповещения войск о появлении авиации противника через 4 часа поднимается полная система 19 б-на ВНОС территории страны. (Дислокация постов ВНОС согласно прилагаемой при сем схеме на карте 500.000 — приложение № 13.)

Передача донесения «ВОЗДУХ» производится по постоянным телеграфным проводам.

Войсковая служба ВНОС организуется по схеме — НП ВНОС частей, ГП ВНОС дивизии, Штакор, штарм.

2. Зенитные части.

а) 4 дивизия ПВО прикрывает район г. ЛЬВОВ.

б) 126 ЗАД прикрывает район ТАРНОПОЛЬ.

в) 101 ЗАД (97 сд) прикрывает ОП 324 гап РГК и штаб 97 сд в районе ЛАШКИ, ЗАЛЕСКА ВОЛЯ, ТУХЛЯ.

г) Активные средства ПВО соединений и частей прикрытия используются распоряжением своих командиров для ПВО войск.

Взаимодействие истребительной авиации и зен. частей по прилагаемой таблице взаимодействия (приложение № 7).

XIII. РАЗВЕДКА

Наблюдение за госграницей в мирное время производится погранотрядами. С развертыванием частей прикрытия выставляются последними НП, которые выполнят задачи:

1. Устанавливают подход к госгранице войск противника.

2. Какие и где оборонительные работы будут производиться у госграницы противником.

3. Кем будут заняты оборонительные постройки, возведенные у госграницы.

С получением разрешения на перелет госграницы авиаразведка выполняет задачи:

....

в) Задачи агентурной разведки...

1. Установить силу, состав и принадлежность частей прикрытия, развернутых у госграницы.

2. Районы расположения резервов прикрытия и их состав.

3. Районы выгрузки частей, их направление после выгрузки, состав и №№ частей и соединений.

4. Место выгрузки и сосредоточения мотомехчастей.

5. Районы развертывания противника и пункты расположения штабов и их наименование.

6. Какая авиация и количество базируется на аэродромах в районе ЗАМОСТЬЕ, ЩЕБРЕШИН, ЛЮБЛИН, РАДОМ, КЕЛЬЦЕ, ТАРНУВ, ЖЕШУВ.

XIV. ИНЖЕНЕРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

С введение в действие плана прикрытия немедленно организовать работы по инженерному усилению рубежей:

а) Предполья — силами войск, занимавшими его для обороны.

б) Главной полосы обороны укрепрайонов — силами частей УР и местного населения. В первую очередь дополняются противотанковые и противопехотные препятствия.

в) Организуются работы на второй оборонительной полосе СТРУМИЛОВСКОГО и РАВА-РУССКОГО УР силами строительных участков и местного населения.

г) Исправляются дороги и усиливаются мосты распоряжением начальников участков, имея под особым наблюдением следующие участки дорог:

....

XV. МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Задача тыла — обеспечить войска района прикрытия с первого до десятого дня действий положенными нормами расхода

) Огнеприпасов 2,5 б.к.

) Горючего для боевых машин 3 запр.

для остальных 4 запр.

) Продфуража 10 сутодач.

Наличие и потребность огнеприпасов, горючего и продфуража. К одиннадцатому дню, израсходовав положенные нормы, должны иметь для дальнейшего действия полностью возимые и носимые запасы.

Исходя из этого и учитывая состояние запасов частей — обеспеченность и потребность выражается согласно прилагаемой при сем ведомости (приложение №).

....

5. Нормы расхода для частей прикрытия.

Нормы расхода для всех частей, кроме авиации, указываются в пункте первом.

Нормы расхода для авиации (с первого по десятый день действий) — огнеприпасов для истребительной авиации —

18 бк и штурмовой авиации — 8 бк. Горючего для истребительной авиации — 18 запр. и штурмовой авиации — 8 запр.

Продовольствие расходовать в размере нормы.

Командующий 6 А
генерал-лейтенант МУЗЫЧЕНКО.
Член ВС 6А дивизионный комиссар ПОПОВ.
И.д. начальника штаба полковник ВЕЯЛКО.

Приложение 11

Директива наркома обороны СССР № 2

22 июня 1941 г. 07 ч. 15 мин.

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения наземными войсками границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиации установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиации наносить на глубину германской территории до 100—150 км, разбомбить Кенигсберг и Мемель. На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

Биографические справки на советских военачальников

Арушанян Баграт Исаакович. С конца Гражданской войны — начальник полковой школы 1-го стрелкового полка Армянской стрелковой дивизии, в которой Ленинаканским кавалерийским полком командовал И.Х. Баграмян. В 1936 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. После академии командовал полком, дивизией, отличился в боях на Карельском перешейке во время советско-финляндской войны. С 1940 года — начальник штаба 12-й армии Киевского Особого военного округа.

Астахов Федор Алексеевич. Родился 27 января (8 февраля) 1892 года в деревне Дедовские Выселки Московской губернии в семье крестьян. Трудовую деятельность начал после окончания сельской школы на одном из заводов Москвы учеником слесаря, затем слесарем в одном из московских депо. На военной службе с 1915 года. В следующем году окончил Севастопольскую школу летчиков. Прапорщик в воздухоплавательной роте на Западном фронте. Дважды ранен, награжден двумя орденами. В РККА с марта 1918 года. В годы Гражданской войны — командир авиационного отряда Тульской и Калужской авиационных групп 5-й армии, затем начальник авиации 1-й Сибирской авиационной группы Восточного фронта. С 1920 года начальник авиации Сибири. После окончания в 1923 году Курсов высшего командного состава РККА Федор Алесеевич был назначен начальником авиации Кавказской Краснознаменной армии. Спустя три года — начальником авиационных школ в Серпухове, позже — в Оренбурге. С 1930 года командир авиационной брига-

ды. В 1931 году вступил в ряды ВКП(б). В 1935—1936 годах помощник начальника управления ВВС РККА. В 1937 году командир 1-го авиационного корпуса, через год — командующий ВВС Киевского военного округа. С 1940 года заместитель начальника штаба Главного управления ВВС РККА, генерал-майор авиации. С началом Великой Отечественной войны Ф.А. Астахов — командующий Военно-воздушными силами Юго-Западного фронта, генерал-лейтенант авиации. Умело руководил подчиненными соединениями и частями в оборонительных боях на киевском направлении, под Харьковом, в контрнаступлении под Ростовом-на-Дону и под Москвой, в Барвенковско-Лозовской наступательной операции. С мая 1942 года Федор Алексеевич начальник Главного управления Гражданского воздушного флота, заместитель командующего ВВС РККА, генерал-полковник авиации. Под его руководством решались задачи использования гражданской авиации в интересах обеспечения Действующей армии, партизанских формирований, действовавших в тылу противника, доставки грузов и обслуживающего персонала, сопровождавшего товары и материальные ценности по ленд-лизу. С августа 1943 года по декабрь 1944 года — заместитель командующего авиацией дальнего действия. С 1944 года маршал авиации. В послевоенные годы Ф.А. Астахов занимал должность начальника Главного управления гражданского воздушного флота. С 1947 года в распоряжении Главного управления кадров. Выполнял задания командующего Военно-воздушными силами Советской армии, в основном связанные с инспектированием авиационных соединений и частей. С 1950 года в отставке. Кавалер восьми орденов СССР, в том числе ордена Суворова 2-й степени. Скончался 9 октября 1966 года, похоронен в Москве.

Баграмян Иван Христофорович. Родился 20 ноября (2 декабря) 1897 года в городе Елисаветполь (Азербайджан) в семье железнодорожного рабочего. Образование получил в Тифлисском железнодорожном техническом училище, которое окончил в феврале 1915 года. Вскоре был призван в армию, направлен рядовым во 2-й Кавказский пограничный полк. В июле 1917 года окончил Тифлисскую школу прапорщиков, назначен младшим офицером 3-го армянского стрелкового полка, с осени — командиром эскадрона 1-го армянского конного полка, поручик. В 1918—1920 годах служил в войсках дашнакской Армянской республики. В РККА с декабря 1920 года. С 1923 года командир кавалерийского полка Армянской стрелковой дивизии. В 1925 и в 1931 годах окончил курсы усовершенствования начальствующего состава, в 1934 году — Военную академию имени М.В.Фрунзе. В следующем году назначен начальником штаба кавалерийской дивизии на Украину. Во время массовых чисток в РККА на Ивана Христофоровича как служившего в «буржуазной армянской армии», был собран материал для ареста, от чего его спасло вмешательство А.И. Микояна. После окончания в 1938 году Военной академии Генерального штаба службу проходил начальником штаба кавалерийской дивизии, затем старшим преподавателем Военной академии Генерального штаба. С 1940 года начальник оперативного отдела штаба армии, затем Киевского Особого военного округа. Проделал большую работу по претворению в жизнь плана прикрытия государственной границы, организуя рекогнасцировки в соединениях армий первого оперативного эшелона. В мае 1941 года вступил в ВКП(б). Во время Великой Отечественной войны заместитель начальника штаба Юго-Западного фронта, начальник штаба Юго-Западного

направления, с июля 1942 года командующий 16-й армией Западного фронта, с ноября 1943 года командующий войсками 1-го Прибалтийского фронта, затем Земляндской оперативной группой, войсками 3-го Белорусского фронта. Участвовал в обороне Киева, контрнаступлении под Ростовом, Орловской, Городокской, Витебско-Оршанской, Рижской, Мемельской, Восточно-Прусской операциях, генерал армии. Особо ярко проявился военный талант военачальника в Белорусской стратегической наступательной операции. При организации и ведении военных действий умело применял принципы достижения внезапности, массирования сил и средств на направлении главного удара, маневра на поле боя. В послевоенные годы Иван Христофорович — командующий войсками Прибалтийского военного округа, заместитель министра обороны, начальник Военной академии Генерального штаба, начальник Тыла Вооруженных Сил СССР, с 1955 года Маршал Советского Союза. С 1946 года депутат Верховного Совета СССР. С 1961 года член ЦК КПСС. Особый вклад сделал в совершенствование вопросов тылового обеспечения войск. Руководитель ряда учений и инспекционных поездок в войска. С 1968 года в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Дважды Герой Советского Союза (удостоен званий в 1944 и в 1977 годах), кавалер шестнадцати отечественных и десяти иностранных орденов, в том числе двух орденов Суворова 1-й степени и ордена Кутузова 1-й степени. Автор семи книг мемуаров, ряда монографий и статей в военных журналах. Скончался 21 сентября 1982 года в Москве, похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

Басанец Лука Герасимович. Родился в 1898 году в селе Куршин, Нежинского района, Черниговской области, в семье

крестьянина-бедняка. В 1912 году окончил земскую сельскую школу. В начале 1917 года был призван в армию и до октября находился на фронте. В октябре 1917 года в городе Киеве с рабочими Арсенала участвовал в Октябрьском перевороте. В январе 1918 года вернулся в родное село, где организовал повстанческую группу, с которой участвовал в Нежинском восстании в июле—августе 1918 года. После подавления восстания в сентябре 1918 года добровольно вступил в 1-ю Украинскую дивизию рядовым бойцом. В 1919 году вступил в ВКП(б), будучи курсантом школы средних командиров дивизии Щорса. После окончания 1-х Московских курсов, с июля до конца 1920 года был командиром роты 71-й бригады 24-й Самаро-Ульяновской Железной дивизии. В течении 1922 года — слушатель объединенной Киевской военной школы. С января 1923 по 1932 год службу проходил в должностях: командир роты, начальник полковой школы, командир батальона. С мая 1932 года по май 1936 года — слушатель Военной академии имени М.В. Фрунзе. После окончания академии был направлен в распоряжение Разведывательного управления РККА, где проработал в информационном отделе до июня 1937 года. С июля 1937 года до апреля 1938 года был в Испании в качестве военного советника дивизии и корпуса. По возвращении из Испании был назначен заместителем командира 51-й Перекопской стрелковой дивизии в город Тирасполь. В мае 1939 года назначен командиром вновь формируемой 140-й стрелковой дивизии. В 1939 году дивизия участвовала в походе в Западную Украину и Бессарабию, полковник. С 24 июня 1941 года дивизия участвовала в боях против фашистской Германии. Вела бои у города Дубно в сложной обстановке окружения до середины июля 1941 года. Затем дивизия (остатки) организован-

но прошла 130 км в строну Киева. Последний бой остатков дивизии в сжимающемся кольце был 7 июля в районе Грицев. Решительной атакой Л.Г. Басанец вывел дивизию из окружения. Из-под Умани дивизия выходила из окружения мелкими группами. С августа 1941 года по январь 1943 года Басанец находился на временно оккупированной немецко-фашистской территории. Л.Г. Басанец вышел один в полосу советских войск в январе 1943 года в районе станции Касторное Курской области. После перехода фронта явился в Особый отдел 167-й стрелковой дивизии, затем был направлен в спецлагерь НКВД № 173 в гор. Рязань, где проходил проверку по 10 апреля 1943 года. 12 апреля 1943 года был возвращен в армию, где находился на разных должностях. В январе 1956 года генерал-майор Л.Г. Басанец был уволен в отставку с должности заместителя командира 24-го гвардейского стрелкового корпуса Одесского военного округа. Награжден: орденами Ленина, Кутузова 2-й степени, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и медалями. (Личное дело на Басанец Луку Герасимовича. № 0100—37742, ЦГАСА.)

Батюня Александр Григорьевич. Родился 2 июня 1898 года в деревне Курганы в Белоруссии. На военной службе с 1916 года, в 1917 году окончил Псковскую школу прапорщиков. В Красной Армии с 1918 года. В Гражданскую войну командовал взводом, ротой, батальоном. После войны в 1921 году окончил Псковские курсы комсостава — командир роты, батальона, помощник начальника штаба стрелкового полка. В 1934 году окончи Военную академию имени М.В. Фрунзе, назначен на должность начальника штаба дивизии. С марта 1941 года — начальник штаба 48-го стрелкового корпуса Одесского военного округа. С конца августа

1941 года — врио командира 48-го стрелкового корпуса, затем — начальник штаба сформированной на базе этого корпуса 6-й армии. С апреля 1942 года — заместитель командующего 6-й армией Юго-Западного фронта, удалось выйти из окружения под Харьковом. С июня 1942 года — начальник штаба 9-й армии. С декабря 1942 по 1943 год — на учебе в Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова. С апреля 1943 года — начальник штаба 40-й армии Воронежского (1-го Украинского) фронта. С апреля 1944 года — начальник штаба 1-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта. После войны: начальник штаба Одесского военного округа (1945—1946), начальник штаба Западно-Сибирского военного округа (1956—1950). С 1951 года — начальник 10-го управления Генерального штаба. С ноября 1951 года — начальник штаба Донского военного округа. С 1953 года — заместитель командующего Северо-Кавказским военным округом. С 1961 года — в запасе. Генерал-полковник. Награжден 2 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, Суворова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени. Умер 21 марта 1976 года в Ростове-на-Дону.

Белов Павел Александрович. Родился 6 февраля 1897 года в городе Шуя Ивановской области. На военной службе с 1916 года, в 1917 году окончил Киевскую школу прапорщиков. Участвовал в Первой мировой войне в качестве рядового гусарского полка. В РККА с 1918 года. В Гражданскую войну бы инструктором районного отделения Всеобуча, командовал кавалерийским взводом, эскадроном, был помощником командира полка. После войны — командир кавалерийского полка (1922—1926). Окончил кавалерийские курсы усовершенствования старшего командного состава

(1927). Назначен командиром отдельного кавалерийского эскадрона, с 1930 года — помощник начальника отдела Московского военного округа. В 1933 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. С 1931 года — для особых поручений при С.М. Буденном, с 1932 года — помощник инспектора кавалерии РККА. С 1934 года — помощник командира, затем командир кавалерийской дивизии. С июля 1937 года — начальник штаба кавалерийского корпуса. С октября 1940 года — командир горнострелковой дивизии. Участвовал в походе Красной Армии в Западную Украину. С марта 1941 года — командир 2-го кавалерийского корпуса в составе Одесского военного округа (Южного фронта). В июне 1942 года назначен командующим 61-й армии. После форсирования Днепра присвоено звание Героя Советского Союза. В 1945 году дошел во главе 1-й армии до Эльбы. После войны — командующий войсками Донского военного округа (1945—1946), Северо-Кавказского военного округа (1946—1948). В 1949 году окончил ВАК при Высшей Военной академии имени К.Е. Ворошилова. Командующий войсками Южно-Уральского военного округа (1949—1955). С 1955 года — председатель ЦИК ДОСААФ. С 1960 года — в отставке. Генерал-полковник. Герой Советского Союза. Награжден 5 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, 3 орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени. Умер 3 декабря 1962 года в Москве.

Буденный Семен Михайлович. Родился 13 (25) апреля 1883 года на хуторе Козюрин Ставропольской губернии. Участник Русско-японской и Первой мировой войн, старший унтер-офицер, награжден четырьмя Георгиевскими крестами и четырьмя медалями. С февраля 1918 года командир конного революционного отряда, затем помощник коман-

дира кавалерийского полка, кавалерийской бригады, сводной кавалерийской дивизии. С марта 1919 года начальник 4-й кавалерийской дивизии, с июня командир 1-го Конного корпуса. Участник Воронежской операции, ряда сражений на Кавказе и Дону. С ноября 1919 года по октябрь 1923 года командующий 1-й Конной армией. В последующие годы помощник Главкома РККА по кавалерии, член РВС Советской Республики, инспектор кавалерии РККА. В 1932 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. С 1935 года Маршал Советского Союза, с 1937 года командующий войсками Московского военного округа, член Главного военного совета НКО СССР. В 1939 году назначен заместителем, в августе 1940 года — первым заместителем народного комиссара обороны. С начала Великой Отечественной войны член Ставки ВГК, командующий группой войск армий резерва, затем главнокомандующий войск Юго-Западного направления, командующий Резервным фронтом, главнокомандующий войск Северо-Кавказского направления, командующий войсками Северо-Кавказского фронта. По оценке Ставки ВГК, руководство войсками осуществлял недостаточно профессионально. С января 1943 года командующий кавалерией Красной Армии. В 1947—1953 годах одновременно заместитель министра сельского хозяйства по коневодству. С мая 1953 года инспектор кавалерии, с 1954 года в распоряжении министра обороны СССР. В том же году уволен в почетную отставку — назначен в состав Группы генеральных инспекторов Министерства обороны. Трижды Герой Советского Союза (1958, 1963, 1968), кавалер пятнадцати орденов СССР, десяти иностранных орденов. Автор работы «Основы тактики конных соединений» (1938), ряда произведений мемуарного характера. Депутат Верховного Совета СССР восьми

созывов. С 1938 года член Президиума Верховного Совета. Скончался 26 октября 1973 года в Москве. Прах погребен у Кремлевской стены.

Ватутин Николай Федорович. Родился 3 (16) декабря 1901 года в селе Чепухино Воронежской губернии. Отец Федор Григорьевич и мать Вера Ефимовна имели двенадцать детей, занимались сельским хозяйством. Николай окончил сельскую школу и земское двухклассное училище с отличием, а также четыре класса коммерческого училища. С апреля 1920 года — красноармеец 113-го запасного батальона, в составе которого участвовал в боях против банд Махно. В 1922 году окончил Полтавскую пехотную школу, в 1924 году — Киевскую высшую военную школу, в 1929 году — Военную академию имени М.В. Фрунзе, в 1937 году — Военную академию Генерального штаба. Командир взвода, роты, помощник начальника штаба дивизии, командир полка, заместитель начальника штаба Сибирского военного округа, начальник штаба Киевского военного округа. С 1939 года начальник Оперативного управления, заместитель начальника Генерального штаба, генерал-лейтенант. С началом Великой Отечественной войны Н.Ф. Ватутин — начальник штаба Северо-Западного фронта, прикрывавшего подступы к Ленинграду. Руководил обороной Новгорода, проведением ряда контрударов. В мае—июле 1942 года заместитель начальника Генерального штаба, представитель Ставки ВГК. 14 июля назначен командующим войсками Воронежского, а 25 октября — Юго-Западного фронтов, генерал-полковник. Под его руководством осуществлялись подготовка и проведение наступления войск фронта в контрнаступлении под Сталинградом. Затем последовали интересные по замыслу и весьма эффективные по реализации наступательные операции на Среднем Дону и в Донбассе. Характеризовался высоким про-

фессионализмом, ответственностью за порученное дело, проявлением заботы о подчиненных, самостоятельностью и решительностью в руководстве боевыми действиями войск. В марте 1943 года назначается командующим войсками Воронежского (с октября — 1-го Украинского фронта), присваивается звание генерала армии. Летом 1943 года руководил войсками при проведении Курской оборонительной операции, Белгородско-Харьковской наступательной операции, форсирования Днепра, Киевской наступательной операции, Корсунь-Шевченковской и Ровно-Луцкой наступательных операций. Перед началом Проскурово-Черновицкой операции 29 февраля 1944 года во время одной из поездок в армию у деревни Милятин наткнулся на бандеровскую засаду. В ходе перестрелки был тяжело ранен и 15 апреля скончался. Похоронен в Киеве, где ему был поставлен памятник. Герой Советского Союза (звание присвоено в 1965 году, посмертно), кавалер пяти орденов, в том числе Суворова и Кутузова 1-й степени.

Вашугин Николай Николаевич. В Красной армии с 1919 года. С 1930 года — командир и комиссар стрелкового полка. С 1933 года — в Политуправлении РККА. В 1937 году окончил Высшие стрелково-тактические курсы «Выстрел», назначен командиром стрелкового полка. В том же году назначен членом Военного совета Ленинградского военного округа. Во время советско-финляндской войны член Военного совета 7-й армии. С 1940 года — член Военного совета Ленинградского военного округа. С осени 1940 года — член Военного совета Киевского Особого военного округа.

Власов Андрей Андреевич. Родился 1 сентября 1901 года в селе Ломакино Нижегородской области. В Красной Армии с 1920 года. Окончил Нижегородские пехотные курсы (1920). В Гражданскую войну командовал взводом,

ротой, батальоном. С 1922 года командир роты, батальона. В 1929 году окончил Стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава РККА «Выстрел» имени Коминтерна. С 1930 года — преподаватель тактики в Ленинградской школе тактики. С 1933 года в штабе Ленинградского военного округа помощником начальника отдела боевой подготовки. В 1935 году окончил первый курс Военной академии имени М.В. Фрунзе (заочно), но учебу прервал. С августа 1937 года командир стрелкового полка, с апреля 1938 года — помощник командира дивизии. Осенью 1938 года направляется в Китай. Был начальником штаба группы советских военных специалистов, с мая 1939 года и.о. главного военного советника. Награжден орденом Золотого Дракона и золотыми часами. В ноябре 1939 года вернулся в СССР. С января 1940 года — командир стрелковой дивизии, которую в октябре того же года признали лучшей дивизий РККА, наградив ее командира орденом Ленина и золотыми часами. С января 1941 года — командир 4-го механизированного корпуса. С 23 июля 1941 года — командующий 37-й армией Юго-Западного фронта, затем — командующий 20-й армией Западного фронта. В январе 1942 года награжден орденом Красного Знамени, присвоено звание генерал-лейтенанта. С марта 1942 года — заместитель командующего Волховского фронта, с апреля — командующий 2-й ударной армией. 12 июля 1942 года при выходе из окружения сдался в плен. Формировал Русскую освободительную армию. В конце апреля 1945 года отверг предложение эмигрировать в Испанию. 11 мая сдался американцам. В окрестностях Праги был захвачен сотрудниками СМЕРШ. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР повешен в августе 1946 года.

Голиков Филипп Иванович. Родился 16 (29) июля 1900 года в деревне Борисово Тобольской губернии, в семье сельского фельдшера. Образование получил в гимназии в городе Камышлове. В РККА с 1918 года. С того же года член РКП(б). В 1919 году окончил военно-агитаторские курсы в Петрограде, в 1929 году курсы усовершенствования начсостава, в 1931 году военную школу, в 1933 году Военную академию имени М.В. Фрунзе (заочно). Участник Гражданской войны в составе добровольческого коммунистического стрелкового полка «Красные орлы», 10-го стрелкового полка. С августа 1919 года инструктор-организатор политотдела 51-й стрелковой дивизии. В последующем до 1931 года на партийно-политической работе, затем командир 95-го стрелкового полка, 61-й стрелковой дивизии, 8-й отдельной механизированной бригады, 45-го механизированного корпуса. С 1938 года член Военного совета Белорусского военного округа, в следующем году — командующий Винницкой группой войск, командующий 6-й армией, во главе которой решал задачи в Западной Украине. С июля 1940 года заместитель начальника Генерального штаба — начальник Главного разведывательного управления, генерал-лейтенант. Внес определенный вклад в организацию получения и анализа сведений о подготовке Германии к войне против СССР. В начале Великой Отечественной войны глава советской военной делегации в Англии и США по вопросам военных поставок. С октября 1941 года командующий 10-й армией, с февраля 1942 года — 4-й ударной армией, с апреля — командующий войсками Брянского, с июля — Воронежского фронтов. В августе—сентябре командующий 1-й гвардейской армией, с октября 1942 года командующий войсками Воронежского фронта. Участник битв под Москвой и Сталинградом.

Успешно руководил войсками в Острогожско-Россошанской операции на окружение и уничтожение крупной группировки противника. С апреля 1943 года генерал-полковник, заместитель наркома обороны по кадрам, с мая — начальник Главного управления кадров, с октября 1944 года — одновременно уполномоченный Совета народных комиссаров по делам репатриации граждан СССР. Пытался организовать вывоз в СССР всех перемещенных во время войны лиц. В подавляющем большинстве вернувшиеся были обвинены в сотрудничестве с врагом и направлены в концентрационные лагеря. В послевоенные годы командующий отдельной механизированной армией, начальник Военной академии бронетанковых войск, в 1958—1962 годах начальник Главного политического управления Советской армии и Военно-Морского Флота. Под его руководством проведен был ряд мероприятий по улучшению политико-морального состояния войск. С 1961 года Маршал Советского Союза. Кавалер четырнадцати отечественных и одиннадцати иностранных орденов, в том числе Суворова и Кутузова 1-й степеней. Автор ряда мемуарных произведений. Скончался 29 июля 1980 года, похоронен в Москве.

Жуков Георгий Константинович. Родился 19 ноября (1 декабря) 1896 года в деревне Стрелковка Калужской губернии в семье сапожника. На военной службе с 1915 года. Участник Первой мировой войны, младший унтер-офицер, кавалер двух Георгиевских крестов. С лета 1918 года в РККА. Командир сабельного взвода и кавалерийского эскадрона. За боевые заслуги был награжден орденом Красного Знамени. В 1920 году окончил кавалерийские курсы. Затем командовал кавалерийским эскадроном. Участвовал в подавлении крестьянского восстания под руководством А.С. Антонова в

Тамбовской губернии. С марта 1923 года помощник командира 40-го кавалерийского полка, с июня того же года — командир 39-го кавалерийского полка. В 1925 году он оканчивает Ленинградские курсы усовершенствования командного состава кавалерии, а в 1930 году — курсы высшего командного состава, после окончания которых был назначен командиром 2-й бригады 7-й Самарской кавалерийской дивизии. В феврале 1933 года назначается помощником инспектора кавалерии РККА, через несколько месяцев — командиром 4-й кавалерийской дивизии, которая находилась в крайне плохом состоянии. Награжден орденом Ленина. С июля 1937 года Г.К. Жуков — командир 3-го кавалерийского корпуса, а с февраля следующего года — 6-го казачьего корпуса. В июле 1938 года он назначается заместителем командующего войсками Белорусского военного округа, воинское звание — комкор. С лета 1939 года — командующий 1-й армейской группой, дислоцировавшейся в Монголии. Упредив противника, с меньшими силами советские войска перешли в наступление, окружили и разгромили врага. Японцы потеряли около 61 тысячи человек убитыми, ранеными и пленными. Потери советских войск составили 8 тысяч человек убитыми и умершими от ран и столько же ранеными. После этого по просьбе японской стороны 16 сентября боевые действия были прекращены. За одержанную победу 29 августа 1938 года Г.К. Жуков был удостоен звания Героя Советского Союза. Командарм 2-го ранга. С июня 1940 года командующий войсками Киевского Особого военного округа. Под его руководством войска округа провели наступательную операцию на принадлежавшие Румынии территории Бесарабии и Северной Буковины. С января 1941 года начальник Генерального штаба, кандидат в члены ЦК ВКП(б), командарм 1-го ранга, затем

генерал армии. С 22 июня 1941 года был направлен для координации действий на Юго-Западный фронт, а на следующий день назначен членом Ставки ВГК. 26 июля он был отозван в Москву. 9 сентября был направлен командующим Ленинградским фронтом на смену К.Е. Ворошилову. Организовал оборону города, который уже находился в кольце блокады. 6 октября отозван в Москву для организации обороны столицы. Назначен командующим западным фронтом. Официально участвовал в оборонительных сражениях Сталинградской битвы с 27 августа 1942 года, Сталин вызвал Жукова в Москву и объявил о назначении его заместителем Верховного Главнокомандующего. В последующем принимал самое активное участие в разработке операции по деблокаде Ленинграда, получившей кодовое название «Искра».18 января 1943 года присвоено звание Маршала Советского Союза. На наступательном этапе Курской битвы Жуков координировал действия Западного, Брянского, Воронежского и Степного фронтов. В результате контрнаступления этих фронтов советские войска вышли на рубеж, позволявший готовиться к стратегическому наступлению в сторону Днепра. В битве за Днепр Жуков координировал действия Воронежского и Степного фронтов. Их войска не только вышли к реке, но и форсировали ее, захватив плацдармы. «Восточный вал» не помог гитлеровцам создать стратегическую оборону. 6 ноября танки 38-й армии генерал-полковника Москаленко ворвались в Киев. 11 января 1944 года Жуков доложил Сталину план отсечения, окружения и ликвидации Корсунь-Шевченковской группировки противника, который уже на следующий день был утвержден Верховным. Георгию Константиновичу предстояло координировать действия 1-го и 2-го Украинских фронтов, осуществлявших эту операцию. Замысел Жукова

был реализован полностью. После ранения Ватутина 29 февраля был назначен командующим 1-м Украинским фронтом. 29 марта его войска, форсировав Прут, овладели Черновцами. В целом же в ходе Проскурово-Черновицкой операции 1-й Украинский фронт нанес поражение противостоявшему ему противнику, продвинулся на 360 километров и вышел к Карпатам. Задача, поставленная Ставкой, была полностью выполнена. После завершения этой операции был награжден орденом «Победа» за № 1. Затем, в период с 23 июня по 29 августа 1944 года, была проведена Белорусская стратегическая операция, во время которой Г.К. Жуков координировал действия 1-го и 2-го Белорусских фронтов. Наградой за Белорусскую операцию стала вторая Звезда Героя Советского Союза. С 15 ноября 1944 года сменил К.К. Рокоссовского на посту командующего 1-м Белорусским фронтом. За Висло-Одерскую операцию 3 марта 1945 года удостаивается второго ордена «Победа». Командующий 1-м Белорусским фронтом в Берлинской операции. 8 мая в Берлине подписал акт о безоговорочной капитуляции Германии. После завершения разгрома фашистской Германии Г.К. Жуков назначается Главноначальствующим по управлению Германией от Советского Союза; получает третью звезду Героя Советского Союза (1июня 1945 года); принимает Парад Победы в Москве на Красной площади. Весной 1946 года за должностные преступления был снят с занимаемого поста. В марте 1946 года Сталин отзывает Жукова из Германии. Он назначается главнокомандующим сухопутными войсками и заместителем министра Вооруженных Сил СССР. Под конец своей жизни И.В. Сталин вспомнил об опальном маршале. По его распоряжению в октябре 1952 года Жуков делегируется на XIX съезд партии, где вновь избирается кандидатом в члены ЦК КПСС. За не-

сколько дней до смерти Сталина был неожиданно для себя вызван военным министром Булганиным в Москву. Сразу же после смерти «вождя народов» он назначается его первым заместителем, а затем становится активным участником ареста Л.П. Берии 25 июня 1953 года. 9 сентября 1954 года по решению Президиума ЦК КПСС и по приказу министра обороны маршала Булганина провел секретные учения с реальным взрывом атомной бомбы на Тоцком учебном центре под Оренбургом. 9 февраля 1955 года назначается министром обороны СССР. Он активно участвует в создании 14 мая того же года Варшавского договора. В конце октября 1956 года начинается антисоветское выступление в Будапеште, которое 4 ноября было решительно подавлено советскими войсками. Был награжден четвертой звездой Героя Советского Союза. Во второй половине 1957 году поддерживает Н.С. Хрущева в борьбе за власть с группой В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича и фактически спасает Никиту Сергеевича от снятия с должности первого секретаря ЦК КПСС. Избран членом Президиума ЦК КПСС. 26 октября 1957 года совершенно неожиданно для себя был снят с поста министра обороны, выведен из состава Президиума ЦК КПСС и членов ЦК КПСС с формулировкой «за грубые нарушения ленинских партийных принципов в руководстве вооруженными силами страны», а 15 марта следующего года уволен в отставку. Годы жизни в отставке посвятил работе над книгой «Воспоминания и размышления». Она увидела свет только в 1969 году. Умер 18 июня 1974 года после продолжительной болезни. Прах его покоится в Кремлевской стене.

Запорожец Александр Иванович. Родился 3 (15) августа 1899 года в деревне Царевка Екатеринославской губернии в крестьянской семье. С мая 1918 года в РККА. Член РКП(б) с

марта 1919 года. В годы Гражданской войны красноармеец, политрук стрелковой роты на Южном фронте, участник боев против войск генералов Краснова и Деникина. Отличился при отражении удара белогвардейцев под Балашовом. Летом 1920 года окончил политические курсы, назначен комиссаром стрелкового полка. В последующие годы комиссар артиллерийской школы, научно-исследовательского института по разработке новых систем артиллерийского оружия, 12-й стрелковой дивизии. После окончания в 1935 году курсов высшего политического состава при Военно-политической академии назначен военным комиссаром Генерального штаба. С марта 1938 года член Военного совета Московского военного округа, армейский комиссар 1-го ранга. С 7 октября 1940 года по 23 июня 1941 года начальник Главного управления политической пропаганды РККА, с марта 1941 года одновременно и заместитель народного комиссара обороны СССР. Провел ряд инспекторских поездок, в том числе в Ленинградский, Западный и Киевский Особые военные округа. С началом Великой Отечественной войны член Военного совета Южного фронта, уполномоченный Ставки ВГК и член Военного совета Волховского и Ленинградского фронтов. В результате неудачных действий 2-й ударной армии снижен в звании до корпусного комиссара. С осени 1942 года член Военного совета 60-й армии, затем 3-й ударной и 63-й армий Воронежского, Центрального и Брянского фронтов, генерал-лейтенант. Участник обороны Одессы, Ленинграда, Воронежа, наступательных операций на Центральном и Брянском направлениях. С февраля 1944 года член Военного совета Северо-Кавказского и Донского военных округов, вместе с командованием которых решал в качестве главной задачу формирования и подготовки пополнения для Действующей

армии. В послевоенные годы начальник политического отдела, член Военного совета Таврического военного округа, затем начальник политического отдела Военно-инженерной академии. С 1956 года в запасе. Кавалер восьми орденов СССР, в том числе ордена Отечественной войны 1-й степени. Скончался 19 февраля 1959 года в Москве, где и похоронен.

Зыбин Семен Петрович. Родился в 1894 году в станице Белореченская Краснодарского края в семье крестьянина. Русский. В 1906 году окончил четыре класса земской школы. На военной службе с ноября 1914 года по август 1917 года — старший унтер-офицер. Член ВКП(б) с 1917 года. В 1919 году окончил Орловские кавалерийские курсы. В 1917—1918 годах участвовал в боях против чехов, восставших против советской власти, в Кубанской области в составе Ханско-Белореченского революционного отряда — командир отряда, затем — против генерала Л.Г. Корнилова в составе 1-го кавалерийского полка 11-й армии, в должности командира полка. В 1918—1921 годах сражался против меньшевиков Закавказья, против Шкуро и Деникина в должности командира полка 26-й кавалерийской дивизии. В 1921—1922 годах воевал против Врангеля и банд Махно в должности командира кавалерийского полка 6-й кавалерийской дивизии. В 1926 году окончил Новочеркасские кавалерийские курсы, в 1932 году — Военную академию им. М.В. Фрунзе по 1-му разряду. В 1936—1937 годах — командир 26-й кавалерийской дивизии в городе Пскове, комбриг. С июля 1937 года находится под следствием по обвинению в причастности к военному заговору, в апреле 1940 года освобожден в связи с прекращением дела, восстановлен в кадрах РККА. В октябре 1940 года назначается командиром 87-й стрелковой дивизии 5-й армии Киевского Особого военного округа. В марте 1941 года ком-

бриг С.П. Зыбин назначается командиром 37-го стрелкового корпуса. С первых дней Великой Отечественной войны 37-й стрелковый корпус в боях в Западной Украине, участвовал в Уманском оборонительном сражении. Убит в районе села Подвысокое в начале августа 1941 года. Награжден: орденом Красного Знамени (1922), грамотой ЦИК СССР (1934), медалью «XX лет РККА».

Кириллов Николай Кузьмич. Родился в 1897 году в селе Котивино Сердобского района Пензенской области в семье сапожника. Окончил три класса городской школы и ремесленное училище в 1914 году. В начале Первой мировой войны призван на военную службу, окончил школу прапорщиков, командир батальона. В Красную Армию вступил в 1920 году. Участник Гражданской войны: командир роты. После окончания войны учился на командных курсах «Выстрел». Член ВКП(б) с 1931 года. В 1932 году окончил два курса заочной Академии имени Фрунзе. Командовал полком, дивизией. Приказом НКО 13 февраля 1938 года был назначен командиром 13-го стрелкового корпуса, который с образованием 12-й армии в 1939 году вошел в состав Киевского Особого военного округа. Н.К. Кириллов участвовал в освободительном походе в Западную Украину. За многолетнюю службу в армии и успехи в боевой и политической подготовке был награжден орденом Красного Знамени, а 4 июня 1940 года ему было присвоено звание генерал-майора. В первые месяцы войны корпус Кириллова отступал с тяжелыми боями от реки Стрый через Галич, Винницу на Умань, где и закончился его боевой путь. Захвачен раненым в плен 7 августа 1941 года. Содержался в лагерях, включая печально известный Дахау. В апреле 1945 года он был освобожден из плена и с мая по декабрь 1945 года находился на так называемой государ-

ственной проверке, а в декабре был арестован. 25 августа 1950 года вместе со своим командармом П.Г. Понеделиным был осужден к расстрелу, расстрелян. 29 февраля 1956 года приговор был отменен за отсутствием состава преступления. Приказом министра обороны 9 мая 1956 года Н.К. Кириллов был исключен из списков ввиду смерти.

Кирпонос Михаил Петрович. Родился 9 (21) января 1892 года в местечке Вертиевка Нежинского уезда Черниговской губернии в крестьянской семье. Образование получил в сельской школе. На военную службу призван весной 1915 года рядовым в 126-й запасный пехотный полк. Там он вначале закончил инструкторские курсы по обращению с иностранными винтовками, а затем — военно-фельдшерскую школу. В 1916 году был направлен на Румынский фронт в качестве ротного фельдшера. В 1917 году он избирается председателем солдатского полкового, затем — дивизионного и корпусного комитета. В мае того же года он вступает в ряды РСДРП(б) и по заданию партии начинает формирование повстанческих отрядов на Украине, сражавшихся с германскими оккупантами, гайдамаками и белогвардейцами. В сентябре 1918 года во главе одного из отрядов вливается в состав 1-й Советской Украинской повстанческой дивизии. Вскоре после этого он назначается комендантом города Стародуба и получает задачу сформировать полк, который затем вошел в состав 44-й стрелковой дивизии. В июне 1919 года М.П. Кирпонос назначается помощником начальника дивизионной школы красных командиров. В последующем командовал батальоном, был начальником штаба стрелкового полка, помощником командира стрелкового полка, командиром стрелкового полка в боях с войсками Колчака и Деникина. За боевые заслуги в годы Гражданской войны был награжден

именным маузером. С ноября 1921 года помощник начальника и комиссар военной школы червонных старшин. После окончания в 1927 году Военной академии имени М.В. Фрунзе был назначен начальником штаба 41-й Перекопской стрелковой дивизии. С 1934 года он начальник Казанского пехотного училища имени Верховного Совета Татарской АССР. В 1939 году, с началом советско-финляндской войны, Михаил Петрович назначается командиром 70-й стрелковой дивизии. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1940 года эта дивизия была награждена орденом Ленина, а ее командир был удостоен звания Героя Советского Союза, с вручением ордена Ленина и Золотой Звезды. После этого карьера М.П. Кирпоноса развивается с головокружительной быстротой. В апреле 1940 года он назначается командиром стрелкового корпуса в Белорусском военном округе, через два месяца становится командующим войсками Ленинградского военного округа с присвоением звания генерал-лейтенант. В феврале 1941 года переводится на должность командующего войсками Киевского Особого военного округа с присвоением звания генерал-полковник. С началом Великой Отечественной войны на базе войск Киевского Особого военного округа был развернут Юго-Западный фронт, командующим которым стал М.П. Кирпонос. Войска под его командованием вели тяжелые оборонительные бои в приграничной полосе и на Правобережной Украине. 14 сентября противник замкнул кольцо окружения вокруг Киевской группировки советских войск. Погиб при выходе из окружения восточнее Киева в районе станции Сенча Сумской области. Позже останки М.П. Кирпоноса были перевезены в Киев и торжественно захоронены в парке Вечной Славы.

Костенко Федор Яковлевич. Родился 22 февраля 1896 года в слободе Большая Мартыновка Ростовской области. В армии с 1915 года. Участник Первой мировой войны, командир взвода. В 1918 году вступил в Красную Армию. В Гражданскую войну был старшиной роты, помощником командира кавалерийского эскадрона в 1-й Конной армии. С 1922 года — командир кавалерийского эскадрона. В 1924 году окончил Ленинградские курсы среднего комсостава. Назначен начальником полковой кавалерийской школы, затем — помощником командира полка по хозяйственной части. С 1932 года — командир кавалерийского полка, командир кавалерийской дивизии. С 1939 года — командир кавалерийского корпуса, командир армейской кавалерийской группы. С октября 1940 года — командующий 26-й армией Киевского Особого военного округа. По плану прикрытия государственной границы армия оборонялась в районе Самбор, прикрывая железную дорогу на Тернополь. Первая оборонительная операция армии не сложилась, и она начала отход в восточном направлении. Во второй половине июля войска армии были сосредоточены южнее Киева, где пытались вести оборонительные бои в районе Золотоноши, но были отведены на левый берег Днепра. С сентября — заместитель командующего войсками Юго-Западного фронта. Отличился, командуя подвижной группой в ходе контрнаступления под Москвой, в Елецкой операции. С 18 декабря 1941 года — командующий войсками Юго-Западного фронта, войска которого отличились в Барвенково-Лозовской операции. С апреля 1942 года — заместитель командующего войсками Юго-Западного фронта. Участвовал в Харьковском сражении. Сражение было проиграно, советские войска понесли большие потери, их значительная часть попала в окру-

жение. 26 мая 1942 года Ф.Я. Костенко погиб в бою. Генерал-лейтенант (1940). Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды.

Музыченко Иван Николаевич. Родился 10 сентября 1901 года в Ростове-на-Дону. В 1917 году был призван в русскую армию, рядовой. В 1918 году поступил на службу в Красную Армию. В годы Гражданской войны воевал против повстанческих отрядов С.Н. Булак-Булаховича, А.С. Антонова, в Чечне и Дагестане в должности военкома снабжения бригады, комиссара кавалерийского полка. Пять раз был ранен. В 1927 году прошел обучение на Курсах усовершенствования командного состава, после чего командовал кавалерийским эскадроном и был помощником командира кавалерийского полка по хозяйственной части. С 1932 года — командир и комиссар кавалерийского полка, с 1937 года — командир кавалерийской дивизии. С 1938 года — преподаватель тактики Курсов усовершенствования командного состава РККА. С 1940 года — командир 4-й стрелковой дивизии. Участник советско-финляндской войны. С июня 1940 года — командир 6-го стрелкового корпуса, с июля 1940 года — командующий войсками 6-й армии Киевского Особого военного округа. В начале Великой Отечественной войны армия встретила противника северо-западнее Львова. Боевые действия в полосе 6-й армии начались для ее командования, командиров подчиненных соединений и частей внезапно. Ввод в сражение войск армии начался с утра 22 июня и происходил по частям. Попытки удержания отдельных поспешно занятых оборонительных рубежей не увенчались успехом, после чего был начат отход войск в юго-восточном направлении. Армейские контрудары не проводились, а попытки организовать оборону на рубежах отхода также не дали существенных результатов. В июле 1-я

танковая группа Клейста, вклинившись в советскую оборону, начала теснить войска 6-й армии в южном направлении. В конце месяца уцелевшие войска 6-й и 12-й армий были сведены в одну боевую группу под командованием генерала П.Г. Понеделина, которую командование Юго-Западного фронта передало Южному фронту, но тот уже не мог принять управление. 3 августа части боевой группы были окружены в районе Умани и разгромлены противником. И.Н. Музыченко был пленен. Содержался в тюрьме г. Ровно, затем в лагерях для военнопленных в гг. Владимир-Волынский, Хамельбург, Гольштейн, Мосбург. Освобожден американскими войсками 29 апреля 1945 года, направлен в советскую миссию по делам репатриации в Париж. С мая по декабрь 1945 года проходил спецпроверку НКВД в Москве. В конце года восстановлен на действительной службе и направлен на учебу на Высшие академические курсы в Высшую военную академию имени К.Е. Ворошилова. После окончания курсов был зачислен в распоряжение Главного управления кадров НКО, а в октябре 1947 года отправлен в отставку. Генерал-лейтенант. Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени. Умер 8 декабря 1970 года в Москве.

Огурцов Сергей Яковлевич. Родился в 1898 году. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. С 1940 года — генерал-майор, командир 10-й танковой дивизии (начальник штаба полковник Породенко). В начале августа 1941 года в бессознательном состоянии был пленен в районе Умани. Был доставлен в лагерь для военнопленных в Замостье. Когда из Замостья пленных перевозили в лагерь Хаммельсбург, на ходу поезда смог выпрыгнуть из вагона. Вскоре он примкнул к партизанскому отряду под командой Менжевидзе, действовавшему на территории Польши. Погиб в бою под Томашувом

в октябре 1942 года. Похоронен у села Зелено Томашувского района Люблинской области (Польша).

Понеделин Павел Григорьевич. Родился 16 марта 1893 года в деревне Парниково Ивановской области. В русской армии с 1914 года. В 1916 году окончил 4-ю Московскую школу прапорщиков. Прапорщик. В Красной Армии с 1918 года. Воевал на Восточном, Южном и Западном фронтах в должности командира полка и бригады. Был награжден двумя орденами Красного Знамени. После окончания Гражданской войны поступил на учебу в Военную академию РККА (Военную академию имени М.В. Фрунзе), которую окончил в 1926 году. Был назначен командиром дивизии, но в октябре 1927 года переведен преподавателем в Военную академию имени М.В. Фрунзе. С 1933 года — командир и комиссар стрелковой дивизии. С февраля 1934 года — начальник и военком Ленинградского пехотного училища. В советско-финляндскую войну командовал стрелковой дивизией. С июня 1940 года — начальник штаба Ленинградского военного округа. С марта 1941 года — командующий 12-й армией Киевского Особого военного округа. С началом Великой Отечественной войны войска армии прикрывали государственную границу в районе Станислава. В течение первых трех дней войны противник особой активности перед фронтом 12-й армии не проявлял. Это позволило войскам армии выдвинуться в свои полосы и перейти к их обороне. Однако управление соединениями штабом армии было утеряно. 24 июня на ровенском направлении противник прорвал фронт обороны 5-й и 6-й армий, ввел для развития успеха подвижные войска, которые стали стремительно наступать в направлении Бердичев, Первомайск, в результате чего ряд армий южного крыла советско-германского фронта были окружены. Остатки войск 12-й и 26-й армий были сведены в оперативную группу

под командой П.Г. Понеделина, которую Юго-Западный фронт постарался передать Южному фронту, но Южный фронт не смог организовать боевые действия этих войск. В конце июня 1941 года группа Понеделина была окружена под Уманью, а в начале августа уничтожена. Сам генерал-майор П.Г. Понеделин был взят в плен. 16 августа 1941 года был издан приказ СВГ № 270 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия». В этом приказе в качестве негативного примера приводилось поведение Понеделина. Там было записано: «Генерал-лейтенант (генерал-майор. — *Авт.*) Понеделин, командовавший 12-й армией, попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике, струсил и сдался в плен врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги». Содержался в лагерях для военнопленных Канельбург, Нюрнберг, Вейсенберг. В мае 1945 года был освобожден союзниками, передан для репатриации в Париж. Находился в следственной тюрьме НКВД по обвинению в капитуляции войск 6-й и 12-й армий и предоставлении противнику сведений по этим армиям. Следствие велось пять лет. В августе 1950 года осужден, лишен воинского звания, наград и расстрелян. Реабилитирован в 1956 году, восстановлен в звании генерал-майора. Награжден орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени.

Потапов Михаил Иванович. Родился 3 октября 1902 года в селе Мочалово Смоленской области. В Красную Армию вступил в 1920 году. Затем он поступил на командные кавалерийские курсы, которые окончил в 1922 году. Командовал взводом, эскадроном. С 1925 года, после окончания химиче-

ских курсов, начальник химической службы полка, затем — начальник полковой школы. С 1930 года — временно исполняющий обязанности начальника штаба полка. После окончания Военной академии механизации и моторизации РККА в 1936 году назначен командиром механизированного полка. С 1939 года — командир танковой бригады, с июня — заместитель командующего 1-й армейской группой, которая участвовала в боях на реке Халхин-Гол. С июня 1940 года — командир 4-го механизированного корпуса, где близко познакомился с Г.К. Жуковым. 17 января 1941 года назначен командующим 5-й армией Киевского Особого военного округа. В начале Великой Отечественной войны войска 5-й армии участвовали в приграничных сражениях южнее Бреста. Затем они отступали до Киева, участвовали в Киевской оборонительной операции, попали в окружение. При выходе из окружения М.И. Потапов в сентябре 1941 года в 15 километрах юго-восточнее Лохвицы был взят в плен. По результатам допроса бывшего командующего 5-й армией офицер специального отдела абвера при командовании 2-й германской армии Б. Федриготти 28 сентября 1941 года писал в своем донесении: «Командующий русской 5-й армией генерал-майор Потапов представляет собой личность, которой нельзя отказать в почти солдатской выправке». Далее генерал М.И. Потапов честно и довольно смело отвечал на вопросы, связанные с ролью в армии комиссаров, о своем отношении к репрессиям государства против семей пленных офицеров. Он подтвердил высокую популярность среди советских военнослужащих высших военачальников РККА, заявив, что «даже в случае неудач Тимошенко, Ворошилов и Буденный пользуются столь большим авторитетом, что их смещение было бы невозможно уже только в силу их популярности». В отношении М.Н. Тухачевского М.И. Потапов заявил, что тот

«был хорошим военачальником, но никогда не был популярным. Все же правильно, что западные страны придерживаются мнения, что расстрел Тухачевского и его приверженцев пробил огромную брешь в русском военном руководстве. Правда, эту брешь снова удалось ликвидировать». В конце допроса М.И. Потапов заявил, что Германия ведет «империалистическую войну против друга». М.И. Потапов был освобожден из плена 29 апреля 1945 года советскими войсками. После войны в 1946 году он был направлен на Высшие академические курсы Высшей военной академии (ныне — Военная академия Генерального штаба). С 1947 года — помощник командующего войсками 6-й гвардейской механизированной армии. С 1953 года — командующий бронетанковыми и механизированными войсками армии. С 1954 года — командующий 5-й армией. С 1958 года — первый заместитель командующего войсками Одесского военного округа. Генерал-полковник. Награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, иностранными орденами. Скончался 26 января 1965 года в Москве.

Прохоров Василий Иванович. Родился в 1898 году. В Красной Армии с 1919 года. Окончил Нижегородские курсы красных командиров. В Гражданскую войну командовал взводом, ротой. После окончания войны окончил курсы «Выстрел», в 1937 году — Военную академию имени М.В. Фрунзе. Назначен командиром 135-й стрелковой дивизии, во главе которой участвует в походе в Западную Украину. С 1940 года — командир 80-й ордена Ленина стрелковой дивизии. Участник советско-финляндской войны, награжден орденом Красного Знамени. С июня 1940 года генерал-майор. Был захвачен в плен в районе Умани в начале августа 1941 года. Умер в лагере осенью 1943 года.

Пуркаев Максим Алексеевич. Родился 14 (26) августа 1894 года в селе Налитово в Мордовии в семье военного врача. Окончил классическую гимназию. В 1915 году призван на военную службу. После завершения учебы в школе прапорщиков направлен командиром взвода в 164-й запасный стрелковый полк в город Сарапул. В марте 1917 года избран в полковой комитет. С мая 1918 года в РККА. Командир стрелковой роты, затем батальона на Восточном фронте. Участвовал в боях за Симбирск, Самару, Бугуруслан, Орск. С августа 1919 года помощник командира, спустя месяц — командир полка 24-й Самарской Железной дивизии на Южном и Западном фронтах. Аттестован как «грамотный, инициативный, решительный в действиях, волевой начальник, пользующийся деловым авторитетом среди подчиненных». В 1923 году окончил курсы «Выстрел», в 1936 году — Военную академию имени М.В. Фрунзе. Командир и комиссар полка, помощник начальника и начальник штаба дивизии, начальник отдела и заместитель начальника штаба военного округа. С 1938 года командир стрелковой дивизии. Спустя год назначен начальником штаба Белорусского военного округа, генерал-майор. В 1939 году военный атташе в Германии. С июля 1940 года начальник штаба Киевского Особого военного округа. По отзыву И.Х. Баграмяна (тогда начальника оперативного отдела штаба), «сослуживцы считали его суховатым, но уважали за ровность характера и высокую эрудированность. Он по праву считался крупным знатоком штабной работы, особенно хорошо знал службу войск и организационно-мобилизационную работу». И далее: «прекрасно знающий свое дело, очень организованный, пунктуальный, весьма выдержанный, трудолюбивый и отзывчивый военачальник». С января 1941 года генерал-лейтенант. В годы Великой Оте-

чественной войны начальник штаба Юго-Западного фронта (июнь — июль 1941 года), командующий 60-й (3-й ударной) армией, действовавшей в составе Северо-Западного и Калининского фронтов, командующий войсками Калининского фронта. Под его руководством войска успешно решали задачи в Торопецко-Холмской и Великолукской операциях, за что удостоен звания генерал-полковника. С апреля 1943 года командующий войсками Дальневосточного, со 2 августа 1945 года — 2-го Дальневосточного фронтов. С 26 октября 1944 года генерал армии. Проделал большую работу по подготовке и проведению операции по разгрому японских войск в Маньчжурии, а также по освобождению Южного Сахалина и Курильских островов. В послевоенные годы Максим Алексеевич — командующий войсками Дальневосточного военного округа (сентябрь 1945 — январь 1947 года), начальник штаба — первый заместитель главнокомандующего войсками Дальнего Востока. С июля 1952 года начальник Управления высших военно-учебных заведений Военного министерства СССР. Под его руководством проводилась реформа военных академий и училищ с учетом сокращения численности Советских Вооруженных Сил и их перевооружения. Кавалер восьми орденов СССР, в том числе Суворова 1-й степени и Кутузова 1-й степени. Умер 1 января 1953 года в Москве.

Тимошенко Семен Константинович. Родился 6 (18) февраля 1895 года в селе Фурманка Бессарабской губернии. С декабря 1914 года на военной службе. Закончил полковую и пулеметную школу. Участник боевых действий на Юго-Западном и Западном фронтах в составе 4-й кавалерийской дивизии, кавалер трех Георгиевских медалей. С марта 1918 года в РККА, командир сабельного взвода, кавалерийского эскадрона, отдельного кавалерийского отряда, 1-го Крымского революционного

полка, кавалерийской бригады. С октября 1919 года возглавил 6-ю, затем 4-ю кавалерийские дивизии 1-й Конной армии. В декабре 1921 — марте 1922 года слушатель Высших курсов Военной академии РККА. С 1925 года командир 3-го кавалерийского корпуса. В последующие годы командир армейской группы, помощник командующего войсками Белорусского военного округа по кавалерии, дважды (в 1927 и 1930 годах) слушатель курсов высшего командного состава. С лета 1937 года командующий Северо-Кавказского, затем Харьковского, Киевского военных округов, с 1935 года комкор, с 1937 года командарм 2-го ранга, с 1939 года — командарм 1-го ранга. В сентябре—ноябре 1939 года командующий войсками Украинского, в январе—марте 1940 года — Северо-Западного фронтов. С 7 мая 1940 года председатель Главного военного совета Красной Армии. С начала Великой Отечественной войны председатель Ставки Главного командования. С июля 1941 года командующий войсками Западного фронта, затем главнокомандующий Западного, с сентября — Юго-Западного направлений. В июне 1942 — марте 1943 года командующий войсками Юго-Западного, Сталинградского, Северо-Западного фронтов. С марта 1943 года представитель Ставки ВГК на фронтах Южного и Прибалтийского направлений. После окончания войны командующий военными округами, председатель Советского комитета ветеранов войны. Большой вклад сделал в решение задач при переходе Советских Вооруженных Сил с организации военного времени. Председатель комиссии по демобилизации армии и флота. Дважды Герой Советского Союза (1940, 1965), кавалер трех Георгиевских крестов, шестнадцати советских и иностранных орденов, в том числе ордена «Победы». Скончался 31 марта 1970 года. Его прах покоится в Кремлевской стене на Красной площади в Москве.

Ткаченко Семен Акимович. Родился 24 мая 1898 года в деревне Плахтиевка, Таращанского района Днепропетровской обл. В 1919 году добровольно вступил в Красную Армию. Всю Гражданскую войну служил в 51-й Перекопской дивизии: рядовой, командир взвода, командир роты, командир батальона. В 1927 году окончил Высшую военную школу командиров в городе Киеве. В 1934 году окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. По окончании был направлен в Белорусский военный округ. Был командиром 79-го стрелкового полка, 27-й стрелковой дивизии, полковник. В январе 1940 года назначен командиром 44-й Краснознаменной дивизии. Вместе с дивизией принимал участие в Финской кампании. Член ВКП(б) с 1920 года. В 1920 году награжден орденом Красного Знамени. В 1921 году награжден вторым орденом Красного Знамени, в 1938 году награжден медалью «XX лет РККА». С 7 мая 1940 года — генерал-майор, командир 44-й горнострелковой дивизии. В начале Великой Отечественной войны дивизия отходила в направлении Станислав, Бучат, Чертков, Гусятин, Христиновка, Умань к Подвысокому. За бой под городом Липовец был представлен к ордену Ленина. 7 августа осколками снаряда был ранен в правую руку и голову, но командовал дивизией до того момента, когда поступил приказ группами и в одиночку выходить из окружения. Попал в плен под Голованевском. Из лагеря в Гайсине был отпущен, как украинец. Начал пробираться к Киеву. Устроился работать в местечке Узин, в совхозе. Кто-то его выдал, и он был арестован фельджандармерией 6-й полевой армии. Там его «рассекретили», опознав в нем генерала Красной Армии. Был в разных лагерях: Хаммельбург, Пладен, Хоэнштейн, Заксенхаузен, откуда пытался организовать побег. Был схвачен гестапо и расстрелян в апреле 1945 года.

По данным дочери — был в подполье в Малине, потом партизанил.

Тюленев Иван Владимирович. Родился 16 (28) января 1892 года в селе Шатрошаны Симбирской губернии. В мае 1913 года был призван в армию, в 5-й драгунский Каргопольский полк. Участник Первой мировой войны. Награжден четырьмя Георгиевскими крестами. В 1916 году окончил школу прапорщиков. В марте 1917 года член Петроградского совета, с ноября — красногвардеец, командир отряда на Восточном фронте. В декабре 1918 года направлен на учебу в Академию генерального штаба РККА. В 1919 году начальник разведки 1-й Конной армии, затем командир кавалерийской бригады. Трижды ранен. За бои на Польском фронте и в Северной Таврии награжден двумя орденами Красного Знамени. В послевоенные годы окончил Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава и Курсы командиров-единоначальников. В 1922—1936 годах командир кавалерийской дивизии, инспектор кавалерии Закавказского военного округа, заместитель главного инспектора кавалерии РККА. С 1938 года командующий войсками Закавказского военного округа, командарм 1-го ранга. В августе 1940 года назначен командующим войсками Московского военного округа с присвоением звания генерала армии. Внес существенный вклад в подготовку резервных формирований и совершенствование системы противовоздушной обороны столицы. С началом Великой Отечественной войны командующий войсками Южного фронта. Руководил оборонительными действиями и отходом войск на рубеж реки Днестр, затем — реки Ингулец, проведением ряда контрударов. 29 августа, находясь в боевых порядках, атакующих противника, был тяжело ранен и эвакуирован в Москву. С 20 октября по приказу Верховного

Главнокомандующего занимался формированием и подготовкой резервных соединений в Поволжье и на Урале. С января 1942 года заместитель главнокомандующего войсками Юго-Западного направления. Участвовал в проведении Барвенково-Лозовской наступательной операции. Награжден орденом Красного Знамени. С 4 марта командующий войсками Закавказского военного округа. С мая и до конца войны командующий войсками Закавказского фронта, остановившего противника на реке Терек, в последующем освободившего от противника предгорье Кавказа и часть Кубани. После войны командующий войсками Харьковского военного округа. С июля 1946 года в центральном аппарате Министерства обороны. С мая 1958 года военный инспектор-советник. Герой Советского Союза, кавалер семнадцати советских и иностранных орденов, в том числе ордена Кутузова 1-й степени. Награжден почетным оружием. Скончался 15 августа 1978 года, похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Фалалеев Федор Яковлевич. Родился 19 (31) мая 1899 года в деревне Полянская Вятской губернии в крестьянской семье. Образование получил в сельской школе. В 1917—1918 годах работал на Ижевском оружейном заводе. С осени 1918 года член РКП(б). С лета 1919 года в РККА. Красноармеец, политрук роты, секретарь политического отдела стрелковой дивизии, инспектор пехоты 13-й армии на Южном фронте, помощник командира кавалерийской группы Восточного фронта по политической части. Дважды ранен в боях с колчаковцами. С 1922 года помощник комиссара 4-й Киевской артиллерийской школы, затем военный комиссар Полтавской пехотной школы, комиссар стрелкового полка. В 1928 году окончил курсы «Выстрел», в 1931 году — Курсы командиров при Военно-политической академии, в 1933 году — Качин-

скую военную школу летчиков, в 1934 году — командный факультет Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского. В 1928—1930 годах командир стрелкового батальона, командир стрелкового полка. С 1935 года командир авиационной эскадрильи, командир 116-й авиационной бригады. В 1938 году назначен командующим военно-воздушными силами 3-й армии, спустя год — командующим Витебской авиационной группы. С 1940 года командующий военно-воздушными силами 1-й Отдельной Краснознаменной армии. С января 1941 года главный инспектор авиации, генерал-майор авиации. С апреля того же года первый заместитель начальника Главного управления ВВС РККА. В годы Великой Отечественной войны командующий ВВС 6-й армии, командующий ВВС Юго-Западного фронта, командующий ВВС Юго-Западного направления, генерал-лейтенант авиации. Осенью 1942 года назначен начальником штаба — заместителем командующего ВВС Красной Армии, генерал-полковник авиации. С весны 1943 года представитель Ставки ВГК по авиации при подготовке и проведении операций под Курском, по освобождению Украины, Белорусской, Прибалтийской и Восточно-Прусской операций. С 1944 года маршал авиации. По оценке Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, «внес немалый вклад в совершенствование способов применения авиации на поле боя». В послевоенные годы Федор Яковлевич главный инспектор по авиации Министерства обороны СССР, начальник Военно-воздушной академии. Под его руководством был осуществлен переход к подготовке командных кадров Военно-воздушных сил страны на базе новой авиационной техники и вооружения. С мая 1950 года в отставке по болезни. Кавалер десяти орденов СССР, в том числе двух орденов Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й сте-

пени, Суворова 2-й степени. Автор мемуаров, значительного количества статей по вопросам применения авиации в новых условиях ведения вооруженной борьбы, а также подготовки командных и инженерных кадров для Военно-воздушных сил. Скончался 12 августа 1955 года, похоронен в Москве.

Федюнинский Иван Иванович. Родился 17 (30) июля 1900 года в деревне Гилево Екатеринославской губернии в крестьянской семье. В РККА с 1919 года, красноармеец, участник Гражданской войны на Южном и Западном фронтах. В 1924 году окончил Владивостокскую пехотную школу, в 1931 году — курсы «Выстрел», в 1941 году — Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии Генерального штаба. Командир стрелкового взвода, во время конфликта на КВЖД в 1929 году командир стрелковой роты 106-го Сахалинского стрелкового полка 36-й стрелковой дивизии, затем командир стрелкового батальона этого полка. С лета 1938 года заместитель командира 108-го Белореченского полка, спустя три месяца командир 24-го мотострелкового полка в боях у реки Халхин-Гол. Был тяжело ранен. За умелое руководство войсками и личное мужество присвоено звание Героя Советского Союза, награжден орденом Красного Знамени Монгольской Народной Республики. С осени 1939 года командир 82-й мотострелковой дивизии. В апреле 1941 года назначен командиром 15-го стрелкового корпуса 5-й армии Киевского Особого военного округа, генерал-майор. Во время Великой Отечественной войны командир стрелкового корпуса, командующий 32-й, 42-й, 54-й, 5-й, 11-й и 2-й ударной армий, заместитель командующего войсками Волховского и Брянского фронтов, командующий войсками Ленинградского фронта, генерал-лейтенант. Участник приграничных сражений, битв за Ленинград и под

Москвой, сражений под Курском, Прибалтийской, Восточно-Прусской, Восточно-Померанской и Берлинской наступательных операций. По оценке Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского, «способный организатор, хорошо знающий военное дело, решительный и инициативный военачальник, умеющий быстро и всесторонне оценивать обстановку, проявляющий большую заботу о подчиненных». В послевоенные годы Иван Иванович заместитель, затем первый заместитель командующего Группой советских войск в Германии, генерал-полковник. После окончания Высших академических курсов при Военной академии Генерального штаба командующий войсками Архангельского, Закавказского и Туркестанского военных округов. С 1955 года генерал армии. Внес значительный вклад в перевооружение соединений и частей техникой и оружием, в разработку теории и практическое применение сил и средств в условиях применения оружия массового поражения. С 1965 года инспектор-советник Группы генеральных инспекторов. Кавалер пятнадцати орденов СССР, в том числе двух орденов Суворова 1-й степени и двух орденов Кутузова 1-й степени. Герой Монгольской Народной Республики. Скончался 17 октября 1977 года. Похоронен в Москве.

Черевиченко Яков Тимофеевич. Родился 30 сентября (12 октября) 1894 года в крестьянской семье в селе Новоселовка ныне Ростовской области. В 1914 году призван на военную службу. Участвовал в сражениях Первой мировой войны на Северном и Северо-Западном фронтах рядовым, затем старшим унтер-офицером. Награжден Георгиевскими крестами трех степеней. С ноября 1917 года в Красной гвардии, с весны следующего года в РККА. Окончил кавалерийские курсы, Высшую кавалерийскую

школу, Военно-политические курсы, Военную академию имени М.В. Фрунзе. В годы Гражданской войны командир взвода, эскадрона, помощник командира и командир кавалерийского полка на Южном и Юго-Западном фронтах. С 1927 года помощник командира, спустя год — командир 31-й кавалерийской дивизии. С марта 1938 года командир 3-го кавалерийского корпуса, с июня 1940 года — командующий армейской кавалерийской группы в Киевском военном округе. Спустя месяц назначен командующим войсками Одесского военного округа, генерал-полковник. Инициатор ряда мероприятий по подготовке подчиненных соединений и частей к отражению вторжения германских и румынских войск, в результате чего большинство приграничных формирований своевременно вышли в назначенные районы по плану прикрытия государственной границы. Во время Великой Отечественной войны руководил оборонительными сражениями на южном крыле советско-германского фронта, будучи командующим 9-й и 24-й армиями, войсками Южного и Брянского фронтов, Черноморской группой войск, заместителем командующего войсками Крымского, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов. В сентябре — декабре 1943 года командующий Харьковским военным округом. С января 1944 года в распоряжении Ставки ВГК, затем — Военного совета 1-го Белорусского фронта. Принял активное участие в подготовке и проведении Берлинской операции. В последующем помощник командующего войсками Таврического военного округа. С 1950 года в запасе. Награжден десятью орденами СССР, в том числе орденами Кутузова 1-й степени и Суворова 2-й степени. Скончался 4 июля 1976 года в Москве, где и похоронен.

СНОСКИ И ССЫЛКИ ПО ТЕКСТУ

Если завтра война

[1] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Накануне. Кн. 2. М., 1995. С. 49—54.

[2] ЦАМО, ф. 15, оп. 11600, д. 1062, л. 85.

[3-4] *Баграмян И.Х.* Так начиналась война. С. 49—50.

[5] *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 2000. С. 31—32.

[6] *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. С. 263.

[7] Подсчитано по: ЦАМО, ф. 16 «а», оп. 2951, д. 622, л. 1—2.

[8] *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. С. 261.

[9] *Баграмян И.Х.* Так начиналась война. С. 67.

Группа армий «Юг»

[1] «Совершенно секретно! Только для командования!» М., 1967. С. 68.

[2] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3, кн. 1. С. 568—588.

[3] *Митчем С.* Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. М., 1998. С. 145—170.

[4] *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 217.

[5] *Митчем С.* Танковые легионы Гитлера. М., 2009. С. 142—187.

Армии прикрытия государственной границы

[1] ЦАМО. Ф. ОП ОТД КВО, оп. 9776, д. 9, л. 51.

[2] *Кудряшов О.Н., Романичев Н.М.* Боевые действия советских войск в начальном периоде Великой Отечественной войны. М.: Военная академия имени М.В. Фрунзе. 1989. С. 24—16.

[3] *Владимирский А.В.* На киевском направлении. М.,1989. С. 52—53.

[4] ЦАМО, ф. 15, оп. 881474, д. 12. С. 165—166.

[5] ЦАМО, ф. 15, оп. 178612, д. 50, л. 111—115.

[6] ЦАМО, ф. 15. оп. 88147, д. 12. С. 143—147.

[7] ЦАМО, ф. 15. оп. 1786, д. 50. л. 79—86.

[8] ЦАМО, ф. 15, оп. 881474, д. 12, л. 47—49.

21 июня 1941 года

[1] *Белов Н.* Я был адъютантом Гитлера. Пер. с нем. Смоленск: Русич, 2003. С. 334—345.

[2] *Гальдер Ф.* Военный дневник, т. 3, кн. 1. С. 580—583.

[3] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. С. 208.

[4] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. С. 243—244.

[5] Там же.

[6] *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 93.

[7] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. С. 242.

[8] *Кузнецов Н.Г.* Накануне. М., 1989. С. 366.

[9] *Кузнецов Н.Г.* Накануне. С. 368—372.

[10] *Горьков Ю.А.* Кремль, Ставка, Генштаб. Тверь, 1995. С. 254—255.

[11] *Баграмян И.Х.* Так начиналась война. С. 67—69.

[12] *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. С. 263.

[13] *Баграмян И.Х.* Так начиналась война. С. 85.

[14] *Болдин И.В.* Страницы жизни. М., 1961. С. 81—82.

22 июня 1941 года

[1] *Белов Н. Я* был адъютантом Гитлера. С. 345.

[2] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. С. 26—29.

[3-4] *Г. Гудериан.* Воспоминания солдата. С. 209—210.

[5] *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 85, 86.

[6] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. — С. 246.

[7] *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 93.

[8] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. С. 247.

[9] 1941 год — Опыт планирования и применения Военно-Воздушных Сил, уроки и выводы. С. 39.

[10] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. С. 246—248.

[11] Правда Виктора Суворова-2. М., 2007. С. 18—21.

[12] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. С. 249.

[13] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. С. 251.

[14] ЦАМО, ф. 208, оп. 2513, д. 9, л. 444.

[15]. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. С. 250—251.

[16] *Мерецков К.А.* На службе народу. С. 196.

[17] *Баграмян И.Х.* Так начиналась война. С. 90.

[18] ЦАМО, ф. 229, оп. 164, д. 50, л. 10.

[19] ЦАМО, ф. 229, оп. 164, д. 50, л. 4.

[20] *Грецов М.Д.* На Юго-Западном направлении. С. 180.

[21] ЦАМО, ф. 229, оп. 111, д. 112, л. 5.

[22] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. С. 262.

[23] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. С. 26—27.

Армейские и фронтовой контрудары

[1] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3, кн. 1. С. 33—38, 41—67.

[2] *Владимирский А.В.* На киевском направлении. М.: Воениздат, 1989. С. 77—92.

[3] *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. С. 43.

[4] *Богданов П.П., Проэктор Д.М.* Военно-политическая обстановка к началу Великой Отечественной войны. Приграничные сражения и бои (июнь 1941 года). М.: ВАФ, 1958. С.80—83.

[5] ЦАМО, ф. 334, оп. 5307, д. 7 «а», л. 18—20.

[6] ЦАМО, ф. 48а, оп. 3408, д. 15, л. 46.

[7] ЦАМО, ф. 48а, оп. 3408, д. 23, л. 146.

[8] *Баграмян И.Х.* Так начиналась война. С. 137—138.

[9-10] *Рябышев Д.И.* Первый год войны. С. 21—22.

[11] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. С. 258—259.

[12] Там же.

[13] *Алексеев П.Д., Маковский В.Б.* Основные причины неудачного завершения первых армейских оборонительных операций в начале Великой Отечественной войны. М.: Военная академия имени М.В. Фрунзе, 1993. С. 43.

[14] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. С. 252, 260—261.

[15] Составлено на основании ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 235, лл. 86—109; д. 243, лл. 228—230; д. 253, лл. 47—50; д. 262, лл. 81—95.

[16] ЦАМО, ф. 15, оп. 11600, д. 1062, л. 85.

[17] *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. С. 268—278.

[18] ЦАМО, ф. 15, оп. 881474, д. 12, лл. 47—49.

[19] ЦАМО, ф. 15, оп. 881474, д. 12, лл. 51—53.

[20] Военно-исторический журнал. 1960, № 3, с. 28.

[21] *Киселев В.Н., Романичев Н.М.* Последствия оценок (действия Южного фронта в начальном периоде Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1989. № 7. С. 1421.

[22] *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М. 2000. С.51.

Уманская бойня

[1] *Хизенко И.А.* Ожившие страницы. С. 73.

[2] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. С. 214—215.

[3] *Штеец Г.* Горные егеря под Уманью. Гайдельберг, 1955. С. 108.

[4] *Хизенко И.А.* Ожившие страницы. С. 80.

[5] *Штеец Г.* Горные егеря под Уманью. С. 142.

[6] *Хизенко И.А.* Ожившие страницы. С. 81—82.

[7] *Штеец Г.* Горные егеря под Уманью. С. 248—149.

[8] *Грецов М.Д.* На юго-западном направлении. С. 113.

[9] *Хизенко И.А.* Ожившие страницы. С. 83.

[10] *Штеец Г.* Горные егеря под Уманью. С. 152.

[11] *Долматовский Е.А.* Зеленая Брама. С. 226.

[12] *Хизенко И.А.* Ожившие страницы. С. 83.

[13] *Чернявский К.И.* Всегда с бойцами. С. 72—76.

[14] *Штеец Г.* Горные егеря под Уманью. С.161.

[15] *Штеец Г.* Горные егеря под Уманью. С. 167.

[16] *Хизенко И.А.* Ожившие страницы. С. 84—87.

[17] *Чернявский К.И.* Всегда с бойцами». С. 76—79.

[18] *Штеец Г.* Горные егеря под Уманью. С. 173.

[19] *Штеец Г.* Горные егеря под Уманью. С. 175—176.

Киевский котел

[1] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. кн. 1. С. 296.

[2] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск, 1999. С. 267.

[3] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3, кн. 2. С. 298.

[4] Составлена на основании: Военная энциклопедия. Т. 4. М., 1977. С. 161; Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. Т. 1. С. 212—214.

[5] Киевский Краснознаменный. Краткий очерк истории Краснознаменного Киевского военного округа 1919—1968. Киев, 1969. С. 237.

[6] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3, кн. 1. С. 327—329, 332.

[7] *Грецов М.Д.* На Юго-Западном направлении. С. 183.

[8] *Грецов М.Д.* На Юго-Западном направлении. С. 222—224.

[9] *Грецов М.Д.* На Юго-Западном направлении. С. 225.

[10] *Грецов М.Д.* На Юго-Западном направлении. С. 226—227.

[11] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3, кн. 1. С. 342.

[12] *Грецов М.Д.* На Юго-Западном направлении. С. 232.

[13] *Грецов М.Д.* На Юго-Западном направлении. С. 235.

[14] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 23, кн. 1. С. 348, 350.

[15] *Грецов М.Д.* На Юго-Западном направлении. С. 236.

[16] *Баграмян И.Х.* Город-воин на Днепре. М., 1965. С. 145—152.

[17] ЦАМО, ф. 48«а», оп. 3408, д. 225, л. 1—2.

[18] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3, кн. 1. С. 360—361.

[19] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 361—362, 363, 366.

Одесская и Каховская оборонительные операции

[1] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3, кн. 1. С. 152.

[2] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3, кн. 1. С. 210.

[3] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3, кн. 1. С. 260.

[4] История военного искусства. Т. 2. М., 1961. С. 142.

[5] *Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К.* Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М., 1910. С. 704—705.

[6] *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 68—69.

Удар на Ростов

[1] *Грецов М.Д.* На Юго-Западном направлении. С. 271.

[2] ЦАМО, ф. 500, оп. 12454, д. 165. Л. 1; Bundesarchiv RW, 6/V. 556, ss. 40—42, 46, 48; Россия в войнах XX века. Потери вооруженных сил. С. 424.

[3] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. кн. 2. С. 59—62.

[4] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3, кн. 2. С. 88.

Катастрофа в Крыму

[1] *Манштейн* Э. Утерянные победы. С. 224.

[2] *Манштейн* Э. Утерянные победы. С. 230—232.

[3] *Манштейн* Э. Утерянные победы. С. 236, 245, 248, 252.

[4] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3, кн. 2. С. 243, 244, 246.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
Если завтра война 11
Группа армий «Юг» 42
Армии прикрытия государственной границы 58
21 июня 1941 года 83
22 июня 1941 года 100
Армейские и фронтовой контрудары 138
Уманская бойня 180
Киевский котел 214
Одесская и Каховская оборонительные операции 238
Удар на Ростов 249
Катастрофа в Крыму 268
Заключение 291
ПРИЛОЖЕНИЯ 298
СНОСКИ И ССЫЛКИ ПО ТЕКСТУ 378

Литературно-художественное издание
1418 дней Великой войны

Рунов Валентин Александрович

УДАР ПО УКРАИНЕ
Вермахт против Красной Армии

Выпускающий редактор *Г.Ю. Пернавский*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Верстка *И.В. Левченко*
Дизайн обложки *Е.А. Бессонова*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:
129337, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.
Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 21.07.2011. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 12. Тираж 2000 экз. Заказ № 3715.

Отпечатано с электронного оригинал-макета,
предоставленного издательством,
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
e-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

В. Рунов

УДАР ПО УКРАИНЕ

ВЕРМАХТ ПРОТИВ КРАСНОЙ АРМИИ

В плане гитлеровского руководства войны против СССР (план «Барбаросса») проведению операций на Украине отводилось особое место. Для обороны Украины советское командование также заблаговременно предприняло беспрецедентные соответствующие меры. Но по ряду причин они не дали положительного результата летом и осенью 1941 года.

В книге на основе архивных документов, воспоминаний участников, как с советской, так и с германской стороны, исследований отечественных и зарубежных военных историков, также профессионального знания предмета, автор предпринимает попытку ответить на этот актуальный вопрос.

ISBN 978-5-9533-5443-1

Вече
20 лет